

ЖЮЛЬ
ВЕРН

Пятнадцатилетний
капитан

ДЕТСКАЯ КЛАССИКА

Annotation

Вниманию читателей предлагается роман известного во всем мире французского писателя Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан», повествующий о приключениях юного капитана китобойной шхуны «Пилигрим» Дика Сэнда.

- [Жюль Верн](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)

- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
- [Глава двенадцатая](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
-

Жюль Верн

Пятнадцатилетний капитан

Часть первая

Глава первая

Шхуна «Пилигрим»

Второго февраля 1873 года топсельная шхуна «Пилигрим» находилась под 43°57 южной широты и 165°19 западной долготы от Гринвича. Это судно, водоизмещением в четыреста тонн, снаряженное в Сан-Франциско для охоты на китов в южных морях, принадлежало богатому калифорнийскому судовладельцу Джемсу Уэлдону; командовал судном уже много лет капитан Халл.

Джемс Уэлдон ежегодно отправлял целую флотилию судов в северные моря, за Берингов пролив, а также в моря Южного полушария, к Тасмании и к мысу Горн. «Пилигрим», хотя и один из самых маленьких кораблей флотилии, считался среди них одним из лучших. Ход у него был отличный. Превосходная, очень удобная оснастка позволяла ему с небольшой командой доходить до самой границы сплошных льдов Южного полушария. Капитан Халл умел лавировать, как говорят моряки, среди плавучих льдин, дрейфующих летом южнее Новой Зеландии и мыса Доброй Надежды, то есть на гораздо более низких широтах, чем в северных морях. Правда, это только небольшие айсберги, уже потрескавшиеся и размывтые теплой водой, и большая часть их быстро тает в Атлантическом или Тихом океанах.

На «Пилигриме» под началом капитана Халла, прекрасного моряка и одного из лучших гарпунщиков южной флотилии, находился экипаж из пяти матросов и одного младшего матроса. Этого было недостаточно, так как охота на китов требует довольно большого экипажа для обслуживания шлюпок и для разделки добытых туш. Но мистер Джемс Уэлдон, как и другие судовладельцы, считал, что гораздо выгоднее нанимать в Сан-Франциско лишь матросов, необходимых для управления кораблем. В Новой Зеландии не было недостатка в искусных гарпунщиках и матросах всех национальностей, безработных или просто сбежавших со своего корабля, всегда готовых наняться на один сезон. По окончании промыслового рейса они получали расчет и дожидались на берегу следующего года, когда их услуги снова могли понадобиться китобойным судам. При такой системе судовладельцы экономили немалые суммы на жалованье судовой команды и увеличивали свои доходы от промысла.

Именно так поступил и Джемс Уэлдон, снаряжая в плавание «Пилигрим».

Шхуна только что закончила китобойную кампанию вблизи Южного Полярного круга, но в ее трюмах оставалось еще много места для китового уса и немало бочек, не заполненных ворванью. Уже в то время китовый промысел был нелегким делом. Киты стали редкостью: сказывались результаты их беспощадного истребления. Настоящие киты, которых на севере называют гренландскими, а на юге австралийскими, начали исчезать, и охотникам приходилось промышлять полосатиков,^[1] охота на которых представляет немалую опасность.

Так же вынужден был поступить на этот раз и капитан Халл, но он рассчитывал пройти в следующее плавание в более высокие широты – если понадобится, вплоть до Земли Клери и Земли Адели, открытых, как это твердо установлено, французом Дюмоном-Дюрвилем на «Астролябии» и «Зеле», хотя это и оспаривает американец Уилкс.

В общем, «Пилигриму» в этом году не повезло. В начале января, в самый разгар лета в Южном полушарии, то есть задолго до конца промыслового сезона, капитану Халлу пришлось покинуть место охоты. Вспомогательная команда – сборище довольно темных личностей – вела себя дерзко, нанятые матросы отлынивали от работы, и капитан Халл вынужден был расстаться с ней.

«Пилигрим» взял курс на северо-запад, к Новой Зеландии, и 15 января прибыл в Вайтемату, порт Окленда, расположенный в глубине залива Хаураки на восточном берегу северного острова. Здесь капитан высадил китобоев, нанятых на сезон.

Постоянная команда «Пилигрима» была недовольна: шхуна недобрала по меньшей мере двести бочек ворвани. Никогда еще результаты промысла не были столь плачевны.

Больше всех недоволен был капитан Халл. Самолюбие прославленного китобоя было глубоко уязвлено неудачей: впервые он возвращался с такой скудной добычей; и он проклинал лодырей, неповиновение которых сорвало промысел.

Напрасно пытался он набрать в Окленде новый экипаж: все моряки были уже заняты на других китобойных судах. Пришлось, таким образом, отказаться от надежды пополнить груз «Пилигрима», и капитан Халл собирался уже уйти из Окленда, когда к нему обратились с просьбой принять на борт пассажиров – с просьбой, на которую он не мог ответить отказом. В это время в Окленде находились миссис Уэлдон, жена владельца «Пилигрима», ее пятилетний сын Джек и ее родственник, которого все называли «кузен Бенедикт». Джемс Уэлдон, который изредка посещал Новую Зеландию по торговым делам и привез туда их всех троих,

предполагал сам же и отвезти их в Сан-Франциско. Но перед самым отъездом маленький Джек серьезно занемог, и его отец, которого призывали в Америку неотложные дела, уехал, оставив в Окленде жену, заболевшего ребенка и кузена Бенедикта.

Прошло три месяца – три тяжких месяца разлуки, показавшихся бедной миссис Уэлдон бесконечно долгими. Постепенно маленький Джек оправился от болезни, и миссис Уэлдон уже могла уехать. Как раз в это время в Оклендский порт пришел «Пилигрим».

Дело в том, что для возвращения в Сан-Франциско миссис Уэлдон должна была сначала поехать в Австралию, чтобы там пересесть на один из трансокеанских пароходов компании «Золотой век», которые ходили из Мельбурна к Панамскому перешейку через Папеэте. Добравшись до Панамамы, она должна была ждать американского парохода, курсировавшего между перешейком и Калифорнией. Такой маршрут означал длительные задержки и пересадки, особенно неприятные для женщин, путешествующих с детьми. Поэтому, узнав о прибытии «Пилигрима», миссис Уэлдон обратилась к капитану Халлу с просьбой доставить ее в Сан-Франциско вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и Нэн – старухой негрятянкой, которая вынынчила еще саму миссис Уэлдон. Совершить путешествие в три тысячи лье^[2] на парусном судне! Но судно капитана Халла всегда содержалось в безукоризненном порядке, а время года было еще благоприятно для плавания по обе стороны экватора. Капитан Халл согласился и тотчас предоставил в распоряжение пассажирки свою каюту. Он хотел, чтобы во время плавания, которое должно было продлиться дней сорок – пятьдесят, миссис Уэлдон была окружена на борту китобойного судна возможно большим комфортом.

Таким образом, для миссис Уэлдон путешествие на «Пилигриме» представляло некоторые преимущества. Правда, плавание должно было несколько затянуться из-за того, что шхуне нужно было сначала зайти для разгрузки в порт Вальпараисо в Чили. Но зато после этого судну предстояло идти до самого Сан-Франциско вдоль американского побережья при попутных береговых ветрах.

Миссис Уэлдон, не раз делившая с мужем тяготы дальних странствий, была храбрая женщина, и море ее не пугало; ей было около тридцати лет, она отличалась завидным здоровьем и не боялась тягот и опасностей плавания на судне небольшого тоннажа. Она знала, что капитан Халл – отличный моряк, которому Джемс Уэлдон вполне доверяет, а «Пилигрим» – надежный быстроходный корабль и на отличном счету среди американских китобойных судов. Случай представился, надо было им воспользоваться. И

миссис Уэлдон им воспользовалась.

Разумеется, кузен Бенедикт должен был сопровождать ее.

Кузену было лет пятьдесят. Но несмотря на довольно солидный возраст, было бы неразумно выпускать его одного из дому. Скорее сухопарый, чем худой, не то чтобы высокий, но какой-то длинный, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу – таков был кузен Бенедикт. В этом долговязом человеке с первого взгляда можно было распознать одного из тех почтенных ученых, безобидных и добрых, которым на роду написано всегда оставаться взрослыми детьми, жить на свете лет до ста и умереть с младенческой душой.

«Кузен Бенедикт» – так его звали не только члены семьи, но и посторонние, и он действительно был из тех простодушных добряков, которые кажутся всеобщими родственниками, – кузен Бенедикт никогда не знал, куда ему девать свои длинные руки и ноги; трудно было найти человека более беспомощного и несамостоятельного даже в самых обыденных, житейских вопросах. Нельзя сказать, что он был обузой для окружающих, но он как-то ухитрялся стеснять каждого и сам чувствовал себя стесненным собственной неуклюжестью. Впрочем, он был неприхотлив, покладист, нетребователен, нечувствителен к жаре и холоду, мог не есть и не пить целыми днями, если его забывали накормить и напоить. Казалось, он принадлежит не столько к животному, сколько к растительному царству. Представьте себе бесплодное, почти лишенное листьев дерево, не способное ни приютить, ни накормить путника, но обладающее прекрасной сердцевинкой.

Таков был кузен Бенедикт. Он охотно оказывал бы услуги людям, если бы в состоянии был оказывать их.

И его все любили, несмотря на его слабости, а может быть, именно за них. Миссис Уэлдон смотрела на него как на своего сына, как на старшего брата маленького Джека.

Следует, однако, оговориться, что кузен Бенедикт не был ни лентяем, ни бездельником. Напротив, это был неутомимый труженик. Единственная страсть – естественная история – поглощала его целиком.

Сказать «естественная история» – значит сказать очень многое.

Известно, что эта наука включает в себя зоологию, ботанику, минералогию и геологию.

Однако кузен Бенедикт ни в какой мере не был ни ботаником, ни минералогом, ни геологом.

Был ли он в таком случае зоологом в полном смысле этого слова – кем-то вроде Кьюье^[3] Нового Света, аналитически разлагающим или

синтетически воссоздающим любое животное, одним из тех глубоких мудрецов, которые всю свою жизнь посвящают изучению тех четырех типов – позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых, – на какие современное естествознание делит весь животный мир? Изучал ли этот наивный, но прилежный ученый разнообразные отряды, подотряды, семейства и подсемейства, роды и виды этих четырех типов?

Нет!

Посвятил ли себя кузен Бенедикт изучению позвоночных: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб?

Нет и нет!

Быть может, его занимали моллюски? Быть может, головоногие и мшанки раскрыли перед ним все свои тайны?

Тоже нет!

Значит, это ради изучения медуз, полипов, иглокожих, губок, простейших и других представителей лучистых он до глубокой ночи жег керосин в лампе?

Надо прямо сказать, что не лучистые поглощали внимание кузена Бенедикта.

А так как из всей зоологии остается только раздел суставчатых, то само собой разумеется, что именно этот раздел и был предметом всепоглощающей страсти кузена Бенедикта.

Однако и тут требуется уточнение.

Суставчатых насчитывают шесть отрядов: насекомые, многоногие, паукообразные, ракообразные, усоногие, кольчатые черви.

Так вот, кузен Бенедикт, говоря научно, не сумел бы отличить земляного червя от медицинской пиявки, домашнего паука от лжескорпиона, морского желудя от креветки, кивсяка от сколопендры.

Кем же был в таком случае кузен Бенедикт?

Только энтомологом, и никем иным!

На это могут возразить, что энтомология уже по самому смыслу слова^[4] есть часть естественной истории, занимающаяся изучением всех суставчатых. Вообще говоря, это верно, но обычно в понятие «энтомология» вкладывается более ограниченное содержание. Этот термин применяется только для обозначения науки о насекомых, то есть суставчатых беспозвоночных, в теле которых различаются три отдела – голова, грудь и брюшко – и которые снабжены тремя парами ног, почему их и называли шестиногими.

Итак, кузен Бенедикт был энтомологом, посвятившим свою жизнь изучению только класса насекомых.

Но не следует заблуждаться, думая, что кузену Бенедикту нечего было делать. В этом классе насчитывается не менее десяти отрядов: прямокрылые (представители: кузнечики, сверчки и т. д.); сетчатокрылые (представители: муравьиные львы, мошки); перепончатокрылые (представители: пчелы, осы, муравьи); чешуекрылые (представители: бабочки); полужесткокрылые (представители: цикады, блохи); жесткокрылые (представители: майские жуки, бронзовки); двукрылые (представители: комары, москиты, мухи); веерокрылые (представители: стилопсы, или веерокрылы); паразиты (представители: клещи); низшие насекомые (представители: чешуйницы).

И среди лишь одних жесткокрылых насчитывается не менее тридцати тысяч разных видов, а среди двукрылых – шестьдесят тысяч,^[5] поэтому нельзя не признать, что работы для одного человека здесь больше чем достаточно.

Итак, жизнь кузена Бенедикта была посвящена безраздельно исключительно энтомологии.

Этой науке он отдавал все свое время: не только часы бодрствования, но также и часы сна, потому что ему даже во сне неизменно грезились насекомые. Невозможно сосчитать, сколько булавок было вколото в обшлага его рукавов, в отвороты и полы его пиджака, в его жилет, в поля его шляпы. Когда кузен Бенедикт возвращался домой с загородной прогулки, всегда предпринимавшей с научной целью, его шляпа представляла собой витрину с коллекцией самых разнообразных насекомых. Наколотые на булавки, они были пришпилены к шляпе как снаружи, так и изнутри.

Чтобы дорисовать портрет этого чудака, скажем, что он решил сопровождать мистера и миссис Уэлдон в Новую Зеландию исключительно ради того, чтобы удовлетворить свою страсть к новым открытиям в энтомологии. В Новой Зеландии ему удалось обогатить свою коллекцию несколькими редкими экземплярами, и теперь кузен Бенедикт с понятным нетерпением рвался назад, в Сан-Франциско, желая поскорее рассортировать драгоценные приобретения по ящикам в своем рабочем кабинете.

И так как миссис Уэлдон с сыном возвращались на «Пилигриме» в Америку, вполне понятно, что кузен Бенедикт ехал вместе с ними. Однако в случае какой-нибудь опасности миссис Уэлдон меньше всего могла рассчитывать на помощь кузена Бенедикта. К счастью, ей предстояло

совершить лишь приятное путешествие по морю, спокойному в это время года, и на борту судна, которое вел капитан, заслуживающий полного доверия.

В продолжение трех дней стоянки «Пилигрима» в Вайтемате миссис Уэлдон успела сделать все приготовления к отъезду. Она очень торопилась, так как не хотела задерживать отправление судна. Рассчитав туземную прислугу, которую наняла в Окленде, она 22 января перебралась на «Пилигрим» вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и старой негритянкой Нэн.

Кузен Бенедикт носил с собой в особой коробке всю свою драгоценную коллекцию. В этой коллекции, между прочим, хранилось несколько экземпляров жука стафилина – плотоядного жесткокрылого, с глазами, расположенными в верхней части головы, которого до этого времени считали присущим только новокаледонской фауне. Кузену Бенедикту предлагали захватить с собой ядовитого паука «катипо», как его называют маори,^[6] укус которого нередко бывает смертелен для человека. Но паук не принадлежит к насекомым, его место среди паукообразных, и, следовательно, он не представлял никакого интереса для кузена Бенедикта. А потому наш энтомолог пренебрежительно отказался от паука и по-прежнему считал самым ценным экземпляром своей коллекции новозеландского жука стафилина.

Конечно же, кузен Бенедикт застраховал свою коллекцию, не пожалев денег на уплату страхового взноса. Эта коллекция, на его взгляд, была дороже, чем весь груз ворвани и китового уса в трюме «Пилигрима».

Когда миссис Уэлдон и ее спутники поднялись на борт шхуны и настала минута сниматься с якоря, капитан Халл подошел к своей пассажирке и сказал:

– Само собой разумеется, миссис Уэлдон, вы принимаете на себя всю ответственность за то, что решили отправиться на «Пилигриме».

– Почему вы это говорите, капитан Халл? – спросила миссис Уэлдон.

– Потому что я не получил никаких указаний на этот счет от вашего супруга, а плавание на шхуне не может быть таким легким и приятным, как на пакетботе,^[7] специально приспособленном для перевозки пассажиров.

– Как вы думаете, мистер Халл, – ответила миссис Уэлдон, – если бы муж был здесь, поколебался бы он совершить это плавание на «Пилигриме» вместе со мной и с нашим сыном?

– Конечно, нет! – ответил капитан. – Не больше, чем поколебался бы я сам. «Пилигрим» – отличное судно, хоть промысловый сезон в этом году у

него был неудачный, и я уверен в нем так, как только может быть уверен в своем судне моряк, командующий им много лет. Я сказал вам это, миссис Уэлдон, только для очистки совести и чтобы еще раз повторить, что вы не найдете здесь тех удобств, к которым привыкли.

– Если все дело сводится к удобствам, капитан Халл, – возразила миссис Уэлдон, – это меня не тревожит. Я не принадлежу к числу тех капризных пассажиров, которые все время жалуются на тесноту каюты или однообразное меню.

Миссис Уэлдон секунду смотрела на своего маленького сына, которого держала за руку, и закончила:

– Итак, в путь, капитан!

Капитан Халл тотчас же приказал поднять якорь. Через короткое время «Пилигрим», поставив паруса, вышел из Оклендского порта и взял курс к американскому побережью. Однако через три дня после отплытия с востока задул сильный ветер, и шхуна вынуждена была держать круто к ветру.

Поэтому 2 февраля капитан Халл все еще находился в широтах более высоких, чем ему хотелось бы, – в положении моряка, который намеревается обогнуть мыс Горн, а не плыть прямо к западному берегу Нового Света.

Глава вторая

Дик Сэнд

Погода стояла хорошая, и, если не считать задержки, плавание совершалось в сносных условиях.

Миссис Уэлдон устроили на борту «Пилигрима» как можно удобнее. На корабле не было ни юта, ни какой-то надстройки, а значит, не было и каюты для пассажиров. Миссис Уэлдон должна была удовольствоваться крошечной каютой капитана Халла, расположенной на корме. Деликатную женщину пришлось уговаривать занять ее. В этой тесной каморке вместе с нею поселились маленький Джек и старуха Нэн. Там они завтракали и обедали вместе с капитаном и кузеном Бенедиктом, которому отвели клетушку на носу судна.

Сам капитан Халл перебрался в каюту, предназначенную для его помощника. Но как известно, экипаж «Пилигрима» ради экономии не был укомплектован полностью, и капитан обходился без помощника.

Команда «Пилигрима» – искусные и опытные моряки, державшиеся одинаковых взглядов и одинаковых привычек, – жила мирно и дружно. Они плавали вместе уже четвертый промысловый сезон. Все матросы были американцами, все с побережья Калифорнии и с давних пор знали друг друга.

Эти славные люди были очень предупредительны по отношению к миссис Уэлдон, жене судовладельца, к которому они питали беспредельную преданность. Надо сказать, что все они были очень заинтересованы в прибыльности китобойного промысла и до сих пор получали немалый доход от каждого плавания. Правда, они трудились не жалея сил, так как судовая команда была весьма невелика, но зато их малочисленность увеличивала долю каждого при подведении баланса по окончании сезона. На этот раз, правда, почти никакого дохода не ожидалось, и потому они с достаточным основанием проклинали «этих негодяев с Новой Зеландии».

Только один человек на судне не был американцем по происхождению. Негоро, выполнявший на «Пилигриме» скромные обязанности судового кока, родился в Португалии. Впрочем, и он отлично говорил по-английски.

После того как прежний кок сбежал в Окленде, Негоро предложил капитану свои услуги. Этот молчаливый, замкнутый человек сторонился товарищей, но дело свое знал неплохо. У капитана Халла, который его

нанял, очевидно, был верный глаз: за время своей работы на «Пилигриме» Негоро ни разу не заслужил ни малейшего упрека.

И все-таки капитан Халл сожалел, что не успел навести справок о прошлом нового кока. Внешность португальца и особенно бегающие глаза не очень нравились капитану, а прежде чем допустить незнакомца в крохотный, тесный мирок китобойного судна, необходимо все узнать о его прежней жизни.

Негоро на вид было около сорока лет. Среднего роста, худощавый, жилистый, черноволосый и смуглый, он производил впечатление сильного человека. Получил ли он какое-нибудь образование? По-видимому, да, если судить по замечаниям, которые у него изредка вырывались. Впрочем, Негоро никогда не говорил ни о своем прошлом, ни о своей семье. Никто не знал, где он жил и что делал раньше. Никто не знал и что он собирается делать потом. Он сказал только, что намерен списаться на берег в Вальпараисо. В общем, он был странный человек. И несомненно, не моряк. В морском деле он смыслил даже меньше, чем обычный кок, который значительную часть своей жизни провел в плаваниях.

Однако ни боковая, ни килевая качки на него не действовали, морской болезнью, которой подвержены новички, он не страдал, а это уже немалое преимущество для судового повара.

Как бы то ни было, Негоро редко выходил на палубу. Весь день он обычно проводил в своем крохотном камбузе, большую часть которого занимала кухонная плита. С наступлением ночи, погасив огонь в плите, Негоро удалялся в каморку, отведенную ему на носу. Там он тотчас же ложился спать.

Как уже было сказано, экипаж «Пилигрима» состоял из пяти матросов и одного младшего матроса.

Этот пятнадцатилетний младший матрос был сыном неизвестных родителей. Его еще совсем крошкой нашли у чужих дверей, и вырос он в воспитательном доме.

Дик Сэнд – так звали его, – по-видимому, родился в штате Нью-Йорк, а может быть, и в самом городе Нью-Йорке.

Имя Дик, уменьшительное от Ричарда, было дано подкидышу в честь сострадательного прохожего, который подобрал его и доставил в воспитательный дом. Фамилия же Сэнд служила напоминанием о том месте, где был найден Дик, – о песчаной косе Сэнди-Хук в устье реки Гудзона, у входа в Нью-Йоркский порт.

Дик Сэнд был невысок и не обещал стать в дальнейшем выше среднего роста, но крепко сколочен. В нем сразу чувствовался англосакс,

хотя он был темноволос, а глаза у него были темно-синие. Трудная работа моряка уже подготовила его к житейским битвам. Его умное лицо дышало энергией. Это было лицо человека не только смелого, но и способного дерзать.

Часто цитируют три слова незаконченного стиха Вергилия: «Audaces fortuna juvat...» («Смелым судьба помогает...»), но цитируют неправильно. Поэт сказал: «Audentes fortuna juvat...» («Дерзающим судьба помогает...»). Дерзающим, а не просто смелым почти всегда улыбается судьба. Смелый может иной раз действовать необдуманно. Дерзающий сначала думает, а затем действует. В этом тонкое различие.

Дик Сэнд был «audens» – дерзающий. В пятнадцать лет он умел уже принимать решения и доводить до конца все то, на что обдуманно решился. Его оживленное и серьезное лицо привлекало внимание. В отличие от большинства своих сверстников Дик был скуп на слова и жесты. В возрасте, когда дети еще не задумываются о будущем, Дик осознал свое жалкое положение и твердо решил «выбиться в люди» своими силами.

И он добился своего: он был уже почти мужчиной в ту пору, когда его сверстники еще оставались детьми.

Ловкий, подвижный и сильный, Дик был одним из тех одаренных людей, о которых можно сказать, что они родились с двумя правыми руками и двумя левыми ногами: что бы они ни делали – им все «с руки», с кем бы они ни шли – они всегда ступают «в ногу».

Как уже было сказано, Дика воспитывали за счет общественной благотворительности. Сначала его поместили в приют для подкидышей, каких много в Америке. В четыре года его стали учить чтению, письму и счету в одной из тех школ штата Нью-Йорк, которые содержатся на пожертвования великодушных благотворителей.

В восемь лет врожденная страсть к морю заставила его устроиться юнгой на судно, совершавшее рейсы в южные страны. На корабле он стал изучать морское дело, которому и следует учиться с детских лет. Судовые офицеры хорошо относились к пытливому мальчугану и охотно руководили его занятиями. Юнга вскоре должен был стать младшим матросом – несомненно, в ожидании дальнейшей карьеры. Тот, кто с детства знает, что труд – закон жизни, кто смолоду понял, что хлеб добывается только в поте лица (заповедь Библии, ставшая правилом для человечества), тот предназначен для больших дел, ибо в нужный день и час у него найдется воля и силы для свершения их.

Оказавшись как-то на борту торгового судна, где служил Дик, капитан Халл обратил внимание на способного юнгу. Бравый моряк любил

смелого мальчика, а вернувшись в Сан-Франциско, рассказал о нем своему хозяину Джемсу Уэлдону. Тот заинтересовался судьбой Дика, определил его в школу в Сан-Франциско и помог окончить ее, воспитывая его в католической вере, которой придерживалась семья самого судовладельца.

Дик жадно поглощал знания, особенно интересуясь географией и историей путешествий, в ожидании того времени, когда возраст позволит ему изучать ту часть математики, которая имеет отношение к навигации. Но он не пренебрегал и практической подготовкой. Окончив школу, он поступил младшим матросом на китобойное судно своего благодетеля Джемса Уэлдона. Дик знал, что «большая охота» – китобойный промысел – не менее важна для воспитания настоящего моряка, чем дальние плавания. Это отличная подготовка к профессии моряка, чреватой всяческими неожиданностями. К тому же этим учебным судном оказался «Пилигрим», плававший под командованием его покровителя – капитана Халла. Таким образом, молодому матросу были обеспечены наилучшие условия для обучения.

Стоит ли упоминать, что юноша был глубоко предан семье Уэлдон, которой он был стольким обязан? Пусть факты говорят сами за себя. Но легко можно представить себе, как обрадовался Дик, когда узнал, что миссис Уэлдон с сыном совершат плавание на «Пилигриме». Миссис Уэлдон в продолжение нескольких лет заменяла Дику мать, а маленького Джека он любил, как родного брата, хотя и понимал, что положение у него совсем иное, чем у сына богатого судовладельца. Но его благодетели отлично знали, что семена добра, которые они посеяли, пали на плодородную почву. Сердце сироты Дика было полно благодарности, и он не колеблясь отдал бы жизнь за тех, кто помог ему получить образование. В общем, пятнадцатилетний юноша действовал и мыслил как взрослый человек тридцати лет – таков был Дик Сэнд.

Миссис Уэлдон высоко ценила Дика. Она знала, что может спокойно доверить ему своего маленького Джека. Дик Сэнд обожал малыша, который льнул к нему, чувствуя, что «старший братец» любит его. В те долгие часы досуга, которые часты при плавании в хорошую погоду в открытом море, когда все паруса поставлены и не требуют никакой работы, Дик с Джеком были почти все время вместе. Молодой матрос развлекал ребенка, показывал ему все, что могло быть для мальчика занимательным в морском деле. Миссис Уэлдон без страха смотрела, как Джек взбирался по вантам то на грот-марс, то на фор-брам-стенгю^[8] и стрелой скользил по снастям вниз на палубу. Дик Сэнд всегда был возле малыша, готовый поддержать, подхватить его, если бы ручки пятилетнего Джека вдруг ослабели.

Упражнения на вольном воздухе шли на пользу ребенку, только что перенесшему тяжелую болезнь; морской ветер и ежедневная гимнастика быстро возвратили здоровый румянец его побледневшим щечкам.

Вот так шла жизнь на борту «Пилигрима». Не будь восточных ветров, ни у экипажа, ни у пассажиров не было бы никаких оснований жаловаться.

Однако упорство восточного ветра не нравилось капитану Халлу. Ему никак не удавалось лечь на более благоприятный курс. К тому же он опасался на дальнейшем пути попасть в полосу штилей у тропика Козерога, не говоря уж о том, что экваториальное течение могло отбросить его дальше на запад. Капитан беспокоился главным образом о миссис Уэлдон, хотя и сознавал, что он неповинен в этой задержке. Если бы неподалеку от «Пилигрима» прошел какой-нибудь океанский пароход, направляющийся в Америку, он обязательно посоветовал бы своей пассажирке пересесть на него. Но к несчастью, «Пилигрим» отклонился так далеко на юг, что трудно было надеяться встретить пароход, следующий в Панаму. Да и сообщение между Австралией и Новым Светом через Тихий океан в то время не было столь оживленным, каким оно стало впоследствии. Капитану Халлу оставалось только ждать, пока погода не смилостивится над ним. Казалось, ничто не должно было нарушить однообразия этого морского путешествия, как вдруг именно в этот день, 2 февраля, под широтой и долготой, указанными в начале этой повести, произошло первое неожиданное событие.

День был солнечный и ясный. Часов около девяти утра Дик Сэнд и Джек забрались на салинг^[9] фок-мачты; оттуда им видна была вся палуба корабля и широкие просторы океана. Лишь часть горизонта за кормой заслонялась грот-мачтой, которая несла грот и топсель. Впереди над волнами поднимался острый бушприт с тремя туго натянутыми кливерами, похожими на три крыла неравной величины. Под ногами у них вздувалось полотнище фока, а над головой – фор-марсель и брамсель. Шхуна держалась возможно круче к ветру.

Дик Сэнд объяснял Джеку, почему правильно нагруженный «Пилигрим» не может опрокинуться, хотя он и кренится довольно сильно на штирборт,^[10] как вдруг мальчик прервал его восклицанием:

– Что это?!

– Ты что-нибудь увидел, Джек? – спросил Дик Сэнд, выпрямившись во весь рост на рее.

– Да, да! Вон там! – сказал Джек, указывая на какую-то точку, видневшуюся в просвете между кливером и стакселем.

Вглядевшись в ту сторону, куда указывал Джек, Дик Сэнд крикнул во весь голос:

– Справа по носу, под ветром, затопленное судно!

Глава третья

Судно, потерпевшее крушение

Возглас Дика Сэнда всполошил весь экипаж. Свободные от вахты матросы бросились на палубу. Капитан Халл покинул свою каюту и пошел на нос.

Миссис Уэлдон, Нэн и даже невозмутимый кузен Бенедикт, облокотившись о поручни штирборта, старались разглядеть затонувшее судно, о котором сообщил Дик.

Только Негоро остался в каморке, которая служила на судне камбузом. Из всей команды лишь его одного, по-видимому, не заинтересовала эта неожиданная встреча.

Замеченный Диком предмет покачивался на волнах примерно в трех милях от «Пилигрима».

– Что бы это могло быть? – спросил один из матросов.

– По-моему, брошенный плот! – ответил другой.

– Может быть, там какие-нибудь несчастные терпят бедствие? – сказала миссис Уэлдон.

– Подойдем поближе – узнаем, – ответил капитан Халл. – Однако мне кажется, что это не плот, скорее это опрокинувшийся набок корпус корабля...

– Нет!.. По-моему, это гигантское морское животное! – заявил кузен Бенедикт.

– Не думаю, – сказал Дик Сэнд.

– А что это по-твоему, Дик? – спросила миссис Уэлдон.

– Я так же, как и капитан Халл, полагаю, что это накренившийся набок корпус судна, миссис Уэлдон. По-моему, я различаю даже, как блестит на солнце его медная обшивка.

– Да... да... теперь и я вижу, – подтвердил капитан. И, повернувшись к рулевому, он скомандовал: – Спускайся под ветер, Болтон, держи прямо на это судно!

– Есть, капитан! – ответил рулевой.

– Я остаюсь при своем мнении, – заявил кузен Бенедикт. – Бесспорно, перед нами морское животное.

– В таком случае это медный кит, – сказал капитан Халл. – Смотрите, как он сверкает на солнце.

– Если это и кит, кузен Бенедикт, то во всяком случае мертвый, –

заметила миссис Уэлдон. – Ясно видно, что он лежит без движения.

– Ну и что, кузина Уэлдон? – настаивал на своем ученый. – Это будет не первый случай, когда корабль повстречает спящего на воде кита!

– Так-то оно так, – сказал капитан Халл, – и все-таки перед нами не спящий кит, а судно.

– Посмотрим, – сказал упрямец.

Впрочем, кузену Бенедикту не было никакого дела до китов, и он променял бы всех млекопитающих арктических и антарктических морей на одно редкое насекомое.

– Одерживай, Болтон, одерживай! – крикнул капитан Халл. – Не надо подходить к судну ближе чем на кабельтов.^[11] Мы-то уж ничем не можем повредить этому бедняге, но мне вовсе не улыбается, чтобы он помял бок «Пилигриму». Приводи в бейдевинд!^[12]

Легким движением руля «Пилигрим» был повернут немного влево.

Шхуна находилась еще на расстоянии доброй мили от накренившегося корабля. Матросы с жадным любопытством вглядывались в него. Быть может, в трюмах его хранится ценный груз, который удастся взять на «Пилигрим»? Известно, что за спасение груза с тонущего корабля выдается премия в размере одной трети его стоимости. Если содержимое трюма не повреждено водой, экипаж «Пилигрима» мог получить хороший «улов» и за один день возместить неудачу целого сезона.

Через четверть часа «Пилигрим» был уже в полумиле от плавающего предмета. Теперь не осталось никаких сомнений: это действительно был корпус опрокинувшегося набок корабля. Палуба его стояла почти отвесно. Мачты были снесены. От всех снастей остались лишь повисшие обрывки троса и порванные такелажные цепи. На скуле правого борта зияла большая пробоина. Шпангоуты и обшивка были вмяты внутрь.

– Этот корабль столкнулся с каким-то другим судном! – воскликнул Дик Сэнд.

– Да, несомненно, – подтвердил капитан Халл. – Просто чудо, что он тут же не затонул.

– Будем надеяться, что корабль, который налетел на это судно, снял с него всю команду, – заметила миссис Уэлдон.

– Да, будем надеяться, миссис Уэлдон, – ответил капитан Халл. – А может быть, экипажу после столкновения удалось спастись на собственных шлюпках, если протаранивший их корабль ушел от них, – такие случаи, к сожалению, бывают.

– Не может быть, капитан! Ведь это ужасная бесчеловечность!

– К сожалению, так бывает, миссис Уэлдон. Примеров сколько угодно. На этом корабле не осталось ни одной шлюпки, и надо полагать, что команда покинула его. Будем надеяться, что несчастных подобрало какое-нибудь встречное судно. Ведь добраться до суши на шлюпках отсюда почти невозможно – слишком велико расстояние до ближайших островов и тем более до Американского континента.

– Удастся ли когда-нибудь разгадать тайну этой катастрофы? – сказала миссис Уэлдон. – Как вы думаете, капитан Халл, остался на судне кто-нибудь из команды?

– Вряд ли, миссис Уэлдон, – ответил капитан Халл. – Нас бы уже давно заметили и подали какой-нибудь сигнал. Впрочем, мы сейчас проверим это... Держи немного круче к ветру, Болтон, приводи в крутой бейдевинд! – крикнул капитан, указывая рукой направление.

«Пилигрим» находился всего в трех кабельтовых от потерпевшего крушение корабля. Теперь уже не было никаких сомнений, что команда покинула его.

Внезапно Дик Сэнд сделал знак, чтобы все замолчали.

– Слушайте! Слушайте! – сказал он.

Все насторожились.

– Кажется, собака лает... – воскликнул Дик Сэнд.

С тонущего корабля действительно доносился собачий лай. Там, несомненно, была живая собака. Может быть, она не могла выбраться, потому что люки были закрыты. Во всяком случае, ее не было видно.

– Если даже там осталась одна лишь собака, спасем ее, капитан, – сказала миссис Уэлдон.

– Да, да! – воскликнул маленький Джек. – Надо спасти собачку! Я сам буду кормить ее. Она нас полюбит... Мама, я сейчас сбегаю принесу ей кусочек сахара!

– Не ходи, сынок, – улыбаясь, сказала миссис Уэлдон. – Бедное животное, должно быть, умирает с голоду и, вероятно, предпочло бы похлебку твоему сахару.

– Так отдай ей мой суп, – сказал мальчик. – Я могу обойтись без супа!

С каждой минутой лай слышался все явственнее. Между двумя кораблями было теперь менее трехсот футов. Вдруг над бортом показалась голова крупного пса. Положив передние лапы за фальшборт, он отчаянно лаял.

– Хоуик! – позвал капитан боцмана. – Ложитесь в дрейф и велите спустить на воду шлюпку.

– Держись, собачка! Держись! – кричал Джек; собака продолжала

лаять, словно отвечая ему.

Паруса «Пилигрима» быстро были обрасоплены^[13] таким образом, что он оставался почти неподвижным в полукабельтове от потерпевшего крушение судна.

Шлюпка уже покачивалась на волне. Капитан Халл, Дик Сэнд и два матроса соскочили в нее.

Собака цеплялась за фальшборт, срывалась с него, падала на палубу и лаяла не переставая; но казалось, она лает не на быстро приближавшуюся шлюпку. Может быть, она звала пассажиров или матросов, запертых, как в тюрьме, на потерпевшем крушение судне?

«Неужели там есть живые люди?» – думала миссис Уэлдон.

Шлюпка была уже близка к цели, еще несколько взмахов весел, и она подойдет к круто поднимающемуся борту.

Собака снова залаяла. Но теперь она уже не призывала своим лаем спасителей на помощь. Наоборот, в ее голосе слышалась ярость. Всех удивила такая странная перемена.

– Что с собакой? – спросил капитан Халл, когда шлюпка огибала корму судна, чтобы пристать со стороны борта, погрузившегося в воду.

Ни капитан Халл, ни даже оставшиеся на «Пилигриме» матросы не заметили, что поведение собаки изменилось как раз в ту минуту, когда Негоро, выйдя из камбуза, появился на баке.

Неужели собака знала судового кока? Предположение совершенно неправдоподобное.

Как бы там ни было, но, мельком взглянув на бешено лающего пса и ничем не выразив удивления, Негоро только нахмурился, повернулся и ушел обратно в камбуз.

Шлюпка обогнула корму судна. Надпись на корме гласила: «Вальдек».

Наименования порта приписки не было. Но по форме корпуса и по некоторым особенностям конструкции, которые сразу бросаются в глаза моряку, капитан Халл понял, что корабль американский. Да и название подтверждало эту догадку. Корпус – вот все, что уцелело от большого брига водоизмещением в пятьсот тонн.

На носу «Вальдека» зияла широкая пробоина – след рокового столкновения. Благодаря тому что судно дало крен, пробоина поднялась над водой на пять-шесть футов, – вот почему «Вальдек» не затонул.

На палубе не было ни души.

Собака, оставив борт, добралась по наклонной палубе до открытого центрального люка и продолжала лаять, то опуская голову в люк, то оборачиваясь к приплывшим.

– Очевидно, этот пес – не единственное живое существо на корабле, – заметил Дик Сэнд.

– Я тоже так думаю, – сказал капитан Халл.

Шлюпка плыла теперь вдоль погруженного в воду борта. Первая же большая волна неминуемо должна была пустить «Вальдек» ко дну.

На бригае все было начисто сметено. Торчали только основания грот-мачты и фок-мачты, не выше двух футов над палубой. Очевидно, мачты сломались при столкновении и упали за борт, увлекая за собой паруса и снасти. Однако в воде вокруг корабля нигде не было видно никаких обломков. Это могло означать только одно: катастрофа с «Вальдеком» произошла уже много дней назад.

– Если люди и уцелели после столкновения, – сказал капитан Халл, – то, вероятнее всего, они погибли от жажды и голода: ведь камбуз залит водой. Должно быть, на борту судна остались одни трупы.

– Нет! – воскликнул Дик Сэнд. – Нет! Собака не стала бы так лаять. Тут есть живые.

И он позвал собаку. Умное животное тотчас же соскользнуло в море и, едва перебирая лапами от слабости, поплыло к шлюпке. Когда собаку втащили в нее, она с жадностью бросилась – но не к сухарю, который протянул ей Дик Сэнд, а к ведерку с пресной водой.

– Бедный пес умирает от жажды! – воскликнул Дик Сэнд.

Ища, где бы поудобнее причалить, шлюпка отошла на несколько футов от палубы тонущего корабля. Собака, очевидно, решила, что ее спасители не хотят подняться на борт. Схватив Дика Сэнда за полу куртки, она опять громко и жалобно залаяла.

Движения собаки и ее лай были понятнее всяких слов.

Шлюпка подошла к крамболу^[14] левого борта. Матросы надежно закрепили ее, и капитан Халл с Диком Сэндом прыгнули на палубу одновременно с собакой. Не без труда, ползком, добрались они до центрального люка, зиявшего между двумя обломками мачт, и спустились в трюм.

В полузатопленном трюме не было никаких товаров. Бриг шел только под балластом; теперь песок пересыпался на левый борт и своей тяжестью удерживал судно на боку. Надежды на ценный груз не оправдались. Тут нечего было спасать.

– Здесь никого нет, – сказал капитан Халл.

– Никого, – подтвердил Дик Сэнд, пройдя в переднюю часть трюма.

Но собака на палубе продолжала заливаться лаем, как будто настойчиво стараясь привлечь внимание людей.

– Идем обратно, – сказал капитан Халл.

Они поднялись на палубу.

Собака подбежала к ним и стала тянуть их к юту.^[15]

Они пошли за ней.

Там, на полу кубрика,^[16] лежали пять человек – вероятно, пять трупов.

При ярком дневном свете, проникавшем через решетку, капитан Халл увидел, что это были негры.

Дик Сэнд переходил от одного к другому. Ему показалось, что несчастные еще дышат.

– На борт «Пилигрима»! Всех на борт! – приказал капитан Халл.

Были вызваны матросы, оставшиеся в шлюпке. Они помогли вынести потерпевших крушение из кубрика.

Это было нелегкое дело, но через несколько минут всех пятерых спустили в шлюпку. Никто из них не приходил в сознание. Однако можно было надеяться, что несколько капель лекарства и глоток-другой воды возвратят их к жизни.

«Пилигрим» лежал в дрейфе всего в полукабельтове, и шлюпка быстро подплыла к нему.

При помощи каната, спущенного с грот-мачты, потерпевших крушение одного за другим подняли на палубу «Пилигрима». Не была забыта и собака.

– Ах, бедные! – воскликнула миссис Уэлдон при виде пяти распростертых неподвижных тел.

– Они живы, миссис Уэлдон! – сказал Дик Сэнд. – Они еще живы. Мы их спасем!

– Что с ними случилось? – спросил кузен Бенедикт.

– Подождем, пока они придут в себя, и тогда они сами расскажут свою историю, – ответил капитан Халл. – Но прежде всего надо дать им воды и влить в нее немножко рома. – И, повернувшись к камбузу, он громко крикнул: – Негоро!

При этом имени собака вся вытянулась, словно делая стойку, глухо заворчала, а шерсть у нее поднялась дыбом.

Кок не показывался и не отвечал.

– Негоро! – еще громче крикнул капитан Халл.

Собака яростно зарычала.

Негоро вышел из камбуза.

Не успел он сделать и шага, как собака прыгнула, стремясь вцепиться ему в горло.

Португалец отшвырнул ее ударом кочерги, которой он вооружился, выходя из камбуза. Двое матросов схватили собаку.

– Вы знаете этого пса? – спросил капитан Халл у кока.

– Я?! – удивленно воскликнул Негоро. – И в глаза его никогда не видел!

– Странно! – прошептал Дик Сэнд.

Глава четвертая

Спасенные с «Вальдека»

Работоторговля все еще широко распространена во всей Экваториальной Африке. Хотя вдоль берегов континента крейсируют английские и французские военные корабли, суда работоторговцев по-прежнему вывозят из Анголы и Мозамбика негров-невольников. Спрос на «черный товар» все еще велик во многих странах, увы – даже в странах цивилизованного мира.

Капитан Халл знал это.

Хотя та часть океана, где сейчас находился «Пилигрим», лежала в стороне от обычных путей невольничьих судов, капитан Халл решил, что негры, вероятно, принадлежали к партии рабов, которых «Вальдек» вез для продажи в какую-нибудь колонию на Тихом океане.

На «Пилигриме» спасенных негров окружили самым заботливым уходом. Миссис Уэлдон с помощью Нэн и Дика Сэнда поила их с ложки свежей водой, которой они, вероятно, были лишены несколько дней.

В конце концов вода и несколько глотков бульона вернули бедных негров к жизни. Один из них – на вид старик лет шестидесяти – вскоре уже был в состоянии отвечать на вопросы. Он говорил по-английски.

– Что случилось с «Вальдеком»? – спросил прежде всего капитан Халл. – Он столкнулся с другим судном?

– Дней десять тому назад, темной ночью, когда все спали, на нас налетел какой-то корабль, – ответил старый негр.

– Что случилось с командой «Вальдека»?

– Не знаю. Когда мы поднялись на палубу, там уже никого не было, сэр.

– Вы думаете, экипаж «Вальдека» успел перебраться на борт того судна, которое с вами столкнулось?

– Надо надеяться, что так оно и было, сэр.

– И это судно после столкновения не остановилось, чтобы подобрать пострадавших?

– Нет.

– Может быть, оно затонуло?

– О нет, – покачав головой, ответил старый негр, – мы видели, как оно уходило во мрак.

То же подтвердили и все спасенные с «Вальдека». Как бы ни казалось это невероятным, однако нередко случается, что капитан корабля, по вине

которого произошло какое-нибудь ужасное столкновение, спешит поскорее скрыться, нимало не заботясь о несчастных, которых он обрек на гибель, и даже не пытается оказать им помощь!

Строгого осуждения заслуживает даже возница, наехавший на улице на прохожего и пытающийся скрыться, предоставляя другим заботу о жертве своей неосторожности. А ведь пострадавшему от несчастного случая на улице быстро окажут первую помощь. Что же тогда сказать о людях, которые бросают на произвол судьбы утопающих в открытом море? Такие люди позорят род человеческий!

И все же капитан Халл мог бы рассказать о многих случаях такой бесчеловечной жестокости. Он повторил миссис Уэлдон, что, как ни чудовищны подобные факты, они, к сожалению, не так уж редки.

Затем он продолжал расспросы:

– Откуда шел «Вальдек»?

– Из Мельбурна.

– Значит, вы не рабы?

– Нет, сэр, – живо ответил негр, выпрямившись во весь рост. – Мы жители штата Пенсильвания, граждане свободной Америки.

– Друзья мои, – сказал капитан, – знайте, что на борту «Пилигрима», американского корабля, никто не покусится на вашу свободу.

Действительно, пять негров, спасенных «Пилигримом», были из штата Пенсильвания. Самого старого из них продали в рабство шестилетним ребенком. Из Африки его доставили в Соединенные Штаты. Но здесь он уже давно получил свободу. Младшие его спутники родились свободными гражданами, и никто из белых не вправе был назвать их своей собственностью. Они даже не знали того жаргона, на котором говорили негры перед войной, ^[17] жаргона, где не существовало спряжения и глаголы всегда употреблялись только в неопределенной форме. Эти негры покинули Америку свободными гражданами и свободными же гражданами возвращались обратно.

Они рассказали капитану Халлу, что нанялись работать на плантации некоего англичанина неподалеку от Мельбурна, в Южной Австралии. Они проработали там три года и, скопив денег, по окончании контракта решили вернуться на родину.

Они уплатили за проезд на «Вальдеке» как обыкновенные пассажиры и 5 января отплыли из Мельбурна. Спустя семнадцать суток, темной ночью, «Вальдек» столкнулся с каким-то большим пароходом.

Негры в это время спали. Их разбудил страшный толчок.

Когда через несколько секунд они выбежали на палубу, мачты уже

рухнули за борт и «Вальдек» лежал на боку, но он не пошел ко дну, так как в трюм попало сравнительно немного воды.

Капитан и команда «Вальдека» исчезли: вероятно, одних сбросило в море, другие уцепились за снасти налетевшего парохода, который после столкновения с «Вальдеком» поспешил скрыться.

Пятеро негров остались на полузатонувшем судне, в тысяче двухстах милях от ближайшей земли.

Старшего из негров звали Томом. Спутники признавали его своим руководителем. Этим Том был обязан не только возрасту, но и своей энергии и большому опыту, накопленному за долгую трудовую жизнь. Остальные негры были молодые люди в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. Звали их: Бат, Остин, Актеон и Геркулес. Бат был сыном старика Тома.

Все четверо были рослыми и широкоплечими молодцами – на невольничьих рынках Центральной Африки за них дали бы высокую цену. Сейчас они были изнурены и истощены, но все же сразу бросалась в глаза могучая стать этих великолепных представителей крепкой черной расы и чувствовалось также, что на них наложило свою печать некоторое воспитание, полученное ими в одной из многочисленных школ Северной Америки.

Итак, после катастрофы Том и его товарищи остались одни на разбитом корабле. Они не были в состоянии ни исправить повреждения «Вальдека», ни покинуть его, потому что обе шлюпки разбились при столкновении. Спасти их могла только встреча с каким-нибудь кораблем. Потеряв управление, «Вальдек» стал игрушкой ветра и течения. Этим и объясняется, что «Пилигрим» встретил потерпевшее крушение судно далеко в стороне от его курса, много южнее обычного пути кораблей, следующих из Мельбурна в Соединенные Штаты.

В течение десяти дней, которые прошли с момента катастрофы до появления «Пилигрима», пятеро негров питались продуктами, найденными в буфете кают-компании. Бочки с пресной водой, хранившиеся на палубе, разбились при столкновении, а камбуз, в котором можно было бы найти чем подкрепиться, оказался под водой.

На девятый день Том и его товарищи, жестоко страдавшие от жажды, потеряли сознание; «Пилигрим» подоспел на помощь как раз вовремя.

В немногих словах Том рассказал все это капитану Халлу. Сомневаться в правдивости рассказа старого негра не приходилось. Сами факты говорили за это, да и спутники Тома подтверждали его слова.

Другое живое существо, спасенное с тонущего корабля, вероятно,

повторило бы то же самое, будь оно наделено даром речи. Мы имеем в виду собаку, которая пришла в такую ярость, когда увидела Негоро. В этой антипатии животного к судовому коку было что-то необъяснимое.

Динго – так звали собаку – был из породы крупных сторожевых собак, какие водятся в Новой Голландии.^[18] Однако капитан «Вальдека» приобрел Динго не в Австралии. Два года назад он нашел полумертвую от голода собаку на западном берегу Африки близ устья реки Конго. Ему понравилось прекрасное животное, и он взял его к себе на корабль. Однако Динго не привязался к новому владельцу. Можно было подумать, что он тоскует по прежнему хозяину, с которым его насильно разлучили и которого невозможно было разыскать в этой пустынной местности.

Две буквы, «С» и «В», выгравированные на ошейнике, – вот все, что связывало собаку с ее прошлым, оставшимся для нового хозяина неразрешимой загадкой.

Динго был большим, сильным псом, крупнее пиренейских собак, и мог считаться превосходным образцом новоголландской породы. Когда он вставал на задние лапы и вскидывал голову, то был ростом с человека. Мускулистый, сильный, необычайно подвижный, он был из тех собак, которые не колеблясь нападают на ягуара и пантеру и не боятся в одиночку схватиться с медведем. Шерсть у Динго была густая, темно-рыжая, с белесоватыми подпалинами на морде, хвост длинный, пушистый и упругий, как у льва. Такая собака в разъяренном состоянии могла оказаться опасным врагом, и неудивительно, что Негоро не был в восторге от приема, который оказал ему этот сильный пес.

Динго не отличался общительностью, но его нельзя было назвать и злым. Скорее он казался грустным. Старый Том еще на «Вальдеке» заметил, что Динго как будто недолюбливает негров. Он не пытался причинять им зло, но неизменно держался от них в стороне. Быть может, во время его блужданий по африканскому побережью туземцы дурно обращались с ним? Так или иначе, но он не подходил к Тому и его товарищам, хотя это были славные, добрые люди. В те десять дней, которые они провели вместе на борту потерпевшего крушение корабля, Динго по-прежнему сторонился товарищей по несчастью. Чем он питался в эти дни, осталось неизвестным, но так же, как и люди, он жестоко страдал от жажды.

Таковы были те, кого сняли с потерпевшего крушение судна. При первом же волнении на море оно должно было затонуть и, конечно, унесло бы с собой в пучину океана лишь трупы. Но неожиданная встреча с «Пилигримом», который задержался в пути из-за штилей и противных

ветров, дала возможность капитану Халлу совершить доброе дело.

Надо было только довести это дело до конца, вернув на родину спасенных с «Вальдека» негров, которые в довершение несчастья лишились всех своих сбережений, скопленных за три года работы. Это и предполагалось сделать. «Пилигрим», разгрузившись в Вальпараисо, должен был пройти вдоль американского побережья до берегов Калифорнии. И миссис Уэлдон великодушно обещала Тому и его спутникам, что там они найдут приют у ее мужа, мистера Джемса Уэлдона, и он снабдит их всем необходимым для возвращения в Пенсильванию. Несчастные могли теперь быть уверены в будущем, и им оставалось лишь благодарить миссис Уэлдон и капитана Халла. Действительно, они чувствовали себя в долгу перед ними, и хотя были лишь бедными неграми, надеялись когда-нибудь доказать им на деле свою благодарность.

Глава пятая

«С» и «В»

«Пилигрим» пошел дальше, стараясь, насколько возможно, держать курс на восток. Упорные штили немало беспокоили капитана Халла. В том, что переход из Новой Зеландии в Вальпараисо продлится лишнюю неделю или две, не было ничего тревожного. Однако эта непредвиденная задержка могла утомить пассажиров.

Но миссис Уэлдон не жаловалась и терпеливо сносила все неудобства плавания.

К вечеру этого дня, 2 февраля, корпус «Вальдека» исчез из виду.

Капитан Халл первым делом постарался поудобнее устроить Тома и его спутников. Тесный кубрик «Пилигрима» не мог вместить лишних пять человек, и капитан решил отвести им место на баке.^[19] Впрочем, эти закаленные люди, привыкшие работать в самых трудных условиях, были непривередливы. Если бы держалась хорошая погода – а дни стояли жаркие и сухие, – они вполне могли провести там все время плавания.

Жизнь на судне, однообразное течение которой лишь ненадолго нарушила встреча с «Вальдеком», снова вошла в свою колею.

Том, Остин, Бат, Актеон и Геркулес очень хотели быть полезными. Но когда ветер дует все время в одном направлении и паруса уже поставлены, на судне почти нечего делать. Зато когда нужно было лечь на другой галс,^[20] старый негр и его товарищи спешили на помощь экипажу. И надо сказать, что, когда гигант Геркулес принимался тянуть какую-нибудь снасть, остальные матросы могли стоять сложа руки. Этот могучий человек, ростом в шесть футов с лишним, мог заменить собой лебедку.

Маленький Джек с восхищением смотрел, как работает великан. Он несколько не боялся Геркулеса, и когда тот высоко подкидывал его в воздух, словно куклу, Джек визжал от восторга.

– Еще выше, Геркулес! – кричал он.

– Извольте, мистер Джек, – отвечал Геркулес.

– Я очень тяжелый?

– Да вы как перышко!

– Тогда подними меня высоко-высоко! Еще выше!

И когда Геркулес, захватив в свою широкую ладонь обе ножки Джека, вытянув руку, ходил с мальчиком по палубе, словно цирковой атлет, Джек

глядел на всех сверху вниз и, воображая себя великаном, от души веселился. Он старался «сделаться тяжелее», но Геркулес даже не замечал его усилий.

Таким образом, у маленького Джека стало теперь два друга: Дик Сэнд и Геркулес.

Вскоре он приобрел и третьего – Динго.

Как уже упоминалось, Динго был необщительным псом. Несомненно, это свойство развилось у него на «Вальдеке», где люди пришлись ему не по вкусу. Но на «Пилигриме» характер собаки быстро изменился. Джек, очевидно, сумел завоевать сердце Динго. Собака с удовольствием играла с мальчиком, а ему эти игры доставляли большую радость. Скоро стало видно, что Динго был из тех собак, которые особенно любят детей. Правда, Джек никогда не мучил его. Но превратить пса в резвого скакуна – разве это не заманчиво? Можно смело сказать, что всякий ребенок предпочтет такую лошадку самому красивому деревянному коню, даже если у того к ногам приделаны колесики. Джек часто с упоением скакал верхом на Динго, который охотно выполнял эту прихоть своего маленького друга: худенький мальчуган был для него гораздо более легкой ношей, чем жокей для скакового коня.

Зато какой урон терпел ежедневно запас сахара в камбузе!

Динго скоро стал любимцем всего экипажа. Один Не-горо старался избегать встреч с Динго, который с первого же мгновения, непонятно почему, возненавидел его.

Однако увлечение собакой не охладило любви Джека к старому другу – Дику Сэнду. По-прежнему юноша проводил со своим маленьким приятелем все часы, свободные от вахты. Миссис Уэлдон, само собой разумеется, была очень довольна этой дружбой.

Однажды – это было 6 февраля – она заговорила с капитаном Халлом о Дике Сэнде. Капитан горячо хвалил молодого матроса.

– Ручаюсь вам, – говорил он миссис Уэлдон, – что этот мальчик станет замечательным моряком. Право, у него врожденный инстинкт моряка. Меня поражает, с какой быстротой он усваивает знания в нашем деле, хотя не имеет теоретической подготовки, и как много он узнал за короткое время!

– К этому надо добавить, – сказала миссис Уэлдон, – что он честный и добрый юноша, не по летам серьезный и очень прилежный. За все годы, что мы знаем его, он ни разу не подал ни малейшего повода к недовольству.

– Что и говорить! – подхватил капитан Халл. – Он славный мальчик! Недаром все его так любят.

– Когда мы вернемся в Сан-Франциско, – продолжала миссис

Уэлдон, – муж отдаст его в морское училище, чтобы он мог потом получить диплом капитана.

– И мистер Уэлдон очень хорошо делает, – заметил капитан Халл. – Я уверен, что Дик Сэнд когда-нибудь станет гордостью американского флота.

– У бедного сироты было тяжелое детство. Он прошел трудную школу, – сказала миссис Уэлдон.

– О да, но ее уроки не пропали даром. Дик понял, что только упорный труд поможет ему выбраться в люди, и сейчас он на правильном пути.

– Да, он будет человеком долга.

– Вот посмотрите на него, миссис Уэлдон, – продолжал капитан Халл. – Он несет сейчас вахту у штурвала и не спускает глаз с бизань-мачты. Он весь – сосредоточенность и внимание, поэтому судно не рыскает, а идет прямо по курсу. У мальчика уже сейчас сноровка старого рулевого. Хорошее начало для моряка! Знаете, миссис Уэлдон, ремеслом моряка надо заниматься с детства. Кто не начал службы юнгой, тот никогда не будет настоящим моряком, по крайней мере в торговом флоте. В детстве из всего извлекаешь уроки, и постепенно твои действия становятся не только сознательными, но и инстинктивными, а в результате моряк привыкает принимать решения так же быстро, как и маневрировать парусами.

– Однако, капитан, есть ведь немало отличных моряков и в военном флоте, – заметила миссис Уэлдон.

– Разумеется. Но насколько я знаю, почти все лучшие моряки начинали службу с детства. Достаточно вспомнить Нельсона^[21] да и многих других, начинавших службу юнгами.

В эту минуту из каюты вышел кузен Бенедикт. Погруженный, по обыкновению, в свои мысли, он с рассеянным видом блуждал по палубе, заглядывал во все щели, шаря под клетками с курами, проводя пальцами по швам и обшивке борта – там, где она не была обмазана смолой.

– Как вы себя чувствуете, кузен Бенедикт? – спросила миссис Уэлдон.

– Благодарю вас, хорошо, кузина. Как всегда... Но мне не терпится поскорее вернуться на землю.

– Что вы там ищете под скамьей, мистер Бенедикт? – спросил капитан Халл.

– Насекомых, сударь, насекомых! – сердито ответил кузен Бенедикт. – Что, по-вашему, я могу искать, если не насекомых?

– Насекомых? К сожалению, вам придется потерпеть: в открытом море вам вряд ли удастся пополнить свою коллекцию.

– Почему же так, сударь? Разве нельзя себе представить, что на корабле окажется несколько экземпляров...

– Нет, кузен Бенедикт, вы ничего тут не найдете, – прервала его миссис Уэлдон. – Сердитесь не сердитесь на капитана Халла, но он содержит свой корабль в такой безукоризненной чистоте, что все ваши поиски будут напрасны.

Капитан Халл рассмеялся.

– Миссис Уэлдон преувеличивает, – сказал он. – Однако мне кажется, вы действительно напрасно потеряете время, если будете искать насекомых в каютах.

– Знаю, знаю! – досадливо пожав плечами, воскликнул кузен Бенедикт. – Я уже обшарил все каюты сверху донизу...

– Но в трюме, – продолжал капитан Халл, – вы, пожалуй, найдете несколько тараканов, если они вас, конечно, заинтересуют.

– Разумеется, заинтересуют! Как могут не интересоваться меня эти ночные прямокрылые насекомые, которые навлекли на себя проклятия Вергилия и Горация! – возразил кузен Бенедикт, гордо выпрямившись во весь рост. – Как могут не интересоваться меня эти близкие родственники *periplaneta orientalis* и американского таракана, обитающие...

– Грязнящие... – сказал капитан Халл.

– Царящие на борту! – гордо поправил его кузен Бенедикт.

– Хорошенькое царство!

– О, сразу видно, что вы не энтомолог, сударь!

– Ни в какой мере!

– Послушайте, кузен Бенедикт, – улыбаясь, сказала миссис Уэлдон, – надеюсь, вы не пожелаете, чтобы ради науки мы были съедены тараканами?

– Я желаю только одного, кузина! – ответил пылкий энтомолог. – Только одного: украсить свою коллекцию каким-нибудь редким экземпляром.

– Так вы недовольны своими новозеландскими находками?

– Напротив, очень доволен, кузина. Мне посчастливилось поймать там экземпляр жука стафилина, которого до меня находили только в Новой Каледонии, то есть за несколько сот миль от Новой Зеландии.

В эту минуту Динго, который тем временем играл с Джеком, подбежал к кузену Бенедикту.

– Поди прочь, поди прочь! – закричал тот, отталкивая собаку.

– О, мистер Бенедикт, – воскликнул капитан Халл, – как можно любить тараканов и ненавидеть собак?!

– Да еще таких хороших собачек! – сказал маленький Джек, обхватив обеими ручками голову Динго.

– Да... может быть... – проворчал кузен Бенедикт. – Но это мерзкое животное обмануло мои надежды.

– Как, кузен Бенедикт! – воскликнула миссис Уэлдон. – Неужели вы и Динго собирались зачислить в отряд двукрылых или перепончатокрылых?

– Нет, конечно, – вполне серьезно ответил ученый. – Но ведь Динго, хоть он и принадлежит к австралийской породе собак, был подобран на западноафриканском побережье!

– Совершенно верно, – подтвердила миссис Уэлдон. – Том слышал, как об этом говорил капитан «Вальдека».

– Так вот... я думал... я надеялся... что на этом животном окажутся какие-нибудь насекомые, присущие только западноафриканской фауне...

– О небо! – воскликнула миссис Уэлдон.

– И я полагал, что, может быть, на нем найдется какая-нибудь особенно злая блоха еще неизвестного, нового вида...

– Слышишь, Динго? – сказал капитан Халл. – Слышишь, пес? Ты не выполнил своих обязанностей!

– Но я напрасно вычесал ему шерсть, – продолжал с нескрываемым огорчением энтомолог, – на нем не оказалось ни одной блохи!

– Если бы вам удалось найти блох, надеюсь, вы бы немедленно уничтожили их? – воскликнул капитан.

– Сударь, – сухо ответил кузен Бенедикт, – вам не мешает знать, что сэр Джон Франклин^[22] никогда напрасно не убивал насекомых, даже американских комаров, укусы которых несравненно болезненнее блошиных. Полагаю, вы не станете оспаривать, что сэр Джон Франклин в морском деле кое-что смыслил?

– Несомненно! – с поклоном ответил капитан Халл.

– Однажды его страшно искусал москит. Но Франклин только дунул на него и, отогнав, учтиво сказал: «Пожалуйста, уйдите. Мир достаточно велик для вас и для меня!»

– Ах так! – произнес капитан Халл.

– Да, сударь!

– А знаете ли вы, господин Бенедикт, – заметил капитан Халл, – что другой человек сказал это много раньше, чем Франклин?

– Другой?!

– Да. Звали его дядюшка Тоби.

– Кто он? Энтомолог? – живо спросил кузен Бенедикт.

– О нет, стерновский дядюшка Тоби^[23] не был энтомологом, но это не помешало ему, без излишней, правда, учтивости, сказать мухе, которая

жужжала около его носа: «Убирайся, бедняга! Свет велик, и мы можем жить, не стесняя друг друга».

– Молодчина этот дядюшка Тоби! – воскликнул кузен Бенедикт. – Он уже умер?

– Полагаю, что да, – невозмутимо ответил капитан Халл, – так как он никогда не существовал.

И все рассмеялись, глядя на кузена Бенедикта.

Такие дружеские беседы помогали коротать долгие часы затянувшегося плавания. Само собой разумеется, что в присутствии кузена Бенедикта разговор неизменно вращался вокруг каких-нибудь вопросов энтомологической науки.

Море все время было спокойно, но слабый ветер еле надувал паруса шхуны, и «Пилигрим» почти не двигался на восток. Капитан Халл с нетерпением ждал, когда же судно достигнет наконец тех мест, где подуют более благоприятные ветры.

Надо сказать, что кузен Бенедикт пытался посвятить Дика Сэнда в тайны энтомологии. Но юноша уклонился от этой чести; тогда ученый начал, за неимением лучшего, читать лекции неграм. Дело кончилось тем, что Том, Бат, Остин и Актеон стали убегать от кузена Бенедикта, как только он показывался на палубе. Почтенному энтомологу приходилось довольствоваться только одним слушателем – Геркулесом, у которого он обнаружил врожденную способность отличать паразитов от щетинохвостых.

Великан негр жил теперь в мире жуков-кожеедов, жужелиц, щелкунов, рогачей, жуков-могильщиков, долгоносиков, навозников, божьих коровок, короедов, хрущей, зерновок. Он исследовал всю коллекцию кузена Бенедикта, который трепетал, видя своих хрупких насекомых в толстых и крепких, как тиски, пальцах Геркулеса. Но великан-ученик так внимательно слушал лекции, что профессор ради него решил даже рискнуть своими сокровищами.

В то время как кузен Бенедикт занимался с Геркулесом, миссис Уэлдон учила чтению и письму маленького Джека, а его друг, Дик Сэнд, знакомил его с начатками арифметики.

Пятилетний ребенок легче усваивает знания, когда уроки похожи на занимательную игру. Миссис Уэлдон учила Джека чтению не по букварю, а при помощи деревянных кубиков, на которых были нарисованы большие красные буквы. Малыша забавляло, что от сочетания их получаются слова. Сначала мать складывала какое-нибудь слово, а затем, перемешав кубики, предлагала Джеку самому сложить то же слово.

Мальчику нравилось учиться таким способом. Каждый день он подолгу возился со своими кубиками в каюте или на палубе, то складывая слова, то вновь перемешивая все буквы алфавита.

Эта игра послужила причиной происшествия, настолько необычайного и неожиданного, что о нем стоит рассказать подробнее.

Случилось это утром 9 февраля.

Джек лежал на палубе и составлял из кубиков какое-то слово; старик Том должен был вновь составить это слово после того, как мальчик перемешает кубики. Соблюдая правила игры, Том закрыл глаза ладонью, чтобы не видеть, какое слово складывает Джек.

В наборе кубиков были не одни заглавные и строчные буквы, но также и цифры, – таким образом, эта игра служила пособием для обучения не только чтению, но и счету.

Джек выстроил все кубики в один ряд и, нахмутив брови, выбирал нужные ему, для того чтобы сложить слова. Работа была нелегкая, и мальчик так увлекся ею, что не обращал внимания на Динго, который кружил возле него. Вдруг собака замерла на месте, уставившись на один кубик. Потом подняла переднюю правую лапу, завиляла хвостом, схватила в зубы кубик, отбежала в сторону и положила его на палубу.

На кубике была изображена заглавная буква «С».

– Динго, отдай! – крикнул мальчик, испугавшись, что собака разгрызет кубик.

Но Динго вернулся, взял еще один кубик и положил его рядом с первым.

На втором кубике было нарисовано заглавное «В».

Тут Джек закричал.

На его крик прибежали миссис Уэлдон, капитан Халл и Дик Сэнд, гулявшие по палубе.

Джек рассказал им о том, что произошло.

Динго различает буквы! Динго умеет читать! Да, да! Джек видел это собственными глазами.

Дик Сэнд хотел взять кубики и вернуть их Джеку, но Динго встретил его рычанием.

Тем не менее юноша поднял кубики с палубы и поставил их в выстроенную шеренгу. Динго опять бросился к ней, снова выбрал те же две буквы и отнес их в сторонку. На сей раз он прижал кубики лапами, ясно показывая, что не намерен их отдавать. Другие буквы алфавита для него как будто не существовали.

– Странно! – воскликнула миссис Уэлдон.

– Действительно, очень странно, – сказал капитан Халл, пристально глядя на кубики.

– С, В, – прочитала миссис Уэлдон.

– С, В, – повторил капитан Халл. – Те же буквы, что и на ошейнике Динго! – И, внезапно обернувшись к старому негру, он спросил: – Том, вы, кажется, говорили, что эта собака лишь с недавних пор принадлежала капитану «Вальдека»?

– Да, сударь. Динго попал на «Вальдек» всего года два тому назад.

– И вы сказали, что капитан «Вальдека» нашел его на западном побережье Африки?

– Да, сударь, близ устья Конго. Я не раз слышал, как капитан «Вальдека» говорил об этом.

– Так, значит, никто и не знает, кому раньше принадлежал Динго и как он попал в Африку?

– Никто, капитан. Ведь с собаками еще труднее, чем с брошенными детьми: документов у них нет никаких, а рассказать они ничего не могут.

Капитан Халл умолк и задумался.

– Разве эти две буквы что-нибудь говорят вам, капитан? – спросила через минуту миссис Уэлдон.

– Да, миссис Уэлдон. Они наводят меня на мысль... А впрочем, может быть, это просто случайное совпадение.

– Какое?

– Может быть, в этих двух буквах есть смысл и они помогут выяснить судьбу одного отважного путешественника.

– Не понимаю. Что вы хотите сказать?

– Сейчас объясню, миссис Уэлдон. В тысяча восемьсот семьдесят первом году, то есть два года назад, один путешественник-француз отправился в Африку по инициативе Парижского географического общества, чтобы попытаться пересечь континент с запада на восток. Исходным пунктом его экспедиции как раз было устье реки Конго. Конечной точкой, по возможности, должен был стать мыс Дельгадо в устье реки Рувума, по течению которой путешественник намеревался спуститься. Этого человека звали Самюэль Вернон.

– Самюэль Вернон? – повторила миссис Уэлдон.

– Да, миссис Уэлдон. Заметьте, что имя и фамилия начинаются как раз с тех букв, которые Динго выбрал из всего алфавита, и они же выгравированы на его ошейнике.

– В самом деле, – сказала миссис Уэлдон. – А что случилось с этим путешественником?

– Он отправился в экспедицию, – ответил капитан Халл, – и с тех пор от него не было известий.

– Ни одной весточки? – спросил Дик Сэнд.

– Ни одной, – сказал капитан.

– Что же вы об этом думаете? – спросила миссис Уэлдон.

– Я полагаю, что Самюэлю Вернону не удалось добраться до восточного берега Африки. Либо он погиб в пути, либо его захватили туземцы.

– Значит, эта собака...

– ...могла принадлежать Самюэлю Вернону. Но если мое предположение правильно, Динго оказался удачливее своего хозяина, и ему удалось вернуться назад к устью Конго – ведь его как раз в то время и именно там нашел капитан «Вальдека».

– А вы знаете, что француза-путешественника действительно сопровождала собака, или это только ваша догадка?

– Нет, миссис Уэлдон, это только моя догадка, – ответил капитан Халл. – Но во всяком случае бесспорно, что Динго знает буквы «С» и «В», инициалы путешественника. Каким образом и где собака научилась различать эти две буквы, я, разумеется, не могу вам сказать. Но Динго отлично их знает. Смотрите, он подталкивает кубики лапой, точно просит нас прочитать буквы.

И правда, поведение Динго нельзя было истолковать иначе.

– Разве Самюэль Вернон отправился в такую трудную экспедицию один? – спросил Дик Сэнд.

– Не знаю, – ответил капитан Халл. – Но весьма вероятно, что он взял с собой отряд носильщиков-туземцев.

В эту минуту Негоро вышел из кубрика на палубу. Сначала никто не обратил на него внимания, и поэтому никто не заметил странного взгляда, который португалец бросил на собаку, по-прежнему сидевшую над кубиками с буквами «С» и «В». Но Динго, увидев судового кока, яростно зарычал и оскалил зубы.

Негоро тотчас же ушел назад в кубрик, но взгляд, который он бросил на собаку, и невольный угрожающий жест не предвещали Динго ничего хорошего.

– Здесь кроется какая-то тайна, – прошептал капитан Халл, от глаз которого не ускользнула ни одна подробность этой краткой сцены.

– А все-таки странно, мистер Халл, – заметил Дик Сэнд, – как же это собака научилась различать буквы алфавита?

– И ничего тут нет странного! – заявил маленький Джек. – Мама часто

рассказывала мне про собаку, которая умела читать и писать, как настоящий школьный учитель, и даже играла в домино.

– Дорогой мой мальчик, – улыбаясь, сказала миссис Уэлдон, – собака Мунито, о которой я тебе рассказывала, совсем не была такой ученой, как тебе кажется. Если верить тому, что мне говорили, Мунито не умела отличить одну от другой буквы, из которых она составляла слова. Весь секрет ее «учености» заключался в замечательно остром слухе. Ее хозяин, один ловкий американец, заметил это качество у Мунито, стал развивать его и в конце концов добился удивительных результатов.

– И что же он сделал, миссис Уэлдон? – спросил Дик Сэнд. Тайна ученой собаки заинтересовала его не меньше, чем Джека.

– Вот что, друг мой. Когда Мунито предстояло «работать» перед публикой, на столе расставляли кубики с буквами, вроде кубиков Джека. Собака ходила по столу и следила, пока из публики назовут слово, которое она должна сложить, – громко или тихо, все равно. Единственным условием было, чтобы это слово знал хозяин Мунито.

– Значит, если хозяина не было... – начал юноша.

– ...собака ничего не могла сделать, – докончила миссис Уэлдон. – И вот почему. Буквы были расставлены на столе, собака расхаживала взад и вперед вдоль этого алфавита. Подойдя к букве, которую надо было взять, чтобы сложить заданное слово, она останавливалась, но не потому, что знала эту букву, а потому, что различала звук, неуловимый ни для кого другого, – она слышала, как американец щелкал зубочисткой, спрятанной в кармане. Это служило для нее сигналом. Мунито брала кубик и ставила его рядом с другим уже взятым кубиком.

– Вот и весь секрет? – воскликнул Дик Сэнд.

– Да. Секрет, как видишь, несложный, – ответила миссис Уэлдон. – Впрочем, и все другие фокусы обычно так же просты. Когда хозяина не было вблизи, Мунито теряла свой «дар». Поэтому-то меня так удивляет, что Динго сумел распознать эти две буквы в отсутствие Самюэля Вернона, если только он действительно был хозяином собаки.

– В самом деле, – заметил капитан Халл, – это достойно удивления. Впрочем, здесь ведь собака не складывает из букв любое слово, по выбору публики: она выбирает только две буквы – всегда одни и те же. В конце концов, собака, которая звонила у дверей монастыря, чтобы получить остатки обеда, предназначенные для раздачи нищим, или та собака, которая по очереди с другой должна была через день вращать вертел и отказывалась работать не в свою очередь, – быть может, эти собаки гораздо сообразительнее нашего Динго. Но как бы то ни было – перед нами

неоспоримый факт: из всех букв алфавита Динго выбрал только две – «С» и «В». Других букв он, по-видимому, не знает. Из этого может следовать только, что существовали какие-то причины, которые заставили собаку запомнить именно эти две буквы.

– Ах, капитан Халл, – сказал Дик Сэнд, – если бы Динго мог говорить! Он объяснил бы нам, что означают эти буквы и почему у него зуб на нашего кока!

– Да еще какой зуб! – рассмеялся капитан Халл, указывая на Динго, который в эту минуту зевнул, обнажив свои страшные клыки.

Глава шестая

Кит на горизонте

Нет ничего удивительного, что этот странный случай с Динго не раз служил темой бесед, которые вели на корме «Пилигрима» миссис Уэлдон, капитан Халл и Дик Сэнд. Последний инстинктивно относился к Негоро с особенным недоверием, хотя поведение судового кока по-прежнему не вызывало никаких нареканий. На баке и в кубрике тоже было немало разговоров о Динго, но там пришли к другому выводу: он был признан ученейшим псом, который не только читает, но, может быть, и пишет получше иного матроса. И если он еще не заговорил на человеческом языке, то только лишь потому, что у него, очевидно, имеются веские основания молчать.

– Вот увидите, – ораторствовал рулевой Болтон, – в один прекрасный день этот пес подойдет ко мне и спросит: «Куда мы держим курс, Болтон? Какой ветер нынче дует? Норд-вест или вест-норд-вест?» И придется ему ответить.

– Мало ли есть говорящих животных, – рассуждал другой матрос, – сороки, попугаи!.. Почему бы и собаке не заговорить, если ей захочется? Ключом ведь говорить труднее, чем пастью.

– Верно-то верно, – подтвердил боцман Хоуик, – вот только говорящих собак никогда не бывало.

Команда «Пилигрима» чрезвычайно удивилась бы, узнав, что говорящие собаки существуют, что у одного датского ученого была собака, которая умела отчетливо произносить слов двадцать. Но непроходимая пропасть отделяет такое умение говорить от умения понимать человеческую речь. У собаки датского ученого голосовые связки были устроены так, что она могла издавать членораздельные звуки. Но смысл произносимых слов она понимала не лучше, чем, скажем, попугаи, сойки или сороки. Для всех «говорящих» животных слова – это только разновидность пения или крика; значение этих звуков остается для них непостижимым.

Как бы там ни было, но Динго стал героем дня на борту «Пилигрима». К чести его надо сказать, что он от этого не возгордился. Капитан Халл неоднократно повторял все тот же опыт: он раскладывал перед собакой деревянные кубики, и Динго без ошибок и колебаний всякий раз выбирал кубики с буквами «С» и «В», не обращая внимания на остальные буквы

алфавита. Несколько раз капитан проделывал этот опыт при кузене Бенедикте. Однако ученого занимали только насекомые, и поведение Динго несколько не заинтересовало его. Но однажды он снизошел до небольшой лекции на эту тему.

– Не следует думать, – сказал он, – что только собаки проявляют такую сообразительность. Но и они, и другие подобные им животные на деле лишь подчиняются инстинкту. вспомните хотя бы крыс, которые бегут с кораблей, обреченных на гибель; вспомните бобров, которые предвидят подъем воды в реке и надстраивают свои плотины; вспомните ослов, у которых замечательная память; вспомните, наконец, лошадей, принадлежавших Никомеру, Скандербегу и Оппиену, – они умерли с горя после смерти своих хозяев. Были и другие животные, которые делают честь всему своему племени. Известны случаи, когда прекрасно обученные птицы писали без ошибок слова под диктовку своего учителя, когда попугаи считали гостей в комнате с точностью, которой позавидовал бы вычислитель Бюро долгов и широт. Разве не существовало попугая, за которого заплатили сто золотых, ибо он без запинки читал некоему кардиналу, своему хозяину, весь Символ веры? Разве, наконец, энтомолог не должен испытывать законного чувства гордости, когда он видит, как простые насекомые демонстрируют доказательства высокоразвитого интеллекта и убедительно подтверждают изречение: «In minimis maximus Deus»?^[24] Ведь муравьи могли бы поспорить со строителями наших больших городов, водяные пауки-серебрянки, не знающие законов физики, создают воздушные колокола, а блохи везут экипажи, как заправские рысаки, выполняют строевые упражнения не хуже карабинеров, стреляют из пушек лучше, чем дипломированные артиллеристы, окончившие Вест-Пойнт.^[25] Нет, этот ваш Динго не заслужил чрезмерных похвал. Если он так сведущ в азбуке – это вовсе не его заслуга: просто он принадлежит к еще не получившей своего места в зоологии породе *canis alphabetias* – «собак-грамотеев» из Новой Зеландии.

Но такие речи завистливого энтомолога несколько не унизили Динго в общественном мнении, и на баке о нем по-прежнему говорили как о настоящем чуде. Один лишь Негоро не разделял общего восхищения собакой. Быть может, он считал ее слишком умной. Динго относился к судовому коку все так же враждебно, и Негоро не преминул бы отплатить ему за это, если бы Динго не был способен постоять за себя, во-первых, и если бы, во-вторых, он не стал любимцем всего экипажа.

И теперь Негоро больше чем когда-либо избегал показываться на глаза

Динго. Это не помешало Дику Сэнду заметить, что после случая с кубиками взаимная ненависть человека и собаки усилилась. В этом было нечто необъяснимое.

Десятого февраля норд-ост, все время чередовавшийся с томительными штилями, во время которых «Пилигрим» не двигался с места, начал заметно стихать, и капитан Халл стал надеяться на скорую перемену ветра. Он мечтал о северо-западном ветре, который позволил бы шхуне поднять все паруса. Из Оклендского порта «Пилигрим» вышел всего девятнадцать дней тому назад. Задержка была не так уж велика, и при попутном ветре, поставив все паруса, шхуна могла быстро наверстать потерянное время. Но желанная перемена ветра еще не наступила. Приходилось ждать.

Эта часть океана была совершенно пустынна. Ни одно судно не заглядывало сюда. Мореплаватели, казалось, покинули эти широты навсегда. Китобои, охотившиеся в южных полярных морях, не собирались еще возвращаться на родину, и «Пилигрим», в силу чрезвычайных обстоятельств оставивший место охоты раньше времени, не мог надеяться на встречу с каким-нибудь собратом, идущим к тропику Козерога.

Трансокеанские же пакетботы, как уже говорилось, совершали свои рейсы между Америкой и Австралией под более низкими широтами.

Однако именно потому, что море было таким пустынным, оно особенно привлекало к себе внимание. Однообразное на взгляд поверхностного наблюдателя, оно представляется настоящим морякам, людям, которые умеют видеть и угадывать, бесконечно разнообразным. Неуловимая его изменчивость восхищает тех, кто обладает воображением и чувствует поэзию океана. Вот плывет пучок морской травы; вот длинная водоросль лежит на воде легким волнистым узором; а вот волны колышут обломок доски, и так хочется отгадать, откуда он здесь взялся. Бесконечный простор дает богатую пищу воображению. В каждой из этих частиц воды, то поднимающихся с испарением к облакам, то проливающих дождем в море, заключается, быть может, тайна какой-нибудь катастрофы. Как не позавидовать тем пытливым умам, которые умеют выведывать у океана его тайны, подниматься от его вечно движущихся вод к небесным высотам!

И всюду кипит жизнь – под водой и над водой! Пассажиры «Пилигрима» смотрели, как охотятся на маленьких рыбок стаи перелетных птиц, покинувших приполярные области перед наступлением зимних холодов. Дик Сэнд, перенявший у Джемса Уэлдона наряду со многими другими полезными навыками также и искусство меткой стрельбы, доказал, что он одинаково хорошо владеет ружьем и револьвером: он

подстрелил несколько этих стремительных летунов.

Над водой кружили буревестники – одни совершенно белые, другие с темной каймой на крыльях. Иногда пролетали стаи капских буревестников, а в воде проносились пингвины, у которых на земле такая неуклюжая и смешная походка. Однако как отметил капитан Халл, короткие крылья служат пингвинам настоящими плавниками, и в воде птицы эти могут состязаться с самыми быстрыми рыбами, так что моряки иногда принимают их за тунцов.

Высоко в небе реяли гигантские альбатросы, раскинув крылья в десять футов размахом. Затем они спускались на воду и погружали в нее клюв, ища добычу.

Эти непрестанно сменяющие друг друга картины представляют собой захватывающее зрелище. Только человеку, глубоко равнодушному к природе, море может показаться однообразным.

Днем 10 февраля миссис Уэлдон, прогуливаясь по палубе «Пилигрима», заметила, что поверхность моря стала красноватой. Казалось, вода окрасилась кровью. Сколько видел глаз, во все стороны простиралось это загадочное красное поле. Дик Сэнд играл с маленьким Джеком недалеко от миссис Уэлдон, и она сказала ему:

– Посмотри, Дик, что за странный цвет у моря. Может быть, тут какая-нибудь морская трава?

– Нет, миссис Уэлдон, – ответил Дик Сэнд, – эту окраску воде придают мириады крохотных рачков, которые обычно служат пищей крупным морским млекопитающим. Рыбаки очень верно прозвали этих рачков «китовой похлебкой».

– Рачки! – сказала миссис Уэлдон. – Но они такие крохотные, что их, пожалуй, можно назвать морскими насекомыми! Кузен Бенедикт, наверное, с радостью включит их в свою коллекцию. – И миссис Уэлдон громко позвала: – Кузен Бенедикт! Идите сюда.

Кузен Бенедикт вышел из каюты почти одновременно с капитаном Халлом.

– Поглядите, кузен Бенедикт! Видите это огромное красное пятно на море? – спросила миссис Уэлдон.

– Ага! – воскликнул капитан Халл. – Китовая похлебка! Вот удобный случай изучить весьма любопытных рачков, господин Бенедикт!

– Ерунда! – сказал энтомолог.

– Как «ерунда»?! – вскричал капитан. – Вы не имеете права проявлять такое равнодушие! Если не ошибаюсь, эти рачки относятся к одному из шести классов суставчатых и в качестве таковых...

– Ерунда! – повторил кузен Бенедикт, потрянув головой.
– Однако! Такое равнодушие у энтомолога...
– Не забывайте, капитан Халл, – прервал его кузен Бенедикт, – что я изучаю исключительно насекомых.

– Значит, вас эти рачки мало занимают, господин Бенедикт? Но если бы вы обладали желудком кита, как бы вы обрадовались этому пиру!.. Знаете, миссис Уэлдон, когда нам, китобоям, случается наткнуться в море на такую стаю рачков, мы спешим привести в готовность гарпуны и шлюпки. В таких случаях можно не сомневаться, что добыча близка...

– Но как могут такие крохотные рачки насытить огромного кита? – спросил Джек.

– Что ж тут удивительного, дружок? – ответил капитан Халл. – Ведь готовят же вкусные кушанья из манной крупы, из крахмала, из муки тончайшего помола. Так уж пожелала природа: когда кит плывет в этой красной воде, похлебка для него готова – ему стоит только открыть свою огромную пасть. Мириады рачков попадают туда, и тогда роговые пластинки – их называют «китовый ус», – которые щеткой свисают с его нёба, выполняют роль рыбачьих сетей. Никто не может ускользнуть из его рта, и масса рачков отправляется в обширный желудок кита так же просто, как суп в твой животик.

– Ты понимаешь, Джек, – добавил Дик Сэнд, – что господин кит не тратит времени на то, чтобы очищать от скорлупы каждого рачка в отдельности, как ты очищаешь креветок.

– И надо добавить, что как раз в то время, когда огромный обжора лакомится своей похлебкой, – сказал капитан Халл, – к нему легче подойти, не возбуждая у него тревоги. Самая подходящая минута пустить в ход гарпун...

В это мгновение, как бы подтверждая слова капитана Халла, вахтенный матрос крикнул:

– Кит на горизонте – впереди по левому борту!

Капитан Халл выпрямился во весь рост.

– Кит! – воскликнул он и, побуждаемый инстинктом охотника, побежал на нос.

Миссис Уэлдон, Джек, Дик Сэнд и даже кузен Бенедикт последовали за ним.

Действительно, в четырех милях от корабля, под ветром, море в одном месте как бы кипело. Опытный китобой не мог ошибиться: среди красных волн двигалось крупное морское млекопитающее.

Но расстояние было еще слишком велико, чтобы можно было

определить породу этого млекопитающего. Пород этих несколько, и каждая довольно резко отличается от других.

Может быть, это один из так называемых настоящих китов, за которыми главным образом и охотятся китобой северных морей? У настоящих китов нет спинного плавника, под кожей у них толстый слой жира. Длина настоящих китов иногда достигает восьмидесяти футов, но в среднем они не длиннее шестидесяти футов. От одного такого чудовища можно получить до ста бочек ворвани.

А может быть, это финвал, принадлежащий к породе спиноперных китов, – одно уже это название должно как-никак внушать уважение энтомологу. У финвалов похожие на крылья спинные белые плавники бывают длиной почти в половину туловища, это своего рода летающий кит.

Но это мог быть и большой полосатик, известный также под названием синего кита, – у него тоже есть спинной плавник, а по длине он не уступает настоящим китам.

Пока еще нельзя было определить, к какому виду принадлежит кит, замеченный вахтенным, но капитан Халл и весь экипаж «Пилигрима» с жадностью следили за ним.

Если часовщик, глядя в гостях на чужие стенные часы, испытывает непреодолимую потребность их завести, то насколько более страстное желание загарпунить добычу охватывает китобоя при виде плавающего в океане кита! Говорят, охота на крупного зверя увлекает больше, чем охота на мелкую дичь. Значит, охотничий пыл тем сильнее, чем крупнее дичь. Что же должны ощущать ловцы слонов и китобой? А экипаж «Пилигрима» волновался еще и потому, что судно возвращалось на родину с неполным грузом...

Капитан Халл пристально всматривался в даль. На таком расстоянии кита трудно было рассмотреть, но искушенный глаз китобоя безошибочно улавливал некоторые признаки, различимые даже издали: по фонтанам воды или, вернее, пара, вырывавшимся из дыхал кита, уже можно было определить, к какой породе он принадлежит.

– Это не настоящий кит! – воскликнул капитан Халл. – У настоящих китов фонтаны выше и тоньше. Если бы фонтан вылетал с шумом, похожим на отдаленный гул канонады, можно было бы с уверенностью сказать, что имеешь дело с финвалом. Но тут ничего такого нет. Прислушайтесь хорошенько. Тут фонтан производит шум совсем другого рода. Что ты об этом думаешь, Дик? – спросил капитан Халл, обернувшись к юноше.

– Мне кажется, капитан, что это полосатик, – ответил Дик Сэнд. –

Посмотрите, с какой силой взлетают в воздух фонтаны. И водяных струй в них как будто больше, чем пара. Если я не ошибаюсь, эта особенность присуща полосатикам.

– Правильно, Дик! – ответил капитан Халл. – Сомневаться уже не приходится! Там, в красной воде, плывет полосатик.

– Как красиво! – воскликнул маленький Джек.

– Да, голубчик! Подумать только, что это огромное животное спокойно кормится и даже не подозревает, что за ним наблюдают китобои!

– Я бы даже рискнул сказать, – скромно заметил Дик, – что это очень крупный полосатик.

– Несомненно! – ответил капитан Халл, у которого от волнения сверкали глаза. – Длины в нем по меньшей мере семьдесят футов.

– Здорово! – воскликнул боцман. – Загарпунить бы с полдюжины таких китов, и тогда мы полностью загрузили бы все трюмы нашего корабля.

– Да, полдюжины было бы вполне достаточно, – со вздохом сказал капитан Халл.

Чтобы лучше рассмотреть кита, он влез на бушприт.

– Да и с этим, – прибавил боцман, – мы за несколько часов заполнили бы ворванью не меньше половины из наших двухсот пустых бочек...

– Да... Это верно... Да! – пробормотал капитан Халл.

– Это правда, – подтвердил Дик Сэнд, – но одолеть такого огромного полосатика – дело не легкое.

– Конечно, – ответил капитан Халл. – Дело трудное, очень трудное. У больших полосатиков хвост чудовищной силы, и к ним надо подбираться очень осторожно. Самая крепкая шлюпка разлетается в щепки от удара их хвоста. Но ради такой поживы стоит рискнуть.

– Большой полосатик – большая добыча! – сказал один из матросов.

– И выгодная! – добавил другой.

– Жаль пройти мимо и не поздороваться с таким китом! – заключил третий.

Было ясно, что вся команда при виде кита очень обрадовалась. Сколько ворвани было заключено в туше, плававшей на поверхности воды так близко! Матросы говорили так, словно стоит лишь подставить бочки – и ворвань полетит в них широкой струей.

Взобравшись на ванты фок-мачты, они жадным взглядом следили за каждым движением кита, и нетерпеливые возгласы выдавали их чувства. Капитан Халл молча грыз ногти. Казалось, полосатик, будто мощный магнит, притягивает к себе «Пилигрим» и весь его экипаж.

– Мама! Мама! – воскликнул маленький Джек. – Мне очень хотелось бы посмотреть, какой он – кит!

– Ах, ты хочешь посмотреть кита вблизи, дружок? Что ж, почему бы и нет, дружка? – обратился капитан Халл к матросам, будучи уже не в силах противостоять соблазну. – Людей у нас маловато... Ну да как-нибудь справимся...

– Справимся, справимся! – в один голос закричали матросы.

– Мне не в первый раз придется выполнять обязанности гарпунщика, – продолжал капитан Халл. – Посмотрим, не разучился ли я метать гарпун...

– Ура, ура, ура! – закричали матросы.

Глава седьмая

Приготовления к охоте

Понятно, почему появление огромного морского животного привело в такое возбуждение экипаж «Пилигрима». Кит, плававший посреди красного водного поля, казался гигантским.

Добыть его и заполнить трюм корабля – искушение было велико! Могли ли китобои пропустить такой случай?

Однако миссис Уэлдон спросила капитана Халла, не опасна ли в таких условиях для команды и для него самого охота на кита.

– Нет, миссис Уэлдон, – ответил капитан Халл. – Опасности нет никакой. Мне не раз приходилось охотиться на китов с одной шлюпкой, и не было случая, чтобы я не добился цели. Повторяю, нет никакой опасности для нас, а следовательно, и для вас.

Миссис Уэлдон успокоилась и больше вопросов не задавала.

Капитан Халл тотчас же распорядился сделать все необходимые приготовления. Он по опыту знал, что охота будет трудной, и решил принять все меры предосторожности. Трудность охоты усугублялась еще и тем, что экипаж шхуны мог воспользоваться только одной шлюпкой, хотя на «Пилигриме» имелась не только шлюпка, установленная на кильблоках между грот-мачтой и фок-мачтой, но еще и три китобойных вельбота: один был подвешен с левого, другой – с правого борта, а третий – на корме.

Обычно эти три вельбота шли в погоню за китом все разом. Но для этого, как известно, при стоянке в Новой Зеландии вербовались матросы и гарпунщики, которые помогали постоянной команде «Пилигрима» во время промыслового сезона. Теперь же этой вспомогательной команды не было, и «Пилигрим» мог снарядить на охоту лишь пять матросов, то есть как раз столько, сколько нужно для обслуживания одного вельбота. От помощи Тома и его товарищей, которые поспешили предложить свои услуги, капитан Халл вынужден был отказаться – управление вельботом во время охоты на кита под силу только самым опытным морякам. Неверный поворот руля или несвоевременный взмах весла в момент нападения угрожают гибелью.

С другой стороны, капитан Халл не мог покинуть свое судно, не оставив на борту хотя бы одного опытного моряка: мало ли что могло случиться.

И так как на вельботе нужны сильные люди, капитану Халлу волей-

неволей пришлось поручить судно Дику Сэнду.

– Дик, – сказал он, – оставляю тебя своим заместителем на время охоты. Надеюсь, что она будет непродолжительной.

– Есть, капитан! – ответил молодой матрос.

Дику Сэнду очень хотелось самому принять участие в охоте, но он понимал, что на вельботе больше пользы принесет сильный взрослый мужчина, да, кроме того, лишь он один может заменить капитана Халла на «Пилигриме». Поэтому он беспрекословно повиновался.

Итак, на охоту отправлялась вся команда «Пилигрима». Четверо матросов сядут на весла, а боцман Хоуик возьмет кормовое весло, заменяющее на вельботе обычный руль, который не позволяет мгновенно выполнять маневры. А если во время охоты гребные весла сломаются, то кормовое весло в умелых руках может вывести вельбот из-под ударов разъяренного кита.

Капитан Халл должен был занять место гарпунщика – как он и говорил, ему не впервой была эта работа. Он должен был метнуть гарпун, следить за разматыванием длинной веревки, привязанной к концу гарпуна, и, наконец, добить раненого кита копьем, когда тот всплывет на поверхность океана.

Иногда для китобойного промысла пользуются огнестрельным оружием. На борту корабля или на носу шлюпки устанавливается особая пушка – она выбрасывает гарпун, который тянет за собой длинный линь,^[26] или стреляет разрывными снарядами, наносящими киту тяжелые раны.

Но на «Пилигриме» не было таких орудий. Кстати сказать, это довольно дорогое и требующее особых навыков приспособление, а моряки не очень любят новшества и потому предпочитают простой гарпун и копье, которыми они владеют очень искусно.

Именно с таким оружием капитан Халл и пустился на охоту за полосатиком, который был виден милях в пяти от «Пилигрима».

Правда, погода как будто благоприятствовала китобоям. Море было спокойно – значит, вельботу легче будет маневрировать. Ветра почти не было, и не приходилось опасаться, что «Пилигрим» отнесет далеко в сторону, пока экипаж будет преследовать кита.

Вельбот левого борта спустили на воду, и четверо матросов заняли в нем места.

Боцман Хоуик сбросил им два гарпуна и несколько длинных копий с острыми наконечниками. К этим орудиям нападения он добавил пять бухт^[27] гибкого и прочного линя, по шестисот футов в каждой бухте. Когда

одна бухта разматывается, матросы подвязывают к концу линия вторую, третью и так далее. Но иногда и трех тысяч футов линия оказывается недостаточно – так глубоко ныряет кит.

Таково было китобойное снаряжение, уложенное в порядке на носу лодки.

Заняв свои места, Хоуик и четверо матросов ожидали только приказа отдать концы.

Теперь осталось лишь одно свободное место на носу вельбота – его должен был занять капитан Халл.

Само собой разумеется, что перед отправлением на охоту экипаж «Пилигрима» положил корабль в дрейф, то есть реи были повернуты так, что паруса обеих мачт тянули его в разные стороны, а потому он был почти неподвижен.

Перед тем как спуститься в вельбот, капитан Халл бросил последний взгляд на шхуну. Он уверился, что все в порядке, паруса поставлены правильно, снасти хорошо обтянуты. Дику Сэнду предстояло оставаться на судне одному, быть может, в продолжение многих часов, и капитан хотел избавить его от необходимости переставлять паруса и маневрировать, если только того не потребуют особые обстоятельства.

Удостоверившись, что все в порядке, капитан подозвал к себе юношу и сказал ему:

– Дик, оставляю тебя одного. Смотри в оба! Может быть, против ожидания, «Пилигриму» придется пойти за нами, если кит утащит нас слишком далеко. Тогда Том и его товарищи помогут тебе поставить паруса. Ты хорошенько растолкуешь им, что надо делать, и я уверен, они отлично справятся с работой.

– Да, капитан Халл, – сказал старый Том, – мистер Дик может рассчитывать на нас.

– Приказывайте, приказывайте! – воскликнул Бат. – Мы покажем, как мы умеем работать!

– Что тянуть? – спросил Геркулес, засучивая рукава.

– Пока что ничего, – улыбаясь, ответил Дик.

– Я готов! – сказал гигант.

– Погода сегодня отличная, – продолжал капитан Халл, – ветер спал и, надо полагать, не посвежеет. Но что бы ни случилось, Дик, не спускай на воду шлюпку и не покидай судна!

– Есть, капитан!

– Если нужно будет, чтобы «Пилигрим» пошел за нами, я подам тебе сигнал: подниму вымпел на конце багра.

– Будьте спокойны, капитан. Я глаз не спущу с вашей шлюпки, – ответил Дик Сэнд.

– Отлично, голубчик, – сказал капитан Халл. – Будь храбр, но хладнокровен. Помни: ты теперь помощник капитана. Не посрами своего звания. Никому еще не случалось носить его в твоём возрасте.

Дик не ответил, а только улыбнулся и покраснел. Капитан Халл понял значение этой улыбки и румянца.

«Какой славный мальчик! – подумал он. – Скромность и бодрость – в этих двух словах весь его характер!»

Судя по прощальным наставлениям, легко было догадаться, что капитан Халл неохотно покидает корабль даже на несколько часов, хотя никакой опасности не предвиделось. Но несильная страсть охотника и, главное, горячее желание пополнить груз ворвани, чтобы выполнить обязательства Джемса Уэлдона в Вальпараисо, – все это побуждало его отважиться на опасную экспедицию. С другой стороны, спокойное море сулило легкую погоню за китом. Ни команда «Пилигрима», ни сам капитан не могли устоять перед таким искушением. Наконец-то шхуна наполнит свои трюмы – это последнее соображение взяло верх над всем остальным в душе капитана.

Он решительно шагнул к штурмтрапу.

– Счастливой охоты! – напутствовала его миссис Уэлдон.

– Спасибо!

– Пожалуйста, капитан Халл, не делайте больно этому бедному киту! – крикнул маленький Джек.

– Постараюсь, мой мальчик! – ответил капитан Халл.

– Поймайте его тихонько!..

– Да... да... Я надену перчатки, малыш.

– Иногда на спинах этих млекопитающих находят довольно любопытных насекомых! – заметил кузен Бенедикт.

– Что ж, господин Бенедикт, – смеясь, ответил капитан Халл, – никто не помешает и вам поохотиться, когда наш полосатик будет пришвартован к борту «Пилигрима»! – Потом, повернувшись к Тому, он добавил: – Том, я рассчитываю, что вы и ваши товарищи поможете нам разделать тушу, когда мы притащим кита к кораблю, – а это будет скоро.

– К вашим услугам, господин капитан! – ответил старый негр.

– Спасибо! – сказал капитан Халл. – Дик, эти славные люди помогут тебе приготовить пустые бочки. Пока мы будем охотиться, они поднимут бочки на палубу. И когда мы вернемся, работа пойдет быстро.

– Есть, капитан! Будет сделано!

Людам несведущим следует пояснить, что в случае удачной охоты убитого кита предстояло дотянуть на буксире до «Пилигрима» и крепко пришвартовать его к судну с правого борта. Тогда матросы, надев сапоги с шипами на подошвах, должны будут взобраться на спину гиганта, рассечь слой покрывающего его жира на параллельные полосы от головы до хвоста, затем разделить эти полосы поперек на ломти толщиной в полтора фута, разрезать каждый на куски, уложить в бочки и спустить их в трюм.

Обычно китобойное судно по окончании охоты старается поскорее причалить к берегу и там довести до конца обработку туши. Экипаж сходит на берег и приступает к перетапливанию жира: растопившись на огне, китовый жир выделяет всю свою полезную часть, то есть ворвань. ^[28]

Но теперь капитан Халл и думать не мог после охоты повернуть обратно к суше, чтобы закончить эту операцию. Он рассчитывал перетопить дополнительно добытый жир только в Вальпараисо. Однако ветер должен был вскоре измениться на западный, и капитан «Пилигрима» надеялся подойти к американскому побережью недели через три – за такой срок добыча не могла испортиться.

Наступил момент отплытия. Прежде чем лечь в дрейф, «Пилигрим» несколько приблизился к тому месту, где полосатик по-прежнему выдавал свое присутствие, выбрасывая фонтаном струи пара и воды.

Полосатик плавал по обширному водному полю, красному от крохотных рачков, и, поминутно разевая широкую пасть, захватывал при каждом глотке мириады микроскопических существ.

По мнению следивших за ним опытных китобоев, можно было не опасаться, что он попытается скрыться. Это, несомненно, был один из тех китов, которых гарпунщики называют «боевыми».

Капитан Халл перелез через борт и по штормтрапу спустился на нос вельбота.

Миссис Уэлдон, Джек, кузен Бенедикт, Том и его товарищи в последний раз пожелали капитану удачи.

Даже Динго, поднявшись на задние лапы и выставив голову за борт, как будто прощался с экипажем.

Затем все перешли на нос, чтобы не упустить ни одной подробности захватывающей охоты.

Вельбот отчалил, и равномерные сильные взмахи четырех весел быстро погнали его от «Пилигрима».

– Дик, следи за всем, следи хорошенько! – в последний раз крикнул капитан Халл.

– Положитесь на меня, капитан.

– Одним глазом за шхуной, а другим – за вельботом. Не забывай!
– Будет сделано, капитан, – ответил Дик и, подойдя к штурвалу, встал возле него.

Легкое суденышко было уже в нескольких сотнях футов от «Пилигрима». Капитан Халл стоял на носу. Он еще что-то говорил, но голоса его уже не было слышно, и только по выразительным жестам капитана Дик понял, что тот повторяет свои наставления.

В эту минуту Динго, не отходивший от борта, жалобно завыл. Это всегда производит тяжелое впечатление на людей, склонных к суеверию.

Миссис Уэлдон даже вздрогнула.

– Ах, Динго, Динго! – сказала она. – Разве так провожают друзей на охоту! Ну-ка, залай повеселее!

Но Динго замолчал. Сняв лапы с поручней, он медленно подошел к миссис Уэлдон и нежно лизнул ей руку.

– Он не виляет хвостом, – прошептал Том. – Плохой знак!.. Плохой знак!..

Вдруг Динго оцетинился и яростно зарычал.

Миссис Уэлдон обернулась.

Оказалось, что Негоро вышел из камбуза и направился на нос. Его, видимо, заинтересовала предстоящая охота, и он хотел посмотреть на маневры шлюпки.

Динго кинулся к судовому коку, весь дрожа от совершенно явной и непонятной ненависти.

Негоро поднял с палубы вымбовку^[29] и стал в оборонительную позицию.

Собака бросилась на него и хотела вцепиться ему в горло.

– Динго, сюда! – крикнул Дик Сэнд и, покинув на мгновение свой наблюдательный пост, бросился на бак.

Миссис Уэлдон тоже старалась успокоить собаку.

Динго нехотя повиновался и, глухо рыча, отошел к Дику.

Негоро не вымолвил ни слова, только сильно побледнел. Бросив на палубу вымбовку, он повернулся и ушел в свою каюту.

– Геркулес! – сказал Дик Сэнд. – Я поручаю вам следить за этим человеком.

– Буду следить, – просто ответил великан, сжимая огромные кулачищи.

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд снова обратили взгляд к вельботу, быстро удалявшемуся от судна.

Теперь он казался уже маленькой точкой среди бесконечного моря.

Глава восьмая

Полосатик

Опытный китобой, капитан Халл ничего не хотел оставлять на долю случая. Охота на полосатика – дело трудное, никакие меры предосторожности не могут быть в ней лишними. И капитан Халл не пренебрег ни одной из них.

Прежде всего он приказал рулевому подойти к киту с подветренной стороны, чтобы скрип весел не выдал приближения охотников.

Хоуик повел вельбот вдоль границы красного поля, посреди которого плавал кит. Таким образом охотники должны были его обогнуть.

Боцман был старым, опытным моряком и отличался редким хладнокровием. Капитан Халл знал, что может всецело положиться на своего рулевого: он не растеряется в решительную минуту, быстро и точно выполнит нужный маневр.

– Внимание, Хоуик! – сказал капитан Халл. – Попробуем застать полосатика врасплох. Постарайтесь незаметно подойти на такое расстояние, чтобы можно было уже бросить гарпун.

– Есть, капитан! – ответил боцман. – Я буду держать по краю красного поля, так, чтобы ветер все время был в нашу сторону.

– Ладно! – сказал капитан. – Гребите без шума, ребята! Как можно меньше шума!

Весла, предусмотрительно обитые у вальков кожей, не скрипели в уключинах.

Искусно направляемый боцманом вельбот подошел вплотную к полю красных рачков. Весла правого борта еще погружались в зеленую прозрачную воду, а по веслам левого уже стекали струйки красной, похожей на кровь жидкости.

– Вино и вода, – заметил один из матросов.

– Да, – ответил капитан Халл, – но эта вода не утолит жажды, а вино не напоит пьяным! Ну, друзья, теперь помалкивайте! И приналягте на весла...

Направляемый боцманом Хоуиком вельбот скользил по воде, точно по слою масла – совершенно бесшумно.

Полосатик не шевелился и как будто еще не заметил шлюпки, которая описывала круг, обходя его.

Следуя по этому кругу, вельбот, разумеется, удалялся от «Пилигрима»,

и корабль казался все меньше и меньше.

Все предметы в океане, когда удаляешься от них, быстро уменьшаются, и это всегда производит странное впечатление – словно смотришь на них в перевернутую подзорную трубу. Оптический обман в данном случае, очевидно, объясняется тем, что на широком морском просторе не с чем сравнивать удаляющийся предмет. Так было и с «Пилигримом» – он уменьшался на глазах с каждой минутой, и казалось, что он находится гораздо дальше, чем это было в действительности.

Через полчаса после того как шлюпка отвалила от корабля, она находилась прямо под ветром от кита, оказавшегося теперь между ней и «Пилигримом».

Настало время подойти поближе к полосатику. Это нужно было сделать бесшумно. Быть может, удастся незаметно подойти к киту сбоку и бросить гарпун с близкого расстояния.

– Медленнее, ребята! – тихо скомандовал гребцам капитан Халл.

– Кажется, наша рыбка что-то учуяла, – сказал Хоуик. – Дышит сейчас не так шумно, как раньше.

– Тише! Тише! – повторил капитан Халл.

Через пять минут охотники были всего в одном кабельтове от кита.

Боцман, стоя во весь рост на корме, направил вельбот так, чтоб подойти к левому боку полосатика, стараясь, однако, держаться в некотором отдалении от страшного хвоста, ибо одного его удара было бы достаточно, чтобы разбить вельбот в щепки.

Капитан Халл стоял на носу, расставив ноги для устойчивости, и держал в руке гарпун. Орудие это, брошенное его ловкой рукой, несомненно должно было глубоко вонзиться в мясистую спину кита, горбом выступавшую из воды.

Рядом с капитаном в бадье лежала первая из пяти бухт линия, крепко привязанная к заднему концу гарпуна. Остальные четыре находились под рукой, чтобы без задержки подвязывать одну к другой, если кит уйдет на большую глубину.

– Готовы? – прошептал капитан Халл.

– Готовы! – ответил Хоуик, крепче сжав рулевое весло.

– Подходи!

Боцман выполнил команду, и шлюпка поравнялась с полосатиком. Их разделяло расстояние едва ли в десять футов.

Полосатик не шевелился и, казалось, спал. Кит, застигнутый во время сна, легко становится добычей охотников. Иногда удается прикончить его с первого удара.

«Странно, что он так неподвижен, – подумал капитан Халл. – Вряд ли эта bestия спит... Нет, здесь что-то кроется!»

Такая же мысль мелькнула и у боцмана Хоуика, который старался заглянуть по другую сторону кита.

Однако времени для размышлений не оставалось: пришла пора действовать.

Держа гарпун за середину древка, капитан Халл несколько раз покачал им, чтобы лучше прицелиться, и затем с силой метнул его в полосатика.

– Назад, назад! – тут же крикнул он.

Матросы, дружно навалившись на весла, рванули вельбот назад, чтобы увернуться от ударов хвоста раненого кита.

И в это мгновение возглас боцмана объяснил причину загадочного поведения полосатика, его долгую неподвижность.

– Китенок! – воскликнул Хоуик.

Раненая самка почти перевернулась на бок, и тогда моряки увидели китенка, которого она кормила.

Капитан Халл знал, что присутствие детеныша делает охоту еще более опасной. Самка, несомненно, будет сражаться с удвоенной яростью, защищая не только себя, но и своего «малыша», если только можно назвать так животное длиной в двадцать футов.

Однако вопреки опасениям капитана Халла полосатик не ринулся сразу на шлюпку, и команде не пришлось рубить привязанный к гарпуну линь, чтобы спастись от разъяренного животного. Наоборот, кит, как это часто бывает, сначала полого нырнул, потом стремительно всплыл и с невероятной быстротой помчался вперед у самой поверхности воды. Детеныш последовал за ним.

Капитан Халл и боцман Хоуик успели рассмотреть кита, прежде чем он нырнул, и оценить его по достоинству.

Полосатик оказался могучим животным длиной не меньше восьмидесяти футов. Желтовато-коричневая кожа его была испещрена множеством более темных пятен.

Было бы досадно после удачного начала отказаться от такой богатой добычи.

Началось преследование или, вернее, буксирование. Вельбот с поднятыми веслами стрелой несся по волнам.

Хоуик невозмутимо направлял его, несмотря на то что шлюпку отчаянно бросало из стороны в сторону.

Капитан Халл, не спускавший глаз со своей добычи, неустанно повторял:

– Внимание, Хоуик! Внимание!

Но можно было не сомневаться, что и без этого предупреждения боцман был настороже.

Однако вельбот шел намного медленнее кита, и бухта разматывалась с такой скоростью, что можно было опасаться, как бы линь не загорелся от трения о борт лодки. Поэтому капитан Халл все время смачивал линь, наполняя морской водой бадью, в которой лежала бухта.

Полосатик, видимо, не собирался ни останавливаться, ни умерять быстроту своего хода. Второй линь был подвязан к первому и начал разматываться с той же скоростью.

Через пять минут пришлось подвязать третий линь, и он тоже стал уходить в воду.

Полосатик стремглав несся вперед. Очевидно, гарпун не задел каких-нибудь важных для жизни органов. Судя по наклону каната, можно было догадаться, что кит не только не собирается подняться на поверхность, но, наоборот, все глубже и глубже уходит в воду.

– Черт возьми! – воскликнул капитан Халл. – Кажется, эта тварь намерена сожрать все пять бухт!

– И оттащить нас далеко от «Пилигрима», – добавил боцман Хоуик.

– А все-таки ему придется подняться на поверхность, чтобы набрать воздуха, – заметил капитан Халл. – Ведь кит – не рыба: воздух ему нужен так же, как человеку.

– Он задерживает дыхание, чтобы быстрее плыть, – смеясь, сказал один из матросов.

В самом деле, канат продолжал разматываться с прежней быстротой.

К третьему линю вскоре пришлось привязать четвертый, и матросы, уже подсчитывавшие в уме свою долю барыша от поимки кита, немного приуныли.

– Вот проклятая тварь! – бормотал капитан Халл. – Ничего подобного я в жизни не видел! Чертов полосатик!

Наконец и пятая бухта была пущена в дело. Она уже размоталась почти наполовину, как вдруг натяжение каната уменьшилось.

– Хорошо! Хорошо! – воскликнул капитан Халл. – Линь провисает – значит, полосатик устал!

В эту минуту вельбот находился в пяти милях под ветром от «Пилигрима».

Капитан Халл, подняв вымпел на конец багра, дал кораблю сигнал приблизиться. Через мгновение он увидел, как Дик Сэнд с помощью Тома и его товарищей брасопит реи, забирая ветер в паруса.

Но ветер был слабый, он задувал порывами и очень быстро спадал. При этих условиях «Пилигриму» было трудно подойти близко к вельботу, даже если бы ему удалось его догнать.

Тем временем, как и предвидел капитан Халл, полосатик поднялся на поверхность океана подышать. Гарпун по-прежнему торчал у него в боку. Раненое животное несколько минут неподвижно лежало на воде, видимо, дожидаясь детеныша, который, должно быть, отстал во время этой бешеной гонки.

Капитан Халл приказал гребцам налечь на весла, и скоро вельбот снова очутился вблизи полосатика.

Двое матросов сложили весла и так же, как сам капитан, вооружились длинными копьями, которыми добивают раненого кита.

Хоуик осторожно продвигал вельбот, готовый тотчас же отвести его на безопасное расстояние, если кит вдруг ринется на них.

– Внимание! – крикнул капитан Халл. – Цельтесь хорошенько, ребята, бейте без промаха!.. Ты готов, Хоуик?

– Я-то готов, капитан, – ответил боцман, – но меня смущает, что после такого бешеного рывка наш полосатик вдруг затих...

– Мне это тоже кажется подозрительным.

– Надо поостеречься!

– Да. Однако не бросать же охоты! Вперед!

Капитан Халл все больше воодушевлялся.

Шлюпка приблизилась к киту, который только вертелся на одном месте. Детеныша возле него не было, и, может быть, мать искала его.

Вдруг полосатик взмахнул хвостом и сразу уплыл вперед футов на тридцать.

Неужели он снова собирается бежать? Неужели придется возобновить это бесконечное преследование?

– Берегись! – крикнул капитан Халл. – Он сейчас возьмет разгон и бросится на нас. Отходи, Хоуик! Отходи!

И действительно, полосатик повернулся головой к вельботу. Затем, с силой ударяя по воде плавниками, он ринулся на людей.

Боцман, верно рассчитав направление атаки, рванул вельбот в сторону, и кит с разгона проплыл мимо, не задев его.

Капитан Халл и оба матроса воспользовались этим, чтобы всадить копьё в тело чудовища, стараясь задеть какой-нибудь жизненно важный орган.

Полосатик остановился, выбросил высоко вверх два окрашенных кровью фонтана и снова ринулся на вельбот, буквально выпрыгивая из

воды. Нужно было обладать огромным мужеством, чтобы не потерять головы при виде разъяренного гиганта.

Но Хоуик опять успел отвести вельбот в сторону и уклониться от удара.

В тот миг, когда полосатик проносился мимо вельбота, три копья снова нанесли ему три глубокие раны. Но тут же кит с такой силой ударил своим страшным хвостом по воде, что поднялась огромная волна, как будто внезапно налетел шквал.

Вельбот чуть не перевернулся. Волна переплеснула через борт и наполовину затопила его.

– Ведро! Ведро! – крикнул капитан Халл.

Двое матросов бросили весла и с лихорадочной быстротой стали вычерпывать воду. Тем временем капитан Халл обрубил линь, теперь уже ставший бесполезным.

Нет, обезумевшее от боли животное и не помышляло больше о бегстве. Кит в свою очередь нападал сам, и его агония обещала быть ужасной.

В третий раз полосатик повернулся к шлюпке – «лоб в лоб», как сказал бы моряк.

Но теперь отяжелевшее от воды суденышко потеряло подвижность. Как могло оно избежать грозящего удара? Им уже нельзя было управлять, и тем более нельзя было спастись бегством.

Как ни усердно гребли матросы, теперь стремительный полосатик несколькими рывками мог настигнуть шлюпку. Пора было прекратить нападение и подумать о самозащите.

Капитан Халл хорошо это понимал.

При третьей атаке Хоуику удалось только ослабить удар, но не избежать его. Полосатик задел вельбот своим огромным спинным плавником. Толчок был так силен, что Хоуик слетел на дно шлюпки.

– Хоуик! Хоуик! – крикнул капитан Халл, который сам едва удержался на ногах.

– Здесь, капитан! – ответил боцман, вставая.

Но тут он увидел, что при падении переломил кормовое весло посередине.

– Бери другое! – крикнул капитан Халл.

– Есть! – ответил Хоуик.

В эту минуту вода словно закипела, и в нескольких саженях от шлюпки показался детеныш кита.

Полосатик его увидел и стремительно поплыл к нему.

Это могло только увеличить ожесточенность схватки – теперь

полосатик должен был сражаться за двоих.

Капитан Халл бросил взгляд в сторону «Пилигрима» и отчаянно замахал вымпелом, привязанным на конце багра.

Но что мог сделать Дик Сэнд такого, чего не сделал уже по первому сигналу капитана? Паруса на «Пилигриме» были поставлены, и ветер начал наполнять их. К несчастью, у шхуны не было мотора, который мог бы ускорить ее ход. Для того чтобы спустить на воду еще одну шлюпку и поспешить с неграми на помощь капитану, понадобилось бы очень много времени, да и сам капитан запретил Дику Сэнду покидать корабль, что бы ни случилось. Все же Дик приказал спустить на воду кормовую шлюпку и повел ее за шхуной на буксире, чтобы капитан и его товарищи могли в случае надобности ею воспользоваться.

В это время, прикрывая своим телом детеныша, полосатик вновь ринулся в атаку. На этот раз он стремительно понесся прямо на шлюпку.

– Внимание, Хоуик! – в последний раз крикнул капитан Халл.

Но боцман теперь был, так сказать, безоружен. Вместо кормового весла, самая длина которого придавала гребку силу, он держал обычное, довольно короткое весло.

Он попытался повернуть вельбот.

Это оказалось невозможным.

Матросы поняли, что погибли. Все они вскочили на ноги и закричали. Быть может, этот ужасный крик донесся до «Пилигрима»...

Страшный удар хвоста подбросил шлюпку, чудовищная сила взметнула ее на воздух. Разломившись на три части, она упала в водоворот, поднятый китом.

Несчастные матросы, хотя все они были тяжело ранены, могли бы еще удержаться на поверхности, если бы ухватились за обломки вельбота.

Именно это и сделал капитан Халл и даже помог боцману Хоуику уцепиться за тот же обломок...

Но кит яростно повернулся, вновь ринулся на них, быть может, в предсмертных судорогах бешено забил хвостом по взбаламученной воде, на которой еще пытались держаться несчастные матросы...

В продолжение нескольких минут не было видно ничего, кроме водяного смерча, брызг и пены.

Когда четверть часа спустя Дик Сэнд, который бросился с неграми в шлюпку, достиг места сражения, там не было уже ничего живого. На поверхности красной от крови воды плавали только обломки шлюпки.

Глава девятая

Капитан Сэнд

Жалость и ужас – вот первые чувства, охватившие пассажиров «Пилигрима» при виде катастрофы. Всех потрясла гибель капитана Халла и пятерых матросов. Эта страшная сцена разыгралась прямо у них на глазах, и они были бессильны помочь погибающим товарищам!.. Дик и его спутники не могли даже подоспеть вовремя, чтобы вытащить из воды раненых, но еще живых людей и подставить под ужасные удары разъяренного кита корпус корабля!

Океан поглотил капитана Халла и его матросов.

Когда «Пилигрим» подошел наконец к месту их гибели, миссис Уэлдон упала на колени и простерла руки к небу.

– Помолимся! – сказала она.

Маленький Джек, плача, опустился на колени рядом с матерью. Бедный ребенок все понял. Дик Сэнд, Нэн, Том и остальные негры стояли склонив голову. Все повторяли слова молитвы, которую миссис Уэлдон воссылала к Богу, прося его быть милостливым к тем, кто только что предстал перед ним.

Затем миссис Уэлдон, повернувшись к своим спутникам, сказала:

– А теперь, друзья мои, попросим у Всевышнего силы и мужества для нас самих!

Да, им так нужна была помощь Всемогущего, ибо положение их было очень тяжелым.

На их корабле не осталось больше ни капитана, чтобы командовать им, ни матросов, чтобы им управлять. Затерянный среди бескрайнего простора Тихого океана, в сотнях миль от ближайшей земли, он должен был стать беспомощной игрушкой ветров и течений.

Какой злой рок послал этого кита навстречу «Пилигриму»? Какой еще более злой рок побудил несчастного капитана Халла, обычно такого осторожного и благоразумного, пойти на страшный риск ради того, чтобы пополнить груз?

В истории китобойного промысла случаи, когда погибает весь экипаж шлюпки и никого не удается спасти, насчитываются единицами.

Да, гибель капитана Халла и его сотоварищей была страшным бедствием!

На «Пилигриме» не осталось ни одного человека из команды.

Хотя нет. Один остался. Дик Сэнд – младший матрос, юноша пятнадцати лет, почти мальчик.

И он должен был заменить теперь капитана, боцмана, весь экипаж!..

На борту судна находились пассажиры – мать с малым ребенком, и присутствие их еще более осложняло положение.

Правда, было еще пятеро негров, и эти честные, храбрые и усердные люди готовы были выполнить любую команду того, кто стал теперь их капитаном, но ведь они ничего не понимали в морском деле!

Дик Сэнд неподвижно стоял на палубе. Скрестив на груди руки, он смотрел на воду, поглотившую капитана Халла – его покровителя, человека, которого он любил, как отца. Потом он обвел взглядом горизонт. Он искал какое-нибудь судно, у которого мог бы попросить помощи, содействия или хотя бы доверить ему миссис Уэлдон.

Сам же он не собирался покинуть «Пилигрим». О нет! Сначала он сделает все, чтобы довести судно до ближайшего порта. Но на другом корабле миссис Уэлдон и ее сын оказались бы в безопасности, и Дику не приходилось бы тревожиться за жизнь этих двух существ, к которым он был привязан всей душой.

Океан был пустынен. После исчезновения полосатика ничто не нарушало его покоя. Вокруг «Пилигрима» были только небо да вода.

Дик Сэнд прекрасно знал, что «Пилигрим» находится в стороне от обычных путей торговых судов и что все китобойные флотилии в это время года плавают еще далеко на юге, занимаясь промыслом.

Приходилось смотреть опасности прямо в глаза, не приукрашивая свое положение. И, вознеся в глубине сердца молитву к небу о помощи и покровительстве, Дик глубоко задумался.

Какое же решение он примет?

В эту минуту на палубу вышел судовой кок, куда-то уходивший после катастрофы. Никто не мог бы сказать, какое впечатление произвело на него это непоправимое несчастье. Он с величайшим вниманием следил за всеми перипетиями злосчастной охоты, но не промолвил ни слова, не сделал ни одного движения. Если бы кому-нибудь пришла в такую минуту мысль посмотреть на него, то наблюдателя поразило бы равнодушное выражение его лица, на котором не дрогнул ни один мускул. Во всяком случае, он как будто и не слышал благочестивого призыва миссис Уэлдон, молившейся за утонувших, и не отозвался на него.

Теперь Негоро не спеша прошел на корму, где стоял Дик Сэнд, и остановился в трех шагах от него.

– Вы хотите поговорить со мной? – спросил Дик Сэнд.

– Нет, – холодно ответил кок. – Я хотел бы поговорить с капитаном Халлом, а если его нет, то с боцманом Хоуиком.

– Вы же знаете, что оба они погибли! – воскликнул Дик.

– Кто же теперь командует судном? – нагло спросил Негоро.

– Я! – не колеблясь ответил Дик Сэнд.

– Вы?! – Негоро пожал плечами. – Пятнадцатилетний капитан!

– Да, пятнадцатилетний капитан! – ответил Дик, шагнув к нему.

Негоро попятился.

– Не забывайте этого, – сказала миссис Уэлдон. – Здесь есть только один капитан... капитан Дик Сэнд. И не мешает всем знать, что он сумеет каждого заставить повиноваться ему.

Негоро поклонился, насмешливо пробормотал под нос несколько слов, которых никто не разобрал, и удалился в свой камбуз.

Итак, Дик Сэнд принял решение!

Тем временем ветер начал свежеть, и шхуна уже оставила позади обширное водное пространство, где кишели красные рачки.

Дик Сэнд осмотрел паруса, а затем обвел внимательным взглядом людей, стоявших на палубе. Он почувствовал, что как ни тяжела принятая им на себя ответственность, он не вправе от нее уклониться. Глаза всех его спутников были теперь устремлены на него, и, поняв по их взглядам, что он может положиться на этих людей, юноша коротко сказал им, что и они могут положиться на него.

Дик трезво взвесил свои силы.

С помощью Тома и его товарищей он мог в зависимости от обстоятельств ставить или убирать паруса. Но он сознавал, что у него нет достаточных знаний, чтобы определять с помощью приборов место судна в открытом море.

Еще года четыре или пять, и Дик Сэнд основательно подготовился бы к трудной и увлекательной профессии моряка. Он научился бы обращаться с секстаном – прибором, при помощи которого капитан Халл ежедневно измерял высоту светил. Пользуясь хронометром, указывающим время Гринвичского меридиана, он по разнице во времени высчитывал бы долготу. Солнце было бы его верным советчиком. Луна и планеты говорили бы ему: «Твой корабль находится в такой-то точке океана!» Совершеннейшие и непогрешимые часы, которые ничто не может испортить, в которых циферблатом служит небосвод, а стрелками – звезды, ежедневно докладывали бы ему о времени и о пройденном расстоянии. С помощью астрономических наблюдений он мог бы, как это делал капитан Халл, определять с точностью до одной мили место «Пилигрима», курс, по

которому он шел, и курс, которого следует держаться.

А Дик Сэнд мог определять место судна лишь приблизительно, руководствуясь компасом и показаниями лага,^[30] с поправками на снос ветром и течением.

Однако Дик не испугался.

Миссис Уэлдон поняла все, что творилось в душе отважного юноши.

– Спасибо, Дик! – сказала она недрогнувшим голосом. – Капитана Халла больше нет на свете. Весь экипаж погиб вместе с ним. Судьба корабля в твоих руках. Я верю, Дик, ты спасешь и корабль и всех нас!

– Да, миссис Уэлдон, – ответил Дик, – с Божьей помощью я постараюсь это сделать.

– Том и его товарищи – славные люди. Ты можешь всецело положиться на них.

– Я знаю это. Я обучу их морскому делу, и мы вместе будем управлять судном. В хорошую погоду это нетрудно. А в бурю... Ну что ж, в бурю мы будем бороться, миссис Уэлдон, и спасем вас, маленького Джека, всех! Я чувствую, что в силах это сделать! – И он повторил: – С Божьей помощью.

– Ты можешь узнать, Дик, где сейчас находится «Пилигрим»? – спросила миссис Уэлдон.

– Это нетрудно, – ответил Дик. – Достаточно взглянуть на карту: капитан Халл вчера нанес на нее наше место.

– А ты сможешь повести судно в нужном направлении?

– Да. Я буду держать курс на восток, примерно на тот пункт американского побережья, к которому мы должны пристать.

– Но ты, конечно, понимаешь, Дик, что после случившегося можно и даже нужно изменить наши первоначальные намерения? Разумеется, «Пилигрим» не пойдет теперь в Вальпараисо. Ближайший американский порт – вот куда ты должен вести судно!

– Конечно, миссис Уэлдон, – ответил Дик. – Да вы не тревожьтесь. Американский континент тянется так далеко на юг, что мы никак его не минуем.

– В какой стороне он находится? – спросила миссис Уэлдон.

– Вон там... – сказал Дик, указывая рукой на восток, который он определил по компасу.

– Ну хорошо, Дик, придем ли мы в Вальпараисо или в какой-нибудь другой порт – это все равно. Единственная наша цель – добраться до суши!

– И мы доберемся до нее, миссис Уэлдон! – уверенно ответил юноша. – Я ручаюсь, что доставлю вас в безопасное место. Впрочем, я не теряю надежды, что вблизи суши мы встретим какое-нибудь судно,

совершающее каботажные рейсы.^[31] Видите, миссис Уэлдон, поднимается северо-западный ветер. Даст Бог, он удержится, а тогда мы и оглянуться не успеем, как доберемся до берега. Поставим все паруса, от грота до кливера, и полетим стрелой!

Молодой матрос говорил с уверенностью бывалого моряка, который знает цену своему кораблю и не сомневается, что при любой скорости этот корабль не выйдет у него из повиновения. Он хотел уже стать к штурвалу и позвать своих спутников, чтобы поставить паруса по ветру, но миссис Уэлдон напомнила ему, что прежде всего необходимо выяснить, где находится «Пилигрим».

Действительно, это надо было сделать прежде всего. Дик сбегал в каюту капитана и принес оттуда карту, на которую было нанесено вчерашнее положение судна. Теперь он мог сказать миссис Уэлдон, что «Пилигрим» находится под 43°35' южной широты и 164°13' западной долготы, так как за истекшие сутки они почти не сдвинулись с места.

Миссис Уэлдон склонилась над картой. Она пристально смотрела на коричневую полосу, изображавшую землю по правую сторону океана. Это было побережье Южной Америки, огромный барьер, протянувшийся от мыса Горн до берегов Колумбии и отгораживающий Тихий океан от Атлантического. При взгляде на разостланную карту, где умещался весь океан, казалось, что земля совсем близко и пассажирам «Пилигрима» легко будет вернуться на родину. Это обманчивое впечатление неизменно возникает у всех, кто не привык к масштабам морских карт. И, увидев землю на листе бумаги, миссис Уэлдон почти подумала, что и настоящая земля вот-вот предстанет перед ее глазами.

Между тем если бы «Пилигрим» был изображен на этом же листе бумаги в правильном масштабе, он оказался бы меньше самой малой инфузории. И тогда эта математическая точка, не имеющая ощутимого размера, была бы на карте такой же одинокой и затерянной, каким был «Пилигрим» среди бесконечного простора океана.

У Дика не возникло такой иллюзии, как у миссис Уэлдон. Он знал, насколько далека земля, знал, что много сотен миль отделяют ее от корабля. Но это не могло поколебать его решимость. Ответственность, легшая на его плечи, превратила его во взрослого мужчину.

Пришла пора действовать. Нужно было воспользоваться северо-западным ветром, который задувал все сильнее. Противный ветер сменился попутным, и перистые облака, плывшие высоко в небе, предвещали, что спадет он не скоро.

Дик Сэнд позвал Тома и его товарищей.

– Друзья мои, – сказал он, – на «Пилигриме» нет другого экипажа, кроме вас. Без вашей помощи я не могу выполнить ни одного маневра. Вы не моряки, конечно, но у вас умелые руки. Отдайте их на службу «Пилигриму», и мы сумеем управлять им. От этого зависит наше спасение.

– Капитан Дик, – ответил Том, – мои товарищи и я сам охотно станем вашими матросами. В доброй воле у нас недостатка нет. Все, что могут сделать люди под вашим командованием, мы сделаем!

– Хорошо сказано, старина Том! – воскликнула миссис Уэлдон.

– Да, сказано хорошо, но мы должны соблюдать величайшую осторожность, – сказал Дик Сэнд. – Я не пойду ни на какой риск и не стану поднимать лишних парусов. Пусть мы проиграем немного в скорости, зато выиграем в безопасности. Этого требуют от нас обстоятельства. Я буду говорить вам, друзья мои, кто что должен делать. Сам я буду стоять у штурвала, сколько хватит сил. Мне достаточно будет поспать два-три часа, чтобы опять оправиться. Но как ни краток будет мой сон, кому-нибудь из вас придется заменять меня. Том, я обучу вас, как вести корабль по компасу. Это не так уж трудно, и при желании вы быстро научитесь держать судно на курсе.

– Как прикажете, капитан Дик, – ответил старый негр.

– Хорошо, – сказал юноша. – Пойдите до вечера со мной у штурвала, и если я свалюсь от усталости, вы сегодня же с успехом замените меня на несколько часов.

– А я? – спросил маленький Джек. – Разве я ничем не могу помочь моему другу Дику?

– Разумеется, дорогой мальчик! – ответила миссис Уэлдон, прижимая Джека к груди. – Тебя тоже научат управлять судном, и я уверена, что, когда ты будешь стоять у штурвала, ветер обязательно будет попутный.

– Конечно, мама, конечно! – воскликнул мальчик, хлопая в ладоши. – Я тебе это обещаю!

– Да, – улыбаясь, сказал Дик, – старые моряки говорят, что хороший юнга приносит судну счастье и попутный ветер. – И, обращаясь к Тому и остальным неграм, он добавил: – За дело, друзья! Пошли брасопить реи в полный бакштаг.^[32] Я покажу, что делать, а вы только выполняйте мои указания.

– Приказывайте, капитан Сэнд, – сказал Том, – мы готовы!

Глава десятая

Следующие четыре дня

Итак, Дик Сэнд стал капитаном «Пилигрима». Не теряя времени, он решил поднять все паруса.

Само собой разумеется, что у пассажиров было только одно желание: поскорее добраться если не до Вальпараисо, то хотя бы до какого-нибудь другого порта на американском побережье. Дик Сэнд намеревался следить за направлением и скоростью хода «Пилигрима» и, вычислив среднюю скорость, наносить ежедневно на карту пройденный путь. Для этого достаточно было располагать компасом и лагом.

На судне как раз имелся патент-лаг с вертушкой и циферблатом. Стрелка на циферблате показывала скорость движения судна в течение какого-нибудь определенного промежутка времени. Патент-лаг мог сослужить большую службу: он был весьма прост, и обучить пользоваться им даже неопытных новых матросов «Пилигрима» было нетрудно.

Но оставался один неустранимый источник ошибок – это океанские течения. Счисление^[33] тут бессильно, и лишь астрономические наблюдения позволяют определить точное место судна в открытом море. Но к несчастью, молодой капитан еще не умел делать астрономических наблюдений.

Сперва у Дика Сэнда мелькнула мысль отвести «Пилигрим» обратно к берегам Новой Зеландии. Этот переход был бы короче. Вероятно, Дик так бы и поступил, если бы ветер, дувший все время навстречу судну, не сменился вдруг попутным. Теперь легче было продолжать путь к Америке.

Ветер переменял направление почти на противоположное: теперь он дул с северо-запада и как будто крепчал. Этим следовало воспользоваться, чтобы пройти при попутном ветре как можно дальше.

Дик Сэнд намеревался идти в полный бакштаг.

На топсельной шхуне фок-мачта несет четыре прямых паруса: фок – на мачте, выше – марсель на стеньге, затем на брам-стенге брамсель и бом-брамсель.

Грот-мачта несет меньше парусов: только косою грот, а над ним – топсель.

Между этими двумя мачтами на штангах, которые поддерживают грот-мачту спереди, можно поднять еще три яруса косых парусов-стакселей.

Наконец, над бушпритом – наклонной мачтой, торчащей впереди носа, – поднимают три кливера.

Кливер, стаксели, косой грот и топсель можно ставить и убирать прямо с палубы, так как они не подтянуты к реям сезнями, которые надо предварительно отдать.

Но постановка парусов на фок-мачте требует больше морской сноровки. Для того чтобы произвести какой-нибудь маневр с этими парусами, нужно взобраться по вантам на стеньгу, брам-стеньгу или бом-брам-стеньгу этой мачты. Лазать на мачту приходится не только для того, чтобы поставить или убрать парус, но и тогда, когда нужно уменьшить площадь, которую парус подставляет ветру, – «взять рифы^[34]», как говорят моряки. Поэтому матросы должны уметь бегать по пертам – канатам, свободно подвешенным вдоль реев, – и работать одной рукой, держась другой: это очень опасно, особенно для непривычных людей. Не говоря уже о бортовой и килевой качке, которая ощущается тем сильнее, чем выше матрос поднимается на мачты, порыв мало-мальски свежего ветра, внезапно наполнившего паруса, может сбросить матроса за борт. Такая работа была очень опасна для Тома и его товарищей.

К счастью, ветер дул с умеренной силой. На море не успело еще подняться волнение, и качка была невелика.

Когда Дик Сэнд, по сигналу капитана Халла, повел «Пилигрим» к месту катастрофы, на судне были подняты грот, кливер, фок и марсель. Чтобы выйти из дрейфа, нужно было перебрасовать все паруса на фок-мачте. Негры без особого труда помогли ему в этом маневре.

Теперь оставалось только повернуть корабль, чтобы он шел в полный бакштаг, и поднять брамсель, бом-брамсель, топсель и стаксели.

– Друзья мои, – сказал молодой капитан пяти неграм, – делайте то, что я вам прикажу, и все пойдет замечательно.

Сам он продолжал стоять у штурвала.

– Том, отдайте брасы! – крикнул он.

– Отдать? – недоуменно переспросил Том, не поняв этого выражения.

– Ну да... отвяжите его! И вы, Бат, делайте то же самое!.. Так, хорошо! Теперь вытягивайте! Выбирайте... выхаживайте... Ну, в общем, тяните!

– Вот так? – спросил Бат.

– Да, да! Очень хорошо! Геркулес, ваша очередь! Ну-ка, понатужьтесь, здесь нужна сила!

Просить Геркулеса «понатужиться» было по меньшей мере неосторожно: великан ничтоже сумняшеся рванул снасть с такой силой, что чуть не оторвал ее совсем.

– Не так сильно! – закричал Дик Сэнд, улыбаясь. – Этак вы свалите мачту!

– Да ведь я только чуть-чуть потянул, – оправдывался Геркулес.

– Вот что, Геркулес: вы уж лучше только притворяйтесь, что тянете. Увидите, этого будет достаточно... Внимание, друзья! Потравите еще... Ослабьте!.. Так... Крепите... Да крепите же!.. То есть привязывайте! Так, так! Хорошо! Дружнее! Выбирайте... то есть тяните брасы!..

И все паруса фок-мачты, у которых с левой стороны брасы были отданы, медленно повернулись. Ветер наполнил их, и судно двинулось вперед.

Затем Дик велел вытравить шкоты кливера и созвал после этого негров на корме.

– Отлично работали, друзья мои! – похвалил Дик Сэнд матросов. – А теперь займемся грот-мачтой. Только смотрите, Геркулес, ничего не рвите и не ломайте.

– Я постараюсь, – ответил великан, не решаясь ничего твердо обещать.

Этот второй маневр также был нетруден. Гика-шкот был слегка отпущен, грот повернулся под нужным углом; он сразу наполнился ветром, и его мощное действие прибавилось к действию передних парусов.

Затем над гротом подняли топсель, и так как он был просто взят на гитовы, достаточно было подобрать фал и выбрать галс, а затем закрепить их.^[35] Но Геркулес и его друг Актеон, не считая маленького Джека, взявшегося помогать им, выбирали фал с такой силой, что он лопнул.

Все трое опрокинулись навзничь, к счастью, не причинив себе ни малейшего вреда. Джек был в восторге!

– Ничего, ничего! – крикнул молодой капитан. – Свяжите пока фал и тяните, только послабее!

Наконец все было сделано надлежащим образом, и Дику Сэнду не пришлось даже отойти от штурвала. Теперь «Пилигрим» быстро шел на восток, и оставалось лишь следить за тем, чтобы судно не отклонялось от курса. Это было проще простого, так как ветер был умеренный и судно не рыскало.

– Отлично, друзья мои, – сказал Дик Сэнд. – Вы станете настоящими моряками еще до того, как кончится наше плавание.

– Мы постараемся, капитан Сэнд, – ответил за всех старый Том.

Миссис Уэлдон тоже похвалила старательных матросов.

Свою долю похвал получил и маленький Джек: ведь он потрудился на славу.

– Мне кажется, Джек, что это ты оборвал фал, – улыбаясь, сказал

Геркулес. – Какие у тебя сильные ручонки! Не знаю, что бы мы делали без тебя!

И маленький Джек, очень довольный собой, крепко потряс руку своего друга Геркулеса.

Однако «Пилигрим» нес еще не все паруса. Не были подняты брамсель, бом-брамсель и стаксели. А между тем при ходе в бакштаг они могли значительно ускорить ход «Пилигрима». Дик Сэнд решил поднять и их.

Если стаксели можно было поставить без особенного труда, прямо с палубы, то с прямыми парусами фок-мачты дело обстояло хуже: чтобы поднять их, нужно было взобраться на рей, и, не желая подвергать риску никого из своей неопытной команды, Дик Сэнд сам занялся этим делом.

Он подозвал Тома, передал ему штурвал и показал, как следует вести судно. Затем, поставив Геркулеса, Бата, Актеона и Остина у фалов брамселя и бом-брамселя, он полез на мачту. Взобраться по выбленкам вант фок-мачты, вскарабкаться на марс, добраться до рея для Дика было сущей игрой. Подвижный и ловкий юноша мигом побежал по пертам брам-рея и отдал сезни, подтягивающие брамсель.

Потом он перебрался на бом-брам-рей^[36] и быстро распустил парус.

Покончив с этим делом, Дик Сэнд соскользнул по одному из фордунов^[37] правого борта прямо на палубу.

Здесь по его указанию матросы растянули оба паруса, то есть притянули их шкотами за нижние углы к нокам^[38] ниже лежащих реев, и прочно закрепили шкоты. Затем были поставлены стаксели между грот-мачтой и фок-мачтой, и этим кончилась работа по подъему парусов.

Геркулес на этот раз ничего не разорвал.

«Пилигрим» шел теперь на всех парусах. Конечно, Дик мог поставить еще левые лисели фок-мачты, но при таких условиях их было трудно ставить и еще труднее было бы быстро убрать в случае шквала. Поэтому молодой капитан решил ограничиться уже поднятыми парусами.

Том получил разрешение отойти от штурвала, и Дик Сэнд снова стал на свое место.

Ветер свежел. «Пилигрим», слегка накренившись на правый борт, быстро скользил по морю. Плоский след, оставляемый им на воде, свидетельствовал об отличной форме подводной части судна.

– Вот мы и легли на нужный курс, миссис Уэлдон, – сказал Дик Сэнд. – Только бы, дай Бог, удержался попутный ветер!

Миссис Уэлдон пожала руку юноше. Потом, ощутив вдруг сильную

усталость от всех пережитых за последние часы волнений, она ушла в свою каюту и впала в тяжелое забытие, которое трудно назвать сном.

Новая команда шхуны осталась на палубе. Матросы несли вахту на баке, готовые по первому слову Дика Сэнда выполнить любую работу, переставить паруса. Но пока сила и направление ветра не изменились, им нечего было делать.

А чем же занят был в это время кузен Бенедикт?

Кузен Бенедикт изучал при помощи лупы насекомое, которое ему наконец удалось разыскать на борту «Пилигрима», простое прямокрылое с головой, прикрытой выступающим краем переднеспинки, с плоскими надкрыльями, округлым брюшком и довольно длинными крыльями, принадлежащее к отряду тараканов и к виду американских тараканов.

Кузену Бенедикту посчастливилось сделать эту находку в камбузе. Он подоспел как раз вовремя: Негоро только что занес ногу, чтобы безжалостно раздавить указанное насекомое. Ученый с негодованием обрушился на португальца. Это, впрочем, не произвело на последнего никакого впечатления.

Знал ли кузен Бенедикт, какие изменения произошли на борту корабля после того, как капитан Халл и его спутники отправились на злополучную охоту за полосатиком? Конечно, знал. Больше того: он был на палубе, когда «Пилигрим» подошел к месту катастрофы, где еще плавали обломки разбитого вельбота. Следовательно, экипаж корабля погиб на его глазах.

Утверждать, что эта катастрофа не огорчила его, значило бы обвинить кузена Бенедикта в жестокосердии. Чувство сострадания не было ему чуждо, он жалел несчастных охотников. Он был огорчен и тем, что его кузина оказалась в таком тяжелом положении. Он подошел к миссис Уэлдон и пожал ей руку, как бы говоря: «Не бойтесь! Я здесь! У вас остался я!»

Затем он вернулся в свою каюту – несомненно, чтобы хорошенько обдумать последствия этой катастрофы и наметить план энергичных действий.

Но по дороге он наткнулся на упомянутого уже таракана, и поскольку кузен Бенедикт мечтал доказать, что, вопреки мнению некоторых энтомологов, нравы тараканов, принадлежащих к роду фораспеев, замечательных своей окраской, совершенно отличны от нравов тараканов обыкновенных, он тут же принялся за исследование, мгновенно позабыв, что на свете существует шхуна «Пилигрим», что ею командовал капитан Халл и что этот несчастный погиб вместе со всем своим экипажем. Таракан полностью завладел его вниманием. Он любовался им так, словно это

противное насекомое было сделано из золота.

Жизнь на борту снова вошла в колею, хотя еще долго все оставались под впечатлением страшной и неожиданной катастрофы.

В первый день Дик Сэнд буквально разрывался на части, чтобы всюду поспеть и быть готовым ко всяким неожиданностям. Негры усердно исполняли все его распоряжения. На борту «Пилигрима» царил образцовый порядок. Можно было надеяться, что и дальше все пойдет хорошо.

Негоро не пытался больше оспаривать власть Дика Сэнда. Казалось, он безмолвно признал его капитаном. Он по-прежнему много времени проводил в своем тесном камбузе и редко выходил на палубу. Со своей стороны, Дик Сэнд твердо решил посадить Негоро под арест в трюм на все время плавания при малейшей его попытке нарушить дисциплину. По первому знаку молодого капитана Геркулес схватил бы кока за шиворот и отнес бы его в трюм. Это не заняло бы много времени. Старая Нэн, которая умела готовить, могла бы заменить его в камбузе. Очевидно, Негоро понимал, что без его услуг прекрасно могут обойтись, и, чувствуя, что за ним зорко следят, не желал навлекать на себя никаких нареканий.

Хотя к вечеру ветер усилился, «Пилигрим» мог идти под теми же парусами. Крепкие мачты корабля, железные поковки на них, хорошее состояние всей оснастки позволяли нести эти паруса даже и при более сильном ветре.

К ночи на кораблях обычно уменьшают парусность, убирая верхние паруса – брамсели, бом-брамсели и топсели. Это очень разумно, так как тогда кораблю не страшны внезапные шквалы. Но Дик Сэнд решил не принимать этих мер предосторожности: погода не предвещала никаких неприятных неожиданностей, а молодой капитан намеревался провести всю эту первую ночь на палубе и лично следить за всем. Кроме того, ему не хотелось уменьшать скорости судна, пока они не выбрались из этой пустынной части океана.

Мы уже упоминали, что лаг и компас были единственными приборами, которыми Дик Сэнд мог пользоваться для приблизительного определения пути, пройденного «Пилигримом».

Молодой капитан приказал бросать лаг каждые полчаса и записывал показания прибора.

Что касается компасов, то на борту их было два: один был установлен в нактоузе,^[39] прямо перед рулевым. Его картушка, которую днем освещало солнце, а ночью две боковые лампы, в любой момент указывала курс судна, то есть направление его движения.

Второй компас был укреплен в перевернутом положении к потолку

каюты, которую занимал раньше капитан Халл. Таким образом, капитан, не выходя из каюты, всегда мог знать, ведет ли рулевой корабль точно по заданному курсу или, напротив, по неопытности или вследствие небрежности позволяет ему излишне рыскать.

Собственно, все суда, совершающие дальние плавания, обычно имеют не меньше двух компасов, а также двух хронометров. Время от времени приходится сличать показания этих приборов, чтобы удостовериться, исправны ли они.

«Пилигрим», как мы видим, не отставал в этом отношении от других судов, и Дик Сэнд приказал своему экипажу очень беречь оба компаса, которые были ему так необходимы.

Но в ночь с 12 на 13 февраля, когда юноша нес вахту у штурвала, случилась досадная неприятность. Компас, висевший в капитанской каюте на медном кольце, сорвался и упал на пол. Заметили это только на следующее утро.

Каким образом сорвалось кольцо? Никто не мог этого объяснить. Оставалось только предположить, что оно было уже изношено и при толчке бортовой или килевой качки обломилось. Ночью как раз было довольно сильное волнение. Но так или иначе, второй компас разбился, и починить его было невозможно.

Дик Сэнд очень огорчился. Теперь он вынужден был полагаться на показания компаса в нактоузе. Несомненно, никто не был виноват в том, что второй компас разбился, и все же это могло иметь весьма неприятные последствия. Дик Сэнд принял все возможные меры к тому, чтобы оградить последний компас от всяких случайностей.

Если не считать этого происшествия, на «Пилигриме» все обстояло благополучно.

Видя, что Дик спокоен, миссис Уэлдон снова поверила в счастливый исход путешествия. Впрочем, она никогда не поддавалась отчаянию, ибо прежде всего полагалась на милость неба и черпала душевную бодрость в искренней вере и молитве.

Дик Сэнд распределил время так, что на его долю выпали ночные вахты у штурвала. Днем он спал пять-шесть часов, и, по-видимому, этот недолгий сон восстанавливал его силы – особой усталости он не чувствовал. Когда молодой капитан отдыхал, у штурвала стояли Том или его сын Бат. Благодаря помощи Дика они мало-помалу становились неплохими рулевыми.

Миссис Уэлдон часто беседовала с Диком. Он очень ценил советы этой отважной и умной женщины. Каждый день он показывал ей на карте

пройденный «Пилигримом» за сутки путь, определяя его лишь по направлению судна и средней скорости его хода.

– Вот видите, миссис Уэлдон, – говорил он, – при таком попутном ветре перед нами скоро откроются берега Южной Америки. Я не решаюсь утверждать, но очень надеюсь, что мы окажемся тогда близ Вальпараисо.

Миссис Уэлдон не сомневалась, что «Пилигрим» держит правильный курс и что попутный северо-западный ветер несет его к намеченной цели. Но каким еще далеким казался берег Америки! Сколько опасностей подстерегало судно на пути к суше, даже не считая тех перемен, какими грозят и небо и море!

Беспечный, как все дети его возраста, Джек опять начал играть и бегать по палубе, возиться с Динго. Он замечал, конечно, что Дик уделяет ему теперь меньше времени, чем прежде, но миссис Уэлдон объяснила сыну, что не следует отрывать Дика от работы, и послушный мальчик не приставал к «капитану Сэнду».

Так текла жизнь на борту «Пилигрима». Негры все лучше усваивали свое новое матросское ремесло и неплохо справлялись с делом. Старый Том выполнял обязанности боцмана, и, несомненно, сотоварищи сами выбрали бы его на эту должность. В те часы, когда молодой капитан отдыхал, Том был начальником вахты, и вместе с ним дежурили Бат и Остин; Актеон и Геркулес составляли вторую вахту под начальством Дика Сэнда. Таким образом, каждый раз один стоял у штурвала, а двое других несли вахту на носу.

Хотя судно находилось в пустынной части океана и здесь можно было не опасаться столкновения с встречным кораблем, Дик Сэнд требовал от вахтенных внимания и бдительности. С наступлением темноты он приказывал зажигать ходовые огни: зеленый фонарь на правом борту и красный на левом – требование, конечно, вполне разумное.

Иногда в течение тех ночей, которые Дик Сэнд проводил у штурвала, он совсем изнемогал, чувствовал непреодолимую слабость. Рука его поворачивала штурвал почти инстинктивно. Усталость, с которой он не хотел считаться, брала свое.

В ночь с 13 на 14 февраля Дик вынужден был отдохнуть несколько часов. У штурвала его заменил старик Том.

Небо сплошь затягивали облака; к вечеру похолодало, и они спустились очень низко. Было так темно, что с палубы нельзя было разглядеть верхние паруса, терявшиеся во мраке. Геркулес и Актеон несли вахту на баке.

На корме слабо светился нактоуз, и этот мягкий свет отражался в

металлической отделке штурвала. Фонари ходовых огней были обращены к горизонту, и палуба судна оставалась погруженной в темноту.

Около трех часов ночи со старым Томом, утомленным долгой вахтой, случилось что-то похожее на гипнотический сон: глаза его, слишком долго смотревшие на светящийся круг нактоуза, вдруг перестали видеть, и он оцепенел в сковавшей его дремоте.

Он не только ничего не видел, но если бы даже его сильно ущипнули, он, вероятно, тоже ничего не почувствовал бы. И потому он не заметил, что по палубе скользнула какая-то тень.

Это был Негоро.

Подкравшись к компасу, судовой кок подложил под нактоуз какой-то тяжелый предмет, который он держал в руке. Несколько секунд он смотрел в нактоуз на освещенную картушку, а затем бесшумно исчез.

Если бы Дик Сэнд, сменивший поутру Тома, заметил предмет, положенный Негоро под нактоуз, он поспешил бы убрать его.

Это был железный брусок, под влиянием которого показания компаса изменились. Вместо того чтобы указывать направление на магнитный полюс, которое лишь немного отличается от направления на истинный полюс, стрелка указывала теперь на северо-восток. Отклонение это достигло четырех румбов,^[40] то есть половины прямого угла.

Через мгновение Том очнулся. Он бросил взгляд на компас... Ему показалось – могло ли быть иначе? – что «Пилигрим» отклонился от курса.

Том повернул штурвал и направил корабль прямо на восток... Так ему по крайней мере казалось.

Но вследствие отклонения стрелки, о котором он, конечно, и не подозревал, курс корабля, измененный на четыре румба, лег теперь на юго-восток.

Таким образом, «Пилигрим», продолжая идти вперед с прежней скоростью, уклонился от заданного курса на 45°.

Глава одиннадцатая

Буря

За всю следующую неделю, с 14 по 21 февраля, на судне не произошло ничего примечательного. Северо-западный ветер понемногу крепчал, и «Пилигрим» быстро продвигался вперед, делая в среднем по сто шестьдесят миль в сутки. Большого и нельзя было требовать от судна такого тоннажа.

Дик Сэнд предполагал, что шхуна приближается к водам, по которым проходят трансокеанские пароходы, поддерживающие пассажирское сообщение между двумя полушариями. Он надеялся встретить один из таких пароходов и твердо решил либо переправить на него своих пассажиров, либо получить с него временное подкрепление из нескольких матросов, а может быть, и офицера. Но как ни всматривался он в даль, нигде не было видно ни одного судна. Море по-прежнему оставалось пустынным.

Это не могло не удивлять Дика Сэнда. Он участвовал уже в трех дальних плаваниях на китобойных судах и много раз пересекал эту часть Тихого океана, где, по его расчетам, находился сейчас «Пилигрим». При этом он неизменно встречал то американское, то английское судно, которые либо шли от мыса Горн к экватору, либо направлялись к этой крайней южной оконечности Американского континента.

Но Дик Сэнд не знал и не мог даже подозревать, что сейчас «Пилигрим» находится в более высоких широтах, то есть гораздо южнее, чем он предполагал.

Это обуславливалось двумя причинами.

Во-первых, местные течения, скорость которых Дик Сэнд мог оценить лишь очень приблизительно, незаметно, но непрерывно сносили корабль в сторону от курса.

Во-вторых, компас, испорченный преступной рукой Негоро, давал неправильные показания, а Дик Сэнд не мог их проверить, так как второй компас был сломан. Поэтому хотя молодой капитан считал – и не мог не считать, – что ведет судно на восток, в действительности он вел его на юго-восток! Компас всегда был перед его глазами. Лаг регулярно бросали. Эти два прибора позволяли приблизительно определять число пройденных миль и более или менее точно вести судно по курсу. Но достаточно ли этого было?

Дик Сэнд всячески старался внушить бодрость миссис Уэлдон, которая иногда тревожилась из-за последних неприятных случайностей.

– Мы доплывем, мы доплывем, – говорил он ей. – Мы доберемся до американского побережья. Не так уж важно, в каком месте, но мимо пройти мы не можем.

– Я не сомневаюсь в этом, Дик!

– Конечно, миссис Уэлдон, я был бы куда спокойнее, если бы вас не было на борту и мне приходилось бы думать только о нас, но...

– Но если бы меня не было на борту, – отвечала миссис Уэлдон, – если бы кузен Бенедикт, Джек, Нэн и я не плыли на «Пилигриме» и если бы вы не выбрали в море Тома и его товарищей, то вас было бы тут только двое – ты и Негоро!.. Что было бы с тобой, если бы ты остался один с этим злым человеком, которому ты не можешь доверять? Да, мой мальчик, что с тобой было бы?

– Я начал бы с того, – решительно сказал юноша, – что лишил бы Негоро возможности вредить...

– И один управился бы с судном?

– Да, один... с помощью Божьей.

Твердый и решительный тон юноши успокаивал миссис Уэлдон. И все же она не могла отделаться от тревожного чувства, когда смотрела на своего маленького сына. Мужественная женщина старалась ничем не проявлять своего беспокойства, но как щемило материнское сердце от тайной тоски!

Однако если молодой капитан не обладал еще достаточными навигационными знаниями, чтобы определять место своего корабля в море, у него было чутье истого моряка и «чувство погоды». Вид неба, с одной стороны, и показания барометра – с другой, позволяли ему наперед подготовиться к изменениям ветра. Капитан Халл, хороший метеоролог, научил его пользоваться этим инструментом, предсказания которого на редкость точны.

Мы вкратце расскажем здесь, как надо вести наблюдения с помощью барометра.^[41]

«1. Когда после достаточно долгого периода хорошей погоды барометр начинает быстро и непрерывно падать – это верный признак дождя. Однако если хорошая погода стояла очень долго, ртутный столбик может опускаться два-три дня, раньше чем в атмосфере произойдут сколько-нибудь заметные изменения. В таких случаях чем больше времени прошло между началом падения ртутного столба и началом дождей, тем дольше будет держаться дождливая погода.

2. Если, наоборот, во время долгого периода дождей барометр начнет медленно, но непрерывно подниматься, можно с уверенностью предсказать наступление хорошей погоды, и эта хорошая погода удержится тем дольше, чем больше времени прошло между началом подъема ртутного столба и первым ясным днем.

3. В обоих случаях, если погода изменится сразу после начала подъема или падения ртутного столба, это изменение будет весьма непродолжительным.

4. Если барометр медленно, но непрерывно поднимается в течение двух-трех дней и дольше, это предвещает хорошую погоду, хотя бы все эти дни и лил не переставая дождь, и *vice versa*.^[42] Но если барометр медленно поднимается в дождливые дни, а с наступлением хорошей погоды начинает падать, – хорошая погода удержится очень недолго, и *vice versa*.

5. Весной и осенью быстрое падение барометра предсказывает ветреную погоду. Летом, если погода стоит жаркая, оно предсказывает грозу. Зимой, после продолжительных морозов, быстрое падение ртутного столба говорит о предстоящей перемене направления ветра, сопровождающейся оттепелью и дождем, но повышение ртутного столба во время продолжительных морозов предвещает снегопад.

6. Частые колебания уровня ртутного столба, то поднимающегося, то падающего, ни в коем случае не следует рассматривать как признак приближения длительного периода сухой либо дождливой погоды. Только постепенное и медленное падение или повышение ртутного столба предвещает наступление долгого периода устойчивой погоды.

7. Когда в конце осени, после долгого периода ветров и дождей, барометр начинает подниматься, это предвещает северный ветер и наступление морозов».

Таковы общие выводы, которые можно сделать из показаний этого ценного прибора.

Дик Сэнд отлично знал эти правила и за время своей жизни на море много раз убеждался, насколько они верны, а потому мог заранее подготовиться ко всем переменам погоды.

И вот 20 февраля показания барометра начали беспокоить молодого капитана, и он несколько раз в день подходил к прибору, чтобы записать его показания. Дело в том, что барометр начал медленно и непрерывно падать. Это означало дождь; но так как дождь все не начинался, Дик Сэнд пришел к выводу, что дурная погода продержится долго. Действительно, этого и следовало ожидать.

Но начало дождя означало и начало ветра; и в самом деле, к этому дню

ветер посвежел настолько, что скорость его достигла шестидесяти футов в секунду, то есть тридцати одной мили в час.^[43]

Молодому капитану пришлось принять некоторые меры предосторожности, чтобы ветер не повредил парусов и мачт «Пилигрима».

Он уже велел убрать бом-брамсель, топсель и кливер, а теперь приказал еще опустить брамсель и взять два рифа на марселе.

Этот последний маневр нелегко было выполнить с таким неопытным экипажем. Но отступить было нельзя, и действительно никто не отступил.

Дик Сэнд в сопровождении Бата и Остина взобрался на рей и, правда не без труда, убрал брамсель. Если бы падение барометра не было таким зловещим, он оставил бы на мачте оба рея. Но теперь, предвидя, что ему придется облегчить эту мачту, а может быть, и снять ее совсем, он спустил их и уложил на палубе. Ведь вполне понятно, что при урагане нужно уменьшить не только площадь парусов, но и площадь самой мачты. Это очень помогает судну – ведь чем меньше высоко расположенный груз, тем легче оно переносит сильную качку.

Когда работа была закончена – а она отняла около двух часов, – Дик Сэнд и его помощники взяли два рифа на марселе. У «Пилигрима» не было двойного марселя, какой ставят теперь на большинстве судов, и это облегчило их задачу. Экипажу пришлось, как в старину, бегать по пертам, ловить хлопающий по ветру конец паруса, притягивать его и затем уже накрепко привязывать линиями. Работа была трудная, долгая и опасная, но в конце концов площадь марселя была уменьшена, и шхуна пошла ровнее.

Дик Сэнд, Бат и Остин спустились на палубу. Теперь «Пилигрим» был подготовлен к плаванию и при очень свежем ветре.

В течение следующих трех дней – 20, 21 и 22 февраля – ни сила, ни направление ветра заметно не изменились. Однако барометр неуклонно падал, и двадцать второго Дик отметил, что он стоит ниже двадцати восьми и семи десятых дюйма.^[44]

Не было никакой надежды на то, что барометр начнет в ближайшие дни подниматься. Небо грозно хмурилось, пронзительно свистел ветер. Над морем все время стоял туман. Темные тучи так плотно затягивали небо, что почти невозможно было определить место восхода и захода солнца.

Дик Сэнд начал тревожиться. Он не покидал палубы. Он почти не спал. Но у него хватало силы сохранить невозмутимый вид.

Утром 23 февраля ветер как будто начал утихать, но Дик Сэнд не верил, что погода улучшится. И он оказался прав: после полудня задул крепкий ветер, и волнение на море усилилось.

Около четырех часов пополудни Негоро, редко покидавший свой камбуз, вышел на палубу. Динго, видимо, спал в каком-нибудь уголке, потому что на этот раз он, против своего обыкновения, не залаял на судового кока.

Молчаливый, как всегда, Негоро с полчаса простоял на палубе, пристально всматриваясь в горизонт.

По океану одна за другой катились длинные волны, пока еще не сталкиваясь. Они были выше, чем обычно бывают при ветре такой силы. Отсюда приходилось сделать вывод, что неподалеку на западе свирепствует сильнейший шторм и что он в самом скором времени догонит корабль.

Негоро посмотрел на волнующееся море вокруг «Пилигрима», а затем поднял свои всегда спокойные, холодные глаза к небу.

Вид неба внушал тревогу. Облака летели с неодинаковой скоростью – верхние гораздо быстрее нижних. Нужно было ожидать, что в непродолжительном времени эти тяжелые массы опустятся к самой поверхности океана, и тогда вместо очень свежего ветра разыграется буря, то есть воздух будет перемещаться со скоростью примерно сорока трех миль в час.

Либо Негоро был человеком бесстрашным, либо не понимал этих грозных признаков – он остался совершенно спокоен. Больше того: на его губах мелькнула злая улыбка. Можно было подумать, что такое состояние погоды скорее радует, чем огорчает его. Он поднялся на бушприт и вскарабкался до самого бом-утлегаря.^[45] Казалось, он силится что-то разглядеть на горизонте. Затем он спокойно спустился на палубу и, не вымолвив ни слова, скрылся в своей каюте.

Но среди всех этих тревожных предзнаменований одно обстоятельство оставалось неизменно благоприятным для «Пилигрима»: ветер, как бы силен он ни был, оставался попутным, так что корабль, видимо, быстро приближался к берегу Америки. Даже если начнется ураган, плавание само по себе может продолжаться без особых опасностей, и действительные трудности начнутся лишь тогда, когда нужно будет пристать к незнакомому берегу.

Именно это очень беспокоило Дика Сэнда. Как он поступит, если судно очутится в виду пустынной земли, где нельзя найти лоцмана или рыбака, знающего берега? Что он сделает, если непогода заставит его искать убежища в каком-нибудь совершенно неизвестном уголке побережья? Без сомнения, сейчас еще не время было ломать себе голову над такими вопросами. Но придет час, когда надо будет принимать решение. Что ж! Дик Сэнд его примет.

В продолжение следующих тринадцати дней – от 24 февраля до 9 марта – погода почти не изменилась. Небо по-прежнему заволакивали тяжелые темные тучи. Иногда ветер ослабевал, но через несколько часов снова начинал дуть с прежней силой. Раза два-три ртутный столб в барометре начинал ползти вверх, но этот подъем на несколько линий^[46] был слишком быстрым и не предвещал длительного изменения погоды и установления хорошего ветра. Барометр опять падал, и ничто не предвещало перемены погоды к лучшему, по крайней мере на ближайшее время.

Иногда раздражались сильные грозы; они очень тревожили Дика Сэнда. Два или три раза молнии ударяли в воду в расстоянии всего лишь одного кабельтова от судна. Затем начинался проливной дождь, и «Пилигрим» окружал густой клубившийся туман.

Случалось, вахтенный часами ничего не мог разглядеть впереди, и судно шло вслепую.

Корабль хорошо держался на волнах, но его все-таки жестоко качало. К счастью, миссис Уэлдон прекрасно выносила и боковую и килевую качку. Но бедный Джек очень мучился, и мать заботливо ухаживала за ним.

Что касается кузена Бенедикта, то он страдал от качки не больше, чем американские тараканы, в обществе которых он проводил все свое время. По целым дням энтомолог изучал свои коллекции, словно сидел в своем спокойном кабинете в Сан-Франциско.

По счастью, Том и остальные негры также не были подвержены морской болезни и по-прежнему исполняли все судовые работы по указанию молодого капитана, который сам давно уже привык ко всякой качке на корабле, гонимом буйным ветром.

«Пилигрим» быстро несся вперед, несмотря на убавленные паруса, и Дик Сэнд предвидел, что скоро придется убавить их еще. Однако он не хотел делать этого, пока не было непосредственной опасности. По его расчетам, земля была уже близко. Он приказал вахтенным быть настороже. Но молодой капитан не мог надеяться, что неопытные матросы заметят издали появление земли. Ведь недостаточно обладать хорошим зрением – для того чтобы различить смутные контуры земли на горизонте, затянутом туманом, нужна еще и привычка. Поэтому Дик Сэнд сам все время всматривался в даль и часто взбирался на мачту, чтобы видеть дальше. Но берег Америки все не показывался.

Это было странно. По нескольким словам, вырвавшимся у него, миссис Уэлдон догадалась о его недоумении.

Девятого марта Дик Сэнд стоял на носу. Он то смотрел на море и на

небо, то переводил взгляд на мачты «Пилигрима», которые начинали гнуться под сильными порывами ветра.

– Ничего не видно, Дик? – спросила миссис Уэлдон, когда юноша опустил подзорную трубу.

– Ничего, миссис Уэлдон, ничего... А ведь горизонт немного очистился – ветер еще усиливается и разгоняет туман...

– А ты считаешь, что теперь американский берег недалеко?

– Иначе и быть не может, миссис Уэлдон, и меня очень удивляет, что мы еще его не видим.

– Но корабль ведь все время шел правильным курсом?

– Все время, с тех пор как подул северо-западный ветер, – ответил Дик Сэнд. – С того самого дня, когда погиб несчастный капитан Халл и весь экипаж «Пилигрима». Это было десятого февраля. Сегодня девятое марта; значит, прошло двадцать семь дней!

– А на каком расстоянии от материка мы были тогда? – спросила миссис Уэлдон.

– Примерно в четырех тысячах пятистах милях, миссис Уэлдон. Уж в чем, в чем, а в этой цифре я уверен. Ошибка не может быть больше двадцати миль.

– А с какой скоростью шел корабль?

– С тех пор как ветер усилился, мы в среднем проходим по сто восемьдесят миль в день, – ответил Дик Сэнд. – Поэтому-то я и удивляюсь, что до сих пор не видно земли. Но еще удивительнее то, что мы за последние дни не встретили ни одного корабля, а между тем эти воды часто посещаются судами.

– А ты не мог ошибиться в вычислении скорости хода? – спросила миссис Уэлдон.

– Нет, миссис Уэлдон! Тут я ошибиться не мог. Лаг бросали каждые полчаса, и я очень точно записывал его показания. Хотите, я сейчас прикажу снова бросить лаг? Вы увидите, что мы идем со скоростью десяти миль в час, что в сутки дает больше двухсот миль!

Дик Сэнд позвал Тома и велел ему бросить лаг. Эту операцию старый негр проделывал теперь вполне умело.

Принесли лаг, прочно привязанный к линю, и бросили его за борт.

Но едва он вытравил двадцать пять ярдов,^[47] как вдруг лить провис.

– Ах, капитан! – воскликнул Том.

– Что случилось, Том?

– Лить лопнул!

– Лопнул лить? – воскликнул Дик. – Значит, лаг пропал!

Старый негр показал ему обрывок линя, оставшийся у него в руке.

Увы, это действительно было так. Лаг привязан был прочно, но линь оборвался посередине. А между тем он был скручен из пеньки наилучшего качества. Он мог лопнуть только в том случае, если волокна на месте обрыва основательно перетерлись. Так оно и оказалось – Дик Сэнд убедился в этом, когда взял в руки конец линя. «Но почему перетерлись волокна? Неужели от частого употребления лага?» – недоверчиво подумал юноша.

Как бы там ни было, лаг пропал, и Дик Сэнд лишился теперь возможности точно определять скорость движения судна. У него оставался только один прибор – компас. И он не знал, что показания этого компаса неверны!

Видя, как огорчен Дик этим происшествием, миссис Уэлдон не стала продолжать расспросы. С тяжелым сердцем она ушла в каюту.

Однако хотя теперь уже нельзя было определять скорость хода «Пилигрима», а следовательно, и вычислять пройденный им путь, и без лага легко было заметить, что ход судна не уменьшается.

На следующий день, 10 марта, барометр упал до двадцати восьми и двух десятых дюйма.^[48] Это предвещало, что скорость ветра достигнет шестидесяти миль в час.

Нужно было немедленно уменьшить площадь поднятых парусов, иначе судну грозила опасность.

Дик Сэнд решил спустить фор-брам-стенюгу и грот-стенюгу, убрать основные паруса и идти дальше только под стакселем и зарифленным марселем.

Он позвал Тома и всех его товарищей, чтобы они помогли выполнить этот трудный маневр, который, к несчастью, требовал довольно продолжительного времени.

А между тем времени не было, так как буря с каждой минутой все усиливалась.

Дик Сэнд, Остин, Актеон и Бат поднялись на реи. Том встал у штурвала, а Геркулес остался на палубе, чтобы травить шкоты, когда это понадобится.

После долгих усилий фор-брам-стенюга и грот-стенюга были наконец спущены – мачты так раскачивались, что смелые матросы сотни раз рисковали полететь в воду. Затем взяли рифы на марселе, фок убрали, и шхуна несла теперь только стаксель и зарифленный марсель.

Несмотря на это, «Пилигрим» продолжал быстро нестись по волнам.

Двенадцатого марта погода стала еще хуже. В этот день, на заре, Дик

Сэнд не без страха увидел, что ртутный столбик упал до двадцати семи и девяти десятых дюйма.^[49]

Это предвещало сильнейший ураган. «Пилигрим» не мог нести даже немногих оставленных парусов.

Видя, что ветер, того и гляди, изорвет марсель, Дик Сэнд приказал убрать его.

Но приказание это запоздало. Страшный шквал, налетевший в это время на судно, мигом сорвал и унес парус. Остина, который как раз был на брам-рее, ударило свободным концом горденя. Он получил ушиб, но довольно легкий и мог сам спуститься на палубу.

Дик Сэнд тревожно думал только об одном: по его расчетам, с минуты на минуту должен был показаться берег, и он боялся, что мчащееся с огромной скоростью судно с разбегу налетит на прибрежные рифы. Он бросился на нос, но впереди не было видно никаких признаков земли, и он вернулся к штурвалу.

Через минуту на палубу вышел Негоро. Словно против воли, он вытянул руку, указывая на какую-то точку на горизонте. Можно было подумать, что он видит в тумане знакомый берег.

Снова злая усмешка мелькнула на лице португальца, и, не промолвив ни слова, он вернулся в камбуз.

Глава двенадцатая

Остров на горизонте

В этот день разразился ураган – самая ужасная форма бури. Воздушные потоки неслись теперь с юго-запада со скоростью девяносто миль ^[50] в час.

Это был настоящий ураган, один из тех, которые выбрасывают на берег суда, стоящие в порту на якорях, и перед которыми не могут устоять даже самые прочные здания на суше. Таков был ураган, опустошивший 23 июля 1825 года Гваделупу. Если ураганный ветер может сбросить с лафетов восьмидесятифунтовые орудия, то легко себе представить, что может случиться с судном, не имеющим другой точки опоры, кроме разбушевавшихся волн! Однако именно в этой подвижности и заключается для корабля единственная надежда на спасение. Он уступает страшным порывам ветра и, если только его конструкция прочна, может вынести любое неистовство бури.

Именно таков был «Пилигрим».

Через несколько минут после того, как ветер унес марсель, новый порыв изодрал в клочья стаксель. Дик Сэнд не мог поставить даже трисель, этот маленький кусок прочной парусины, который так облегчил бы управление судном.

Итак, «Пилигрим» не нес больше никаких парусов, но ветер давил на корпус судна, на мачты, на такелаж, и этого было достаточно, чтобы корабль мчался с огромной скоростью. Порой казалось даже, что он выскакивает из волн и едва касается воды.

При этом качка судна, швыряемого громадными валами, поднятыми бурей, была ужасна. Приходилось опасаться и страшного удара сзади. Горы воды неслись быстрее, чем шхуна, и грозили обрушиться на корму, если корабль не поднимется на волну достаточно быстро. В этом-то и заключается главная опасность для судов, убегающих от бури.

Но как бороться с этой опасностью? Ускорить ход «Пилигрима» было нельзя – ведь он не нес никаких парусов. Единственно, что оставалось делать, – это маневрировать с помощью руля, которого судно часто не слушалось.

Дик Сэнд не отходил от штурвала. Он привязал себя за пояс веревкой, чтобы какая-нибудь волна не смыла его в море. Том и Бат, также

привязанные, стояли рядом, готовые прийти ему на помощь. На носу, ухватившись за битенг,^[51] несли вахту Геркулес и Актеон.

Миссис Уэлдон, маленький Джек, старая Нэн и кузен Бенедикт, повинувшись приказу Дика Сэнда, не покидали кают на корме. Миссис Уэлдон охотнее осталась бы на палубе, но Дик твердо приказал ей удалиться, так как иначе она без всякой нужды подвергала бы себя смертельной опасности.

Все люки были наглухо задраены. Оставалось надеяться, что они выдержат даже в том случае, если большая волна обрушится на судно. Но если они сдадут под тяжестью воды, корабль наполнится водой и пойдет ко дну. К счастью, груз «Пилигрима» был хорошо закреплен и, несмотря на страшную качку, не сдвинулся с места.

Дик еще больше сократил часы, отведенные им для сна. Миссис Уэлдон начала даже тревожиться, как бы он не заболел от переутомления. Она настояла, чтобы Дик хоть немного отдохнул.

В ночь с 13 на 14 марта, когда Дик лег спать, случилось такое происшествие.

Том и Бат находились на корме. Негоро, который редко появлялся в этой части корабля, неожиданно подошел к ним и даже попытался завести разговор. Но ни старик Том, ни его сын ничего ему не ответили.

И вдруг, когда судно накренилось на борт, Негоро упал и, наверное, сорвался бы в море, если бы не успел уцепиться за нактоуз.

Том вскрикнул: он испугался за компас.

Дик Сэнд, расслышав сквозь сон этот крик, мгновенно выбежал на палубу и бросился на корму.

Но Негоро уже поднялся на ноги, держа в руках железный брусок, который он вынул из-под нактоуза. Он спрятал этот брусок, прежде чем Дик увидел его.

Значит, Негоро хотел, чтобы стрелка компаса снова указывала правильное направление? Да, ибо теперь юго-западный ветер служил его тайным целям.

– Что случилось? – спросил Дик Сэнд.

– Да вот этот проклятый кок упал на компас! – ответил Том.

В страшной тревоге Дик повернулся к нактоузу, но он был невредим, и компас, освещенный лампочками, по-прежнему покоился в двух concentрических кругах своего подвеса.

Молодой капитан вздохнул с облегчением. Если бы испортился единственный оставшийся на корабле компас, это было бы непоправимым несчастьем.

Но Дик Сэнд не мог знать, что теперь, когда из-под нактоуза был убран железный брусок, стрелка компаса вновь заняла нормальное положение и указывала своим острием прямо на магнитный полюс.

Негоро, правда, нельзя было поставить в вину то, что он упал на компас (это могло быть простой случайностью), но все же Дик Сэнд вправе был удивиться, застав его в такой поздний час на корме судна.

– Что вы здесь делаете? – спросил он.

– Что хочу, то и делаю, – отвечал Негоро.

– Что вы сказали? – сердито крикнул Дик.

– Я сказал, – ответил судовой кок, – что нет правила, которое запрещало бы гулять по корме.

– Ну так вот, с этого часа я его устанавливаю, – сказал Дик Сэнд. – Вам я запрещаю ходить на корму!

– Вот как! – насмешливо протянул Негоро.

И этот человек, обычно так хорошо владевший собой, сделал угрожающее движение.

Молодой капитан выхватил из кармана револьвер и прицелился в судового кока.

– Негоро, – сказал он, – знайте, что я никогда не расстанусь с револьвером и что при первом же случае нарушения дисциплины я прострелю вам голову!

В этот момент Негоро вдруг почувствовал, что какая-то непреодолимая сила пригибает его к палубе.

Это Геркулес положил свою тяжелую руку ему на плечо.

– Капитан Сэнд, – сказал великан, – разрешите мне выбросить этого негодяя за борт? Акулы будут довольны. Они ведь ничем не брезгают.

– Пока не надо, – ответил Дик Сэнд.

Негоро выпрямился, когда гигант снял руку с его плеча. Но, проходя мимо Геркулеса, он пробормотал сквозь зубы:

– Погоди, проклятый негр, ты мне за это заплатишь!

Тем временем направление ветра изменилось на сорок пять градусов – так по крайней мере подумал Дик Сэнд, посмотрев на компас. Однако его очень удивило, что такая резкая перемена никак не отразилась на море. Судно шло теперь прежним курсом, но волны, вместо того чтобы ударять в корму, били под углом в левый борт. Это было опасно, и Дику Сэнду пришлось, спасаясь от этих коварных ударов волн, изменить курс на четыре румба, чтобы ветер по-прежнему дул в корму.

Тревожные мысли не давали покоя молодому капитану. Он спрашивал себя, нет ли связи между сегодняшним нечаянным падением Негоро и

поломкой первого компаса. Зачем пришел на корму судовой кок? Может быть, ему для чего-то надо, чтобы и второй компас пришел в негодность? Но для чего? Это было совершенно непонятно. Ведь Негоро не меньше, чем все остальные, должен был желать поскорее добраться до американского материка.

Когда Дик Сэнд рассказал миссис Уэлдон об этом происшествии, она заметила, что тоже не слишком доверяет Негоро, но не видит, зачем бы ему было нарочно портить компас.

Все же Дик решил на всякий случай постоянно наблюдать за Негоро. Впрочем, тот помнил запрет молодого капитана и больше не показывался на корме, где ему решительно нечего было делать по своим служебным обязанностям. А кроме того, теперь на корме постоянно жил Динго, к которому кок старался не приближаться.

Всю неделю буря свирепствовала с прежней силой. Барометр упал еще ниже. С 14 по 26 марта ветер не спадал ни на минуту, так что нельзя было выбрать момента затишья, чтобы поставить паруса. «Пилигрим» несся на северо-восток со скоростью не менее двухсот миль в сутки, но земля все не показывалась! А ведь эта земля – континент Америки – огромным барьером протянулась между Тихим и Атлантическим океаном более чем на сто двадцать градусов.

Дик Сэнд спрашивал себя, не потерял ли он рассудка, не утратил ли ощущения реальности, не идет ли «Пилигрим» уже много дней неправильным курсом. Но нет, он не мог так ошибиться! Солнце, хотя и невидимое за тучами, неизменно всходило перед носом корабля и закатывалось за его кормой. Что же в таком случае произошло с землей? Эта Америка, о которую его корабль мог разбиться, куда она девалась? Северную или Южную – все было возможно в этом хаосе, – но хоть одну из них «Пилигрим» миновать не мог! Что произошло с начала этой ужасной бури? Что происходит сейчас, если этот берег – к счастью или несчастью для путников – все не появляется перед ними? Значит, оставалось только предположить, что компас обманул их? Ведь Дик не мог проверять его показания после того, как был испорчен второй компас! Этого-то он и боялся – ведь чем еще можно было объяснить, что до сих пор не видно никакой земли?

Все время, свободное от дежурства у штурвала, Дик рассматривал карту. Но сколько он ни вопрошал ее, ни она и никто другой не мог разъяснить загадки, которую задал всем Негоро.

Около восьми часов утра 26 марта произошло событие величайшей важности.

Геркулес, который нес вахту, вдруг закричал:

– Земля! Земля!

Дик Сэнд кинулся на бак. Ведь Геркулес – не моряк. Может быть, глаза обманывают его?

– Где земля? – крикнул Дик.

– Вон там! – ответил Геркулес, указывая рукой на едва различимую точку в северо-восточной части горизонта.

Из-за оглушительного рева ветра и моря голос его был еле слышен.

– Вы видели землю? – переспросил юноша.

– Да! – ответил Геркулес, кивая головой.

И он снова протянул руку, указывая на северо-восток.

Дик взгляделся... и ничего не увидел.

В эту минуту, нарушая обещание, данное Дику, на палубу вышла миссис Уэлдон: она тоже услышала восклицание Геркулеса.

– Миссис Уэлдон! – крикнул Дик.

Что сказала миссис Уэлдон, расслышать было невозможно, однако она тоже попыталась разглядеть землю, которую заметил Геркулес, и, казалось, вся ее жизнь сосредоточилась в этом взгляде.

Но очевидно, Геркулес плохо указал направление – ни миссис Уэлдон, ни Дик ничего не видели на горизонте.

И вдруг Дик в свою очередь вытянул руку вперед.

– Да! Земля! Земля! – сказал он.

В просвете между тучами показалось что-то похожее на горную вершину. Глаза моряка не могли ошибиться: это была земля.

– Наконец-то, наконец-то! – вскричал он.

Он крепко ухватился за поручни; Геркулес поддерживал миссис Уэлдон, и она не сводила глаз с земли, которую уже не чаяла увидеть.

Вершина горы находилась в десяти милях с подветренной стороны, по левому борту. Просвет между тучами увеличился, и теперь ее уже можно было различить совершенно отчетливо. Без сомнения, это был какой-нибудь мыс на Американском континенте. «Пилигрим», плывший с оголенными мачтами, не мог повернуть к нему, но теперь он обязательно должен был подойти к земле.

Это стало вопросом нескольких часов. Было уже восемь часов утра; значит, до наступления полудня «Пилигрим» подойдет к берегу.

По знаку юного капитана Геркулес отвел в каюту миссис Уэлдон: в такую сильную качку сама она не могла бы пройти по палубе.

Постояв еще минутку на носу, молодой капитан вернулся к штурвалу, который держал Том.

Наконец-то Дик увидел эту долгожданную и такую желанную землю! Но теперь вместо радости он испытывал страх.

Да, сейчас, когда «Пилигрим» мчался, несомый ураганом, появление земли с подветренной стороны означало крушение со всеми его ужасными последствиями.

Прошло два часа. Скалистый мыс был уже виден на траверзе^[52] «Пилигрима».

В этот момент Негоро снова появился на палубе. Он пристально посмотрел на берег, кивнул головой с видом человека, разобравшегося в положении, и, пробормотав какое-то слово, которого никто не расслышал, тотчас же ушел в свой камбуз.

Дик Сэнд тщетно старался разглядеть низкую линию побережья, которая должна была тянуться за мысом.

Прошло два часа. Мыс все еще виднелся слева за кормой судна, но берег не появлялся. Между тем горизонт прояснился, и высокий американский берег, вдоль которого тянется гигантская горная цепь Андов, можно было бы отчетливо увидеть даже на расстоянии двадцати миль.

Дик Сэнд вооружился подзорной трубой и, медленно переводя ее, осмотрел всю восточную сторону горизонта.

Ничего! Он ничего не увидел!

В два часа пополудни замеченная утром земля исчезла позади «Пилигрима». Впереди даже в подзорную трубу нельзя было обнаружить ни высоких, ни низких берегов.

Тогда Дик, громко вскрикнув, бросился вниз по трапу и вбежал в каюту, где сидели миссис Уэлдон, маленький Джек, Нэн и кузен Бенедикт.

– Остров! – воскликнул он. – Это был только остров!

– Остров, Дик? Но какой? – спросила миссис Уэлдон.

– Сейчас посмотрим по карте! – ответил юноша.

И, сбегав в свою каюту, он принес корабельную карту.

– Вот, миссис Уэлдон, вот! – сказал он, развернув карту. – Земля, которую мы заметили, может быть только этой точкой, затерянной среди Тихого океана. Это остров Пасхи. Других островов в этих местах нет.

– Значит, земля осталась позади? – спросила миссис Уэлдон.

– Да, далеко с наветренной стороны!

Миссис Уэлдон пристально всматривалась в едва заметную точку на карте – остров Пасхи.

– На каком расстоянии находится этот остров от американского берега?

– В тридцати пяти градусах.

– То есть?

– Около двух тысяч миль.

– Но, значит, «Пилигрим» почти не двигался, раз мы все еще так далеко от земли?

– Миссис Уэлдон, – начал Дик Сэнд и провел рукой по лбу, словно для того, чтобы собраться с мыслями. – Я не знаю... Я не могу объяснить такого замедления... Нет, не могу... Разве что показания компаса были неверны... Но этот остров может быть только островом Пасхи, потому что ветер все время гнал нас к северо-востоку, и слава Богу, что нам удалось наконец узнать наше место. Да, это остров Пасхи! Да, мы в двух тысячах миль от берега. Но зато я знаю теперь, куда нас отнесла буря. И если она утихнет, мы сможем без особой опасности высадиться на американском побережье. По крайней мере теперь наш корабль не затерян в беспредельном Тихом океане.

Уверенность молодого капитана передалась всем окружающим. Даже миссис Уэлдон повеселела. Усталые путешественники чувствовали себя так, словно все беды уже миновали, словно «Пилигрим» находится неподалеку от надежной гавани и надо только подождать прилива, чтобы войти в нее.

Остров Пасхи – его настоящее название Ваи-Ху, или Рапа-нуи, – открытый Дэвидом в 1686 году и исследованный Куком и Лаперузом, расположен под 27° южной широты и 112° восточной долготы. Значит, «Пилигрим» оказался на пятнадцать градусов севернее, чем должен был бы находиться, – конечно, из-за бури, которая гнала корабль на северо-запад.

Итак, «Пилигрим» все еще был в двух тысячах миль от суши. С таким ураганным ветром ему понадобится меньше десяти дней, чтобы достичь какого-либо порта на побережье Южной Америки.

Но можно ли надеяться, что за это время погода улучшится, что в виду берега удастся поставить какие-нибудь паруса?!

Дик Сэнд очень надеялся на это. Он говорил себе, что ураган, бушующий уже столько дней подряд, в конце концов сразу утихнет. Теперь, когда благодаря острову Пасхи он точно знал свое место, он опять поверил, что он хозяин корабля и сумеет довести его до безопасной гавани.

Да, вид этого ничтожного, затерянного в океане острова как по волшебству вернул Дикку веру в себя. Пусть шхуна по-прежнему была игрушкой урагана, но по крайней мере они плыли теперь не вслепую.

А кроме того, прочно построенный и хорошо оснащенный «Пилигрим» мало пострадал от неистовых натисков бури. Он лишился только марсея и стаксея, но этот ущерб нетрудно будет возместить. Ни

одна капля воды не просочилась внутрь судна сквозь тщательно проконопаченные швы корпуса и палубы. Помпы были в полной исправности. В этом отношении никакая опасность «Пилигриму» не грозила.

Но оставался еще ураган, чья ярость, казалось, не хотела утихать. Молодой капитан мог подготовить свое судно для борьбы с ним, но он не мог приказать ветру – ослабеть, волнам – успокоиться, небу – проясниться... На борту своего корабля он был «первым после Бога», но за бортом один лишь Бог повелевал ветрами и волнами.

Глава тринадцатая

«Земля! Земля!»

И однако надежда, наполнившая сердце Дика, как будто начала отчасти оправдываться.

На другой день, 27 марта, ртутный столбик барометра поднялся. Подъем этот не был ни быстрым, ни очень значительным – всего на несколько линий, – но похоже было, что он окажется непрерывным. Буря, очевидно, шла на убыль, и хотя волнение на море оставалось еще очень сильным, можно было заметить, что ветер спадает и заходит к западу.

Дик Сэнд понимал, что еще рано думать о том, чтобы поставить какие-нибудь паруса. Ветер сорвал бы даже самый малый клочок парусины. Но он надеялся, что меньше чем через двадцать четыре часа можно будет поднять хотя бы штормовые паруса.

И действительно, ночью ветер заметно ослабел, да и волны уже не так швыряли корабль, хотя еще накануне они грозили разломать его на части.

Утром на палубу начали выходить пассажиры. Можно было уже не опасаться, что внезапно набежавшая волна смочит их за борт.

Миссис Уэлдон первая покинула каюту, где она по требованию Дика просидела взаперти все время, пока длилась буря. Она вышла поговорить с Диком, который лишь нечеловеческим усилием воли заставлял себя переносить все эти неслыханные трудности. Похудевший, бледный, несмотря на загар, он тяжелее всего переносил недостаток сна, так необходимого в его возрасте. Но его мужественная натура устояла перед всеми испытаниями. Быть может, эти лишения когда-нибудь и скажутся на нем. Но сейчас не время сдаваться, говорил он себе. И когда миссис Уэлдон подошла к нему, он был так же полон энергии, как всегда.

К тому же отважный Дик верил в себя, и если вера в себя не приходит по приказанию, зато она может приказывать другим.

– Дорогой мой мальчик, мой капитан! – сказала миссис Уэлдон, протягивая ему руку.

– Ах, миссис Уэлдон, – улыбаясь, ответил Дик, – вы не слушаетесь своего капитана. Вы выходите на палубу, вы покидаете вашу каюту, невзирая на его почтительную просьбу.

– Да, я ослушалась тебя, – призналась миссис Уэлдон, – но почему-то мне показалось, что буря успокоилась или успокаивается.

– В самом деле, погода улучшается, миссис Уэлдон, – ответил

юноша. – Вы не ошиблись. Со вчерашнего дня барометр не упал. Ветер стихает, и мне кажется, что самое тяжелое уже позади.

– Дай Бог, дорогой мой, дай Бог! Ах, ты так измучился, бедный мальчик! Ты вел себя...

– Я только выполнял свой долг, миссис Уэлдон.

– Но теперь ты сможешь отдохнуть!

– Отдохнуть? – возразил юноша. – Я нисколько не нуждаюсь в отдыхе, миссис Уэлдон. Я чувствую себя великолепно и должен продержаться до конца. Вы назначили меня капитаном «Пилигрима», и я останусь капитаном до тех пор, пока все пассажиры моего корабля не окажутся в безопасности!

– Дик, – сказала миссис Уэлдон, – ни я, ни мой муж никогда не забудем того, что ты сделал!

– Ну что вы... миссис Уэлдон! – пробормотал Дик.

– Милый мой мальчик, я повторяю, ты вел себя как настоящий мужчина, как достойный капитан корабля, и в недалеком будущем, лишь только закончится твое обучение, ты станешь капитаном судна, принадлежащего торговому дому «Джемс Уэлдон». Мой муж скажет то же самое.

– Я... я... – начал Дик, и глаза его наполнились слезами.

– Дик, – продолжала миссис Уэлдон, – ты уже был нашим приемным сыном, но теперь ты поистине мой родной сын. Ты спас свою мать и своего маленького брата Джека! Дорогой мой, дай я тебя поцелую за мужа и за себя!

Обнимая Дика, миссис Уэлдон пыталась сдержать свое волнение, но слезы выступили у нее на глазах. Что же до Дика, никакое перо не может описать его чувств. Он был бы рад отдать за своих благодетелей жизнь, больше чем жизнь, и ради них наперед соглашался на все испытания, которые могло готовить ему будущее.

После этого разговора Дик почувствовал себя сильнее. Только бы утих ветер, хоть настолько, чтобы можно было поставить паруса, и он сумеет привести судно в безопасный порт и спасти пассажиров.

Двадцать девятого марта ветер стал еще немного слабее, и Дик решил поставить фок и марсель, чтобы увеличить скорость хода своего судна и заставить его слушаться руля.

– Том! Друзья мои! – вскричал он, поднявшись на палубу на заре этого дня. – Идите сюда. Мне нужна ваша помощь.

– Мы готовы, капитан Сэнд, – ответил старик Том.

– Конечно, готовы! – добавил Геркулес. – В бурю нам нечего было

делать, и я начал уже покрываться ржавчиной.

– А ты дул бы своим большим ртом, – сказал маленький Джек. – Ведь ты, наверное, можешь дуть так же сильно, как ветер.

– Вот замечательная мысль, Джек! – рассмеялся Дик Сэнд. – Когда наступит штиль, мы попросим Геркулеса надувать наши паруса.

– Прикажете только, капитан Сэнд, – ответил великан, надувая щеки, как гигантский Борей.

– Начнем с того, друзья мои, – сказал Дик, – что привяжем к рею запасной парус – ведь наш марсель унесло бурей. Работа нелегкая, но ее нужно сделать.

– Сделаем! – ответил Актеон.

– А можно, я буду вам помогать? – спросил маленький Джек, всегда готовый трудиться вместе с матросами.

– Разумеется, Джек, – ответил Дик Сэнд. – Ты станешь за штурвал с нашим другом Батом и будешь помогать ему править.

Нужно ли говорить, что маленький Джек с гордостью принял свою новую должность помощника рулевого!

– А теперь, – продолжал Дик Сэнд, – за дело! Только помните, друзья, не рисковать собой без нужды!

Негры под руководством молодого капитана энергично взялись за работу. Привязать марсель к рею было нелегким делом для Тома и его товарищей. Надо было поднять скатанный парус на мачту и там привязать его к лееру.

Однако Дик Сэнд так умело распорядился работой, а матросы повиновались ему с таким усердием и готовностью, что по истечении часа парус был привязан, рей поднят и на марселе взяты два рифа.

Что же касается фока и кливера, которые удалось убрать до начала бури, то их команда «Пилигрима», несмотря на сильный ветер, поставила без особого труда.

Итак, к десяти часам утра «Пилигрим» нес уже фок, марсель и кливер.

Дик Сэнд решил, что ставить остальные паруса было бы неосторожно. Те, что были подняты, обеспечивали суточный путь в двести с лишним миль, а этой скорости было достаточно, чтобы меньше чем в десять дней достигнуть Американского континента.

Когда Дик вернулся к штурвалу и, поблагодарив матроса Джека, помощника рулевого, снова взялся за рукоятки, он был очень доволен. «Пилигрим» теперь перестал зависеть от капризов ветра и волн. Он бежал с достаточной скоростью и в нужном направлении. Радость Дика поймет всякий, кто хоть немного знает морское дело.

На следующий день тучи неслись по небу всё так же быстро, но между ними уже возникали широкие просветы, и лучи солнца пробивались сквозь них, золотя поверхность океана, а временами заливая «Пилигрим». Какое счастье – этот животворящий свет! Иногда набегавшие облака затемняли его, но ветер отгонял их к востоку, и солнце снова показывалось во всем своем блеске. Погода явно улучшалась.

На судне открыли все люки, чтобы проветрить помещения. Свежий, пахнувший солью воздух ворвался в трюм, в каюты, в кубрик. Мокрые паруса разложили для просушки на рострах.^[53] На палубе началась генеральная уборка. Дик Сэнд не мог допустить, чтобы его корабль пришел в порт грязным и неубранным. Достаточно было нескольких часов ежедневной работы, чтобы, не переутомляя экипажа, привести судно в надлежащий вид.

Дик уже не мог приказать бросить лаг, но он был достаточно опытен, чтобы довольно точно оценить скорость хода судна только по следу, оставляемому им на поверхности океана. Поэтому он не сомневался, что судно окажется в виду земли не позже чем через неделю, и сумел убедить в этом миссис Уэлдон, показав ей на карте то место, где, по его предположениям, находился «Пилигрим».

– Хорошо, Дик, – сказала миссис Уэлдон. – Теперь скажи мне, к какому пункту побережья мы подойдем?

– Вот сюда, миссис Уэлдон, – ответил Дик, указывая на длинную полосу берега, тянущуюся от Перу до Чили. – Точнее сказать я не могу. Смотрите, вот остров Пасхи, который мы оставили на западе, и, судя по направлению ветра, которое не менялось все последние дни, мы должны увидеть землю вот здесь, на востоке. Вдоль этого побережья разбросано немало портов, но сказать с уверенностью, к какому мы окажемся ближе, я сейчас не могу.

– Да это и не важно, Дик... Лишь бы добраться до какого-нибудь порта!

– Разумеется, миссис Уэлдон, и вы, наверное, сможете быстро вернуться в Сан-Франциско. «Тихоокеанская мореходная компания» превосходно обслуживает это побережье. Ее пароходы заходят во все главные порты, и вы легко доберетесь до Калифорнии.

– Разве ты не собираешься привести «Пилигрим» в Сан-Франциско? – спросила миссис Уэлдон.

– Ну конечно! Но только после того, как вы пересядете на какой-нибудь пассажирский пароход, миссис Уэлдон. Если нам удастся найти офицера и команду, мы отправимся в Вальпараисо разгрузить ворвань, как

сделал бы капитан Халл. Оттуда мы пойдём в Сан-Франциско. Но для вас это было бы лишней задержкой, и как мне ни грустно расставаться с вами...

– Хорошо, Дик, – прервала его миссис Уэлдон. – Мы потом посмотрим, что нам делать. Скажи мне – раньше ты как будто опасался приблизиться к незнакомому берегу?..

– Я и сейчас опасаясь, – признался юноша. – Но я надеюсь встретить в тех водах какое-нибудь судно и даже очень удивлен, что этого еще не случилось... Если бы мы увидели хоть какое-нибудь судно, мы бы связались с ним, узнали наше точное место, и тогда было бы гораздо легче подойти к берегу.

– Разве в этих местах нет лоцманов, которые проводят суда в гавани? – спросила миссис Уэлдон.

– Наверно, есть, – ответил Дик Сэнд, – но гораздо ближе к берегу. Так что надо пока идти к нему.

– А если мы не встретим лоцмана? – спросила миссис Уэлдон, которая хотела знать, как он подготовился ко всяким случайностям.

– В этом случае, миссис Уэлдон, если погода будет хорошая и ветер умеренный, я попробую подойти ближе к берегу, чтобы найти безопасное место для высадки, если ветер снова посвежеет, тогда...

– Тогда... Что ты сделаешь, Дик?

– Видите ли, в том положении, в котором находится «Пилигрим», если ветер прибьет его к земле, отойти будет трудно.

– И что ты сделаешь? – вновь спросила миссис Уэлдон.

– Я буду вынужден выбросить корабль на берег, – ответил юноша, и лицо его на мгновение омрачилось. – Но это – последнее средство, и я надеюсь, что нам не придется к нему прибегнуть. Однако погода улучшается, и не может быть, чтобы мы не встретили ни одного судна или лоцманского катера. Не будем терять надежды! «Пилигрим» идет прямо к земле, и скоро мы ее увидим.

Выбросить судно на берег! На такую последнюю крайность даже самые смелые моряки решаются не без трепета. Неудивительно, что Дик Сэнд также не хотел думать о ней, пока у него еще была хоть какая-то надежда на иной исход.

В следующие несколько дней погода была неустойчивой, и это тревожило молодого капитана. Ветер дул с неослабевающей силой, и колебания ртутного столбика в барометре предвещали новый натиск урагана. Дик Сэнд уже начал опасаться, что снова придется, убрав все паруса, бежать от бури. А ведь так важно было сохранить хотя бы марсель!

И он решил не спускать его, пока ветер не станет угрожающе силен. Но чтобы укрепить мачты, он распорядился обтянуть ванты и фордуны: положение «Пилигрима» стало бы чрезвычайно тяжелым, если бы он лишился своего рангоута.^[54]

Раза два барометр делал скачок кверху – это заставляло опасаться, что ветер переменит направление и начнет дуть с востока.

Тогда придется идти почти прямо против него.

Новый повод тревожиться для Дика Сэнда. Что делать, если ветер станет противным? Лавировать? Но какая это задержка, какой риск снова быть отброшенным в открытое море!

К счастью, его опасения не оправдались. В продолжение нескольких дней ветер менялся то на северный, то на южный, но в конце концов снова устойчиво задул с запада. Однако он был по-прежнему очень силен и расшатывал мачты.

Наступило 5 апреля. Прошло уже больше двух месяцев с тех пор, как «Пилигрим» покинул Новую Зеландию. В течение первых двадцати дней то штили, то встречные ветры задерживали судно. Затем подул попутный ветер, и «Пилигрим» быстро стал приближаться к земле. Особенно велика была скорость хода во время урагана: Дик Сэнд считал, что судно проходило в среднем не менее двухсот миль в сутки. Почему же в таком случае оно до сих пор не достигло берега? Неужели побережье уходило от «Пилигрима»? Это было совершенно необъяснимо!

И все же суша не появлялась, хотя один из негров непрерывно высматривал ее с высоты бом-брам-рея.

Часто Дик Сэнд сам поднимался на мачту. Он подолгу смотрел в подзорную трубу, выискивая темный силуэт какой-нибудь горной вершины. Анды, как известно, очень высоки, и поэтому вершины их следовало искать среди облаков, тянувшихся над дымкой горизонта.

Много раз Том и его товарищи ошибались, принимая за сушу какое-нибудь отдаленное облако необычной формы. Случалось, что они упорно утверждали, будто действительно видят землю, но через некоторое время им приходилось признать, что они стали жертвой обмана зрения. Мнимая земля сдвигалась, расплывалась и бесследно исчезала.

Однако 6 апреля сомнениям не осталось места.

Было восемь часов утра. Дик Сэнд только что взобрался на рей. Первые лучи солнца разогнали туман, и линия горизонта виднелась достаточно отчетливо.

И тут из уст Дика Сэнда вырвался наконец долгожданный возглас:

– Земля! Впереди земля!

Услышав эти слова, на палубу выбежали все: маленький Джек, любопытный, как все дети; миссис Уэлдон, надеявшаяся, что возникшая вдали суша положит конец всем ее страданиям; Том и его товарищи, которым не терпелось ступить на свою землю; и даже кузен Бенедикт, который мечтал обогатить свою коллекцию новыми насекомыми.

Один лишь Негоро не появился.

Все они видели теперь то, что увидел Дик Сэнд: одни – на самом деле, другие – глазами веры. Но Дик был опытным моряком, он привык всматриваться в морские дали и не мог ошибиться. И действительно, через час всем стало ясно, что на этот раз надежда их не обманула.

На востоке, на расстоянии около четырех миль, виднелся довольно низкий берег – таким по крайней мере он казался. За ним должны были выситься Анды, но последние тучи унесшейся бури не позволили разглядеть их вершин.

«Пилигрим» шел прямо к берегу, который рос и поднимался прямо на глазах.

Через два часа судно было уже в трех милях от суши.

Береговая линия заканчивалась на северо-востоке довольно высоким мысом, у основания которого виднелось нечто вроде открытого рейда. На юго-востоке земля вдавалась в океан узкой низменной косой.

У берега поднималась гряда невысоких утесов, над которой вырисовывались в небе деревья. Но судя по карте, где-то позади них должны были выситься Анды.

Ни человеческого жилья, ни порта, ни устья реки, где корабль мог бы найти безопасное убежище!

Ветер гнал «Пилигрим» прямо к земле. Нехватка парусов и сильный прижимной ветер не давали Дику возможности изменить курс.

Впереди вырисовывалась длинная полоса прибрежных рифов, на которых бурлила и пенилась вода. Видно было, как волны взлетают до середины высоты утесов. Прибой, несомненно, был очень силен.

Дик Сэнд постоял некоторое время на носу, пристально всматриваясь в берег. Затем, не промолвив ни слова, он возвратился на корму и стал к штурвалу.

Ветер все крепчал. Скоро «Пилигрим» оказался всего лишь в одной миле от берега.

Теперь Дик Сэнд увидел маленькую бухту и решил направить в нее корабль. Но чтобы попасть в нее, надо было миновать барьер подводных скал, а пройти между ними было очень трудно. Буруны указывали на малую глубину воды над всей полосой рифов.

В эту минуту Динго, который бегал взад и вперед по палубе, бросился на нос и, уставившись на землю, протяжно и жалобно завыл. Казалось, собака узнала этот берег и его вид разбудил в ней какие-то горестные воспоминания.

Негоро, несомненно, услышал этот вой – он вышел из своей каюты и, хотя опасался собаки, встал на носу, прислонившись к борту.

К счастью для него, Динго продолжал жалобно выть, глядя на берег, и не обратил на кока никакого внимания.

Негоро смотрел на свирепые буруны без всякого страха. Наблюдавшей за ним миссис Уэлдон показалось, однако, что лицо у него порозовело и черты его дрогнули.

Неужели Негоро знал этот берег, к которому ветер нес «Пилигрим»?

Тем временем Дик Сэнд передал штурвал старому Тому. В последний раз он пошел на нос посмотреть на постепенно открывающуюся бухту.

– Миссис Уэлдон, – сказал он затем твердым голосом, – у меня больше нет никакой надежды найти безопасное убежище. Не позже чем через полчаса корабль, несмотря на все мои усилия, будет на рифах... Придется выброситься на берег. Я не приведу «Пилигрим» в порт. Чтобы спасти вас, я должен его погубить. Но колебаться тут не приходится.

– Ты сделал все, что от тебя зависело, Дик? – спросила миссис Уэлдон.

– Все! – ответил юноша.

И тотчас же он занялся приготовлениями к предстоящему опасному маневру.

Прежде всего миссис Уэлдон, Джек, кузен Бенедикт и Нэн должны были надеть спасательные пояса. Том, негры-матросы и сам Дик были искусными пловцами, но и они приняли меры на случай, если их сбросит в море.

Геркулесу поручили помогать миссис Уэлдон. Молодой капитан взял на себя заботу о Джеке. Кузен Бенедикт, очень спокойный, вышел на палубу, повесив через плечо свою металлическую коробку с насекомыми. Дик поручил его Бату и Актеону. Что касается Негоро, то его поразительное хладнокровие говорило о том, что он не нуждается ни в чьей помощи.

На всякий случай Дик Сэнд велел поднять на палубу десяток бочек с ворванью.

Если вылить в нужный миг китовый жир на поверхность воды, это на секунду успокоит волнение и облегчит кораблю проход через рифы.

Дик решил не пренебрегать ничем, что могло бы спасти жизнь экипажа и пассажиров.

Покончив со всеми приготовлениями, юноша вернулся на корму и стал к штурвалу.

«Пилигрим» был теперь всего в двух кабельтовых от берега, иными словами – почти у самых рифов. Правый борт его уже обдавала белая пена прибоя. Молодой капитан ждал, что с секунды на секунду киль судна ударится о какую-нибудь подводную скалу.

Вдруг по цвету воды Дик понял, что между рифами есть проход. Необходимо было смело войти в него, чтобы выброситься на мель как можно ближе к берегу.

Молодой капитан не колебался ни мгновения. Он круто повернул штурвал и направил корабль в узкий извилистый проход.

В этом месте море бушевало особенно яростно. Волны стали заливать палубу.

Матросы стояли на носу возле бочек с жиром, ожидая приказа капитана.

– Лей ворвань! – крикнул Дик. – Живей!

Под слоем жира, который потоком лился на волны, море, словно по волшебству, успокоилось, но через минуту забушевало с удвоенной яростью.

Однако этой минуты затишья было достаточно, чтобы «Пилигрим» проскочил за линию рифов и ринулся к берегу.

Страшный толчок. Огромная волна подняла корабль и бросила его на камни. Мачты рухнули – по счастью, никого не задев.

При ударе корпус судна получил пробоину, и в нее хлынула вода. Но до берега было меньше полкабельтова. До него легко было добраться по цепочке торчащих из воды черных камней.

Через десять минут после катастрофы все пассажиры и команда «Пилигрима» очутились на суше, у подножия прибрежного утеса.

Глава четырнадцатая

Что теперь делать?

Итак, после перехода, длившегося целых семьдесят четыре дня, после упорной борьбы со штилями, противными ветрами и ураганом «Пилигрим» кончил тем, что выбросился на берег.

И все же миссис Уэлдон и ее спутники возблагодарили провидение, почувствовав себя в безопасности. Ведь они были на материке, а не на каком-нибудь злосчастном острове Полинезии, куда могла бы их забросить буря. В каком бы месте Южной Америки они ни высадились, все равно им нетрудно будет возвратиться на родину.

Но «Пилигрим» погиб. От него остался лишь бесполезный остов, и за несколько часов прибой унесет его обломки. О спасении груза нечего было и думать. Однако если Дику Сэнду и не удалось сберечь корабль и привести его владельцу, он все же вправе был гордиться тем, что целыми и невредимыми доставил на берег всех находившихся на борту, и среди них жену и сына Джемса Уэлдона.

В какой части южноамериканского побережья погиб «Пилигрим»? На побережье Перу, как предполагал Дик Сэнд? Вполне возможно: ведь после того как корабль миновал остров Пасхи, ветры экваториального течения гнали его к северо-востоку. При этих условиях он, разумеется, мог с сорок третьего градуса южной широты попасть на пятнадцатый градус.

Необходимо было как можно скорее установить, где именно потерпел крушение «Пилигрим». На побережье Перу много портов, городков и селений, и если бы предположение Дика Сэнда оказалось правильным, легко было бы добраться до какого-нибудь населенного пункта. Но эта часть побережья выглядела совершенно пустынной.

Это был крутой, но не слишком высокий берег. Узкая песчаная полоса была усеяна черными обломками скал. То тут, то там в скалах зияли широкие трещины, кое-где более отлогие места позволяли взобраться на гребень утеса.

В четверти мили к северу скалы расступались, давая выход маленькой речке, которую с моря не было видно. Над речкой склонялись многочисленные ризофоры – разновидность мангрового дерева, – существенно отличающиеся от своих индийских сородичей.

У самого гребня обрыва, как они тут же обнаружили, начинался густой зеленый лес, который тянулся вдаль, до линии гор, возвышавшихся на

горизонте. Будь кузен Бенедикт ботаником, он пришел бы в восторг от бесконечного разнообразия совершенно новых для него древесных пород.

Тут росли высокие баобабы, которым раньше ошибочно приписывали невероятное долголетие и кора которых похожа на египетский сиенит, а также веерники, тамаринды, перечники и сотни других растений, не встречающихся в северной части Нового Света и непривычных для американцев.

Но странно было то, что среди всех этих деревьев не встречалось ни единого представителя многочисленного семейства пальм, которое насчитывает более тысячи видов и распространено почти по всему земному шару.

Над берегом реяли стаи крикливых птичек – главным образом ласточек с иссиня-черным оперением и светло-каштановыми головками. Кое-где взлетали куропатки – серые птицы с совершенно лишенной перьев шейкой.

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд заметили, что все эти птицы не очень боятся людей. Они позволяли приближаться к себе, не проявляя страха. Неужели они никогда не видели человека и не научились остерегаться его? Неужели этот пустынный берег никогда еще не слышал ружейного выстрела?

У берега меж камней прогуливались неуклюжие птицы – по-видимому, небольшие пеликаны; они набивали мелкой рыбешкой кожистый мешок, который висит у них под нижней створкой клюва.

Над обломками «Пилигрима» уже кружились чайки, прилетевшие с океана.

Птицы, видимо, были единственными живыми существами, посещавшими эту часть побережья, если не считать, разумеется, множества насекомых, которые могли бы заинтересовать кузена Бенедикта. Однако ни у птиц, ни у насекомых не спросишь, что это за берег, и узнать название страны можно было только у какого-нибудь местного жителя.

Но жителей тут не было, или по крайней мере ни один из них не показывался. Нигде не виднелось ни дома, ни хижины, ни шалаша. Ни один дымок не поднимался в воздух ни на севере – по ту сторону речки, – ни на юге, ни в густом лесу, уходившем в глубь континента. Не было никаких признаков того, что этот берег когда-либо посещал человек.

Дика Сэнда это очень удивило.

– Где же мы? Куда мы попали? И никого, кто мог бы нам это сказать!

Действительно, никого не было: если бы какой-нибудь туземец приблизился к ним, Динго поднял бы тревогу. Собака бегала взад и вперед

по песчаному берегу, обнюхивая землю и опустив хвост, и глухо ворчала. Несомненно, она вела себя очень странно, однако ясно было, что ни человека, ни животного Динго не чуял.

– Дик, посмотри-ка на Динго! – сказала миссис Уэлдон.

– Да, это непонятно! – промолвил юноша. – Можно подумать, что собака разыскивает чей-то след.

– Действительно, непонятно, – прошептала миссис Уэлдон. Затем она добавила: – А что делает Негоро?

– То же, что и Динго, – ответил Сэнд, – рыщет взад и вперед по берегу. Впрочем, здесь он волен поступать, как ему угодно. Я уже не вправе отдавать ему приказания. Его служба кончилась после крушения «Пилигрима».

И правда, Негоро ходил по песчаной косе, осматривал речку и прибрежные скалы, словно пытался что-то вспомнить. Бывал ли он уже здесь? Вероятно, если бы ему задали такой вопрос, он отказался бы ответить. И лучше было не обращать внимания на этого столь необщительного человека. Дик Сэнд видел, как Негоро пошел по направлению к речке, и как только он скрылся за прибрежными утесами, перестал думать о нем.

Динго злобно залаял, когда Негоро выбрался на берег, но почти тотчас перестал.

Пора было подумать о том, что предпринять. Собственно, прежде всего надо было найти какой-нибудь приют, какое-нибудь убежище, чтобы отдохнуть и поесть. После этого можно будет обсудить положение и наметить план действий.

О провианте можно было не беспокоиться. Не говоря уж о плодах и дичи, которыми изобиловала эта земля, потерпевшие крушение могли воспользоваться запасами с корабля. Прибой выбросил на обмелевшие с наступлением отлива рифы много разных предметов с погибшего судна. Том и его товарищи уже собрали несколько бочек с сухарями, коробки консервов, ящики с вяленным мясом. Вода еще не успела проникнуть в них, и маленький отряд с избытком был обеспечен пищей на все время, какое понадобится, чтобы добраться до ближайшего селения. Так что в этом отношении опасаться было нечего. Запасы провизии были уже переправлены в сухое место на берегу, куда не мог достигнуть прилив.

В пресной воде также не было недостатка. Дик Сэнд сразу же послал Геркулеса принести ведро воды из речки. Но силач негр принес на плече целый бочонок, наполнив его в устье речки, где вода в часы отлива была пресная и вполне годная для питья.

Не приходилось беспокоиться и об огне: если бы понадобилось развести костер, кругом было сколько угодно топлива – сучьев и высохших корней мангров. Старик Том, рьяный курильщик, захватил с собой герметически закрывающуюся жестяную коробку с трuтом. Он в любой момент мог высечь искру при помощи огнива и выбранного на берегу моря кремня.

Оставалось только отыскать убежище, где маленький отряд мог бы отдохнуть и переночевать перед выступлением в поход.

И кто бы мог подумать? «Гостиницу» нашел маленький Джек. Бегая у подножия скал, он случайно обнаружил просторную пещеру с гладко отполированными стенами – один из тех гротов, какие море вымывает в скалах, когда волны прибоя налетают на них во время бури.

Малыш пришел в восторг. Он радостно позвал мать и показал ей свою находку.

– Молодец, Джек! – сказала миссис Уэлдон. – Если бы мы были Робинзонами и поселились на этом берегу надолго, мы непременно назвали бы этот грот твоим именем.

Пещера была небольшая, десять – двенадцать футов в глубину и столько же в ширину, хотя Джеку она показалась огромной. Но потерпевшие крушение могли удобно в ней разместиться, а кроме того – миссис Уэлдон и Нэн с удовольствием это отметили, – она была совершенно сухой. Луна была в первой четверти – значит, не приходилось опасаться особенно сильных приливов, которые могли бы достичь подножия скал, а следовательно, и пещеры. Итак, все необходимое для отдыха было налицо.

Через десять минут пассажиры «Пилигрима» уже устроились в гроте на подстилке из сухих водорослей. Даже Негоро пожелал присоединиться к ним и получить свою долю обеда, который они приготовили все сообща. Очевидно, он не считал благоразумным пуститься в одиночку странствовать по глухому лесу, через который текла извилистая речка.

Было около часу пополудни. Обед состоял из сухарей, консервов и свежей воды с несколькими каплями рома. Бат среди продуктов нашел его целый бочонок.

Но хотя Негоро завтракал со всеми, он не вмешивался в общую беседу, когда обсуждался план дальнейших действий. Однако, не подавая вида, он внимательно прислушивался к разговору и, без сомнения, делал из него какие-то свои выводы.

Тем временем Динго, получивший свою долю пищи, караулил у входа в пещеру. С таким стражем можно было отдыхать спокойно. Ни одно живое

существо не могло появиться на песчаном берегу без того, чтобы верный пес не поднял тревоги.

Миссис Уэлдон, посадив к себе на колени сонного Джека, заговорила первая.

– Дик, друг мой, – сказала она, – все мы благодарны тебе за преданность, которую ты проявил до сих пор, но освободить тебя от твоих обязанностей мы еще не можем. Ты должен быть нашим проводником на суше, как был нашим капитаном на море. Все мы доверяем тебе. Говори же, что нужно делать?

Миссис Уэлдон, старая Нэн, Том и остальные негры не спускали глаз с Дика Сэнда. Даже Негоро почему-то пристально смотрел на него. Очевидно, его чрезвычайно интересовало, что же ответит Дик.

Дик Сэнд несколько минут размышлял. Потом он сказал:

– Прежде всего, миссис Уэлдон, очень важно выяснить, где мы находимся. Я думаю, наш корабль мог выйти только к берегам Перу. Ветер и течения должны были отнести его примерно к этим широтам. Не находимся ли мы в одной из южных, наименее населенных провинций Перу, которые граничат с пампой? Возможно, я бы сказал даже, что это весьма вероятно: ведь берег кажется совсем пустынным и на нем вряд ли бывают люди. Если мое предположение правильно, нам, к несчастью, придется идти до ближайшего поселения довольно долго.

– Что же ты хочешь делать? – спросила миссис Уэлдон.

– Я считаю, что мы не должны покидать грот до тех пор, пока не выясним точно, где мы находимся. Завтра, после того как мы отдохнем ночь, двое из нас пойдут на разведку. Они постараются, не очень удаляясь от грота, разыскать каких-нибудь местных жителей; выяснив у них все, что нас интересует, они вернутся назад. Не может быть, чтобы на расстоянии десяти – двенадцати миль не нашлось ни одного человека.

– Нужно ли нам разделяться? – спросила миссис Уэлдон.

– Я думаю, это необходимо, – ответил юноша. – Если же ничего разузнать не удастся, если, против ожидания, окажется, что местность эта совершенно пустынна, что ж... тогда мы придумаем что-нибудь другое!

– А кто пойдет на разведку? – спросила миссис Уэлдон после минутного раздумья.

– Это надо обдумать, – ответил Дик Сэнд. – Во всяком случае, вы, миссис Уэлдон, Джек, мистер Бенедикт и Нэн не должны уходить из грота. Бат, Геркулес, Актеон и Остин останутся с вами, а мы с Томом отправимся на разведку. Негоро, конечно, предпочтет остаться здесь? – добавил юноша, глядя на кока.

– Вероятно, – уклончиво ответил Негоро, который не любил связывать себя никакими обязательствами.

– Мы возьмем с собой Динго, – продолжал Дик. – Он может быть нам полезен.

Услышав свое имя, Динго показался у входа в грот и коротко залаял, словно выражая этим свое согласие.

Пока Дик говорил все это, миссис Уэлдон задумчиво молчала. Разлука, даже самая непродолжительная, очень смущала ее. Весть о крушении «Пилигрима», возможно, уже облетела соседние туземные племена, которые могли бывать на побережье севернее или южнее, и на случай, если бы сюда нагрянули береговые пираты, лучше было бы держаться всем вместе, чтобы, если понадобится, отразить их нападение.

Это замечание миссис Уэлдон следовало серьезно обсудить.

Однако у Дика Сэнда нашлись веские доводы против него. Индейцев нельзя сравнивать с африканскими или полинезийскими дикарями, говорил юноша, и нет никаких оснований опасаться, что они способны на разбойничий набег. А пускаться в странствия по этой незнакомой местности, даже не представляя себе, в какой части Южной Америки она расположена и на каком расстоянии находится ближайшее поселение, – это значило бы напрасно расходовать силы. Слов нет, в разделении отряда есть свои теневые стороны, но все же это лучше, нежели всем вместе пускаться вслепую через чащу девственного леса, который, видимо, простирается до самых гор.

– Да и вообще, – настойчиво закончил Дик, – я не думаю, что мы расстанемся надолго. Я даже уверен, что этого не случится. Если мы с Томом не найдем какого-нибудь селения или местного жителя самое большее за два дня, мы вернемся в грот. Но этого не может быть! Я убежден, что мы не пройдем и двадцати миль в глубь страны, как уже определим, где находимся. Я мог ошибиться в счислении – ведь я не делал астрономических наблюдений, и не исключено, что мы находимся севернее или южнее, чем думаем.

– Да... ты, конечно, прав, мой мальчик, – грустно ответила миссис Уэлдон.

– А как вы относитесь к моему плану, господин Бенедикт? – спросил Дик Сэнд.

– Я? – переспросил энтомолог.

– Да. Каково ваше мнение?

– У меня нет никакого мнения, – ответил кузен Бенедикт. – Я согласен со всем, что тут предложено, и готов делать все, что мне скажут. Если вы

решите остаться здесь на день-другой, я буду очень доволен: я воспользуюсь этим, чтобы изучить побережье с точки зрения энтомологии.

– Ну, поступай как знаешь, Дик, – сказала миссис Уэлдон. – Отправляйся на разведку с Томом, а мы будем дожидаться вас здесь.

– Прекрасно! – сказал кузен Бенедикт самым спокойным тоном. – А я пойду знакомиться с местными насекомыми.

– Только, пожалуйста, не заходите далеко, господин Бенедикт, – сказал Дик Сэнд. – Мы все очень просим вас об этом.

– Не беспокойся, мой милый.

– А главное, не приносите сюда слишком много moskitov! – добавил Том.

Через несколько минут, перекинув через плечо свою драгоценную жестяную коробку, энтомолог вышел из грота.

Негоро ушел почти одновременно с ним. Казалось, этот человек считал совершенно естественным всегда заботиться только о себе. Но в то время как кузен Бенедикт карабкался вверх по откосу, чтобы обследовать опушку леса, Негоро не спеша направился к устью речки и снова исчез за ее крутым берегом.

Джек спал. Миссис Уэлдон положила его на колени Нэн и вышла на песчаный берег. Дик Сэнд и негры последовали за нею. Нужно было посмотреть, нельзя ли, пользуясь отливом, добраться до разбитого судна, где оставалось еще немало вещей, которые могли пригодиться маленькому отряду.

Рифы, у которых разбился «Пилигрим», были теперь обнажены. Над ними, окруженный разными обломками, высился корпус корабля, который во время прилива был почти целиком погружен в воду. Дика Сэнда это очень удивило, так как он знал, что на американском побережье Тихого океана приливы и отливы очень невелики. Но эта странность могла объясняться сильным ветром, который дул к берегу.

Увидев свой корабль, миссис Уэлдон и ее спутники испытали тягостное чувство. На его борту они провели столько дней, пережили столько страданий! При взгляде на бедный, искалеченный корабль, без парусов и без мачт, лежавший на боку, как существо, лишенное жизни, у них больно сжалось сердце.

Но необходимо было побывать на корабле раньше, чем океан довершит его разрушение.

Дик Сэнд и пятеро негров легко поднялись на палубу, цепляясь за снасти, которые свисали с бортов. Том, Геркулес, Бат и Остин занялись

переноской хранившихся в камбузе съестных припасов и напитков, а Дик Сэнд отправился в главную кладовую. К счастью, вода не проникла в эту часть судна: корма его и после крушения высоко поднималась над водой.

Дик Сэнд нашел здесь четыре вполне исправных ружья – четыре великолепных карабина с откидными затворами завода «Парди и К^о» – и около сотни патронов, тщательно уложенных в патронташи. Маленький отряд был теперь вооружен и мог оказать сопротивление индейцам, если бы они, против всякого ожидания, вздумали напасть на него.

Он не позабыл захватить и карманный фонарик, но географические карты, хранившиеся в носовой каюте, все промокли, и пользоваться ими было невозможно.

В арсенале «Пилигрима» хранились также большие ножи для разделки китовых туш. Дик взял шесть таких ножей, чтобы пополнить вооружение своих спутников, и не забыл еще одно безобидное оружие – игрушечное ружье, принадлежавшее маленькому Джеку.

Остальное имущество, находившееся на корабле, либо погибло при крушении, либо было приведено водой в негодность.

Впрочем, незачем было перегружать отряд поклажей, если до ближайшего населенного места предстояло идти всего несколько дней. Продовольствия и оружия было больше чем достаточно. Кроме того, по совету миссис Уэлдон Дик Сэнд забрал с корабля все деньги, какие нашел, – около пятисот долларов.

Очень немного! Миссис Уэлдон везла с собой гораздо больше, но их нигде не было.

Только Негоро мог опередить Дика Сэнда в этих поисках и присвоить деньги миссис Уэлдон и капитана Халла. Никого другого заподозрить в этой краже было нельзя. И все же Дик Сэнд заколебался. Да, все, что он о нем знал, и то, о чем догадывался, заставляло его опасаться этого замкнутого человека, у которого чужое горе вызывало лишь злую усмешку. Но значило ли это, что он был преступником? Сам Дик был слишком благороден, чтобы так думать. Но можно ли заподозрить в похищении денег кого-нибудь другого? Негры были честными людьми, да к тому же они ни на секунду не отходили от миссис Уэлдон и Дика, а Негоро все время бродил по берегу. Нет, только он мог быть виновен! Дик Сэнд решил допросить Негоро, как только тот вернется, а в случае необходимости даже велеть обыскать его. Этот вопрос необходимо было выяснить до конца.

Солнце склонялось к закату. В эту пору года оно еще не перешло экватор, неся вешнее тепло и свет Северному полушарию, но день этот уже приближался. Оно опускалось почти перпендикулярно к той линии, где

небо соединяется с морем. Сумерки были короткими и очень скоро сменились полной темнотой. Это подтвердило предположение Дика Сэнда, что судно потерпело крушение где-то между тропиком Козерога и экватором.

Миссис Уэлдон, Дик Сэнд и негры вернулись в грот, где все они должны были несколько часов отдохнуть.

– Ночь будет бурной, – заметил Том, указывая на черные тучи, скопившиеся на горизонте.

– Да, – подтвердил Дик, – ветер, видно, разыграется не на шутку. Но что нам теперь до этого! Бедный корабль наш погиб, и бури уже не могут причинить нам вреда!

– Что поделаешь! – сказала миссис Уэлдон.

Было решено, что всю ночь, которая обещала быть очень темной, негры по очереди станут сторожить у входа в грот. Кроме того, можно было рассчитывать и на Динго.

И тут вдруг они заметили, что кузена Бенедикта все еще нет.

Геркулес позвал его во всю силу своих богатырских легких, и почти тотчас же энтомолог спустился с крутого откоса, рискуя сломать себе шею.

Кузен Бенедикт буквально был взбешен. Он не нашел в лесу ни одного нового насекомого – ни одного, достойного занять место в его коллекции. Сороконожек, сколопендр и других многоногих было сколько угодно, даже слишком много. Но ведь известно, что кузену Бенедикту не было никакого дела до многоногих!

– Стоило ли плыть пять, а может быть, и все шесть тысяч миль, – жаловался он, – попасть в сильнейшую бурю, потерпеть крушение, чтобы не найти ни одного из тех американских насекомых, которые являются украшением всякого энтомологического музея?! Нет, нет, решительно оно того не стоило!

В заключение кузен Бенедикт потребовал немедленного отправления. Он и часа не останется на этом презренном берегу.

Миссис Уэлдон успокоила этого большого ребенка. Она уверила его, что завтра он будет счастливее в своих поисках, и все забрались в грот, чтобы проспать до восхода солнца, но тут Том обратил внимание на то, что Негоро еще не вернулся, хотя уже наступила ночь.

– Где он может быть? – спросила миссис Уэлдон.

– Какая разница! – сказал Бат.

– О нет, – возразила миссис Уэлдон, – я предпочла бы, чтобы этот человек все время был у нас на глазах.

– Вы правы, миссис Уэлдон, – сказал Дик Сэнд, – но если он

добровольно покинул нас, не представляю, как мы можем заставить его вернуться. Кто знает, нет ли у него причин навсегда скрыться от нас...

И, отведя миссис Уэлдон в сторону, Дик поделился с ней своими подозрениями. Миссис Уэлдон несколько не была удивлена тем, что Дик так же, как и она сама, относится к Негоро с подозрением. Но в одном они с Диком расходились.

– Если Негоро вернется, – заметила она, – это значит, что он припрятал украденные деньги в надежном месте. Раз мы не можем поймать его с поличным, по-моему, лучше скрыть наши подозрения и сделать вид, что ему удалось нас обмануть.

Миссис Уэлдон была права, и Дик согласился с ее мнением.

Между тем Негоро звали снова и снова... Он не отвечал. То ли он зашел слишком далеко и не слышал их, то ли не хотел вернуться.

Негры несколько не сожалели о том, что избавились от португальца, но, как правильно сказала миссис Уэлдон, Негоро был, пожалуй, более опасен вдали, чем вблизи. И потом, как объяснить, что судовой кок рискнул в одиночку пуститься в путешествие по этим незнакомым местам? Может быть, он заблудился и теперь в кромешной тьме безуспешно ищет дорогу в грот?

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд не знали, что думать. Но как бы то ни было, не стоило лишать себя столь необходимого отдыха только ради того, чтобы ждать Негоро.

Вдруг Динго, бегавший по песчаному берегу, залился отчаянным лаем.

– Почему лает Динго? – спросила миссис Уэлдон.

– Необходимо это узнать, – ответил Дик Сэнд. – Может быть, Негоро возвращается?

Тотчас же Дик, Геркулес, Остин и Бат пошли к устью речки.

Но на ее берегу они никого не увидели. Динго больше не лаял.

Дик Сэнд и его спутники вернулись в грот.

Все постарались устроиться как можно удобнее. Негры распределили между собой дежурство.

Но тревога не давала заснуть миссис Уэлдон. Ей почему-то казалось, что этот долгожданный берег не оправдал надежд, которые они возлагали на него, – не принес ни безопасности для ее близких, ни покоя для нее самой.

Глава пятнадцатая

Гаррис

Наутро 7 апреля Остин, который нес караул в предрассветные часы, увидел, как Динго с сердитым лаем бросился к речке. Тотчас же миссис Уэлдон, Дик Сэнд и негры выбежали из грота.

Несомненно, что-то случилось.

– Динго учуял человека или какое-то животное, – сказал Дик Сэнд.

– Во всяком случае, это не Негоро, – заметил Том. – На него Динго лает с особенной злостью.

– Но если это не Негоро, куда же он девался? – спросила миссис Уэлдон, бросив искоса на Дика взгляд, значение которого понял только он один. – И если это не он, то кто же?

– Сейчас узнаем, миссис Уэлдон, – ответил Дик. Потом, обращаясь к Бату, Остину и Геркулесу, он добавил: – Возьмите ружья и ножи, друзья мои, и идемте.

По примеру Дика Сэнда каждый негр заткнул за пояс нож и взял ружье. Затем все четверо зарядили карабины и, вооружившись таким образом, быстро двинулись к берегу речки.

Миссис Уэлдон, Том и Актеон остались у входа в грот, где под присмотром старой Нэн еще спал маленький Джек.

Солнце только что вошло. Скалы, поднимавшиеся на востоке, пока скрывали его, и песчаное побережье было в тени, но на западе море до самого горизонта уже сверкало под первыми солнечными лучами.

Дик Сэнд и его спутники быстро шли по берегу к устью речки.

Динго стоял там неподвижно, словно делал стойку, и лаял не переставая. Ясно было, что он видит или чувствует кого-то постороннего.

Но лаял он действительно не на Негоро, своего давнишнего врага.

Какой-то человек обогнул в этот момент выступ утеса. Очутившись на пляже, он осторожно двинулся вперед, стараясь жестами успокоить Динго. Видно было, что он побаивается крупного пса.

– Это не Негоро, – сказал Геркулес.

– Ну, мы ничего не потеряем от замены, – заметил Бат.

– Пожалуй, – сказал Дик Сэнд. – Вероятно, это какой-то местный житель. Его появление избавит нас от неприятной необходимости разлучаться. Наконец-то мы точно узнаем, где мы находимся!

И все четверо, закинув ружья за спину, быстро зашагали навстречу

незнакомцу.

Незнакомец, увидев их, сначала проявил все признаки изумления. Он, несомненно, не ожидал встретить людей в этой части побережья. Очевидно, он еще не заметил корпуса «Пилигрима», иначе появление жертв крушения показалось бы ему совершенно естественным. Впрочем, за ночь прибой довершил разрушение корабля, и теперь от него остались только плавающие в море обломки.

Увидев, что к нему идут четверо вооруженных людей, незнакомец остановился и даже сделал шаг назад. За спиной у него висело ружье; он быстро взял его в руки и вскинул к плечу. Его опасения были понятны.

Но Дик Сэнд сделал приветственный жест, и незнакомец, несомненно, понял, так как после некоторого колебания опять двинулся вперед.

Теперь Дик Сэнд мог рассмотреть его.

Это был рослый мужчина, лет на вид не более сорока, с седеющими волосами и бородой, с живыми, быстрыми глазами и загорелый почти до черноты – такой загар бывает у кочевников, вечно странствующих на вольном воздухе по лесам и равнинам. Незнакомец носил широкополую шляпу и куртку из дубленой кожи; к высоким – до колен – кожаным сапогам были прикреплены большие шпоры, звеневшие при каждом шаге.

Дик Сэнд с первого взгляда понял – и так оно и оказалось, – что перед ними не индеец, коренной житель пампы, а скорее иностранец, сомнительный авантюрист, каких немало встречается в этих отдаленных краях. Судя по его сдержанным манерам и по рыжеватой бороде, можно было даже предположить, что по происхождению он англосакс. Во всяком случае, он не был ни индейцем, ни испанцем.

Догадка эта перешла в уверенность, когда Дик Сэнд сказал ему по-английски: «Добро пожаловать», а незнакомец ответил на том же языке без какого бы то ни было акцента.

– Добро пожаловать вам, юный друг! – сказал он и, подойдя поближе, крепко пожал руку Дику Сэнду.

Неграм, спутникам Дика, он только молча кивнул головой.

– Вы англичанин? – спросил он у Дика.

– Американец, – ответил юноша.

– Южанин?

– Нет, северянин.

Этот ответ как будто обрадовал незнакомца. Он еще раз размашисто, чисто по-американски, потряс руку Дику Сэнду.

– Могу ли я спросить вас, мой юный друг, каким образом вы очутились на этом берегу?

Но прежде чем Дик Сэнд успел ответить на вопрос, незнакомец сорвал с головы шляпу и низко поклонился.

Миссис Уэлдон вышла на пляж и остановилась перед ним.

Она сама ответила на вопрос незнакомца.

– Сударь, – сказала она, – мы потерпели крушение. Наш корабль вчера разбился об эти рифы!

На лице незнакомца отразилось сочувствие. Повернувшись к океану, он посмотрел, не видно ли где-нибудь корабля.

– От нашей шхуны ничего не осталось, – сказал Дик. – Прибой разбил ее в щепы этой ночью.

– И прежде всего мы хотим знать, – добавила миссис Уэлдон, – где мы находимся.

– На побережье Южной Америки, – ответил незнакомец. Казалось, вопрос миссис Уэлдон очень удивил его. – Разве вы в этом сомневаетесь?

– Да, сударь, – ответил Дик Сэнд, – потому что буря могла отнести корабль в сторону, а я не имел возможности определить его место. Но я прошу вас точнее указать, где мы. На побережье Перу, не правда ли?

– Нет, нет, юный друг мой! Немного южнее. Вы потерпели крушение у берегов Боливии.^[55]

– А! – воскликнул Дик Сэнд.

– Вы находитесь в южной части Боливии, почти на границе Чили.

– А как называется этот мыс? – спросил Дик Сэнд, указывая на север.

– Не знаю, – ответил незнакомец. – Я хорошо знаком с внутренними областями страны, где мне часто приходилось бывать, но на этот берег я попал впервые.

Дик Сэнд обдумал то, что услышал от незнакомца. В общем, он был не очень удивлен, так как, не зная силы течений, легко мог ошибиться в своих расчетах, да и ошибка оказалась не такой уж большой. Дик, основываясь на том, что он заметил остров Пасхи, предполагал, что «Пилигрим» потерпел крушение где-то между двадцать седьмой и тридцатой параллелью южной широты, а они оказались на двадцать пятой параллели. Судно проделало длинный путь, и в таком незначительном отклонении не было ничего невероятного.

Кроме того, у Дика не было ни малейших оснований сомневаться в правдивости слов незнакомца, а раз этот берег принадлежал Нижней Боливии, становилась понятной и его пустыньность.

– Сударь, – сказал он незнакомцу, – судя по вашему ответу, я должен предположить, что мы находимся на довольно большом расстоянии от Лимы?

– О, Лима далеко... Лима там, на севере!

Миссис Уэлдон, которую исчезновение Негоро заставило насторожиться, очень внимательно присматривалась к незнакомцу. Но ни в его поведении, ни в его словах она не заметила ничего подозрительного.

– Сударь, – сказала она, – извините, если мой вопрос покажется вам нескромным. Ведь вы не уроженец Боливии?

– Я американец, как и вы, миссис...

Незнакомец умолк, ожидая, что американка назовет ему свое имя.

– Миссис Уэлдон, – ответила она.

– Моя фамилия Гаррис, – продолжал незнакомец. – Я родился в Южной Каролине. Но вот уже двадцать лет, как я покинул свою родину и живу в пампасах Боливии, а потому мне очень приятно встретить соотечественников!

– Вы постоянно живете в этой части Боливии, мистер Гаррис? – спросила миссис Уэлдон.

– Нет, миссис Уэлдон, я живу на юге, на чилийской границе, но сейчас я направляюсь на северо-восток, в Атакаму.

– Значит, мы находимся недалеко от этой пустыни? – спросил Дик Сэнд.

– Совершенно верно, мой юный друг. Она начинается за горным хребтом, который виден на горизонте.

– Пустыня Атакама? – повторил Дик Сэнд.

– Да, да, – подтвердил Гаррис. – Эта пустыня очень своеобразна и совсем не похожа на остальную Южную Америку. Это самая интересная и очень мало исследованная страна.

– И вы едете туда один? – спросила миссис Уэлдон.

– О, я еду туда не в первый раз! – ответил Гаррис. – В двухстах милях отсюда расположена крупная ферма – асьенда Сан-Фелисе. Она принадлежит одному из моих братьев, и я часто бываю у него по своим торговым делам. Если вы пожелаете отправиться со мной, вас встретит там самый сердечный прием, а оттуда уже легко добраться до города Атакамы. Мой брат с величайшей радостью предоставит вам необходимые средства передвижения.

Это предложение, сделанное как будто от чистого сердца, говорило в пользу американца, который тотчас продолжал, обращаясь к миссис Уэлдон:

– Эти негры – ваши рабы?

И он указал на Тома и его товарищей.

– В Соединенных Штатах больше нет рабов, – живо возразила миссис

Уэлдон. – Северные штаты давно уничтожили рабство, и южанам пришлось последовать их примеру.

– Ах да, верно, – сказал Гаррис. – Я и позабыл, что война 1862 года разрешила этот важный вопрос. Прошу извинения у этих славных людей, – добавил Гаррис с оттенком иронии в голосе, как говорили с неграми американцы из южных штатов. – Но, видя, что эти джентльмены служат у вас, я подумал...

– Они не служили и не служат у меня, сударь, – прервала его миссис Уэлдон.

– Мы почли бы за честь служить вам, миссис Уэлдон, – сказал старый Том. – Но да будет известно мистеру Гаррису, что мы никому не принадлежим! Да, я был рабом, это правда. Когда мне было шесть лет, меня продали в Африке в рабство. Но мой сын Бат родился, когда я уже был свободным человеком, и все мои спутники – дети свободных людей.

– Я могу вас с этим только поздравить, – ответил Гаррис тоном, в котором миссис Уэлдон почудилась насмешка. – Впрочем, на земле Боливии нет рабов. Следовательно, вам нечего бояться, и вы можете быть здесь так же свободны, как и в штатах Новой Англии.^[56]

В эту минуту из грота, протирая глаза, вышел маленький Джек в сопровождении Нэн.

Увидев мать, он бегом бросился к ней. Миссис Уэлдон нежно его поцеловала.

– Какой славный мальчуган! – сказал американец, подходя к Джеку.

– Это мой сын, – ответила миссис Уэлдон.

– О миссис Уэлдон! Вы, верно, во время этих тяжелых испытаний страдали вдвойне – за себя и за сына!

– Благодарение Богу, Джек цел и невредим, как и все мы.

– Вы разрешите мне поцеловать это прелестное дитя? – спросил Гаррис.

– Охотно, сударь, – ответила миссис Уэлдон.

Но очевидно, мистер Гаррис не понравился маленькому Джеку: он только теснее прижался к матери.

– Вот как! – сказал Гаррис. – Ты не хочешь поцеловать меня, крошка? Значит, я кажусь тебе страшным?

– Извините его, сударь, – поспешила сказать миссис Уэлдон. – Джек очень застенчивый ребенок.

– Ну хорошо, позже мы с тобой познакомимся поближе, – ответил Гаррис. – Когда мы придем на асьенду, там для тебя найдется славный пони, который поможет нам подружиться.

Но и упоминание о «славном пони» смягчило маленького Джека не более, чем предложение поцеловать мистера Гарриса.

Миссис Уэлдон с неудовольствием поспешила переменить тему разговора: она боялась, что неприветливость Джека заденет человека, который так любезно предложил ей свои услуги.

Дик Сэнд раздумывал о предложении идти на асьенду Сан-Фелисе. Это, судя по словам Гарриса, означало переход в двести миль то по лесам, то по голой равнине – несомненно, очень утомительное путешествие, поскольку никаких средств передвижения не было.

Дик поделился своими сомнениями с Гаррисом и стал ждать, что ответит американец.

– Действительно, это довольно длинный переход, – сказал Гаррис. – Но в лесу, в сотне шагов от берега, меня ждет лошадь, которую я хочу предоставить в распоряжение миссис Уэлдон и ее сына. А для нас пеший переход не представит никаких трудностей и не будет слишком утомителен. Кстати, когда я говорил о двухстах милях, я имел в виду путь вдоль извилистого берега, которым только что прошел сам. Но если мы пойдем напрямик, через лес, дорога сократится по меньшей мере миль на восемьдесят. Делая в день до десяти миль, мы без особого труда доберемся до асьенды.

Миссис Уэлдон поблагодарила американца.

– Если вы действительно хотите доказать свою благодарность, то примите мое приглашение, – ответил Гаррис. – Мне, правда, еще ни разу не приходилось пересекать этот лес, но я не сомневаюсь, что без труда найду дорогу: ведь я привык странствовать по пампе. Вот с удовольствием дело обстоит хуже. Я захватил его с собой в дорогу ровно столько, сколько нужно мне одному, чтобы добраться до Сан-Фелисе.

– Мистер Гаррис, – сказала миссис Уэлдон, – у нас, к счастью, провизии больше чем достаточно, и мы охотно поделимся с вами.

– Вот и отлично, миссис Уэлдон! – воскликнул Гаррис. – По-моему, все устраивается как нельзя лучше, и нам остается только двинуться в путь.

Гаррис пошел было к лесу, чтобы привести оставленную там лошадь, но Дик Сэнд остановил его, задав новый вопрос.

Ему очень не хотелось удаляться от берега и углубляться в девственный лес, тянущийся на сотни миль. Дик Сэнд был истым моряком, и он предпочел бы идти вдоль побережья.

– Мистер Гаррис, – сказал он, – вместо того чтобы идти сто двадцать миль по Атакамской пустыне, не лучше ли нам двигаться вдоль берега? На север или на юг – мне все равно, лишь бы добраться до ближайшего

приморского города.

Гаррис слегка нахмурился.

– Юный друг мой, – сказал он, – как ни плохо я знаю это побережье, мне кажется, что ближайший приморский город находится от нас в трехстах или четырехстах милях...

– К северу – да, – прервал его Дик, – но к югу...

– А к югу, – возразил американец, – нужно будет добраться до самого Чили. Так что переход будет не короче, а на вашем месте я постарался бы не приближаться к пампе Аргентинской республики. Сам я, к великому сожалению, не могу сопровождать вас туда...

– Разве корабли, следующие из Чили в Перу, не проходят в виду этого берега? – спросила миссис Уэлдон.

– Нет, – ответил Гаррис. – Они держатся в открытом море, и вы, вероятно, не встретили ни одного судна.

– Вы правы, – сказала миссис Уэлдон. – Итак, Дик, есть ли у тебя еще какие-нибудь вопросы к мистеру Гаррису?

– Только один, миссис Уэлдон, – ответил юноша, которому очень не хотелось соглашаться. – Я хотел бы узнать у мистера Гарриса, в каком порту мы могли бы найти судно, которое доставит нас в Сан-Франциско.

– Право, мой юный друг, я затрудняюсь ответить на этот вопрос, – сказал американец. – Я знаю только, что в асьенде Сан-Фелисе мы найдем способ доставить вас в город Атакаму, а оттуда...

– Мистер Гаррис, – прервала его миссис Уэлдон, – не думайте, пожалуйста, что Дик не хочет принять ваше приглашение!

– Нет, миссис Уэлдон, конечно, нет! – воскликнул юноша. – Я готов с благодарностью принять предложение мистера Гарриса, но все же сожалею, что мы не находимся несколькими градусами севернее или южнее. Тогда бы мы были ближе к какому-нибудь порту, нам легче было бы вернуться на родину и не пришлось бы злоупотреблять любезностью мистера Гарриса.

– Помилуйте, я очень рад! – сказал Гаррис. – Ведь я вам уже говорил, что здесь редко удается встретить соотечественников. Для меня истинное удовольствие оказать вам услугу.

– Мы принимаем ваше предложение, мистер Гаррис, – ответила миссис Уэлдон. – Но я не хотела бы лишать вас лошади. Я хороший ходок...

– А я еще лучший, – сказал Гаррис с поклоном. – Я привык странствовать по пампе, и уж, во всяком случае, не я буду замедлять движение нашего каравана. Нет, миссис Уэлдон, на лошади поедете вы и

ваш маленький Джек. Возможно, впрочем, что по пути мы встретим кого-либо из работников асьенды. И если они будут ехать верхом, мы заберем их лошадей.

Дик Сэнд видел, что, выдвигая новые возражения, он только огорчит миссис Уэлдон.

– Мистер Гаррис, – сказал он, – когда мы выступаем?

– Сегодня же, мой юный друг! – ответил Гаррис. – Дождливый период начинается здесь в апреле, и надо сделать все возможное, чтобы вы добрались до асьенды Сан-Фелисе раньше его начала. Дорога через лес – самая короткая и, пожалуй, самая безопасная. Кочевники-индейцы редко забираются в лес: они предпочитают грабить на побережье.

– Том и вы, друзья мои, – сказал Дик, повернувшись к неграм, – нам остается только заняться приготовлениями к походу. Отберем из запаса провизии то, что всего легче нести, увяжем в тюки, и каждый возьмет свою долю.

– Мистер Дик, – сказал Геркулес, – если хотите, я один понесу весь груз.

– Нет, мой славный Геркулес, – ответил юноша, – лучше поделить ношу между всеми.

– Вы, видно, силач, Геркулес, – сказал мистер Гаррис, оглядывая негра с головы до ног, словно тот был выставлен для продажи. – На африканских невольничьих рынках за вас дали бы немало.

– Не больше, чем я стою, – смеясь, ответил Геркулес. – И покупателям пришлось бы здорово побегать, чтобы поймать меня.

Все было решено, и каждый принялся за дело, чтобы ускорить выступление в поход. Впрочем, позаботиться надо было только о продовольствии для маленькой группы на время пути до асьенды Сан-Фелисе, то есть всего на десять – двенадцать дней.

– Но прежде чем воспользоваться вашим гостеприимством, мистер Гаррис, мы хотели бы видеть вас в гостях у себя, – сказала миссис Уэлдон. – Надеюсь, вы не откажетесь позавтракать с нами?

– С удовольствием, миссис Уэлдон, с удовольствием, – весело ответил Гаррис.

– Через несколько минут завтрак будет готов.

– Хорошо, миссис Уэлдон. Я тем временем схожу за лошадей. Она-то уже позавтракала.

– Хотите, я пойду с вами? – спросил американца Дик Сэнд.

– Как вам угодно, мой юный друг, – ответил Гаррис. – Пойдемте, я покажу вам нижнее течение этой реки.

И они ушли вдвоем. Тем временем миссис Уэлдон послала Геркулеса за энтомологом. Кузен Бенедикт не обращал никакого внимания на то, что творилось вокруг. Он бродил по гребню обрыва в поисках редкостных насекомых, но ничего не нашел.

Геркулесу пришлось чуть не насильно привести его. Миссис Уэлдон сообщила кузену Бенедикту, что они отправляются и что поход через лес будет продолжаться дней десять – двенадцать.

Кузен Бенедикт ответил, что он готов отправиться и что он согласен пройти пешком через всю Америку, лишь бы ему разрешили дорогой коллекционировать насекомых.

Затем миссис Уэлдон с помощью Нэн приготовила плотный завтрак. Перед дальней дорогой он был отнюдь не лишним.

Тем временем Гаррис и Дик обогнули выступ утеса и прошли шагов триста вверх по течению реки. Там они увидели привязанную к дереву лошадь, которая веселым ржанием приветствовала своего хозяина.

Это была прекрасная лошадь неизвестной Дику Сэнду породы. Но для опытного человека достаточно было бросить взгляд на тонкую шею, маленькую голову, длинный круп, покатые плечи, почти горбоносую морду, чтобы узнать отличительные признаки арабской лошади.

– Вы видите, мой юный друг, – сказал Гаррис, – какое это великолепное животное. Вполне можно рассчитывать, что оно не подведет в дороге.

Гаррис отвязал лошадь, взял ее под уздцы и спустился на пляж впереди Дика. Последний бросил быстрый взгляд на реку и на лес, поднимавшийся по обоим ее берегам. Но он не заметил ничего подозрительного.

Тем не менее, догнав американца, он задал ему вопрос, которого тот никак не ожидал.

– Мистер Гаррис, – спросил он, – вы не встретили этой ночью португальца по имени Негоро?

– Негоро? – переспросил Гаррис тоном человека, не понимающего, чего от него хотят. – Кто такой этот Негоро?

– Это кок «Пилигрима», – ответил Дик Сэнд. – Он куда-то исчез.

– Утонул? – спросил Гаррис.

– Нет, нет, – ответил юноша. – Вчера вечером он еще был с нами, а ночью ушел и, вероятно, поднялся вверх по течению реки. Я потому и спрашиваю вас, что вы пришли с той стороны. Вы не встретили его?

– Я не встретил никого, – сказал американец. – Если ваш кок один забрался в лесную чащу, он рискует заблудиться... Может быть, мы

нагоним его дорогой.

– Да, может быть... – пробормотал Дик Сэнд.

Когда они вернулись к гроту, завтрак был уже готов. Как и вчерашний ужин, он состоял из консервов и сухарей. Гаррис воздал ему должное как человек, которого природа наделила волчьим аппетитом.

– Я вижу, – заметил он, – что мы не умрем с голоду по дороге. Но не скажу того же об этом несчастном португальце, о котором мне рассказал наш юный друг.

– А! – воскликнула миссис Уэлдон. – Дик Сэнд уже сказал вам, что Негоро исчез?

– Да, миссис Уэлдон, – ответил юноша. – Я хотел узнать, не встретил ли его мистер Гаррис.

– Нет, не встретил, – сказал американец. – Но оставим этого беглеца и займемся нашими делами. Мы можем выступить в поход, миссис Уэлдон, когда вы пожелаете.

Каждый взял предназначенный ему тюк. Миссис Уэлдон при помощи Геркулеса устроилась в седле, и неблагодарный маленький Джек с игрушечным ружьем за плечами сел впереди нее, даже не подумав сказать спасибо человеку, который предоставил в его распоряжение такого великолепного коня.

Он, однако, тут же заявил матери, что сумел бы править лошадью «этого господина».

Ему дали держать повод, и Джек сразу почувствовал себя настоящим начальником отряда.

Глава шестнадцатая

В пути

Не без некоторой тревоги, хотя для нее не было, казалось бы, никаких оснований, Дик Сэнд, пройдя шагов триста вверх по берегу речки, углубился в густой лес, по запутанным узким тропинкам которого ему и его спутникам предстояло пробираться добрых десять дней.

Напротив, миссис Уэлдон – женщина и мать, которую неизвестные опасности должны были пугать вдвойне, – была совершенно спокойна. Для этого у нее были две веские причины. Во-первых, она знала, что в этой области пампы нет ни опасных туземцев, ни диких зверей. А во-вторых, она верила, что с таким надежным проводником, каким ей казался Гаррис, можно не бояться заблудиться в лесу.

В пути маленький отряд придерживался по возможности такого порядка:

впереди шли Дик Сэнд и Гаррис – один со своим длинноствольным ружьем, другой с карабином;

за ним следовали Бат и Остин, каждый также с карабином и ножом;

позади них ехали на лошади миссис Уэлдон и Джек;

за ними шли Том и Нэн.

Арьергард составляли Актеон, вооруженный четвертым карабином, и Геркулес с топором за поясом.

Динго кружил возле отряда, то отставая, то забегая вперед, и, как заметил Дик Сэнд, словно бы все время искал какой-то след. С тех пор как Динго попал на сушу после крушения «Пилигрима», поведение его сильно изменилось. Он был сильно возбужден и все время глухо рычал – скорее жалобно, чем злобно. Странное поведение собаки заметили все, но никто не мог его объяснить.

Заставить кузена Бенедикта идти вместе с отрядом было так же трудно, как и Динго. Для этого его нужно было бы держать на привязи. С жестяной коробкой на боку, с сеткой в руке, с большой лупой, болтавшейся у него на шее, он рыскал по чаще, забирался в высокую траву в поисках прямокрылых, сетчатокрылых и прочих «крылых», рискуя, что его укусит какая-нибудь ядовитая змея.

В первые часы похода встревоженная миссис Уэлдон окликала его раз двадцать. Но это не помогало.

– Кузен Бенедикт, – сказала она ему наконец, – я настоятельно прошу

вас не удаляться от нас и в последний раз требую, чтобы вы прислушались к моей просьбе!

– Однако, кузина, – возразил несговорчивый энтомолог, – если я увижу насекомое...

– Если вы увидите насекомое, – прервала ученого миссис Уэлдон, – вы оставите его в покое, иначе мне придется отобрать у вас ящик с коллекцией.

– Как, отобрать у меня коллекцию?! – воскликнул кузен Бенедикт таким тоном, словно миссис Уэлдон угрожала вырвать ему сердце.

– Вашу коллекцию и вашу сетку! – ответила неумолимая миссис Уэлдон.

– И сетку, кузина?! А почему бы и не очки? Нет! Вы не посмеете! Вы не посмеете!

– Да, и очки, о которых я забыла! Благодарю вас, кузен Бенедикт. Вы мне напомнили, что я могу сделать вас слепым и хоть таким способом заставить вести себя разумно!

Эта тройная угроза усмирила непокорного кузена почти на целый час. А потом он снова стал отходить в сторону, и поскольку было ясно, что он все равно будет охотиться за насекомыми, даже оставшись без сетки, без ящика и без очков, пришлось махнуть на него рукой и предоставить ему свободу действий. Но Геркулес взялся следить за ним – это как-то естественно вошло в его обязанности, – и было решено, что он будет поступать с кузенном Бенедиктом так же, как сам энтомолог поступал с редкими насекомыми, то есть в случае нужды ловить его и водворять на место столь же деликатно, как сам кузен Бенедикт сделал бы это с самым редким чешуекрылым.

Решив таким образом вопрос, кузенном Бенедиктом перестали заниматься.

Маленький отряд, как видно из вышесказанного, был хорошо вооружен и готов ко всяким неожиданностям. Однако Гаррис утверждал, что в этом лесу можно не опасаться неприятных встреч, разве только с кочевниками-индейцами, да и то вряд ли.

Во всяком случае, принятых мер предосторожности было достаточно, чтобы заставить всех встречных относиться к отряду с почтением.

Тропинки, петлявшие в густом лесу, собственно, не заслуживали этого названия. Они походили скорее на звериные тропы, чем на человеческие дороги, и продвигаться по ним было нелегко. Гаррис не ошибся, говоря, что за двенадцать часов ходьбы отряд будет делать в день от пяти до шести миль.

Погода, правда, стояла прекрасная. Солнце поднялось к зениту, и лучи его падали на землю почти отвесно. На открытой равнине жара была бы нестерпимая, о чем Гаррис и сказал своим спутникам, но под непроницаемым зеленым сводом переносить ее было нетрудно.

Большинство пород деревьев в этом лесу было незнакомо ни миссис Уэлдон, ни ее спутникам, как белым, так и черным. Однако сведущий человек заметил бы, что при всех своих ценных качествах они не отличаются большой высотой. Здесь росла баухиния, или «железное дерево», там – молонпи, сходная с индийским сандаловым деревом, легкая и прочная древесина которого идет на выделку весел; из его ствола обильно сочилась камедь. Кое-где виднелись сумахи, которые содержат большое количество красящих веществ. Были тут и бакауты с толстыми стволами, футов по двенадцати в диаметре, но менее ценные, чем обыкновенные гваяковые деревья.

Дик Сэнд по пути спрашивал у Гарриса названия деревьев.

– Так, значит, вам никогда не приходилось бывать на побережье Южной Америки? – спросил тот, прежде чем ответить на вопрос.

– Никогда, – сказал Дик Сэнд. – За время моих плаваний я ни разу не бывал в этих местах и, по-моему, даже не сталкивался с людьми, которые хорошо знали бы их.

– Но может быть, вы бывали хотя бы в Колумбии, Чили или Патагонии? – спросил Гаррис.

– Нет, никогда...

– А может быть, миссис Уэлдон посещала эту часть материка? – продолжал Гаррис. – Ведь американки такие неутомимые путешественницы...

– Нет, мистер Гаррис, – ответила миссис Уэлдон. – Мой муж ездил по делам только в Новую Зеландию, и я сопровождала его только туда. Никто из нас не знает этой части Боливии.

– Ну что ж, миссис Уэлдон, вам и вашим спутникам предстоит познакомиться с удивительной страной, которая очень отличается от Перу, Бразилии и Аргентины. Ее флора и фауна поразят любого естествоиспытателя. Я бы даже сказал, что вы потерпели крушение в весьма удачном месте. И если бы можно было радоваться такому случаю...

– Я хочу верить, что нас привел сюда не случай, мистер Гаррис, а Бог...

– Бог? Да, да, конечно, Бог, – ответил Гаррис тоном человека, который не допускает вмешательства провидения в дела земные.

И так как никто из путешественников не знал ни этой страны, ни ее

растительности, Гаррис стал любезно называть им наиболее любопытные образцы местной флоры.

Поистине очень жаль, что энтомолог кузен Бенедикт не был также и ботаником. Если он до сих пор и не нашел никаких редких или новых насекомых, он мог бы сделать множество открытий в ботанике. Сколько здесь было растений самых разных размеров, о существовании которых в тропических лесах Нового Света наука и не подозревала! Кузен Бенедикт, несомненно, мог бы присоединить свое имя ко многим из их названий. Но к несчастью, он не любил ботаники и ничего в ней не понимал. Он даже испытывал отвращение к цветам, поскольку некоторые разновидности цветов, говорил он, осмеливаются ловить насекомых и, замкнув их в свои венчики, отравляют своими ядовитыми соками.

В лесу стали встречаться заболоченные места. Под ногами хлюпала вода. Сливаясь вместе, ее струйки питали притоки уже знакомой путешественникам речки. Некоторые из этих ручейков были так широки, что приходилось искать брод, чтобы переправиться на другой берег.

Низкие и топкие берега речек густо заросли тростником; Гаррис сказал, что это папирус. Он не ошибся: это травянистое растение обильно произрастало по влажным берегам.

Потом болота кончились, и над узкими тропинками вновь нависла сень высоких деревьев.

Гаррис указал миссис Уэлдон и Дику прекрасное эбеновое дерево, гораздо толще обычного, черная древесина которого красивее и тверже общеизвестных сортов. Кроме того, хотя отряд ушел уже далеко от берега моря, в лесу росло много манговых деревьев. От корня до ветвей их стволы были словно мехом окутаны лишайниками. Манговые деревья дают густую тень, они приносят изумительно вкусные плоды, и все же, рассказывал Гаррис, ни один туземец не осмеливается разводить их. «Кто посадит манговое дерево, тот умрет» – так гласит местное поверье.

Во второй половине дня, после недолгого отдыха, маленький отряд начал подниматься по пологому склону. Это еще не было предгорье высокого хребта, а нечто вроде волнистого плато, соединявшего равнину с горами.

Здесь лес поредел, деревья росли группами, и дорога стала бы легче, если бы не густая высокая трава. Казалось, отряд перенесся в джунгли Индии. Растительность была не такой обильной, как в низовьях впадающей в океан речки, но все же более густой, чем в странах умеренного пояса Старого и Нового Света. Повсюду виднелись индиго^[57] – по словам Гарриса, это бобовое растение считалось здесь самым опасным сорняком:

стоило земледельцу забросить поле, как его тотчас же захватывали индиго, к которым здесь относились с таким же пренебрежением, как в Европе относятся к крапиве и чертополоху.

Но зато в лесу, по-видимому, совершенно отсутствовали деревья, которые должны были бы изобиловать в этой части Южной Америки, – каучуконосы. А между тем *ficus prinoides*, *castilloa elastica*, *secropia peltata*, *colophora retilis*, *cameraria latifolia* и в особенности *suphonia elastica*, принадлежащие к различным семействам, весьма обычны в южноамериканских лесах. И однако, как ни странно, нигде не было видно ни одного каучуконоса.

А ведь Дик Сэнд обещал показать своему другу Джеку именно каучуковое дерево. Мальчик, конечно, был очень разочарован: он воображал, что мячи, резиновые куклы, паяцы со свистульками и резиновые шары растут прямо на ветвях этих деревьев.

Джек пожаловался матери.

– Терпение, дружок, – сказал Гаррис. – Мы увидим сотни каучуковых деревьев вокруг асьенды.

– Они настоящие резиновые? – спросил маленький Джек.

– Самые настоящие. А пока не хочешь ли попробовать вот эти плоды? Они очень вкусные и утоляют жажду.

И с этими словами Гаррис сорвал с дерева несколько плодов, на вид таких же сочных, как персики.

– А вы уверены, что эти плоды не принесут вреда? – спросила миссис Уэлдон.

– Могу поручиться, миссис Уэлдон, – ответил Гаррис и сам откусил большой кусок. – Это плод мангового дерева.

Маленький Джек не заставил себя долго просить и последовал его примеру. Он заявил, что «груши очень вкусные», и дерево тотчас было обобрано.

У этой разновидности манговых деревьев плоды созревают в марте и в апреле, а не в сентябре, как у других, и потому они пришлись очень кстати.

– Очень вкусно, очень вкусно, – с полным ртом говорил мальчик. – Но мой друг Дик обещал показать мне резиновое дерево, если я буду хорошо вести себя. Я хочу резиновое дерево!

– Ты его увидишь, сынок! – успокаивала мальчика миссис Уэлдон. – Ведь мистер Гаррис обещал тебе.

– Это не всё, – не уступал Джек. – Дик обещал мне еще...

– Что же еще обещал тебе Дик? – улыбаясь, спросил мистер Гаррис.

– Птичку-муху!

– Увидишь и птичку-муху, мой мальчик! Только подальше... подальше отсюда! – ответил Гаррис.

Джек вправе был требовать, чтобы ему показали очаровательных колибри: ведь он попал в страну, где они водятся во множестве. Индейцы, которые умеют артистически плести украшения из перьев колибри, наделили этих прелестных представителей пернатых поэтическими именами. Они называют колибри «солнечным лучом» или «солнечными кудрями». В одних местах колибри – «царица цветов», в других – «небесный цветок, прилетевший с лаской к цветку земному». Или же «букет из самоцветов, сверкающий при свете дня»! Пожалуй, воображение индейцев подсказало поэтические названия для каждого из ста пятидесяти видов, составляющих чудесное семейство колибри.

Однако хотя в боливийских лесах должно водиться множество колибри, маленькому Джеку пришлось довольствоваться пока лишь обещаниями Гарриса. По словам американца, отряд был еще слишком близко от берега, а колибри не любят пустынных мест на океанском побережье. Гаррис рассказывал Джеку, что эти птички не боятся людей и на асьенде весь день слышится их крик «тэр-тэр» и хлопанье крылышек, похожее на жужжание прялки.

– Ах, как бы я хотел поскорее туда добраться! – восклицал маленький Джек.

Самое верное средство для того, чтобы поскорее добраться до асьенды Сан-Фелисе, было сократить остановки в пути. Поэтому миссис Уэлдон и ее спутники решили останавливаться лишь для самого необходимого отдыха.

Вид леса уже изменился. Между деревьями все чаще мелькали широкие полянки. Сквозь зеленый ковер травы проглядывали грани розоватого гранита и голубоватого анепита, похожего на ляпис-лазурь. Иные холмы покрывала сассапарель – растение с мясистыми клубнями, поднимавшееся непроходимыми зарослями. По узким тропинкам в лесной чаще пробираться было все же легче.

К заходу солнца маленький отряд был приблизительно в восьми милях от начала пути. Этот переход закончился без всяких приключений и даже никого не утомил. Правда, это был лишь первый день – следовало ожидать, что следующие этапы окажутся более трудными.

С общего согласия решено было остановиться на отдых. Настоящего лагеря разбивать не стали, а расположились прямо на земле. Так как не приходилось опасаться ни туземцев, ни диких зверей, то для охраны достаточно было выставить на ночь одного караульного, сменяя его каждые

два часа.

В качестве убежища выбрали огромное манговое дерево – его раскидистые густые ветви образовали как бы естественную беседку. В случае необходимости можно было бы укрыться в его листве.

Но как только маленький отряд подошел к дереву, на его верхушке начался оглушительный концерт.

Манговое дерево служило насестом для целой стаи серых попугаев, болтливых, задиристых и яростных пернатых, которые нередко нападают на других птиц. Было бы весьма ошибочно судить о них по их сородичам, которых в Европе содержат в клетках.

Попугаи подняли такой шум, что Дик Сэнд намеревался ружейным выстрелом заставить их замолчать или улететь. Но Гаррис отговорил его под тем предлогом, что в этих безлюдных местах лучше не выдавать своего присутствия звуком выстрела.

– Пройдем без шума, а значит, и без опасности, – сказал он.

Ужин был вскоре готов, его не пришлось даже варить: он состоял из консервов и сухарей. Ручеек, протекавший под травой, снабдил путников водой; ее пили, прибавляя в нее по несколько капель рома. Десерт в виде сочных плодов висел на ветках мангового дерева и был сорван, несмотря на пронзительные крики протестующих попугаев.

К концу ужина стало темнеть. Тени медленно поднимались от земли к верхушкам деревьев, чья листва тонкой резьбой рисовалась на более светлом фоне неба. Первые звезды казались яркими цветами, дрожащими на концах верхних веток. Ветер с наступлением ночи стал утихать и не шелестел уже в ветвях. Умолкли даже попугаи. Природа отходила ко сну и призывала все живые существа последовать ее примеру.

Приготовления к ночлегу были очень несложными.

– Не развести ли нам на ночь костер? – спросил Дик Сэнд у американца.

– Зачем? – ответил Гаррис. – Ночи, к счастью, стоят теперь теплые, а крона этого гигантского дерева задерживает испарения. Таким образом, нам не грозят ни холод, ни сырость. Я повторяю, мой друг, то, что уже говорил: постараемся пройти незамеченными. Не надо, по возможности, ни стрелять, ни разводить костров.

– Я думаю, – вмешалась в разговор миссис Уэлдон, – что нам нечего опасаться индейцев и даже тех лесных бродяг, о которых вы нам говорили, мистер Гаррис. Но ведь есть и другие лесные бродяги – четвероногие. Не лучше ли отогнать их ярким костром?

– Миссис Уэлдон, вы оказываете слишком много чести местным

хищникам. Скорее они боятся встречи с человеком, нежели человек встречи с ними.

– Мы ведь в лесу, – сказал маленький Джек, – а в лесах всегда водятся звери.

– Есть разные леса, дружок, так же как и звери бывают разные, – смеясь, ответил Гаррис. – Вообрази, что ты находишься в обширном парке. Ведь недаром индейцы говорят о своей стране: «Es como el Paraiso!» – «Она совсем как рай земной».

– А змей здесь нет? – спросил Джек.

– Нет, мой мальчик, – ответила миссис Уэлдон. – Тут нет змей. Можешь спать спокойно.

– А львы? – спрашивал Джек.

– И никаких львов, мой мальчик, – ответил Гаррис.

– Ну так тигры?

– Спроси у своей мамы, слыхала ли она, чтобы в Южной Америке водились тигры.

– Никогда, – ответила миссис Уэлдон.

– Это верно, – сказал кузен Бенедикт, случайно прислушавшийся к разговору. – В Новом Свете нет ни тигров, ни львов. Но зато здесь есть ягуары и кугуары.

– Они злые? – спросил маленький Джек.

– Ба! – сказал Гаррис. – Туземцы сражаются с ними один на один, а нас много, и мы хорошо вооружены. Ваш Геркулес мог бы голыми руками задушить сразу двух ягуаров, по одному каждой рукой.

– Смотри, Геркулес, не спи! – сказал маленький Джек. – И если зверь захочет укусить меня...

– То я сам его укушу, мистер Джек! – ответил Геркулес, оскалив два ряда великолепных зубов.

– Вы будете караулить, Геркулес, – сказал Дик Сэнд, – пока я не сменю вас, а меня потом сменят другие.

– Нет, капитан Дик, – возразил Актеон, – Геркулес, Бат, Остин и я справимся с этим сами. Вы должны отдыхать всю ночь.

– Спасибо, Актеон, – ответил Дик Сэнд, – но я должен...

– Нет. Пусть эти славные люди поступают как хотят, Дик! – заявила миссис Уэлдон.

– Я тоже буду караулить, – пробормотал маленький Джек, у которого уже слипались глаза.

– Ну разумеется, мой мальчик, ты тоже будешь караулить, – сказала мать, не желая противоречить ему.

– Но если в лесу нет львов и нет тигров, – продолжал мальчик, – то есть волки?

– Не настоящие... – ответил американец. – Это даже не волки, а особая порода лисиц или, вернее, лесные собаки. Их называют «гуары».

– А гуары кусаются? – спросил Джек.

– Ваш Динго может проглотить его в один прием.

– А все-таки, – отчаянно зевая, сказал Джек, – гуары – это волки, раз их называют волками.

И с этими словами мальчик спокойно уснул на руках у старой Нэн, которая сидела, прислонившись к стволу мангового дерева. Миссис Уэлдон поцеловала спящего ребенка, улеглась на земле рядом с ним и скоро тоже сомкнула усталые глаза.

Через несколько минут Геркулес привел на стоянку кузена Бенедикта, который отправился ловить светляков: тех «кокуйо» – светящихся мух, которыми щеголихи туземки украшают свои волосы, словно живыми драгоценностями. Эти насекомые, излучающие довольно яркий синеватый свет из двух пятен, расположенных у основания щитка, весьма распространены в Южной Америке. Кузен Бенедикт надеялся наловить много таких светляков, но Геркулес воспротивился его поползновениям и, несмотря на протесты ученого, притащил его к месту привала. Дело в том, что Геркулес был человеком дисциплинированным и, получив приказание, выполнял его по-военному, чем и спас немало светящихся мух от заключения в жестяной коробке энтомолога.

Вскоре весь отряд, кроме бодрствовавшего гиганта, спал глубоким сном.

Глава семнадцатая

Сто миль за десять дней

Путешественников и охотников, ночующих в тропическом лесу под открытым небом, обычно будят весьма необычные и неприятные завывания. В этом утреннем концерте слышится и клохтанье, и хрюканье, и карканье, и лай, и визг, и насмешливое бормотание, дополняющее эти разнообразные звуки.

Так приветствуют пробуждение дня обезьяны. В тропическом лесу можно встретить маленьких марикину, сагуина с пестрой мордой, серого моно, кожей которого индейцы прикрывают казенную часть своих ружей, сагу, которых можно узнать по двум длинным пучкам шерсти за ушами, и многих других представителей многочисленного семейства четвероруких.

Пожалуй, самыми любопытными из них являются ревуны – обезьяны с настоящей физиономией Вельзевула и длинным цепким хвостом. Как только восходит солнце, самый старей из стаи затягивает мрачным, хорошо поставленным голосом монотонную мелодию. Это баритон труппы. Молодые тенора подхватывают вслед за ним утреннюю симфонию. Индейцы говорят тогда, что ревуны «читают свои молитвы».

Но в тот день обезьяны, по-видимому, не желали читать молитвы, так как их не было слышно, а между тем голоса их разносятся далеко – такой сильный звук получается от быстрого колебания особой костной перепонки, которая образуется у ревунов из утолщения подъязычной кости.

Короче говоря, по какой-то неизвестной причине в то утро ни ревуны, ни сагу, ни другие обезьяны этого огромного леса не дали своего обычного утреннего представления.

Такое поведение обезьян весьма огорчило бы индейцев-кочевников. Не то чтобы они любили этот вид хорового пения, но они с удовольствием охотятся на обезьян и делают это потому, что ценят их мясо, действительно очень вкусное, особенно в копченном виде.

Дик Сэнд и его спутники не имели, конечно, никакого понятия о привычках ревунов – в противном случае молчание обезьян очень их удивило бы. Путешественники проснулись один за другим. Ночь прошла спокойно, и несколько часов отдыха восстановили их силы.

Маленький Джек открыл глаза одним из первых. Первым делом он спросил, съел ли Геркулес ночью волка. Но оказалось, что ни один волк не появлялся, так что Геркулес еще не позавтракал.

Остальные путешественники тоже проголодались, и Нэн стала готовить завтрак.

Меню было такое же, как и накануне за ужином, но утренний лесной воздух возбудил у всех аппетит, и никто не был особенно привередлив. Все понимали, что нужно набраться сил для утомительного дневного перехода, и потому воздали честь завтраку. Даже кузен Бенедикт, быть может впервые в жизни, сообразил, что еда – не бесполезный и не безразличный для жизни процесс. Однако он заявил, что «посетил» эту страну отнюдь не для того, чтобы прогуливаться, засунув руки в карманы, и если Геркулес осмелится и впредь мешать ему охотиться на кокуйо и других светляков, Геркулесу это не пройдет даром!

Угроза, казалось, не очень испугала великана. Но миссис Уэлдон отвела Геркулеса в сторону и сказала, что, пожалуй, можно позволить этому большому ребенку отклоняться от пути группы, не теряя, однако, его из виду. Не надо лишать кузена Бенедикта невинных удовольствий, столь естественных в его возрасте.

В семь часов утра маленький отряд двинулся дальше на восток, сохраняя установленный накануне походный порядок.

Дорога по-прежнему шла через лес. Здесь, где жаркий климат и обилие влаги объединялись, чтобы способствовать бурному росту растительности на этой плодородной почве, можно было ожидать появления моря зелени. Это обширное плоскогорье было расположено на самой границе с тропиками, и в некоторые летние месяцы солнце, проходя в зените, бросало свои лучи на землю почти отвесно. Поэтому в почве накапливались огромные запасы тепла, а подпочва всегда оставалась влажной. И все эти леса, следовавшие один за другим, а вернее, этот бесконечный лес был великолепен.

Однако Дик Сэнд не мог не заметить странного противоречия. По словам Гарриса, путники находились в области пампы. А «пампа» – это слово из языка кечуа, и означает оно «равнина». И если память ему не изменяет, характерные черты этой равнины таковы: нехватка воды, отсутствие деревьев, полное отсутствие камней, а в сезон дождей – могучий рост чертополоха, который достигает размеров небольшого дерева и в жаркое время образует непроходимые заросли; кроме того, карликовые деревья и колючий кустарник – все это придает местности мрачный и засушливый вид.

Но с тех пор как маленький отряд под водительством американца двинулся в путь, расставшись с побережьем, все было не так. Непроходимый лес простирался во все стороны до самого горизонта. Нет,

Дик Сэнд представлял себе пампу не такой. Но может быть, Атакамское плоскогорье, как и говорил Гаррис, очень своеобразная область? Ведь Дик знал о ней только то, что Атакама – одна из обширнейших пустынь Южной Америки, между Андами и берегом Тихого океана.

В этот день Дик Сэнд задал американцу об этом несколько вопросов и сказал, что его очень удивляет странный вид пампы.

Но Гаррис рассеял сомнения юноши, сообщив ему множество сведений об этой части Боливии и обнаружив при этом отличное знание страны.

– Вы правы, мой юный друг, – сказал он Дик Сэнду, – настоящая пампа действительно такова, какой ее описывают книги о путешествиях. Это довольно засушливая равнина, и путешествие по ней сопряжено с большими трудностями. Пампа несколько напоминает наши североамериканские саванны, только саванны чаще бывают заболоченными. Да, именно такой вид имеет пампа Рио-Колорадо, льяносы Ориноко и Венесуэлы. Но здесь мы находимся в местности, вид которой даже меня приводит в изумление. Правда, я впервые пересекаю плоскогорье, чтобы сократить наш путь. Но хотя мне не приходилось бывать здесь раньше, я знаю, что Атакама совершенно не похожа на пампу, а настоящую пампу вы увидели бы не между западными Кордильерами и главной цепью Анд, но по ту сторону гор, в восточной части материка, которая простирается до самого Атлантического океана.

– А нам придется перевалить через Анды? – быстро спросил Дик Сэнд.

– Нет, юный друг мой, нет, – улыбаясь, ответил американец. – Ведь я сказал «вы увидели бы», а не «вы увидите». Не беспокойтесь, нам не придется выходить за пределы этого плоскогорья, которое нигде не поднимается выше полутора тысяч футов. При тех средствах передвижения, какими мы располагаем, я ни за что не повел бы вас через Анды.

– Много проще было бы идти берегом, – сказал Дик Сэнд.

– О да, во сто раз проще, – согласился Гаррис. – Но ведь асьенда Сан-Фелисе расположена по эту сторону Анд. Таким образом, в течение всего путешествия мы не встретим никаких серьезных трудностей.

– А вы не боитесь заблудиться в лесу, раз вы пересекаете его впервые? – спросил Дик Сэнд.

– Нет, мой юный друг, нет, – ответил Гаррис. – Я отлично знаю, что этот лес подобен безбрежному морю или, скорее, морскому дну, где даже моряк не смог бы определить своего положения. Но ведь я привык

странствовать по лесам и умею находить в них дорогу по расположению ветвей на некоторых деревьях, по направлению, в котором растут их листья, по рельефу и составу почвы – по множеству мелочей, которых вы не замечаете. Будьте покойны, я приведу вас и ваших спутников прямо в нужное нам место.

Обо всем этом Гаррис говорил очень уверенно. Дик Сэнд и американец шли рядом впереди отряда, и никто не вмешивался в их разговор. Если у Дика и оставались кое-какие сомнения, которые американцу не всегда удавалось рассеять, то он предпочитал держать их пока при себе.

Восьмое, девятое, десятое, одиннадцатое и двенадцатое апреля миновали без всяких происшествий. Отряд продвигался за двенадцать часов не более чем на восемь-девять миль. Остальное время уходило на остановки для еды и на ночной отдых, и хотя путники начинали чувствовать некоторую усталость, в общем состояние здоровья у всех было удовлетворительное.

Маленькому Джеку уже наскучило это однообразное странствование по лесу. Кроме того, взрослые не сдержали своих обещаний. Резиновые деревья и птицы-мухи – все это без конца откладывалось. Говорили, что покажут ему самых красивых попугаев на свете. Но где же зеленые попугаи, родиной которых были эти леса? Где расцвеченные во все цвета радуги ара с голыми щеками и длинным хвостом, ара, которые никогда не спускаются на землю? Где амазоны, обитающие преимущественно в тропиках? Где мелкие пестрые попугайчики с пушистым ошейником из перьев? Где все эти болтливые птицы, которые, по мнению индейцев, до сих пор говорят на языках давно вымерших племен?

Из всех попугаев Джеку показали только пепельно-серых жако с красным хвостом. Их было много под деревьями. Но этих жако мальчик видел и раньше. Их привозят во все части света. На двух континентах они наполняют дома своими невыносимыми воплями, и из всего отряда попугаев они легче всех выучиваются говорить.

Нужно сказать, что если Джек был недоволен, то не более доволен был и кузен Бенедикт. Правда, ему не мешали теперь во время переходов рыскать по лесу. Но до сих пор он все еще не сумел разыскать ни одного насекомого, достойного занять место в его коллекции. Даже светляки упорно отказывались показываться ему по вечерам и привлекать его мерцанием своих щитков. Природа, казалось, издевалась над несчастным энтомологом, и неудивительно, что кузен Бенедикт все время был в отвратительном настроении.

В течение следующих четырех дней отряд продолжал все так же двигаться на северо-восток. К 16 апреля путники прошли не менее ста миль от берегов океана. Если Гаррис не заблудился – а он категорически это отрицал, – асьенда Сан-Фелисе была не более как в двадцати милях от того места, где они в этот день остановились на ночлег. Следовательно, самое позднее через сорок восемь часов путешественники окажутся под ее гостеприимным кровом и отдохнут наконец от своих трудов!

А пока, хотя они почти полностью пересекли плоскогорье Атакама в средней его части, они не встретили в этом бесконечном лесу ни одного туземца.

Дик Сэнд не раз про себя жалел, что «Пилигрим» не потерпел крушения в каком-нибудь другом месте побережья. Чуть южнее или чуть севернее им давно попался бы город, деревушка или плантация, и миссис Уэлдон и ее спутники давно уже были бы в безопасности.

Но если эта область казалась совершенно безлюдной, то животные за последние дни стали попадаться все чаще. Время от времени издали доносился протяжный жалобный вой. Гаррис говорил, что это воет аи – крупный ленивец, весьма распространенный в этих лесных краях.

Шестнадцатого апреля в полдень, когда отряд расположился на отдых, в воздухе прозвучал резкий свист, такой странный, что миссис Уэлдон встревожилась.

– Что это такое? – спросила она, быстро поднявшись с земли.

– Змея! – вскричал Дик Сэнд и, схватив ружье, встал перед ней. В самом деле, можно было опасаться, что какое-нибудь пресмыкающееся проползло в густой траве до самого места привала. Это мог быть гигантский «сукуру» – вид удава, достигающий иногда сорока футов в длину.

Но Гаррис тут же позвал назад Дика Сэнда и бросившихся за ним негров, успокоил миссис Уэлдон.

Он объяснил, что это не сукуру, что сукуру не свистят, а звук этот издают совсем неопасные четвероногие, которых очень много в здешних краях.

– Успокойтесь, – добавил он, – и не двигайтесь, а то испугаете этих безобидных животных.

– Но что это за животные? – поинтересовался Дик Сэнд, не упуская случая расспросить американца, который, впрочем, рассказывал обо всем очень охотно, не заставляя себя просить.

– Это антилопы, мой юный друг, – ответил Гаррис.

– Ой! Я хочу посмотреть на них! – воскликнул Джек.

– Это очень трудно, мой мальчик, – сказал Гаррис, – очень трудно.

– Может быть, я все-таки попробую приблизиться к этим свистящим антилопам? – спросил Дик Сэнд.

– Вы не успеете сделать и трех шагов, – возразил американец, покачав головой, – как все стадо тут же умчится. Не советую вам напрасно тратить силы.

Но у Дика Сэнда были свои основания для любопытства. Не выпуская ружья из рук, он скользнул в траву. В ту же секунду с десятков грациозных антилоп с маленькими и острыми рожками вихрем пронесли мимо привала. Их ярко-рыжая шерсть огненным пятном мелькнула на темном фоне деревьев.

– Вот видите, я предупреждал вас! – сказал Гаррис, когда юноша вернулся.

Антилопы, такие быстрые, что их не удалось рассмотреть, были не единственным стадом животных, попавшимся на глаза путникам в этот день. Других животных им удалось разглядеть – правда, не очень хорошо, – но их появление вызвало довольно странный спор между Гаррисом и его спутниками.

Около четырех часов пополудни маленький отряд ненадолго остановился на лесной полянке, как вдруг несколько крупных животных появились из чащи в ста шагах от них и тут же умчались с молниеносной быстротой.

Несмотря на все предупреждения американца, Дик Сэнд на этот раз вскинул ружье и выстрелил. Однако в тот самый момент, когда прозвучал выстрел, Гаррис толкнул ствол, и хотя Дик был метким стрелком, пуля в цель не попала.

– Не надо стрелять! Не надо стрелять! – сказал Гаррис.

– Да, но ведь это были жирафы! – воскликнул Дик Сэнд, пропустив мимо ушей замечание американца.

– Жирафы! – воскликнул маленький Джек, приподнимаясь на седле. – Где жирафы?!

– Жирафы? – переспросила миссис Уэлдон. – Ты ошибаешься, Дик. Жирафы не водятся в Америке.

– Ну конечно, в этой стране не может быть жирафов! – сказал Гаррис с несколько удивленным видом.

– В таком случае, что же это за животное? – спросил Дик Сэнд.

– Не знаю, что и подумать, – ответил Гаррис. – Может быть, ваши глаза вас обманули, мой юный друг? Может быть, это были страусы?

– Страусы? – в один голос повторили миссис Уэлдон и Дик и

удивленно переглянулись.

– Да-да, обыкновенные страусы, – повторил Гаррис.

– Но ведь страусы – птицы, – сказал Дик, – и следовательно, они двуногие...

– Вот именно, – подхватил Гаррис, – и я как раз ясно видел, что эти животные, которые умчались с такой быстротой, были двуногие.

– Двуногие? – повторил юноша.

– А мне показалось, что у них четыре ноги, – сказала миссис Уэлдон.

– И мне тоже, – заметил старый Том.

Бат, Актеон и Остин подтвердили его слова.

– Четвероногие страусы! – расхохотался Гаррис. – Вот было бы забавно!

– Поэтому-то мы и подумали, что это жирафы, а не страусы, – возразил Дик Сэнд.

– Нет, мой юный друг, нет! – сказал Гаррис. – Вы плохо разглядели их. Это объясняется быстротой, с какой страусы убежали. И опытным охотникам иной раз случается ошибаться в таких случаях.

Объяснения американца выглядели весьма правдоподобно. На далеком расстоянии крупного страуса нетрудно принять за небольшого жирафа. У того и другого очень длинная шея и голова запрокинута назад. Страус похож, так сказать, на полужирафа. У него нет второй пары ног. При быстром беге, когда они лишь промелькнут перед глазами, их можно перепутать.

Главное же доказательство ошибки миссис Уэлдон и ее спутников заключалось в том факте, что жирафы не водятся в Америке.

– Но по-моему, и страусы тоже не водятся в Америке, – заметил Дик.

– Нет, водятся, мой юный друг, – возразил Гаррис. – Как раз в Южной Америке водится одна разновидность страуса – нанду. Его-то мы и видели.

Гаррис говорил правду. Нанду – довольно обычный житель южноамериканских равнин, и мясо молодых нанду очень вкусно; это сильная птица, ростом иногда более двух метров, с прямым клювом, у нее длинные крылья с густым синеватым оперением, а на ногах три когтистых пальца, чем нанду существенно отличается от двупалых африканских страусов.

Все эти сведения, вполне точные, были сообщены путешественникам Гаррисом, который, видимо, хорошо знал повадки этих птиц. Миссис Уэлдон и ее спутники вынуждены были признать, что они ошиблись.

– Возможно, мы встретим еще стадо страусов, – продолжал Гаррис. – Постарайтесь получше рассмотреть их, чтобы впредь не принимать птиц за

четвероногих. А главное, мой юный друг, не забывайте моих советов и не стреляйте больше, какое бы животное вы ни встретили. Нам нет нужды охотиться ради пропитания, и я повторяю: не следует ружейными выстрелами оповещать всех о нашем пребывании в этом лесу.

Дик Сэнд ничего не ответил. Он глубоко задумался: сомнение снова зародилось в его уме...

На следующий день, 17 апреля, отряд с утра тронулся в путь. Гаррис утверждал, что еще и суток не пройдет, как путники будут уже под кровом асьенды Сан-Фелисе.

– Там, миссис Уэлдон, – говорил он, – вас окружают всеми заботами, необходимыми в вашем положении, и несколько дней отдыха восстановят ваши силы. Быть может, вы не найдете на этой ферме той роскоши, к какой привыкли в вашем доме в Сан-Франциско, но все же убедитесь, что наши асьенды даже в самых глухих уголках страны не лишены комфорта. Мы вовсе уж не такие дикари.

– Мистер Гаррис, – ответила миссис Уэлдон, – к сожалению, признательность – вот все, чем мы можем вас отблагодарить за вашу благородную помощь, но, верьте, она исходит от чистого сердца! Да, нам пора бы уже прибыть на место!..

– Вы очень устали, миссис Уэлдон?

– Я – нет! – ответила миссис Уэлдон. – Но я вижу, что Джек очень утомлен. Каждый день в определенный час его лихорадит.

– Хотя климат этого плоскогорья считается здоровым, – сказал Гаррис, – случается, что в марте и в апреле люди иногда заболевают здесь перемежающейся лихорадкой.

– К счастью, предусмотрительная природа поместила противоядие рядом с ядом, – заметил Дик Сэнд.

– Что вы хотите этим сказать, мой юный друг? – с недоумением спросил Гаррис.

– Разве здесь не растут хинные деревья? – ответил Дик.

– Ах да, – сказал Гаррис, – вы совершенно правы. Здесь родина хинных деревьев, кора которых так хорошо излечивает от лихорадки.

– Меня, по правде сказать, удивляет, что мы до сих пор не встретили ни одного хинного дерева, – добавил Дик Сэнд.

– Ах, мой юный друг, – сказал Гаррис, – хинные деревья не так-то легко распознать. Правда, они часто очень высоки, у них большие листья и розовые пахучие цветы, но обнаружить их нелегко. Растут они обычно не группами, а поодиночке, затерянные среди других деревьев. Индейцы, занимающиеся сбором хинной коры, узнают их только по вечнозеленой

листве.

– Если вы заметите такое дерево, укажите мне его, мистер Гаррис, – попросила миссис Уэлдон.

– Разумеется, миссис Уэлдон, но на асьенде Сан-Фелисе вы найдете серноокислый хинин, это средство еще лучше прекращает лихорадку, чем простая кора хинного дерева.^[58]

Последний день путешествия прошел без всяких приключений. Наступил вечер, и отряд устроился на ночлег как обычно. Погода все время стояла сухая и ясная, но сейчас, видимо, собирался дождь. Теплые испарения поднялись от земли и окутали лес непроницаемым туманом.

В этом не было ничего неожиданного, так как близилось начало дождливого периода. К счастью для маленького отряда, гостеприимная асьенда была уже совсем недалеко. Оставалось только несколько часов.

Хотя, по расчетам Гарриса, который исходил из времени пути, отряд находился не дальше как в шести милях от асьенды, но тем не менее на ночь были приняты все обычные меры предосторожности. Том и его товарищи должны были поочередно нести караул. Дик Сэнд настаивал на этом со всей решительностью. Больше чем когда-либо он требовал соблюдения всех предосторожностей, ибо страшное подозрение сверлило его ум, хотя пока он ни с кем не хотел о нем говорить.

Привал устроили в роще, у подножия гигантского дерева. Устав от долгого перехода, миссис Уэлдон и ее спутники скоро уснули, но вдруг их разбудил громкий крик.

– Что случилось? – спросил Дик Сэнд, первым вскочивший на ноги.

– Это я... Это я крикнул! – ответил кузен Бенедикт.

– Что с вами?

– Меня кто-то укусил...

– Змея? – с ужасом спросила миссис Уэлдон.

– Нет-нет, не змея, а какое-то насекомое, – ответил кузен Бенедикт. –

Подождите, вот оно, я его поймал.

– Так раздавите же его и не мешайте нам спать! – сказал Гаррис.

– Раздавить насекомое?! – вскричал кузен Бенедикт. – Нет-нет! Я должен его рассмотреть!

– Какой-нибудь mosquito, – сказал Гаррис, пожимая плечами.

– Нет, – возразил кузен Бенедикт, – это муха... и весьма любопытная муха.

Дик Сэнд зажег свой ручной фонарик и подошел к кузену Бенедикту.

– Бог мой, что я вижу! – вскричал энтомолог. – Наконец-то я вознагражден за все невзгоды и разочарования! Я сделал великое открытие!

Кузен Бенедикт захлебывался от счастья. Он глядел на пойманную муху взглядом триумфатора. Казалось, он готов был ее расцеловать.

– Но что это такое? – спросила миссис Уэлдон.

– Двукрылое насекомое, кузина, и какое замечательное!..

Кузен Бенедикт показал всем бурую муху, размером чуть поменьше пчелы, с желтыми полосками на брюшке.

– Она не ядовитая? – спросила миссис Уэлдон.

– Нет, кузина, человеку она не страшна. Но для животных – для антилоп, буйволов, даже для слонов – это страшный враг! Ах, какая прелестная, восхитительная мушка!..

– Да скажите же нам наконец, что это за муха? – воскликнул Дик Сэнд.

– Эта муха, – ответил энтомолог, – эта милая мушка, которую я держу в руке, называется цеце.^[59] Этой мухой до сих пор по праву гордился только один континент! Никто нигде еще не находил цеце в Америке.

Дик Сэнд не решился спросить кузена Бенедикта, в какой же части света до сих пор встречалась эта ужасная цеце!

И хотя все путешественники снова погрузились в сон, прерванный этим происшествием, но Дик Сэнд, несмотря на сильную усталость, до самого утра не сомкнул глаз.

Глава восемнадцатая

Страшное слово

Пора бы уже было добраться до асьенды! Миссис Уэлдон настолько изнемогала от усталости, что не могла больше продолжать столь трудное путешествие. На ее маленького сына жалко было смотреть. Его личико пылало во время приступов лихорадки и было белее мела, когда приступы кончались. Мать страшно тревожилась и не доверяла его даже старой Нэн. Она не спускала теперь ребенка с рук.

Да, давно пора было добраться до асьенды! Но если верить американцу, именно в этот день, 18 апреля, маленький отряд должен был к вечеру вступить за ее ограду.

Двенадцать дней странствований по тропическому лесу, двенадцать ночей, проведенных под открытым небом, – этого было достаточно, чтобы подорвать силы даже такой энергичной женщины, как миссис Уэлдон. Но для маленького ребенка это было еще хуже, и вид больного мальчика, лишенного необходимого ухода и лекарств, окончательно ее сломил.

Дик Сэнд, Нэн, Том и его сотоварищи лучше переносили трудности и усталость.

Продовольствие, правда, подходило к концу, но пока его хватало, а потому состояние их было вполне удовлетворительно.

Что касается Гарриса, то, казалось, этот человек был создан для долгих путешествий по непроходимым дебрям, и усталость не имела над ним власти. Однако Дик заметил, что по мере приближения к асьенде Гаррис становился более озабоченным и не таким разговорчивым, как раньше. Казалось бы, все должно быть наоборот. Так по крайней мере думал юноша – он день ото дня все меньше доверял американцу. А с другой стороны, зачем стал бы Гаррис их обманывать? Дик Сэнд этого не понимал, но он очень бдительно присматривал за своим проводником.

Очевидно, тот чувствовал, что Дик косо на него поглядывает, и, несомненно, это недоверие «юного друга» и было одной из причин молчаливости американца.

Отряд снова двинулся в путь.

Лес поредел. Непроходимые чащи сменились небольшими рощами, между которыми лежали широкие поляны. Не начиналась ли настоящая пампа, о которой говорил Гаррис?

За первые часы похода не случилось ничего, что дало бы Дикю новые

поводы для беспокойства. Но два обстоятельства обратили на себя его внимание. Быть может, сами по себе они не имели особого значения, но в тех условиях, в каких находились путешественники, нельзя было пренебрегать даже мелочами.

Внимание Дика Сэнда привлекло прежде всего странное поведение Динго.

Собака, которая все эти дни словно шла по следу, внезапно стала совсем другой. До сих пор она бежала, опустив нос к земле, обнюхивая траву и кусты, и либо угрюмо молчала, либо оглашала воздух жалобным воем, в котором слышались не то боль, не то горе.

Но в этот день лай собаки вдруг стал звонким, сердитым, временами даже яростным. Динго лаял теперь так же, как на палубе «Пилигрима», когда там появлялся Негоро.

В мозгу Дика Сэнда мелькнуло подозрение, и оно еще более окрепло, когда Том сказал ему:

– Вот странно, мистер Дик! Динго не обнюхивает больше травы, как вчера. Он держит нос по ветру, шерсть на нем взъерошена, он злится. Можно подумать, что он учуял...

– Негоро, не правда ли? – dokonчил Дик, схватил за руку старого негра и сделал ему знак говорить тише.

– Да, Негоро, мистер Дик. Может, он идет вслед за нами?

– Да, Том, и, может быть, он сейчас совсем близко от нас?

– Но... зачем? – спросил Том.

– Или Негоро не знает местности, – ответил Дик Сэнд, – и тогда ему никак нельзя терять нас из виду, или...

– Или? – спросил Том, тревожно глядя на Дика.

– Или он ее хорошо знает, и тогда...

– Но как Негоро может знать эту страну? Ведь он никогда здесь не бывал!

– Никогда здесь не бывал?.. – прошептал Дик. – Но одно совершенно бесспорно: Динго ведет себя так, словно этот человек, которого он ненавидит, находится где-то рядом.

Он остановился и подозвал собаку. Динго нехотя приблизился.

– Ату! – сказал Дик. – Негоро, Негоро, Динго! Ату его!

Собака яростно залаяла. Имя судового кока произвело на нее обычное впечатление, и она бросилась вперед, словно Негоро притаился за ближним кустарником.

Гаррис издали видел эту сцену. Сжав зубы, он подошел к юноше.

– Что вы сказали Динго? – спросил он.

– О, ничего особенного, – шутливо ответил Том. – Мы спрашивали у Динго, нет ли каких известий об одном нашем спутнике по кораблю, который куда-то запропастился.

– Ага, – сказал американец, – это тот португалец, судовой кок, о котором вы мне рассказывали?

– Да, – ответил Том. – Послушать Динго, так Негоро должен быть где-то неподалеку.

– Как он мог сюда добраться? – спросил Гаррис. – Вы, кажется, говорили, что он никогда не бывал в Боливии?

– Если только он не скрыл этого от нас, – ответил Том.

– Зачем бы он стал скрывать? – заметил Гаррис. – Впрочем, если хотите, можно обыскать кустарник. Может быть, бедняга нуждается в помощи, может быть, он попал в беду...

– Нет, это бесполезно, – сказал Дик Сэнд. – Если Негоро сумел добраться сюда, он сможет идти и дальше. Он человек энергичный.

– Как хотите, – ответил Гаррис.

– Молчать, Динго! – крикнул Дик Сэнд, чтобы прекратить неприятный разговор.

Второе наблюдение, которое сделал юноша, относилось к лошади американца.

По ее поведению незаметно было, что конюшня где-то близко. Лошадь не втягивала ноздрями воздуха, не ускоряла шага, не ржала – словом, ничем не проявляла нетерпения, свойственного лошадям, когда в конце долгого путешествия они чувят приближение отдыха. Она оставалась такой спокойной, словно асьенда, на которой она бывала много раз, находилась еще за сотни миль.

«Нет, если судить по лошади, конца нашему пути еще не видно!» – подумал Дик.

А ведь накануне Гаррис утверждал, что до асьенды осталось не более шести миль, и к пяти часам пополудни из этих шести миль, несомненно, уже было пройдено по меньшей мере четыре.

Однако лошадь все еще не учуяла конюшни, по которой должна была очень соскучиться, да и вообще ничто вокруг не выдавало близости такой большой плантации, как асьенда Сан-Фелисе.

Даже миссис Уэлдон, всецело поглощенная заботами о своем ребенке, удивлялась тому, что местность по-прежнему кажется такой пустынной. Ни одного туземца, ни одного слуги с асьенды, которая была так близко! Не заблудился ли Гаррис? Нет! Миссис Уэлдон отогнала от себя эту мысль: новая задержка могла быть губельна для ее маленького Джека...

Тем временем Гаррис, как и прежде, шел впереди отряда. Но он всматривался в глубину леса, поглядывая то вправо, то влево с видом человека, не очень уверенного в себе... или в правильности выбранного пути.

Миссис Уэлдон закрыла глаза, чтобы не видеть этого.

За равниной, шириной в милю, снова показался лес, правда, не такой густой, как на западе, и маленький отряд опять вступил под сень высоких деревьев.

В шесть часов вечера путники достигли зарослей кустарника, сквозь который, видимо недавно, прошло стадо каких-то крупных животных.

Дик Сэнд внимательно осмотрелся кругом.

На высоте, намного превышающей человеческий рост, ветви были сорваны или обломаны. Трава на земле была примята, и местами на влажной почве виднелись следы больших ног – такие следы не могли принадлежать ни ягуарам, ни кугуарам.

Чьи же ноги оставили такие следы – аи или другого ленивца? И почему ветки обломаны на такой высоте?

Конечно, слоны могли бы оставить такие следы, проложить такую просеку в кустарнике. Но ведь слоны не водятся в Америке. Эти огромные животные не живут в Новом Свете, и их никогда не пытались туда ввозить.

Значит, догадку о том, что следы принадлежат слонам, приходилось отбросить.

Как бы то ни было, Дик Сэнд ни с кем не поделился мыслями, которые возникли у него при виде этих загадочных следов. Он даже не стал расспрашивать о них американца. Да и чего мог он ждать от человека, который пытался выдать жирафов за страусов? Гаррис придумал бы какое-нибудь фантастическое объяснение, но что от этого изменится?

Во всяком случае, Дик составил себе вполне определенное мнение о Гаррисе. Он чувствовал, что это предатель. Дик дождался только случая, чтобы сорвать с него маску, и все говорило ему, что случай этот не заставит себя долго ждать.

Но какая тайная цель могла быть у Гарриса? Какая участь ждала доверившихся ему людей? Дик Сэнд повторял себе, что он все еще отвечает за судьбу своих спутников. По-прежнему – и больше чем когда бы то ни было – он обязан заботиться о безопасности всех, кого крушение «Пилигрима» выбросило на этот берег. Именно он должен спасти своих товарищей по несчастью: эту женщину, ее маленького сына, негров, кузена Бенедикта. Но если юноша был в силах что-то сделать как моряк, будучи на борту корабля, то что мог он предпринять здесь, перед лицом опасностей,

которые предвидел?

Дик Сэнд не хотел закрывать глаза на ужасную истину, которая с каждым часом становилась все более ясной и неоспоримой. Пятнадцатилетнему капитану «Пилигрима» в минуту грозной опасности снова приходилось взять на себя трудную миссию командира и руководителя. Но он не хотел говорить ничего, что встревожило бы бедную мать Джека, до тех пор пока не настанет пора действовать.

И он ничего не сказал даже тогда, когда, обогнав свой отряд на сотню шагов, внезапно увидел впереди, на берегу довольно широкой речки, огромных животных, которые быстро двигались под прибрежными деревьями.

«Бегемоты! Бегемоты!» – хотелось ему крикнуть.

Да, это действительно были они – толстокожие животные с огромной головой, широкой мордой и огромной пастью, вооруженной длинными, более фута, клыками, с тяжелыми короткими ногами и голой, словно дубленой, шкурой. Гиппопотамы в Америке?!

До вечера отряд продвигался вперед, но с большим трудом. Даже самые выносливые начинали сдавать. Пора было бы добраться до асьенды. Иначе они вынуждены будут остановиться на ночлег.

Всецело поглощенная заботами о маленьком Джеке, миссис Уэлдон, быть может, не замечала, как утомлена она сама, но силы ее были на исходе. Все – одни больше, другие меньше – были измотаны. И только один Дик не поддавался усталости: он черпал энергию и стойкость в сознании своего долга.

Около четырех часов пополудни старый Том нашел какой-то предмет, лежавший в траве. Это оказался нож странной формы, с широким кривым лезвием и толстой рукояткой из куска слоновой кости, украшенной довольно грубой резьбой.

Том отнес нож Дику Сэнду. Рассмотрев внимательно находку, юноша показал ее американцу.

– Видимо, туземцы где-то недалеко, – сказал он.

– Действительно, – ответил Гаррис. – Однако...

– Однако? – повторил Дик Сэнд, глядя прямо в глаза Гаррису.

– Мы должны были бы уже подходить к асьенде, – нерешительно сказал Гаррис, – но я не узнаю местности...

– Значит, вы заблудились? – живо спросил Дик.

– Заблудился? Нет. Асьенда должна быть теперь не дальше трех миль. Чтобы сократить дорогу, я пошел напрямик, через лес... Кажется, я ошибся...

– Возможно, – сказал Дик Сэнд.

– Я думаю, лучше мне одному пойти вперед на разведку, – сказал Гаррис.

– Нет, мистер Гаррис, – решительно заявил Дик, – нам не следует разлучаться!

– Как хотите, – ответил американец. – Но ведь ночью я не смогу найти дороги.

– Ну что ж! – воскликнул Дик. – Мы остановимся на ночлег. Миссис Уэлдон согласится провести еще одну ночь под открытым небом, а завтра с наступлением дня мы снова тронемся в путь. Последние две-три мили можно будет пройти в час.

– Пусть будет так, – сказал Гаррис.

В эту минуту Динго яростно залаял.

– Назад, Динго, назад! – крикнул Дик Сэнд. – Ты отлично знаешь, что там никого нет, ведь мы в пустыне!

Итак, решено было в последний раз заночевать в лесу. Миссис Уэлдон не произнесла ни слова, предоставляя все своим спутникам. Маленький Джек, уснувший после приступа лихорадки, лежал у нее на руках.

Стали искать место, где бы расположиться на ночлег.

Дик выбрал для этого купу больших деревьев, росших вместе. Старый Том направился было к ним, но внезапно остановился и вскрикнул:

– Смотрите! Смотрите!

– Что там такое, Том? – спросил Дик спокойным тоном человека, готового ко всему.

– Там, там... – бормотал Том, – под деревом... кровавые пятна... а на земле... отрубленные руки...

Дик Сэнд бросился к дереву, на которое указывал Том. Затем, возвратившись назад, он сказал:

– Молчите, Том! Не говорите никому!

На земле действительно валялись отрубленные человеческие руки. Рядом с ними лежала порванная цепь и сломанные колодки. К счастью, миссис Уэлдон не видела этой страшной картины.

Гаррис стоял в стороне. Если бы кто-нибудь взглянул на него в эту минуту, то был бы поражен переменой, которая произошла в американце: его лицо дышало теперь неумолимой жестокостью.

Динго подбежал к окровавленным останкам и злобно зарычал.

Юноше стоило большого труда отогнать собаку.

Между тем старый Том замер в неподвижности, как будто его ноги вросли в землю. Не в силах оторвать глаз от колодок и цепей, он судорожно

стискивал руки и бормотал несвязно:

– Я уже видел... видел... эти колодки... совсем маленьким... Я видел...

Смутные воспоминания раннего детства теснились в его голове. Он старался вспомнить... Он хотел заговорить...

– Замолчи, Том! – сказал Дик Сэнд. – Ради миссис Уэлдон, ради всех нас молчи!

И юноша поспешил отвести в сторону старого негра.

Место для привала нашли немного в стороне и всё устроили для ночлега.

Приготовили ужин, но к нему почти никто не прикоснулся: усталость превозмогла голод. Все чувствовали какое-то неопределенное беспокойство, близкое к страху.

Сумерки быстро сгущались, и вскоре наступила темная ночь. Небо затянули черные грозовые тучи. На западе, далеко на горизонте, в просветах между деревьями мелькали зарницы. Ветер утих, и ни один листок не шевелился на деревьях. Дневной шум сменился глубокой тишиной. Можно было подумать, что плотный, насыщенный электричеством воздух утратил способность проводить звуки.

Дик Сэнд, Остин и Бат караулили все вместе. Они напрягали зрение и слух, чтобы не пропустить какого-нибудь подозрительного шороха и увидеть малейший проблеск света. Но ничто не нарушало покоя, царившего в темной лесной чаще.

Том не спал, но, погруженный в воспоминания, он сидел неподвижно, опустив голову, словно не мог оправиться от какого-то неожиданного удара.

Миссис Уэлдон укачивала своего ребенка, и все ее внимание было поглощено только им.

Лишь кузен Бенедикт спокойно спал, ибо его одного не томила общая тревога. Его способность предчувствовать так далеко не заходила.

Вдруг около одиннадцати часов вечера вдали раздался долгий и грозный рев, к которому примешался более пронзительный вопль.

Том вскочил и протянул руку в направлении густой чащи, находившейся не больше чем в миле от привала.

Дик Сэнд схватил его за руку, но не успел помешать Тому громко крикнуть:

– Лев! Лев!

Старик негр узнал рыканье льва, которое ему часто приходилось слышать в детстве.

– Лев! – повторил он.

Дик Сэнд не в силах был больше сдерживаться, выхватил нож и бросился к тому месту, где расположился на ночь Гаррис.

Но Гарриса там уже не было, и вместе с ним исчезла его лошадь.

Истина молнией озарила Дика Сэнда... Отряд находился не там, где он думал.

Итак, «Пилигрим» потерпел крушение не у берегов Южной Америки. Дик определил свое положение в море не по острову Пасхи, а по какому-то другому острову, находившемуся на западе от того континента, на котором они очутились, совершенно так же, как остров Пасхи находится к западу от Америки.

Компас часть пути давал неверные показания, и можно догадаться почему. Корабль, увлекаемый бурей, уклонился далеко в сторону от правильного курса, обогнул мыс Горн и из Тихого океана попал в Атлантический! Ошибочными были оценки скорости хода «Пилигрима». Буря удвоила эту скорость.

Вот почему ни на побережье, ни в лесу путешественники не встретили ни каучуковых, ни хинных деревьев. Они растут в Южной Америке, но то место, куда судьба забросила путников, не было ни Атакамской равниной, ни боливийской пампой.

Да, на поляне от них убежали жирафы, а не страусы! Дорогу в кустарнике протоптали слоны! У ручья Дик потревожил бегемотов! Муха, пойманная кузеном Бенедиктом, действительно была страшной мухой цеце, от укусов которой гибнут вьючные животные в караванах. И наконец, сейчас рычал в темноте лев! А колодка, цепи, нож странной формы – то были орудия работорговцев. Отрубленные руки – то были руки черных пленников.

Португалец Негоро и американец Гаррис – несомненно, сообщники.

Догадки Дика Сэнда превратились в уверенность, и страшные слова вырвались наконец из его уст:

– Африка! Экваториальная Африка! Страна работорговцев и рабов!..

Часть вторая

Глава первая

Работоторговля

Работоторговля! Все знают, что значит это страшное слово, которому не должно быть места в человеческом языке. Позорная торговля людьми, которую долгое время с большой выгодой для себя вели европейские страны, владевшие колониями за океаном, уже давно запрещена. Однако она все еще ведется – и притом в крупных размерах – главным образом в Центральной Африке. Даже теперь, в середине XIX века, некоторые государства, именующие себя христианскими, все еще не поставили свою подпись под актом о запрещении работоторговли.

Многие полагают, что купля-продажа живых людей безвозвратно канула в прошлое, что ее больше не существует. Но это не так, и об этом должен знать читатель, чтобы его глубже заинтересовала вторая часть нашего повествования. Читатель должен знать, что в Африке все еще ведется охота на человека, грозящая обезлюдить весь материк ради того, чтобы поставлять даровую рабочую силу в некоторые колонии. Он должен знать, где и как производятся эти варварские набеги, сколько льется при этом крови, сколько вызывают они грабежей и пожаров, а также кто извлекает из них прибыль.

Начало торговли невольниками-неграми было положено в XV веке, и вот при каких обстоятельствах.

Изгнанные из Испании мусульмане обосновались по другую сторону Гибралтарского пролива, на африканском побережье. Португальцы, которые занимали в то время это побережье, ожесточенно преследовали их. Некоторые беглецы были захвачены преследователями и доставлены в Португалию. Их сделали рабами, и это были первые африканские рабы в Западной Европе после начала нашей эры.

Но пленные мусульмане в большинстве своем принадлежали к состоятельным семействам, которые пытались выкупить их за большую цену. Однако португальцы отказывались даже от самого богатого выкупа. Куда было им девать иностранное золото? Им были нужны рабочие руки для нарождающихся колоний, и скажем прямо – руки рабов.

Не получив возможности выкупить пленных родственников, богатые мусульмане предложили обменять их на большее количество африканских негров, которых было очень легко добыть. Португальцы сочли это предложение выгодным и приняли его. Так было положено начало торговле

рабами в Европе.

К концу XVI века эта гнусная торговля уже получила широкое распространение, и она нисколько не противоречила варварским нравам той эпохи. Все государства покровительствовали работорговле, видя в ней верное средство быстрой и надежной колонизации своих отдаленных владений в Новом Свете. Ведь черные рабы могли жить и работать в таких местах, где европейцы, непривычные к тропическому климату, гибли бы тысячами. Поэтому специально построенные суда стали регулярно поставлять в американские колонии большие партии рабов-негров, и международная торговля людьми вызвала появление на африканском побережье крупных агентств. «Товар» стоил на своей родине недорого и давал огромную прибыль.

Но как бы ни были необходимы, со всех точек зрения, заморские колонии, это не могло оправдать бесчеловечной торговли неграми. Многие благородные люди подняли свой голос, протестуя против нее и во имя гуманности требуя от европейских правительств закона об отмене рабства негров.

В 1751 году во главе движения за отмену рабства стали квакеры. Это произошло в той самой Северной Америке, где сто лет спустя вспыхнула война Севера с Югом, одним из поводов которой служил вопрос об освобождении негров. Несколько северных штатов – Виргиния, Коннектикут, Массачусетс, Пенсильвания – провозгласили отмену рабства и дали свободу черным невольникам, доставка которых на их территорию стоила им больших денег.

Но кампания, начатая квакерами, не ограничивалась пределами нескольких северных штатов Нового Света. Великая борьба против защитников рабства началась и по другую сторону Атлантического океана. Во Франции и в Англии было особенно много сторонников этого благородного дела. «Пусть лучше погибнут колонии, чем принцип!» – таков был высокий лозунг, прозвучавший в Старом Свете, и вопреки крупным политическим и экономическим силам, заинтересованным в торговле рабами, он победоносно пронесся по всей Европе.

Толчок был дан. В 1807 году Англия запретила торговлю рабами в своих колониях, и Франция последовала ее примеру в 1814 году. Эти две могущественные нации заключили договор о запрещении работорговли, который был подтвержден Наполеоном во время Ста дней.^[60]

Однако то было чисто теоретическое заявление. Невольничьи корабли по-прежнему бороздили моря и выгружали в колониальных портах свой груз «черного дерева».

Чтобы положить конец этому злу, нужны были более реальные меры. Соединенные Штаты в 1820 году, Англия в 1824 году приравнивали работорговлю к пиратству и объявили, что с работорговцами будут поступать как с пиратами. Это означало, что пойманым с поличным работорговцам угрожает немедленная казнь. Франция вскоре также примкнула к этому договору. Но государства Южной Америки, испанские и португальские колонии не присоединились к акту о запрещении работорговли. Они продолжали торговать черными невольниками с большой выгодой для себя, несмотря на то что право досмотра кораблей получило международное признание. Впрочем, этот досмотр обычно ограничивался проверкой документов подозрительных судов.

А кроме того, закон о запрещении работорговли не имел обратной силы. Он запрещал приобретать новых рабов, но не возвратил свободы прежним невольникам.

Первой подала пример Англия. 14 мая 1833 года она опубликовала декларацию об освобождении всех негров в британских колониях, и в августе 1838 года шестьсот семьдесят тысяч невольников получили свободу.

Десятью годами позже, в 1848 году, французская республика освободила рабов в своих колониях – двести шестьдесят тысяч негров.

В 1859 году война, вспыхнувшая в Соединенных Штатах между федералистами и конфедератами, завершила дело уничтожения рабства негров, и по всей Северной Америке черные невольники получили свободу.

Итак, три великие державы сделали это гуманное дело. Ныне работорговля производится лишь в испанских и португальских колониях да еще на Востоке для удовлетворения хозяйственных потребностей турецких и арабских владений. Хотя Бразилия не освободила своих невольников, она по крайней мере не допускает появления новых, и дети негров рождаются в ней свободными людьми.

Но во внутренней Африке не прекращаются кровопролитные войны. Туземные царьки продолжают охотиться на людей, и в результате целые племена попадают в рабство. Невольничьи караваны следуют по двум направлениям: первый путь лежит на запад, к португальской колонии Анголе, второй – на восток, к Мозамбику. Оттуда этих несчастных, из которых лишь немногие добираются живыми до конечных пунктов следования караванов, отправляют кого на остров Кубу или на Мадагаскар, кого в арабские или турецкие провинции в Азии, в Мекку или в Маскат. Английские и французские сторожевые суда не могут помешать этой торговле: при огромной протяженности береговой линии трудно

установить действенное наблюдение.

А так ли уж велик размах этого гнусного экспорта?

Да, очень велик. По самым осторожным подсчетам, не менее восьмидесяти тысяч рабов приводят на побережье, а число убитых во время облав, видимо, вдесятеро больше. Там, где происходила эта омерзительная бойня, остаются лишь вытоптанные поля, дымящиеся развалины опустевших селений. Там по рекам плывут трупы, и дикие звери завладевают всей местностью. Ливингстон после этих кровавых набегов не узнавал мест, в которых он побывал несколькими месяцами раньше. Его свидетельство подтверждают все остальные путешественники – Грант, Спик, Бертон, Камерон, Стэнли, посетившие лесистое плоскогорье Центральной Африки, главную арену кровавых войн туземных царьков. То же зрелище безлюдья, опустошения и разгрома являют собой некогда цветущие селения в районе Больших озер, во всей обширной области, поставляющей «черный товар» на занзибарский рынок, в Борну, в Феццан, и южнее – вдоль берегов Ньяссы и Замбези, и западнее – в верховьях Заира, которые недавно пересек отважный Стэнли. Неужели работорговля в Африке прекратится лишь тогда, когда будет уничтожена вся черная раса? Неужели африканским неграм уготована та же судьба, какая постигла туземцев Австралии?

Но рынки испанских и португальских колоний когда-нибудь закроются, их больше не будет – цивилизованные народы не могут дольше допускать работорговлю!

Да, конечно, уже теперь, в 1878 году, мы должны увидеть, как освободят всех рабов, которые еще остались в христианских государствах. Но мусульманские страны будут, вероятно, еще долгие годы продолжать этот торг, который превращает Африканский континент в безлюдную пустыню. Именно в эти страны и направляется теперь наибольшая часть вывозимых из Африки невольников: число туземцев, ежегодно отрываемых от родины и отправляемых на восточное побережье, превосходит сорок тысяч. Задолго до египетской экспедиции негры Сеннаара тысячами продавались неграм Дарфура, и наоборот. Генерал Бонапарт смог даже купить немало негров, из которых он набрал солдат и составил из них отряды наподобие мамелюков. Прошло уже четыре пятых XIX века, а работорговля в Африке не сокращается. Наоборот.

Дело в том, что ислам благосклонно относится к работорговле. Ведь нужно было, чтобы черный раб заменил в мусульманских странах прежнего белого невольника. И работорговцы любого происхождения занимаются этой отвратительной торговлей в широком масштабе. Они

доставляют таким образом добавочное население угасающим расам, которые обречены на вымирание, так как не трудятся и поэтому не возрождаются. Эти рабы, как во времена Бонапарта, часто становятся солдатами. У некоторых народов в верховьях Нила они составляют половину войск африканских царьков. В этом случае их участь оказывается лишь немногим хуже участи свободных людей. Но если раб не становится солдатом, он превращается в ходячую монету, – даже в Египте и в Борну жалование офицерам и чиновникам выплачивают такой монетой. Гийом Лежан рассказывает, что он сам был свидетелем этого.

Таково состояние работорговли в настоящее время.

Надо еще добавить, что многие представители европейских держав в Африке проявляют постыдное снисхождение. Ведь это неоспоримый факт: в то время как патрульные суда крейсируют вдоль африканских берегов Атлантического и Индийского океанов, внутри страны, на глазах у европейских чиновников, широко разворачивается торг людьми, тянутся караваны захваченных невольников, регулярно происходят массовые избиения, во время которых убивают десять негров, чтобы одного обратить в рабство.

Теперь нам понятно, сколь ужасны были слова, которые произнес Дик Сэнд:

– Африка! Экваториальная Африка! Страна работорговцев и рабов!..

И он не ошибся: это действительно была Африка, где неисчислимы опасности грозили ему самому и всем его спутникам.

Но в какую часть Африканского континента забросила их необъяснимая роковая случайность? Несомненно, в западную, и к тому же приходилось полагать, что «Пилигрим» скорее всего потерпел крушение как раз у побережья Анголы, куда приходят караваны работорговцев из всей этой области Экваториальной Африки.

Действительно, это была Ангола, тот край, который несколько лет спустя ценой таких усилий пересекли Камерон на юге и Стэнли на севере. Из всей этой обширной территории, состоящей из трех провинций: Бенгелы, Конго и Анголы, в то время известна была только прибрежная полоса – она тянется от Нурсы на юге до Заира на севере. Два важнейших населенных пункта на этом побережье служат портами. Это Бенгела и Сан-Паулу-ди-Луанда, столица колонии, принадлежащей Португалии.

Внутренние ее области в то время почти не были исследованы. Лишь немногие путешественники отваживались углубляться в эти места. Губительный сырой и жаркий климат, порождающий лихорадки, дикари, из которых иные до сих пор еще занимаются людоедством, непрерывные

войны между племенами, подозрительное отношение работорговцев ко всякому чужаку, пытающемуся проникнуть в тайны их отвратительной торговли, – вот те трудности, которые надо преодолеть, те опасности, которые надо победить в этой одной из опаснейших областей Экваториальной Африки.

Такки в 1816 году поднялся вверх по течению Конго, за водопады Еллала, но ему удалось пройти не более двухсот миль. За одну такую экспедицию невозможно было сколько-нибудь серьезно изучить страну, однако она стоила жизни большей части участвовавших в ней ученых и офицеров.

Тридцать семь лет спустя доктор Ливингстон прошел от мыса Доброй Надежды до верховий Замбези. Отсюда в ноябре 1853 года он со смелостью, которая навсегда осталась непревзойденной, пересек Африку с юга на северо-запад, переправился через Кванго – один из притоков Конго – и 31 мая 1854 года прибыл в Сан-Паулу-ди-Луанда. Так была проложена первая тропа в неизведанных дебрях обширной португальской колонии.

Восемнадцать лет спустя двое отважных исследователей пересекли Африку с востока на запад и, преодолев огромные трудности, вышли на побережье Анголы: один – в южной, другой – в северной его части.

Первым этот переход совершил лейтенант английского флота Верней-Ловетт Камерон. В 1872 году возникли предположения, что экспедиция американца Стэнли, высланная на поиски Ливингстона в область Больших озер, оказалась в тяжелом положении. Лейтенант Камерон вызвался отправиться на ее поиски. Предложение было принято. Камерон в сопровождении доктора Диллона, лейтенанта Сесилия Мерфи и Роберта Моффа, племянника Ливингстона, выступил в поход из Занзибара. Перейдя Угого, они встретили печальный караван: верные слуги несли тело Ливингстона к восточному берегу. Камерон все же продолжил свое путешествие к западу, поставив себе целью во что бы то ни стало пересечь материк от океана к океану. Через Унияниембе и Угунду энергичный лейтенант Камерон дошел до Кагуэле, где нашел дневники Ливингстона, переплыл озеро Танганьика, перешел горы Бамбаре, переправился через Луалабу, но не смог спуститься вниз по течению этой реки. Затем он посетил области, опустошенные недавними войнами, обезлюдившие после набегов работорговцев: Килембу, Уруа, истоки Ломане, Улунду, Ловале, переправился через Кванзу, прошел через девственные леса, в которые Гаррис завел Дика Сэнда и его спутников, и, наконец, увидел волны Атлантического океана, достигнув Сан-Фелиппе-ди-Бенгала. Это путешествие длилось три года и четыре месяца и стоило жизни двум

спутникам Камерона – доктору Диллону и Роберту Моффа.

Американец Генри Мортон Стэнли вскоре сменил на этом пути открытий англичанина Камерона. Известно, что этот отважный корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд», посланный на поиски Ливингстона, нашел его 30 октября 1871 года в Уджиджи, на берегу озера Танганьика. Но это путешествие, столь удачно совершенное во имя человеколюбия, Стэнли решил продолжить в интересах географической науки. Он хотел подробно исследовать берега Луалабы, с которыми в первое путешествие ознакомился лишь поверхностно. Камерон еще странствовал в джунглях Центральной Африки, когда Стэнли в ноябре 1874 года выступил из Багамойо на восточном побережье, через год и девять месяцев, 24 августа 1876 года, покинул опустошенный эпидемией оспы Уджиджи и после семидесятичетырехдневного перехода дошел до Танганьика-Ньянгве, большого невольничьего рынка, где до него уже побывали Ливингстон и Камерон. В Ньянгве Стэнли был свидетелем ужаснейшего кровавого набега отрядов занзибарского султана на области Марунгу и Маниуема.

Здесь Стэнли предпринял исследование берегов Луалабы и прошел до самого ее устья. В его экспедицию входили сто сорок носильщиков, нанятых в Ньянгве, и девятнадцать лодок. С первых же шагов отряд Стэнли должен был сражаться с людоедами из Укусу и перетаскивать лодки на руках, чтобы обойти непроходимые пороги реки. У экватора, в том месте, где Луалаба изгибается к северо-северо-востоку, пятьдесят четыре лодки, в которых было несколько сот туземцев, напали на маленькую флотилию Стэнли, но ему удалось обратить их в бегство. Затем отважный исследователь, проплыв до второго градуса северной широты, установил, что Луалаба – не что иное, как верховье Заира или Конго, и что, следуя по ее течению, можно выйти прямо к берегу океана. Этот путь Стэнли и выбрал. Дорогой ему почти каждый день приходилось отбивать нападения прибрежных племен. 3 июля 1877 года, во время перехода через пороги Массаса, погиб один из его спутников, Фрэнсис Покок, а 18 июня лодка самого Стэнли попала в водопад Мбело, и он спасся от смерти только чудом.

Наконец 6 августа Генри Стэнли прибыл в селение Ни-Санда, находившееся в четырех днях пути от берега океана. Через два дня он нашел в Банза-Мбуко припасы, посланные навстречу экспедиции двумя торговцами из Эмбомы; в этом маленьком прибрежном городке Стэнли наконец разрешил себе отдохнуть. Он постарел в тридцать пять лет от трудностей и лишений путешествия через весь Африканский материк,

которое заняло два года и десять месяцев. Зато течение реки Луалабы стало известно до самого Атлантического океана, и было установлено, что наряду с Нилом, главной северной артерией Африки, и Замбези, главной восточной ее артерией, на западе Африканского континента течет третья в мире по величине река длиною в две тысячи девятьсот миль,^[61] носящая в разных частях своего течения названия Луалаба, Заир и Конго и соединяющая область Больших озер с Атлантическим океаном.

Но экспедиции Стэнли и Камерона прошли вдоль северной и южной границ Анголы, сама же эта область в 1873 году, то есть в то время когда «Пилигрим» потерпел крушение, была еще почти не исследована. Об Анголе знали только, что она представляет собой главный невольничий рынок на западе Африки и что центрами работорговли в ней являются Бие, Касонго и Казонде.

И в эти-то гибельные места, в сотне миль от океанского побережья, Гаррис завлек Дика Сэнда и его спутников: женщину, измученную горем и усталостью, умирающего ребенка и пятерых негров, обреченных стать добычей алчных работорговцев.

Да, это была Африка, а не Южная Америка, где ни туземцы, ни звери, ни климат ничем не угрожали путникам, где между хребтом Анд и океанским побережьем протянулась приветливая страна, где разбросано множество поселений, в которых миссионеры гостеприимно предоставляют приют каждому путешественнику. Как далеки были Перу и Боливия, куда буря, наверное, принесла бы «Пилигрим», если бы злодейская рука не изменила его курс, и где потерпевшие крушение нашли бы столько возможностей возвратиться на родину!

Это была страшная Ангола, да еще самая глухая ее часть, куда не заглядывали даже португальские колониальные власти, дикий край, где под свист бича надсмотрщиков тянулись караваны рабов.

Что знал Дик об этой стране, куда забросило его предательство? Очень немного – то, что говорили миссионеры XVI и XVII веков и португальские купцы, которые постоянно ездили из Сан-Паулу-ди-Луанда через Сан-Сальвадор на Заир, то, что рассказал доктор Ливингстон о своей поездке 1853 года, – и этого было достаточно, чтобы сломить человека менее мужественного, чем Дик.

Действительно, положение было ужасное.

Глава вторая

Гаррис и Негоро

На следующее утро после того, как Дик Сэнд и его спутники расположились на последнюю ночевку в лесу, два человека встретились в лесу в трех милях от места ночлега, как это и было заранее условлено между ними.

Эти два человека были Гаррис и Негоро, и в дальнейшем мы узнаем, случайно ли встретились на побережье Анголы прибывший из Новой Зеландии португалец и американец, которому по делам работорговли часто приходилось объезжать эту область Западной Африки.

Гаррис и Негоро уселись у корней огромной смоковницы, на берегу быстрого ручья, струившего свои воды между двумя стенами папируса. Разговор только что начался, так как португалец и американец встретились всего минуту назад и теперь рассказывали друг другу о случившемся за последние несколько часов.

– Итак, Гаррис, – сказал Негоро, – тебе не удалось завлечь еще дальше в глубь Анголы отряд капитана Сэнда, ведь так они называют этого пятнадцатилетнего мальчишку.

– Да, приятель, – ответил Гаррис. – Я даже удивляюсь, что мне удалось заманить их на сотню миль от побережья! Последние дни мой юный друг Дик Сэнд не спускал с меня глаз. Его подозрения явно сменялись уверенностью, и честное слово...

– Лишняя сотня миль, Гаррис, и эти люди еще вернее были бы у нас в руках. Впрочем, мы и так постараемся их не упустить.

Гаррис пожал плечами.

– Куда они денутся? – сказал он. – Я повторяю, Негоро, мне едва удалось вовремя унести ноги! По глазам моего юного друга я понял, что он готов послать мне полный заряд свинца прямо в грудь, а надо тебе сказать, я совершенно не перевариваю сливовых косточек по двенадцати штук на фунт.

– Понятно! – сказал Негоро. – У меня самого счеты с этим юнцом.

– Что ж, у тебя есть теперь возможность уплатить ему по всем счетам сполна, и даже с процентами! В первые дни похода мне нетрудно было выдавать Анголу за Атакамскую пустыню – я ведь был там однажды. Но малыш Джек требовал «резиновых деревьев» и птичку-муху; его мамаша – хинное дерево, а кузен обязательно хотел найти кокуйо. Честное слово, я

истощил всю свою изобретательность. И после того, как мне с великим трудом удалось выдать жирафов за страусов... Гениальная мысль, Негоро! Я уж не знал, что и придумать. Да и мой юный друг, как я заметил, больше не верил моим объяснениям. А потом мы увидели следы слонов. А потом еще, откуда ни возьмись, бегемоты! Понимаешь, Негоро, бегемоты и слоны в Америке – это же все равно что честные люди в бенгельской каторжной тюрьме. И наконец, в довершение всего, старого негра угораздило найти под деревом цепь и колодки, которые сбросил, наверное, какой-нибудь сбежавший невольник. Тут же где-то невдалеке зарычал лев, и не мог же я их уверить, что это мурлычет домашняя кошка! У меня только и хватило времени вскочить в седло и ускакать.

– Понимаю, – ответил Негоро. – И все же я предпочел бы, чтобы они забрались еще на сотню миль дальше в глубь страны.

– Я сделал все, что мог, приятель, – возразил Гаррис. – Кстати, хорошо, что ты шел за нами в почтительном отдалении. Они как будто догадывались о твоём присутствии. Там была одна собачка – Динго... Она как будто не особенно расположена к тебе. Что ты ей сделал?

– Ничего, – ответил Негоро, – но скоро она получит пулю в голову.

– Такой же гостинец и ты получил бы от Дика Сэнда, если б он заметил тебя на расстоянии выстрела. А должен признаться, мой юный друг стреляет хорошо, да и вообще он в своем роде молодчина.

– Каким бы молодцом он ни был, Гаррис, он дорого заплатит за свою дерзость, – ответил Негоро, и на лице его появилось выражение неумолимой жестокости.

– Прекрасно, – негромко сказал Гаррис. – Видно, ты, мой дорогой, остался таким же, каким я тебя знал. Путешествия не испортили тебя!

После минутного молчания американец снова заговорил.

– Кстати, Негоро, – сказал он, – когда мы с тобой так неожиданно встретились недалеко от места крушения корабля, у устья Лонги, ты успел только рассказать мне об этих милых людях и попросить меня завести их как можно дальше в глубь воображаемой Боливии, но ни слова не сказал о том, что делал последние два года. А два года в нашей бурной жизни – это долгий срок, приятель. С тех пор как старый Алвиш, которому мы верно служили, послал тебя из Касонго во главе невольничьего каравана, о тебе не было никаких вестей. Признаться откровенно, я думал, что у тебя были неприятности с английским крейсером и тебя вздернули на рее.

– Чуть-чуть не кончилось этим, Гаррис.

– Ничего, это еще случится, Негоро.

– Спасибо!

– Что поделаешь, – ответил Гаррис с философским равнодушием. – Это профессиональный риск. Раз уж занимаешься работорговлей на африканском побережье, не рассчитывай умереть в своей постели. Значит, тебя поймали?

– Да.

– Англичане?

– Нет. Португальцы.

– До или после сдачи груза? – спросил Гаррис.

– После, – ответил Негоро, немного поколебавшись. – Португальцы теперь, когда они недурно нажились на работорговле, делают вид, будто они против нее. На меня донесли, следили за мной, поймали...

– И приговорили?

– К пожизненному заключению на каторге в Сан-Па-улу-ди-Луанда.

– Тысяча чертей! – воскликнул Гаррис. – Каторга! Очень нездоровое место для таких людей, как мы с тобой. Мы ведь привыкли к жизни на вольном воздухе! Пожалуй, я предпочел бы виселицу.

– С виселицы бежать нельзя, – сказал Негоро, – а из тюрьмы...

– Тебе удалось бежать?

– Да, Гаррис. Ровно через пятнадцать дней после того, как меня привезли на каторгу, мне удалось спрятаться в трюме английского корабля, отправлявшегося в Окленд, на Новую Зеландию. Бочка с водой и ящик с консервами, между которыми я забился, снабжали меня едой и питьем в продолжение всего перехода. Мне пришлось очень трудно, но я не хотел показываться, пока судно находилось в открытом море. Я знал, что стоит мне высунуть нос из трюма, как меня тотчас же водворят обратно, и пытка будет такой же, с той лишь разницей, что она перестанет быть добровольной. А кроме того, по прибытии в Окленд меня сдали бы английским властям, а те заковали бы меня в кандалы и отправили обратно в Сан-Паулу-ди-Луанда, а то, чего доброго, и вздернули бы, как ты выражаешься. По всем этим соображениям я предпочел путешествовать инкогнито.

– И без билета! – со смехом воскликнул Гаррис. – Фи, приятель, и тебе не стыдно? Ехать зайцем, да к тому же еще на готовых харчах.

– Да, – вздохнул Негоро, – но тридцать дней взаперти в темном трюме...

– Ну, все это уже позади, Негоро! Итак, ты поехал в Новую Зеландию, в страну маори? Но ты ведь там не остался. Как же ты ехал обратно? Опять в трюме?

– Нет, Гаррис. Сам понимаешь, там я думал только об одном: как бы

вернуться в Анголу и снова взяться за свою торговлю.

– Да, – заметил Гаррис, – мы свое ремесло любим... по привычке.

– И я полтора года...

И тут Негоро вдруг замолчал. Схватив Гарриса за руку, он стал напряженно вслушиваться.

– Гаррис, – сказал он тихо, – ты не слышал какого-то шороха в зарослях папируса?

– И правда, – ответил Гаррис, хватая заряженное ружье.

Они поднялись, настороженно озираясь и прислушиваясь.

– Ничего нет, – сказал Гаррис. – Просто ручеек вздулся после дождей и журчит сильнее, чем обычно. За эти два года ты, приятель, отвык от лесных шумов. Но это не беда, скоро опять привыкнешь. Ну, рассказывай дальше о своих приключениях. А когда я буду знать твое прошлое, мы потолкуем о будущем.

Негоро и Гаррис снова сели у подножия смоковницы, и португалец продолжал прерванный рассказ:

– Полтора года я прозябал в Окленде. Когда корабль прибыл туда, я сумел незаметно выбраться на берег. Но карманы у меня были пусты – ни единого пиастра, ни единого доллара. Чтобы заработать на хлеб, мне приходилось браться за всякую работу...

– Даже за честную работу, Негоро?

– Да, Гаррис.

– Бедняга!

– И все это время я искал удобного случая, а его все не было, пока в Оклендский порт не пришло китобойное судно «Пилигрим».

– То, которое разбилось у берегов Анголы?

– То самое, Гаррис, и миссис Уэлдон с сыном и кузеном Бенедиктом вздумали отправиться на нем в качестве пассажиров. Мне не трудно было получить работу на корабле: ведь я бывший моряк и даже служил вторым помощником капитана на невольничьем корабле. Я пошел к капитану «Пилигрима», но матросы ему были не нужны. К счастью для меня, судовой кок только что сбежал. Плох тот моряк, который не умеет стряпать. Я отрекомендовался опытным коком. За неимением лучшего капитан Халл нанял меня. Спустя несколько дней «Пилигрим» ушел от берегов Новой Зеландии...

– Но, – прервал его Гаррис, – насколько я понял из слов моего юного друга, «Пилигрим» вовсе не намеревался плыть к берегам Африки. Каким же образом судно попало сюда?

– Дик Сэнд, наверное, до сих пор этого не понимает, – ответил

Негоро, – и вряд ли вообще когда-либо поймет. Но тебе, Гаррис, я объясню, как это произошло, а ты, если хочешь, можешь повторить мой рассказ своему юному другу.

– Как же, не премину! – с хохотом сказал Гаррис. – Рассказывай, приятель, рассказывай!

– «Пилигрим», – начал Негоро, – направлялся к Вальпараисо. Нанимаясь на судно, я думал только добраться до Чили. Ведь это все-таки полпути от Новой Зеландии к Анголе, и я приблизился бы на несколько тысяч миль к западному побережью Африки. Но случилось так, что через три недели после выхода из Окленда капитан Халл и все матросы погибли во время охоты на кита. На борту «Пилигрима» осталось только два моряка: младший матрос Дик Сэнд и судовой кок Негоро.

– И ты вступил в должность капитана судна? – спросил Гаррис.

– Сначала у меня мелькнула такая мысль, но я видел, что мне не доверяют. На корабле было пятеро негров, все пятеро – силачи и притом свободные люди. Мне все равно не удалось бы стать хозяином на борту, и, по зрелом размышлении, я решил остаться на «Пилигриме» тем, кем был, то есть судовым коком.

– Значит, это чистая случайность, что корабль прибило к берегам Африки?

– Нет, Гаррис, – возразил Негоро, – случайным было только то, что мы с тобой встретились, потому что твои торговые дела привели тебя как раз туда, где потерпел крушение «Пилигрим». Но то, что он появился у берегов Анголы, – это тайное дело моих рук! Твой юный друг – суций младенец в мореходстве: он умел определять место своего корабля в открытом море только с помощью лага и компаса. И вот в один прекрасный день лаг пошел ко дну. А в другую не менее прекрасную ночь почему-то испортился компас, и «Пилигрим», подхваченный сильной бурей, сбился с курса. Дик Сэнд не мог понять, почему так затянулся наш переход, но на его месте стал бы в тупик и самый опытный моряк. Мальчик и не подозревал, что мы обогнули мыс Горн, но я, Гаррис, я разглядел его в тумане. Вскоре после этого стрелка компаса благодаря мне приняла нормальное положение. Судно, гонимое сильнейшим ураганом, стремглав понеслось на северо-восток и разбилось у африканского берега, как раз в Анголе, куда я и хотел попасть.

– И как раз в это время, – подхватил Гаррис, – случай привел меня на этот берег, чтобы встретить тебя и послужить проводником твоим симпатичным спутникам. Они были уверены, что находятся в Америке, и мне легко было выдать Анголу за Нижнюю Боливию – ведь между ними и в

самом деле есть некоторое сходство.

– Да, они действительно приняли Анголу за Боливию. Так же, как твой юный друг принял за остров Пасхи остров Тристан-да-Кунья.

– Подобную ошибку сделал бы на его месте и всякий другой, Негоро.

– Я знаю, Гаррис, и я очень надеялся воспользоваться этой ошибкой. И вот теперь миссис Уэлдон и ее спутники оказались в сотне миль от берега, в Экваториальной Африке, куда я и хотел их завести.

– Но теперь-то они знают, где находятся, – заметил Гаррис.

– Сейчас это уже все равно! – воскликнул Негоро.

– И что ты сделаешь с ними? – спросил Гаррис.

– Что сделаю, то и сделаю, – ответил Негоро. – Расскажи-ка мне сначала, как поживает наш хозяин Алвиш. Ведь я не видел его больше двух лет.

– О, старый пройдоха чувствует себя как нельзя лучше! – ответил Гаррис. – Он очень обрадуется тебе.

– Он на рынке в Бие? – спросил Негоро.

– Нет, приятель, вот уже год, как он живет у себя в Казонде.

– И дела хорошо идут?

– О да, тысяча чертей, – воскликнул Гаррис, – хотя с каждым днем торговать невольниками становится все труднее, особенно на этом побережье! Португальские власти, с одной стороны, и английские крейсера – с другой всячески препятствуют вывозу рабов. Только на юге Анголы, в окрестностях Мосамедиша, можно еще кое-как грузить черный товар. Поэтому теперь все бараки до отказа набиты невольниками в ожидании кораблей, которые переправят их в испанские колонии. Об отправке груза через Бенгелу и Сан-Паулу-ди-Луанда и говорить не приходится. Губернатор ничего слушать не хочет, и чиновники тоже. Придется, наверное, вернуться на фактории внутри страны, и старый Алвиш уже об этом подумывает. Он намерен снарядить караван в сторону Ньянгве и Танганьики, чтобы обменять дешевые ткани на слоновую кость и рабов. Пока неплохо идет торговля с Верхним Египтом и Мозамбиком – он снабжает невольниками Мадагаскар. Но я боюсь, что придет время, когда работорговлей больше нельзя будет заниматься. Англичане всё глубже проникают во внутреннюю Африку. Миссионеры залезают всё глубже и ополчаются против нас. Ливингстон – разрази его гром! – закончил исследование области озер и теперь направится, говорят, в Анголу. Да еще слышно, что какой-то лейтенант Камерон намерен пересечь весь материк с востока на запад. Опасаются также, как бы не вознамерился проделать то же и американец Стэнли. Все эти посетители могут сильно повредить нам,

Негоро, и если бы мы понимали свои интересы, ни один из них не вернулся бы в Европу и не стал бы рассказывать о том, что он имел нескромность увидеть в Африке.

Если бы кто-нибудь услышал беседу этих негодяев, он мог бы подумать, что тут разговаривают два почтенных коммерсанта, сетующих на заминку в торговых делах. Кому пришло бы в голову, что речь идет не о мешках кофе, не о бочках сахара, а о живых людях? Торговцы невольниками уже не отличают справедливого от несправедливого, у них нет ни чести, ни совести, они не обладают никаким нравственным чувством, а если оно и было у них когда-то, то они давно утратили его, участвуя в страшных зверствах африканской работорговли.

Гаррис был прав в своих опасениях, так как цивилизация и в самом деле постепенно проникает в дикие области по следам тех отважных путешественников, имена которых неразрывно связаны с открытиями в Экваториальной Африке. Такие герои, как Дэвид Ливингстон, а за ним Грант, Спик, Бертон, Камерон, Стэнли, оставят по себе неизгладимую память как благодетели человечества.

Теперь Гаррис уже знал, как жил Негоро последние два года. Бывший агент работорговца Алвиша, бежавший из каторжной тюрьмы в Луанде, несколько не изменился, то есть по-прежнему был готов на любое преступление. Но что он собирается предпринять в отношении потерпевших крушение на «Пилигриме», Гаррис еще не знал, а потому спросил:

– А теперь скажи: что ты сделаешь со своими бывшими спутниками?

– Я их разделю, – ответил Негоро не задумываясь. Видно было, что план давно созрел в его голове. – Одних продам в рабство, а других...

Португалец не закончил фразы, но жестокое выражение его лица говорило яснее слов.

– Кого ты продашь? – спросил Гаррис.

– Негров, которые сопровождают миссис Уэлдон, – ответил Негоро. – За старика Тома, пожалуй, много не выручишь, но остальные четверо – крепкие молодцы, и на рынке в Казонде за них дадут хорошую цену.

– Это верно, Негоро! – сказал Гаррис. – Четверо здоровяков негров, привычных к работе, не похожи на этих животных, которых доставляют из внутренних областей. Конечно, ты продашь их дорого! Раб, родившийся в Америке, – редкий товар на рынках Анголы. Но, – продолжал он, – ты не сказал мне, не было ли на «Пилигриме» наличных денег?

– Пустяки! Мне удалось спасти всего несколько сот долларов. К счастью, у меня есть кое-какие виды на будущее...

– Какие, приятель? – с любопытством спросил Гаррис.

– Разные, – отрезал Негоро.

Казалось, он уже сожалел о том, что сболтнул лишнее.

– Остается, значит, прибрать к рукам этот ценный товар? – заметил Гаррис.

– Разве это так трудно? – спросил Негоро.

– Нет, приятель. В десяти милях отсюда на берегу Кванзы стоит лагерем невольничий караван, который ведет араб Ибн-Хамис. Он ждет только моего возвращения, чтобы двинуться к Казонде. Там больше туземных солдат, чем нужно, чтобы захватить Дика Сэнда и его спутников. Если только моему юному другу придет мысль направиться к реке Кванзе...

– А если ему такая мысль не придет? – перебил Негоро.

– Наверняка придет! – ответил Гаррис. – Он умен, но не может заподозрить опасность, которая подстерегает его там. Дик Сэнд, конечно, и не подумает возвращаться к берегу той дорогой, по которой мы шли. Он неминуемо заблудился бы в лесу. Поэтому он, несомненно, постарается дойти до какой-нибудь реки, впадающей в океан, чтобы спуститься вниз по течению на плоту. Это единственное, что можно сделать, и я его знаю, он так и сделает.

– Да... пожалуй, – сказал Негоро после недолгого раздумья.

– Говори не «пожалуй», а «непременно»! – воскликнул Гаррис. – Я так уверен в этом, словно мой юный друг сам назначил мне свидание на берегу Кванзы.

– Ну так в путь! – сказал Негоро. – Я знаю Дика Сэнда. Он не потеряет напрасно ни одного часа, а мы должны опередить его.

– В путь, приятель!

Гаррис и Негоро уже встали, как вдруг опять послышался тот же шум, который и раньше обеспокоил португальца. Это был шорох в зарослях папируса.

Негоро замер на месте, схватив Гарриса за руку.

Вдруг донесся глухой лай, и из зарослей выбежала большая собака. Шерсть ее стояла дыбом, пасть была широко раскрыта. Она готова была броситься на людей.

– Динго! – вскричал Гаррис.

– А, на этот раз он от меня не уйдет! – отозвался Негоро.

И в ту секунду, когда собака бросилась на него, португалец схватил ружье Гарриса, вскинул его и выстрелил.

Раздался жалобный вой, и Динго исчез в густом кустарнике,

окаймлявшем речку.

Негоро поспешно спустился к самой воде.

Капельки крови запятнали несколько стеблей папируса, и по прибрежной гальке протянулась кровавая полоса.

– Наконец-то мне удалось расчитаться с этим проклятым псом! – воскликнул Негоро.

Гаррис молча наблюдал эту сцену.

– Как видно, Негоро, – сказал он, – собака давно точила на тебя зубы.

– Точила, Гаррис, но больше не будет.

– А почему она так ненавидит тебя, приятель?

– У нас с ней старые счеты!

– Старые счеты? Какие же? – спросил Гаррис.

Но Негоро больше ничего не сказал, и Гаррис решил, что португалец скрывает от него какие-то прошлые свои похождения, но не стал о них допытываться.

Через несколько минут сообщники уже шли вниз по течению ручья, направляясь через лес к Кванзе.

Глава третья

В ста милях от берега

Африка, а не Америка! Эти слова, говорившие о несомненной и грозной опасности, все время звучали в ушах Дика Сэнда.

Вновь и вновь возвращаясь к событиям последних недель, он тщетно искал ответа на вопросы: каким образом «Пилигрим» очутился у этих опасных берегов? Как случилось, что он обогнул мыс Горн и перешел из одного океана в другой? Только теперь Дик мог понять, почему, несмотря на быстрый ход корабля, так долго не показывалась земля: пройденное «Пилигримом» расстояние было вдвое больше того перехода, какой он должен был совершить, чтоб достичь берегов Америки.

– Африка!.. Африка!.. – повторял Дик Сэнд.

И вдруг, пока он перебирал в памяти все обстоятельства загадочного плавания, у него мелькнула догадка, что компас был намеренно испорчен. Дик вспомнил, как разбился запасный компас, как из-за оборвавшейся веревки пропал лаг, так что он не мог измерить скорость корабля.

«Да, – думал он, – на корабле остался только один компас, и мне не с чем было сверить его показания. А как-то ночью меня разбудил крик старого Тома... На корме был Негоро... Он оступился и упал на нактоуз... Не повредил ли он компас при падении?»

Словно луч света сверкнул в уме Дика Сэнда. Он уже начал догадываться о разгадке тайны. Он начал понимать, насколько коварным было поведение Негоро. Он чувствовал руку Негоро в целом ряде несчастных случайностей, которые сперва погубили «Пилигрим», а теперь угрожали гибелью и всем его пассажирам.

Но кто же он, этот негодяй? Не был ли он моряком, хотя и скрывал это? Может быть, он был способен задумать и осуществить гнусный план, который привел судно к берегам Африки?

Во всяком случае, если в прошлом кое-что и оставалось невыясненным, то в настоящем все было ясно. Дик Сэнд знал, что находится в Африке и, вероятно, в самой опасной ее части – в Анголе, за сотню миль от морского берега. Он знал также, что Гаррис оказался предателем. И вполне логично было предположить, что американец и португалец были знакомы с давних пор, что роковой случай свел их на этом побережье и что они совместно составили зловещий заговор против пассажиров «Пилигрима».

Непонятным было только одно: зачем они это сделали? Можно было предположить, что Негоро хочет захватить в плен Тома и его товарищей, чтобы продать их в рабство в этой стране работорговли. Понятно было также, что португалец хочет отомстить ему, Дику Сэнду, хотя юный капитан обращался с ним, как он того заслуживал. Но миссис Уэлдон, но Джек?.. Что намеревается сделать этот негодяй с матерью и ее маленьким сыном?

Если бы Дику Сэнду удалось подслушать беседу Гарриса с Негоро, он знал бы, чего ожидать, знал бы, какие опасности угрожают миссис Уэлдон, пятерым неграм и ему самому.

Положение было ужасным, но Дик не потерял мужества. Он был капитаном на море, он останется капитаном и на суше. Его долг – спасти миссис Уэлдон, маленького Джека и остальных людей, чью судьбу небо вверило ему. Он только приступил к выполнению своей задачи. И он ее выполнит.

Через два или три часа, в продолжение которых Дик Сэнд размышлял, взвешивал и перебирал в уме все то хорошее и дурное – увы, последнего было гораздо больше! – что сулило им будущее, он поднялся на ноги, полный спокойствия и твердой решимости.

Первые лучи солнца уже осветили верхушки деревьев. Кроме Дика и старого Тома, все спали.

Молодой капитан подошел к негру.

– Том, – тихо сказал он, – вы узнали рычание льва, вы видели цепи и колодки работорговцев. Значит, вы знаете, что мы находимся в Африке?

– Да, капитан, знаю.

– Так вот, Том, ни слова об этом ни миссис Уэлдон, ни вашим товарищам! Мы одни будем знать это, мы одни будем остерегаться...

– Да... правильно, мистер Дик, – ответил Том.

– Том, – продолжал юноша, – мы должны удвоить бдительность. Мы во вражеской стране. Это страшная страна и страшные враги... Нашим спутникам мы скажем только, что Гаррис предал нас и надо быть настороже. Пусть они думают, что нам угрожает нападение индейцев, – этого будет достаточно.

– Вы можете всецело положиться на отвагу и преданность моих товарищей, мистер Дик!

– Знаю. И знаю, что могу положиться на ваш здравый смысл и опытность, Том. Ведь вы не откажетесь помочь мне?

– Всегда и во всем, капитан.

Дик объяснил Тому свои намерения, и старик одобрил их. К счастью,

предательство Гарриса обнаружилось раньше, чем он успел осуществить свой план, поэтому непосредственная опасность Дику Сэнду и его спутникам не угрожала. Ведь американец внезапно исчез потому, что они нашли колодки и цепи, брошенные бежавшими невольниками, а потом услышали рычание льва. Гаррис понял, что он разоблачен, и сбежал – вероятно, прежде чем маленький отряд, который он вел, дошел до того места, где на него должны были напасть. А Негоро, которого Динго чуял все последние дни, очевидно, уже успел встретиться с Гаррисом и договориться с ним. Во всяком случае, до того, как на их отряд нападут, пройдет, несомненно, несколько часов, и необходимо ими воспользоваться.

Единственный возможный план заключался в том, чтобы как можно скорее вернуться на побережье. У Дика были все основания думать, что это побережье Анголы. Достигнув его, Дик Сэнд намеревался двинуться на север или на юг и дойти до ближайшей португальской фактории, где его спутники смогут в безопасности дожидаться возможности вернуться на родину.

Но как добраться до берега? Возвращаться назад по уже пройденному пути? Дик Сэнд ни минуты об этом не думал и всецело сошелся тут с Гаррисом, который ясно предвидел, что обстоятельства заставят его избрать самый короткий путь.

Действительно, возвращаться старой дорогой через лес было бы по меньшей мере неосмотрительно – они пришли бы всего-навсего туда же, откуда отправились. Да и Негоро со своими сообщниками смог бы идти по их ясно видимым следам. Единственный способ уйти, не оставляя следов, – это добраться до реки и спуститься по ней. Кроме того, тогда можно было бы меньше опасаться нападения хищных зверей, которые до сих пор, по счастью, к ним не приближались. Не так страшна была бы на реке и встреча с дикарями. На прочном плоту, хорошо вооруженные, Дик Сэнд и его спутники могли с успехом защищаться. Все было за то, чтобы выбрать именно этот путь.

Надо добавить, что такой способ передвижения был бы удобен для миссис Уэлдон и маленького Джека – ведь их обоих так измучила дорога. Конечно, нехватки в руках для того, чтобы нести больного ребенка, не было бы. Они не располагали больше лошадью Гарриса, но для миссис Уэлдон и больного ребенка можно было сплести из ветвей носилки. Однако тогда два негра из пяти были бы заняты этой работой, а Дик Сэнд предпочитал, чтобы у всех его товарищей руки были свободны на случай внезапного нападения.

А кроме того, спускаясь на плоту по течению реки, он чувствовал бы

себя в своей стихии...

Оставалось узнать, есть ли поблизости река, которой можно воспользоваться. Дик Сэнд предполагал, что такая река найдется, и вот почему он так думал.

Река, впадавшая в Атлантический океан в том самом месте, где произошло крушение «Пилигрима», не могла течь издалека ни с севера, ни с востока, так как горизонт с этих сторон замыкала довольно близкая горная цепь – та самая, которую вполне можно было принять за Анды. Следовательно, или река текла с этих высот, или русло ее загибалось к югу – в обоих случаях она была где-то недалеко. Возможно, что, не доходя до этой большой реки (она имела право называться большой, ибо прямо впадала в океан), они встретят какой-нибудь из ее притоков, и маленький отряд сможет спуститься по нему на плоту. Словом, невдалеке, несомненно, был какой-нибудь водный путь.

Действительно, на протяжении последних миль перехода характер местности изменился: склоны стали более пологими, а земля – влажной. То тут, то там змеились ручейки, что указывало на обилие подпочвенных вод. В последний день пути отряд шел вдоль подмытого берега одного из таких ручейков – воды его были красными от окиси железа. Снова его отыскать было не трудно. Конечно, спуститься на плоту по этому бурному ручью было бы невозможно, но, следуя по его берегу, отряд, несомненно, дошел бы до более полноводной реки, в которую он впадает и по которой уже можно будет плыть.

Таков был очень простой план, который Дик и принял, посоветовавшись со стариком Томом.

С наступлением утра путники проснулись один за другим. Миссис Уэлдон передала на руки Нэн еще спящего маленького Джека. В промежутках между приступами лихорадки ребенок был так бледен, что на него больно было смотреть.

Миссис Уэлдон подошла к Дику Сэнду.

– Дик, – сказала она, посмотрев ему в глаза, – где Гаррис? Я его не вижу.

Дик не хотел разуверять своих спутников, что они находятся на земле Боливии, но измену американца он скрывать не собирался. Поэтому он не колеблясь сказал:

– Гарриса здесь больше нет.

– Он поехал вперед? – спросила миссис Уэлдон.

– Он бежал, миссис Уэлдон, – ответил Дик Сэнд. – Гаррис оказался предателем. Он завел нас сюда, потому что они с Негоро сговорились.

– А зачем? – с тревогой спросила миссис Уэлдон.

– Не знаю, – ответил Дик Сэнд. – Но я знаю, что нам нужно немедленно вернуться к берегу океана.

– Этот человек... предатель? – проговорила миссис Уэлдон. – Я предчувствовала это! И ты думаешь, Дик, что он сговорился с Негоро?

– Вероятно, миссис Уэлдон. Этот негодяй все время шел по нашим следам. Какой-то случай свел этих двух мошенников, и...

– И я надеюсь, что они не расстанутся до тех пор, пока не попадутся мне под руку, – вмешался в разговор Геркулес. – Я стукну их лбами друг о дружку так, что головы разобьются! – добавил гигант, поднимая огромные кулачищи.

– А Джек? – вскричала миссис Уэлдон. – Я надеялась, что в асьенде Сан-Фелисе смогу получить все, в чем он нуждается!

– Джек поправится, когда мы выйдем к берегу, там места здоровее, – сказал старик Том.

– Дик, – снова заговорила миссис Уэлдон, – ты уверен, что Гаррис нас предал?

– Да, миссис Уэлдон, – коротко ответил юноша, который хотел избежать объяснений по этому поводу. А потому он поторопился добавить, глядя на старого негра: – Этой ночью мы с Томом открыли его предательство. Если бы он не вскочил на свою лошадь и не ускакал, я убил бы его!

– Значит, эта ферма...

– Здесь нет ни фермы, ни деревни, ни поселка, – ответил Дик Сэнд. – Миссис Уэлдон, я повторяю: нам нужно немедленно вернуться на берег океана.

– Тем же путем, Дик?

– Нет, миссис Уэлдон. Мы спустимся вниз по реке на плоту. Течение доставит нас к морю. Это безопасный и неустойчивый путь. Еще несколько миль пешком, и я не сомневаюсь, что...

– О, я полна сил, Дик! – воскликнула миссис Уэлдон, стараясь придать себе бодрый вид. – Я пойду. Я понесу своего сына...

– А мы-то на что, миссис Уэлдон? – возразил Бат. – Мы понесем вас обоих!

– Да, да, – подхватил Остин. – Две жерди, несколько веток поперек...

– Благодарю вас, друзья мои, – ответила миссис Уэлдон, – но я хочу идти сама... И я пойду! В путь!

– В путь! – повторил Дик Сэнд.

– Дайте мне Джека, – сказал Геркулес, забирая малыша у Нэн, – я

устаю, когда мне нечего нести.

И великан так бережно взял спящего ребенка в свои могучие руки, что тот даже не проснулся.

Оружие внимательно проверили. Все, что осталось от провизии, сложили в один тюк, чтобы его мог нести один человек. Актеон вскинул этот тюк на спину; таким образом, у его товарищей руки остались свободными.

Кузен Бенедикт, чьи длинные стальные ноги не знали усталости, был готов к походу. Заметил ли он, что Гаррис исчез? Было бы опрометчивым утверждать это. Кузену Бенедикту и вообще-то не было никакого дела до Гарриса, а тем более сейчас, так как его постигло самое страшное из несчастий, какие только могли на него обрушиться. Увы, бедняга потерял очки и увеличительное стекло!

По счастью (хотя кузен Бенедикт этого и не знал), Бат нашел оба драгоценных прибора в высокой траве на месте привала, но по совету Дика Сэнда спрятал их. Теперь можно было надеяться, что этот большой ребенок будет в пути вести себя смирно, ибо он не видел, как говорится, дальше своего носа.

А потому, когда ему указали место между Актеоном и Остином и строго-настрога велели не отходить от них, бедный кузен Бенедикт даже не пробовал возражать, но покорно поплелся за своими спутниками, как слепой за поводырем.

Маленький отряд не прошел и пятидесяти шагов, как вдруг старик Том остановился.

– А Динго? – воскликнул он.

– Верно! Динго нет, – отозвался Геркулес.

И он громко позвал собаку. Раз, другой, третий...

Но в ответ не раздалось знакомого лая.

Дик Сэнд молчал. Исчезновение собаки было очень неприятно, так как она всегда могла поднять тревогу в случае неожиданной опасности.

– Не побежал ли Динго следом за Гаррисом? – спросил Том.

– За Гаррисом? Нет... – ответил Дик Сэнд. – Но он мог напасть на след Негоро. Он все время чуял, что португалец идет за нами.

– Этот проклятый повар сразу всадит в него пулю! – воскликнул Геркулес.

– Если только Динго раньше не загрызет его самого! – возразил Бат.

– Может быть, – сказал Дик Сэнд. – Но мы не можем ждать возвращения Динго. Если он жив, он сумеет разыскать нас. Вперед!

Было очень жарко. С самой зари горизонт затягивали тучи. Парило.

Чувствовалось, что надвигается гроза. Похоже было на то, что без раскатов грома день не обойдется. К счастью, в лесу, хотя он и поредел, было еще сравнительно прохладно. То здесь, то там среди зарослей открывались обширные поляны, покрытые жесткой и высокой травой. Кое-где на земле лежали огромные окаменевшие стволы – признак почвы каменноугольной формации, которая часто встречается на Африканском материке. На лужайках, среди зеленой травы и розовых веточек, пестрели яркие цветы – желтый и синий имбирь, светлые лобелии, багряные орхидеи; над цветами реяли тучи насекомых, переноса из чашечки в чашечку оплодотворяющую пыльцу.

Кругом уже не было непроницаемой чащи, но породы деревьев стали более разнообразными. Здесь росли масличные пальмы, из которых добывают масло, весьма ценное в Африке, а также кусты хлопчатника, образующие живую изгородь высотой футов в десять. Из их волокнистых стеблей вырабатывают хлопок с длинными шелковистыми нитями, почти такой же, как хлопок Фернамбука. Из стволов копала сквозь дырки, проточенные хоботками насекомых, сочилась ароматная смола, стекая на землю, где она застывала на потребу туземцам. Росли тут и лимонные деревья, и дикие гранаты, и деревья десятков других пород – все свидетельствовало о поразительном плодородии этого плоскогорья Центральной Африки. Кое-где в воздухе разливался тонкий аромат ванили, и нельзя было обнаружить, от какого дерева он исходит.

Все эти деревья и кусты ласкали взгляд свежей зеленью, несмотря на то что стояло засушливое время года и только редкие грозовые ливни орошали плодородную почву. Пора лихорадок была в самом разгаре, но, как обнаружил Ливингстон, больной обычно может избавиться от лихорадки, покинув место, где заразился ею. Дик Сэнд знал это указание великого путешественника и надеялся, что оно подтвердится на маленьком Джеке. Он сказал об этом миссис Уэлдон, когда заметил, что обычный час приступа миновал, а мальчик продолжает спокойно спать на руках у Геркулеса.

Отряд быстро, но осторожно двигался вперед. Местами земля хранила свежие следы проходивших в лесу людей или зверей. Там, где ветки кустарника были раздвинуты или поломаны, удавалось идти быстрее. Но чаще путникам приходилось прокладывать себе дорогу, преодолевая бесчисленные препятствия, и это, к великому огорчению Дика, замедляло продвижение маленького отряда. Очень мешали лианы, которые можно сравнить со спутанным такелажем, усеянные отростками, похожими на кривые дамасские клинки, и лезвия этих клинков были утыканы шипами.

Такие растения-змеи тянулись на пятьдесят – шестьдесят футов и, если наступить на них, переворачивались, вонзая в ногу острые, как иглы, колючки. Негры, вооружившись топорами, прокладывали дорогу сквозь заросли, но впереди тянулись все новые и новые лианы, обвивая деревья от самой земли до верхушек.

Животные и птицы, населяющие эту часть Анголы, были не менее своеобразны, чем ее растительный мир. Множество птиц порхало под зелеными сводами леса. Но нетрудно догадаться, что люди, стремившиеся как можно скорее и незаметнее проскользнуть по лесу, не пытались подстрелить их. Были тут большие стаи цесарок, перепела, к которым так трудно подобраться, и те птицы, которых североамериканцы называют «вип-пур-вил», – эти три слога точно воспроизводят их крик. Дик Сэнд и Том могли бы подумать, что находятся в какой-нибудь области Нового Света. Но увы, они знали, где оказались.

До сих пор хищники, столь опасные в Африке, не появлялись вблизи маленького отряда. Путники опять видели жирафов, которых Гаррис, конечно, постарался бы выдать за страусов, но на этот раз безуспешно. Эти быстрые животные моментально исчезли, испуганные появлением каравана в их безлюдных лесах; несколько раз в течение дня вдали поднималось густое облако пыли: это стадо буйволов бежало с шумом, похожим на грохот нагруженных тяжелой кладью телег.

На протяжении двух миль Дик Сэнд вел свой отряд вдоль берега ручья, который должен был влиться в какую-нибудь полноводную реку. Ему хотелось поскорее доверить своих спутников быстрому течению потока, бегущего к побережью. Он надеялся, что опасности и усталость при таком способе передвижения будут не столь велики.

К полудню отряд прошел три мили без единой неприятной встречи. Ни Гаррис, ни Негоро не появлялись. Динго также не вернулся.

Бивуак устроили в густой бамбуковой роще, которая совсем скрыла маленький отряд. За едой почти не разговаривали. Миссис Уэлдон снова взяла сына на руки. Она не сводила с него глаз. Есть она не могла.

– Вам непременно нужно поесть, миссис Уэлдон, – снова и снова повторял Дик Сэнд. – Что с вами будет, если вы потеряете силы? Надо есть! Мы скоро снова двинемся в путь и по удобной реке без всякого труда доплывем до океана.

Пока Дик говорил это, миссис Уэлдон смотрела ему прямо в глаза. В его взоре светились несокрушимая воля и мужество. Глядя на него, глядя на пятерых негров, таких преданных и стойких людей, миссис Уэлдон, жена и мать, почувствовала, что она не имеет права отчаиваться. Да и почему бы

должна она была потерять надежду? Ведь она думала, что находится на гостеприимной земле. А что до предательства Гарриса, то она не представляла себе всех его ужасных последствий.

Дик Сэнд догадывался о ее мыслях, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы выдержать ее взгляд.

Глава четвертая

По трудным дорогам Анголы

В этот миг маленький Джек проснулся и обвил ручонками шею матери. Глаза у него были ясные. Лихорадка не возвращалась.

– Тебе лучше, дорогой? – спросила миссис Уэлдон, прижимая больного ребенка к сердцу.

– Да, мама, – ответил Джек. – Только немного пить хочется.

Мать могла дать мальчику лишь холодной воды, но он с удовольствием сделал несколько глотков.

– А где мой друг Дик? – спросил он.

– Я тут, Джек, – ответил Дик Сэнд, взяв ребенка за руку.

– А мой друг Геркулес?

– Здесь Геркулес, – ответил гигант, улыбаясь Джеку своей доброй улыбкой.

– А лошадка? – продолжал Джек.

– Лошадки-то и нет, мистер Джек! Убежала! Теперь я буду твоей лошадкой. Ты не думаешь, что у меня рысь очень тряская?

– Нет, – ответил ребенок. – А уздечки больше не будет?

– Я возьму узду в рот, – сказал Геркулес, широко раскрывая рот, – а ты можешь дергать за поводья сколько тебе угодно.

– Ты же знаешь, я буду тянуть потихоньку.

– Напрасно! У меня рот крепкий.

– А где же ферма мистера Гарриса? – спросил мальчик.

– Скоро мы будем там, Джек, – ответила миссис Уэлдон. – Да... скоро...

– Не пора ли нам в дорогу? – спросил Дик Сэнд, чтобы прекратить этот разговор.

– Да, Дик, пора! – ответила миссис Уэлдон.

После недолгих сборов отряд тронулся в путь, сохраняя прежний походный строй. Чтобы не отдаляться от берегов ручейка, им пришлось углубиться в лесную чащу. Когда-то здесь были проложены тропинки, но теперь они, по выражению туземцев, «умерли», то есть заросли колючими кустарниками и лианами. Добрую милю отряд пробирался сквозь непролазную их чащу и потратил на это три часа. Негры работали без отдыха. Передав маленького Джека на руки старой Нэн, Геркулес также принялся за это дело, да еще как! С могучим «хо!» он опускал топор, и в

чаще перед ним возникала просека, словно шел лесной пожар.

К счастью, надобность в этой утомительной работе вскоре миновала, через милю в лесу открылся широкий проход; наискось пересекая заросли, он вел к ручью и тянулся вдоль его берега. То была слоновая тропа; вероятно, сотни слонов имели обыкновение проходить по этой части леса. Большие впадины, выбитые ногами колоссальных толстокожих, испещряли землю, размякшую во время дождей, – на сыром рыхлом ее слое легко отпечатывались их огромные следы.

Вскоре стало ясно, что тропой этой пользовались не только слоны. Не раз проходили их дорогой и люди, но они шли не по своей воле, а как скот, который безжалостные погонщики ударами бичей гонят на бойню. Во многих местах землю усеивали кости и целые человеческие скелеты, обглоданные дикими зверями, и на некоторых еще были надеты кандалы!

В Центральной Африке есть немало длинных дорог, которые словно вежами отмечены человеческими останками. Невольничьи караваны совершают иногда переходы во много сотен миль, и сколько несчастных рабов падают в пути под бичами свирепых надсмотрщиков, умирают от неимоверной усталости и лишений, гибнут от болезней! А сколько других убивают сами надсмотрщики, когда караван начинает испытывать нехватку в съестных припасах! Да, да! Если рабов нечем кормить, их расстреливают из ружей, закалывают ножами, рубят саблями, и такие кровавые расправы – совсем не редкость.

Итак, слоновая тропа была дорогой невольничьих караванов. На протяжении мили Дик Сэнд и его спутники то и дело видели человеческие кости и вспугивали больших сарычей, которые тяжело взлетали при их появлении и кружили в воздухе.

Миссис Уэлдон смотрела на все это, но, казалось, ничего не видела. Дик Сэнд боялся, как бы она не начала его расспрашивать: он еще надеялся привести отряд на берег океана, скрыв от своих спутников, что изменник Гаррис завлек их в глубь Экваториальной Африки. К счастью, миссис Уэлдон не думала о том, что видела вокруг. Она снова взяла на руки сына, и спящий ребенок поглотил все ее внимание. Нэн шла рядом с ней, и ни старая негритянка, ни ее хозяйка не задали Дику тех вопросов, которых он так боялся. А старый Том брел, опустив глаза в землю. Он слишком хорошо знал, почему тропа усеяна человеческими костями.

Его товарищи озирались по сторонам с изумленным видом, словно шли по бесконечному кладбищу, где землетрясение разворотило могилы, но и они ни о чем не спрашивали.

Между тем русло ручья раздалось вширь и заметно углубилось.

Течение стало уже не таким стремительным. Дик Сэнд надеялся, что либо сам ручей скоро станет судоходным, либо он впадет в какую-нибудь большую реку, несущую свои воды в Атлантический океан.

Он твердо решил, невзирая ни на какие трудности, двигаться вдоль ручья. И поэтому без колебания покинул тропу, когда она ушла в сторону от берега.

Итак, маленький отряд снова углубился в густую чащу. Чуть не каждый шаг пути приходилось прорубать топором через лианы и непроходимый кустарник. Но все же заросли не были похожи на лесную чащу, примыкавшую к океанскому побережью: деревья здесь росли реже. Лишь бамбук поднимался тут над травой, такой высокой, что из-за нее не было видно даже Геркулеса. О том, что здесь идет отряд, можно было догадаться лишь по колыхавшимся верхушкам стеблей.

Но в этот день, около трех часов, окружающая природа резко изменилась. Вокруг расстилалась бескрайняя равнина, вероятно, вся заливавшаяся в период дождей; почва, более болотистая, густо поросла мхами, и кое-где над их зеленым ковром покачивались грациозные папоротники. Иногда земля поднималась крутым бугром, и на его склонах выступали пласты темного гематита – несомненно, выходы каких-нибудь богатых залежей руды.

Дик Сэнд очень своевременно вспомнил, что в книгах Ливингстона упоминаются такие болотистые равнины. Отважный исследователь несколько раз попадал в предательские топи, где с оглядкой нужно делать каждый шаг, чтобы не увязнуть в трясине.

– Будьте осторожны, друзья! – сказал Дик, выходя в голову отряда. – Пробуйте ногой землю, прежде чем сделать шаг!

– И правда, – заметил Том, – земля как будто размокла от дождей, а ведь все последние дни дождя не было.

– Не было, а скоро, наверно, польет. Надвигается гроза, – ответил Бат.

– Значит, надо поспешить, – сказал Дик Сэнд, – и пройти это болото прежде, чем она разразится. Геркулес, возьмите Джека на руки! Бат и Остин, держитесь около миссис Уэлдон, чтобы помочь ей, если понадобится. А вы, мистер Бенедикт... Позвольте, что вы делаете, мистер Бенедикт?

– Я проваливаюсь, – просто ответил кузен Бенедикт и погрузился в болото с такой быстротой, словно под его ногами внезапно открылся люк.

Бедняга попал в трясины и до пояса провалился в топкую грязь. Ему протянули руку, и он выбрался на тропу, покрытый тиной, но очень довольный тем, что не повредил свою драгоценную жестяную коробку.

Актеон пошел рядом с ним и получил задание оберегать близорукое ученого от нового падения.

Надо сказать, кузен Бенедикт очень неудачно выбрал яму, чтобы провалиться. Когда его вытащили, из жидкой грязи поднялось множество пузырьков газа, которые лопались, распространяя зловонный, удушливый запах. Ливингстон, не раз проваливавшийся по грудь в болото, сравнивал эту пористую черную землю, из которой при каждом шаге брызжут струйки воды, с гигантской губкой. Такие топи очень опасны для путников.

Дику Сэнду и его спутникам пришлось около полумили прошагать по такой губчатой почве. В одном месте она оказалась настолько топкой, что миссис Уэлдон вынуждена была остановиться, так как по колено увязла в тине. Геркулес, Бат и Актеон, желая избавить ее от трудностей и неприятностей путешествия по этой болотистой равнине, сделали из бамбука носилки, на которые она согласилась сесть. Она взяла на руки маленького Джека, и все поспешили как можно скорее пройти это зловонное болото.

Идти было трудно. Актеон твердой рукой поддерживал кузена Бенедикта. Том вел старую Нэн – без его помощи она давно уже увязла бы в болоте. Остальные трое негров несли носилки. Дик Сэнд шел впереди отряда, выбирая дорогу. Это оказалось нелегким делом. Лучше всего было идти по кочкам, покрытым густой и жесткой травой. Но и здесь точки опоры часто не оказывалось, и нога проваливалась в топь по колено.

Наконец, к пяти часам пополудни, трясина осталась позади. Путники ступили на плотную глинистую землю, но под тонким слоем твердого грунта все еще чувствовалась болотистая подпочва. Видимо, равнина была расположена ниже уровня соседних рек, и воды их просачивались в пористую землю.

К этому времени жара стала давящей. Было бы невозможно перенести ее, если бы между землей и жгучими лучами солнца не легла завеса темных грозовых туч. В отдалении уже сверкала молния и глухо рокотал гром. С минуты на минуту могла разразиться страшная гроза.

Да, грозы в Африке ужасны. Сильнейший ливень, порывы ураганного ветра, которые валят самые крепкие деревья, непрерывное сверкание молнии – такова картина грозы под этими широтами. Дик Сэнд знал это и, естественно, очень тревожился. Отряд не мог провести ночь под открытым небом. Равнине грозило затопление, а на ней не виднелось ни единого возвышения, на котором можно было бы найти приют!

Как отыскать убежище в этой пустынной и голой котловине, где нет ни одного дерева, ни одного куста? Его нельзя было вырыть и в земле – в двух

футах от ее поверхности уже показалась бы вода.

Правда, на севере виднелась гряда невысоких холмов, замыкавших болотистую равнину. Это был как бы берег котловины. Там, на фоне светлой полосы, отделявшей линию горизонта от темного навеса туч, отчетливо вырисовывались силуэты нескольких деревьев.

Если на этих холмах не найдется укрытия от грозы, там по крайней мере путникам не будет грозить наводнение. Там, возможно, все они найдут спасение.

– Вперед, друзья мои, вперед! – повторял юноша. – Еще какие-нибудь три мили, и мы будем в большей безопасности, чем тут, в этой опасной впадине.

– Скорей, скорей! – кричал Геркулес.

Бравый негр рад был бы посадить себе на плечи всех своих товарищей и вынести их из лощины.

Эти слова подбодрили отважных путников, и, невзирая на усталость, накопившуюся за целый день ходьбы, они зашагали вперед даже быстрее, чем в начале пути.

Отряд был еще в двух милях от цели, когда разразилась гроза. К счастью, дождь, которого надо было опасаться больше всего, начался не сразу после того, как первые молнии сверкнули между землей и насыщенными электричеством тучами. Хотя солнце еще не скрылось за горизонтом, кругом стало совсем темно. Темный купол грозowych туч медленно опускался; казалось, он вот-вот рухнет на землю и все затопит ливень. Красные и синие зигзаги молний бороздили небосвод в тысяче мест, опутывая равнину огненной сетью.

Каждую секунду путников могла поразить молния. На голой равнине, где не было ни одного деревца, группа людей рисковала притянуть электрические разряды. Джек, которого разбудил грохот грома, съежился в руках Геркулеса. Бедный мальчик боялся грозы, но старался скрыть свой страх, чтобы не огорчать мать. Геркулес шел широким шагом и утешал ребенка как умел.

– Не бойся, малыш, не бойся, – повторял он. – Если гром приблизится к нам, я сломаю его пополам одной рукой. Я ведь сильнее грома!

И мальчик немного успокаивался, чувствуя, как силен его защитник.

Однако с минуты на минуту должен был начаться дождь, и тогда из низко нависших туч на землю прольются потоки воды. Что станет с миссис Уэлдон и ее спутниками, если до начала ливня они не найдут хоть какое-нибудь убежище?

Дик на секунду задержался около старого Тома.

– Что делать? – спросил он.

– Идти вперед, – ответил старик. – Дождь превратит эту котловину в непроходимую топь. Здесь оставаться нельзя.

– Разумеется, Том, разумеется, но надо найти какой-нибудь приют. Хоть бы хижина какая попалась!..

Дик Сэнд вдруг умолк. Ослепительная белая молния осветила всю равнину от края до края.

– Что это там виднеется в четверти мили отсюда? – воскликнул Дик.

– И я тоже видел!.. – ответил старик Том, кивая головой.

– Лагерь? Не правда ли?

– Да, как будто лагерь... Но лагерь туземцев!

Новая вспышка молнии позволила лучше рассмотреть этот лагерь.

На равнине симметричными рядами расположилось около сотни палаток конической формы и высотой от двенадцати до пятнадцати футов. Но людей не было видно. Спрятались ли они от грозы в палатках или лагерь был покинут?

В первом случае маленькому отряду следовало, невзирая ни на какую бурю, как можно скорее бежать подальше. Но во втором – лагерь мог послужить тем убежищем, которое было им так необходимо.

«Я выясню это!» – подумал Дик Сэнд.

Потом, обратившись к старому Тому, он распорядился:

– Оставайтесь здесь! Я пойду на разведку к лагерю.

– Позвольте кому-нибудь сопровождать вас, мистер Дик.

– Нет, Том, я пойду один. Я смогу незаметно подкрасться к лагерю. Ждите меня!

Маленький отряд, во главе которого шли Дик Сэнд и Том, остановился. Дик пошел вперед и сразу исчез в темноте, которая в промежутках между вспышками молний была совершенно непроницаемой.

На землю упали первые крупные капли дождя.

– Куда ушел Дик? – спросила миссис Уэлдон, подходя к старому негру.

– Мы увидели какой-то лагерь, миссис Уэлдон, – ответил Том. – Лагерь, а может быть, деревню. И наш капитан решил пойти на разведку, прежде чем вести нас туда.

Миссис Уэлдон больше никаких вопросов не задавала.

Через три минуты Дик Сэнд вернулся.

– Идите за мной! – радостно воскликнул он.

– В лагере никого нет? – спросил Том.

– Это не лагерь, – ответил Дик, – и не деревня. Это просто муравейники.

– Муравейники? – вскричал кузен Бенедикт, сразу оживившись.

– Да, мистер Бенедикт, но муравейники вышиной по меньшей мере в двенадцать футов. Мы попробуем забраться в них.

– Но в таком случае это, должно быть, постройки ратных термитов, – сказал кузен Бенедикт. – Только эти насекомые-строители умеют воздвигать монументальные сооружения, которые сделали бы честь любому архитектору.

– Термиты это или нет, – ответил Дик Сэнд, – но нам придется выселить их, мистер Бенедикт, и занять их место.

– Они сожрут нас! И будут правы.

– В дорогу! В дорогу!

– Да погодите же! – прибавил кузен Бенедикт. – Я думал, что такие муравейники встречаются только в Африке.

– В дорогу! – громко крикнул Дик Сэнд; он боялся, что миссис Уэлдон услышит последние слова энтомолога.

Все поспешно последовали за Диком Сэндом. Поднялся бешеный ветер. Крупные капли дождя забарабанили по земле. Буря разыгрывалась не на шутку.

Вскоре путники добрались до одного из конусов, высившихся на равнине. Как ни опасны были термиты, колебаться не приходилось – следовало либо изгнать их, либо примириться с их соседством.

В нижней части этого конуса, сооруженного из особой красноватой глины, виднелось узкое отверстие, которое Геркулес в несколько секунд расширил ножом до таких размеров, что в него мог пролезть даже столь крупный человек, как он.

К крайнему удивлению кузена Бенедикта, ни один из многих тысяч термитов, которые должны были занимать муравейник, не показывался. Неужто конус покинут владельцами?

Когда Геркулес кончил свою работу, Дик Сэнд и его спутники поочередно проскользнули внутрь постройки, и Геркулес вполз последним, как раз в ту минуту, когда дождь полил с такой силой, словно хотел погасить молнии.

Но теперь уже нечего было бояться неистовства бури. Счастливый случай привел путников в убежище более надежное, чем палатка, чем даже хижина туземца.

Это был один из тех конусов, о которых лейтенант Камерон говорил, что искусство термитов заслуживает большего удивления, чем искусство древних египтян, воздвигнувших пирамиды.

«Чтобы сравниться с термитами, – утверждал он, – людям нужно было

бы построить по меньшей мере гору Эверест, одну из высочайших вершин Гималаев».

Глава пятая

Лекция о термитах, прочитанная в термитнике

Через несколько минут гроза уже бушевала с яростью, неведомой в умеренном климате. Для Дика Сэнда и его спутников было большой удачей, что они нашли это убежище.

Дождь не падал отдельными каплями, а лил струями. Временами потоки воды низвергались на землю сплошной стеной, как Ниагара. Словно в небесах перевернулся вверх дном необъятный бассейн и вся вода из него сразу хлынула на землю. Такой ливень мгновенно превращает равнины в озера, а ручейки – в бурные потоки; реки выходят из берегов и затопляют огромные пространства. В отличие от зон умеренного пояса, где чем сильнее гроза, тем она короче, в Африке сильнейшие грозы часто длятся по нескольку дней.

Как может скопиться в тучах столько электричества? Откуда берется столько водяных паров? Трудно понять, но это именно так – мы словно переносимся в эпоху великого потопы.

К счастью, толстые своды термитника оказались непроницаемыми для ливня, в этом отношении они не уступали прочным хаткам бобров. Даже если бы на них обрушился целый водопад, и то ни одна капля воды не проникла бы внутрь.

Как только путешественники заняли термитник, они первым делом ознакомились с его устройством. Света фонарика было достаточно, чтобы осветить его весь. Постройка представляла собой конус вышиной внутри в двенадцать футов и диаметром в одиннадцать футов, кроме верхушки, которая закруглялась наподобие сахарной головы. Толщина стен достигала одного фута, и по ним лепились в несколько этажей камеры, отделенные друг от друга промежутками.

Может показаться невероятным, что отряды ничтожных насекомых строят такие монументальные сооружения, но тем не менее это неоспоримо: термитники довольно часто встречаются во внутренних областях Африки. Голландский путешественник прошлого века Сметман смог поместиться на верхушке одного из таких конусов с четырьмя своими спутниками. Ливингстон видел в Лунде несколько термитников из красной глины высотой в пятнадцать и двадцать футов. В Ньянгве лейтенант Камерон не раз принимал издали скопище таких муравейников за поселок. Он обнаружил исполинские термитники, целые здания высотой не в

двадцать, а в сорок и пятьдесят футов. Это были огромные округлые конусообразные сооружения, а по бокам у них высились узкие пристройки вроде колоколен какого-нибудь собора.

Какие же термиты умеют строить такие удивительные здания?

– Ратные термиты, – не колеблясь ответил кузен Бенедикт, едва ознакомившись с материалом, из которого был выстроен муравейник.

Стены, как мы уже говорили, были построены из красноватой глины. Если бы они были слеплены из серой или черной земли, то постройку их следовало бы приписать «термитам кусающимся» или «термитам ужасным». Нетрудно заметить, что у всех этих насекомых не очень успокоительные названия, и они могли нравиться только такому страстному энтомологу, как кузен Бенедикт.

В пустой центральной части конуса, где сначала расположился маленький отряд, не хватило бы места для всех, но в камерах, расположенных ярусами, свободно могли уместиться люди среднего роста. Вообразите ряд открытых ящиков, а в глубине этих ящиков миллионы ячеек, которые прежде были заняты термитами, и вы легко представите себе внутреннее устройство муравейника. Ящички эти были расположены ярусами, один над другим, как койки в паровой каюте. В верхнем ярусе разместились миссис Уэлдон, маленький Джек, Нэн и кузен Бенедикт. Пониже устроились Остин, Бат и Актеон. Дик Сэнд, Том и Геркулес остались в самой нижней части конуса.

– Друзья мои, – сказал юноша двум неграм, – пол начинает отсыревать. Надо сделать насыпь из глины. Откалывайте глину с нижней части стен. Но только осторожнее, не завалите отверстия, через которое проходит воздух, а то мы можем задохнуться.

– Мы ведь проведем здесь только одну ночь, – ответил старый Том.

– Ну так постараемся отдохнуть хорошенько. Ведь за десять дней мы в первый раз ночуем под крышей.

– Десять дней! – повторил Том.

– Кроме того, – продолжал Дик Сэнд, – раз этот термитник оказался таким надежным убежищем, возможно, мы задержимся здесь на целые сутки. Я тем временем пойду на поиски реки, которая не может быть далеко. Я думаю даже, что нам лучше не покидать этого пристанища, пока мы не построим плот. Тут нам не страшна никакая гроза. Итак, за работу! Сделаем насыпь и утрамбуем пол.

Приказание Дика Сэнда тотчас же было выполнено. Геркулес обрушил топором нижний ярус камер, который был сделан из довольно хрупкой глины. Глину эту навалили на пол термитника, подняв таким образом его

уровень почти на целый фут над болотистой почвой, на которой стоял конус, и Дик Сэнд удостоверился, что воздух свободно поступает внутрь через входное отверстие.

Путешественники могли только радоваться, что термиты покинули свое жилище. Ведь если бы в постройке осталась хотя бы часть ее многотысячного населения, люди уже не в силах были бы занять ее. Но давно ли термитник оставлен хозяевами, или эти прожорливые насекомые ушли из него только что? Подумать об этом было далеко не лишним.

Кузен Бенедикт, чрезвычайно удивленный, что термиты покинули свой дом, тут же задал себе этот вопрос. И вскоре убедился, что это произошло недавно.

Спустившись на пол, он вооружился фонарем и стал осматривать самые потаенные закоулки конуса. Ему удалось обнаружить то, что он назвал «главным складом» термитов, то есть место, где эти трудолюбивые насекомые хранят все свои продовольственные запасы.

Склад этот помещался в нижнем ярусе, близ «королевской» ячейки, которую разрушил топор Геркулеса, так же как и ячейки, предназначенные для личинок.

Кузен Бенедикт нашел здесь несколько капель еще не успевшей затвердеть камеди – значит, термиты доставили ее на склад совсем недавно.

– Нет, нет! – воскликнул ученый, словно возражая какому-то оппоненту. – Нет, этот термитник хозяева покинули совсем недавно.

– Кто же спорит с вами, мистер Бенедикт? – сказал Дик Сэнд. – Давно или нет, для нас важно лишь одно: они его покинули и мы смогли занять их место.

– Очень важно узнать, почему термиты ушли отсюда, – возразил кузен Бенедикт. – Ведь вчера, а может быть, и сегодня утром эти хитроумные насекомые еще жили здесь: видите, даже камедь не успела затвердеть.

– Но какое до этого дело нам, мистер Бенедикт? – спросил Дик Сэнд.

– Лишь инстинкт мог заставить термитов покинуть свое жилище. Посмотрите: в ячейках не осталось ни одного насекомого! Больше того, они заботливо унесли все личинки до последней – я не могу найти ни одной. Так вот, я повторяю: все это произошло не без причины – предусмотрительные насекомые чувствовали приближение какой-то грозной опасности.

– Они, наверное, предвидели, что мы вторгнемся в их жилище! – смеясь, сказал Геркулес.

– Ну конечно! – воскликнул кузен Бенедикт, которого шутка славного негра задела за живое. – Вы думаете, у вас столько силы, что вы можете

быть опасны для этих храбрых насекомых? Несколько тысяч термитов быстро превратили бы вас в обглоданный скелет, если бы нашли ваш труп на своем пути.

– Велика хитрость – обглодать мертвеца! – ответил Геркулес, не желавший сдаваться. – Но живой я легко раздавлю кучу термитов!..

– Вы раздавите сто тысяч, двести тысяч, пятьсот тысяч, миллион, – возразил кузен Бенедикт, воодушевляясь, – но не миллиард! А миллиард термитов съест вас, живого или мертвого, обгложет до последней косточки!

Во время этого спора, который далеко не был таким бессмысленным, как могло показаться на первый взгляд, Дик Сэнд размышлял о замечании кузена Бенедикта. Несомненно, ученый достаточно хорошо знал повадки термитов и не ошибся в своих предположениях. Если он утверждает, что покинуть их городок побудил термитов инстинкт, значит, пребывание в нем действительно может грозить какой-то опасностью.

Но так как нечего было и думать уйти из этого убежища в минуту, когда гроза бушевала с небывалой яростью, Дик Сэнд не стал ломать голову над тем, что казалось совершенно необъяснимым, и только заметил:

– Ну ладно, мистер Бенедикт; если термиты оставили в муравейнике свои запасы продовольствия, вспомним, что мы принесли свои запасы, и займемся ужином. Завтра, когда гроза пройдет, мы решим, что делать дальше.

Тотчас занялись приготовлением ужина, ибо как ни велика была усталость путешественников, она не уменьшила их аппетита. Консервам, которых должно было хватить еще на два дня, был оказан отличный прием. Сухари еще не успели отсыреть, и в продолжение нескольких минут только и слышно было, как они хрустят на крепких зубах Дика Сэнда и его товарищей. А мощные челюсти Геркулеса работали, как настоящие жернова мельницы, – он не жевал, он перемалывал.

Одна только миссис Уэлдон едва притронулась к еде и то лишь потому, что Дик просил ее об этом. Казалось, мужественная женщина более озабочена и более печальна, чем во все предшествующие дни. А между тем маленький Джек чувствовал себя лучше. Приступы лихорадки больше не повторялись, и теперь он спокойно спал на виду у матери в ячейке термитника, где ему устроили мягкую постель из одежды. Дик Сэнд не знал, что и подумать.

И без слов ясно, что кузен Бенедикт воздал должное ужину. Не следует, однако, думать, что ученого занимало качество или количество кушаний, которые он поглощал. Нисколько! Он был просто рад случаю во время ужина прочитать спутникам лекцию о термитах. Ах, если бы ему

удалось найти в покинутой постройке хоть одного термита, одного-единственного!..

– Эти изумительные насекомые, – начал ученый-энтомолог свою речь, мало заботясь о том, слушает ли его кто-нибудь, – эти изумительные насекомые принадлежат к сетчатокрылым:^[62] сяжки у них длиннее головы, челюсти сильно развиты, нижние крылья по большей части одинаковой длины с верхними. В состав этого интереснейшего отряда входят пять групп: скорпионовые мухи, муравьиные львы, золотоглазки, веснянки и термиты. Не может быть никаких сомнений в том, что насекомые, жилище которых мы – быть может, без всякого на то права! – заняли, принадлежат к последней из перечисленных групп.

С этой минуты Дик Сэнд начал внимательно слушать лекцию кузена Бенедикта. Уж не догадался ли энтомолог после находки поселения термитов, что путешественники очутились в Африке, хотя и не знал, какая роковая случайность забросила его вместо одного материка на другой? Вот почему Дик с большой тревогой слушал его лекцию.

А кузен Бенедикт, оседлав любимого конька, понесся во всю прыть.

– Для термитов, – сказал он, – характерны четырехчленистые лапки и замечательно сильные роговидные челюсти. Есть семейство мантисп, семейство рафиди, семейство термитов, известных также под названием белых муравьев, – к ним относятся роковой термит, желтошейный термит, термит, убегающий от света, термит кусающий, разрушитель...

– А какие термиты построили этот конус? – спросил Дик Сэнд.

– Конечно, тот вид, который известен науке под названием ратных термитов, – ответил кузен Бенедикт таким тоном, словно говорил о македонянах или о каком-нибудь другом славном античном племени. – Да-с, ратные термиты разного размера! Разница между Геркулесом и карликом меньше, чем между самым большим и самым маленьким из этих насекомых. Есть между ними «рабочие» – термиты длиной в пять миллиметров и «солдаты» длиной в десять миллиметров, самцы и самки длиной в двадцать миллиметров, встречается и чрезвычайно любопытная порода термитов – сирафу, длиной в полдюйма, у них челюсти как клещи, а голова больше тела, как у акул! Это акулы среди насекомых, и при схватке между сирафу и акулой я не держал бы пари за акулу!

– А где обычно водятся эти сирафу? – спросил Дик.

– В Африке, – ответил кузен Бенедикт, – в Центральной и Южной Африке. Ведь Африка – это главным образом страна муравьев. Стоит прочесть, что писал о муравьях Ливингстон в последних своих заметках, доставленных Стэнли. Доктору Ливингстону посчастливилось больше, чем

мне: он был свидетелем великого сражения между двумя армиями муравьев – черных и красных. Красные муравьи, которых называют «драйверс», а туземцы именуют «сирафу», победили. Побежденные черные муравьи, «чунгу», после мужественного сопротивления бежали, унося с собой яйца и личинок. Ливингстон утверждает, что никогда ни люди, ни животные не проявляют такого воинственного пыла. Перед сирафу, которые своими мощными челюстями вырывают целые куски, отступит даже самый храбрый человек. Даже львы и слоны бегут от них. Ничто не может остановить их: ни деревья, на которые они легко взбираются до самой верхушки, ни ручьи – они переходят через них по собственным висячим мостам, образованным их сцепившимися телами. А как они многочисленны! Другой исследователь Африки, Дю-Шаллю, наблюдал, как одна нескончаемая колонна термитов проходила мимо него в течение двенадцати часов, а ведь они шли безостановочно! Впрочем, что удивительного в том, что их мириады? Эти насекомые поразительно плодовиты, и, возвращаясь к нашим ратным термитам, надо сказать, что одна самка откладывает в день до шестидесяти тысяч яичек! Так что эти насекомые доставляют туземцам обильную пищу. Подумайте, друзья мои, что может быть вкуснее печеных термитов!

– А вы их ели, мистер Бенедикт? – спросил Геркулес.

– Никогда, – ответил ученый. – Но я буду их есть!

– Где?

– Здесь!

– Но ведь мы не в Африке! – поспешно сказал Том.

– Нет... Нет... – ответил кузен Бенедикт. – А между тем до сих пор ратные термиты и их поселения наблюдались только на Африканском континенте. Ах уж эти путешественники! Они не умеют смотреть. Впрочем, тем лучше. Я уже обнаружил в Америке муху цеце! Моя слава еще больше возрастет оттого, что я первый нашел на Американском континенте и ратных термитов. Какой материал для сенсационной статьи, которая потрясет весь ученый мир Европы, а может быть, и для целого тома с вкладными листами таблиц и цветных рисунков!

Ясно было, что кузен Бенедикт и не подозревает горькой правды. Бедняга ученый и его спутники, исключая Дика Сэнда и старого Тома, всё еще верили, да и должны были верить, что они в Америке. Чтобы вывести их из заблуждения, необходимы были другие, несравненно более важные события.

Было уже девять часов вечера, а кузен Бенедикт еще не кончил свою лекцию. Заметил ли он, что большинство слушателей, лежавших в

глиняных ячейках, заснули под его энтомологические рассуждения? Нет, конечно. Но кузену Бенедикту и не нужны были слушатели. Он говорил для самого себя. Дик Сэнд не задавал ему больше вопросов и лежал неподвижно, хотя и не спал. Геркулес боролся со сном дольше других, но вскоре усталость сомкнула и его глаза, он заснул и уже ничего больше не слышал.

Кузен Бенедикт еще некоторое время продолжал свою лекцию. Но наконец его самого начала одолевать дремота, и он забрался в ячейку верхнего яруса, которую еще раньше облюбовал для себя.

В термитнике воцарилась тишина, хотя за его глиняными стенами все так же бушевала буря, грохотал гром и сверкали молнии. Ничто, казалось, не указывало на то, что гроза близится к концу.

Фонарь погасили. Внутри термитника все погрузилось в темноту.

Усталые путники, несомненно, все крепко спали. Одному лишь Дику Сэнду, несмотря на крайнее утомление, было не до сна. Заботы не давали ему покоя. Он думал о своих спутниках, о том, как их спасти. С крушением «Пилигрима» их жестокие испытания не кончились. Иные, гораздо более ужасные страдания ждут их, если они попадут в руки туземцев.

Но как избежать этой опасности, самой страшной из всех, угрожавших маленькому отряду на пути к океану? Несомненно, Гаррис и Негоро завели путешественников в глубь Анголы для того, чтобы захватить их. Но что задумал негодяй португалец? К кому и за что он питает такую черную ненависть? Юноша убеждал себя, что Негоро ненавидит только его одного. Снова и снова перебирал он в памяти все события, которыми ознаменовалось плавание «Пилигрима»: встречу с потерпевшим крушение судном, спасение негров, охоту на кита, гибель капитана Халла и всех матросов...

И вот в пятнадцать лет ему пришлось принять командование судном, на котором вскоре из-за преступных махинаций Негоро не оказалось ни компаса, ни лага. Он вспомнил, как в споре с дерзким коком он своею властью, властью капитана, принудил его подчиниться, пригрозив мерзавцу заковать его в кандалы или всадить ему пулю в лоб. Ах, почему он не сделал этого? Труп Негоро был бы выброшен за борт, и не случилось бы всех этих ужасных катастроф!

Вот о чем думал молодой моряк. Потом он на мгновение вспомнил крушение «Пилигрима». Тогда появился предатель Гаррис, и эта провинция Южной Америки постепенно изменилась. Боливия превратилась в страшную Анголу с ее убийственными лихорадками, дикими зверями и людьми, которые были опаснее зверей! Удастся ли маленькому отряду

избежать столкновения с теми и другими на пути к океану? А эта река, которую Дик Сэнд искал, которую он надеялся найти, – донесет ли она их до побережья с большей безопасностью и меньшими трудами? Дик гнал от себя сомнения, так как знал: новый переход в сто миль по этой негостеприимной стране, среди непрерывных опасностей совершить невозможно.

«К счастью, – подумал он, – миссис Уэлдон и остальные не подозревают, как опасно наше положение. Только старик Том и я знаем, что Негоро завел корабль к берегам Африки, а его сообщник Гаррис заманил нас в глубь Анголы».

Пока Дик Сэнд предавался этим мрачным мыслям, он почувствовал на своем лбу чье-то дыхание. Чья-то рука легла на его плечо, и взволнованный голос прошептал ему на ухо:

– Я все знаю, мой бедный Дик, но Господь еще может спасти нас. Да будет воля его!

Глава шестая

Водолазный колокол

Дик Сэнд не смог выговорить ни слова в ответ на это неожиданное признание. Но миссис Уэлдон и не ждала ответа. Она тут же вернулась на свое место рядом с маленьким Джеком. Она явно ничего больше не хотела говорить, и Дик не имел мужества удержать ее.

Итак, миссис Уэлдон все знала. По-видимому, события последних дней все ей объяснили, – а может быть, слово «Африка», так не к месту произнесенное кузеном Бенедиктом.

«Миссис Уэлдон все знает! – говорил себе Дик Сэнд. – Что ж, пожалуй, это к лучшему. Она не теряет бодрости духа. И я тоже ее не потеряю!»

Теперь Дик с нетерпением ждал рассвета, чтобы отправиться на разведку в окрестностях поселка термитов. Надо было разыскать реку, которая доставит маленький отряд к берегам Атлантического океана, и у Дика было предчувствие, что такая река протекает где-то неподалеку. Но важнее всего было избежать встречи с туземцами, которые, возможно, уже преследовали их под руководством Гарриса и Негоро.

До рассвета было еще далеко. Ни один луч света не проникал через входное отверстие внутрь конуса. Раскаты грома, глухо доносившиеся сквозь толстые стены, свидетельствовали о том, что гроза все еще не утихает. Прислушавшись, Дик различил шум непрекращающегося ливня. Но тяжелые капли падали не на твердую землю, а в воду, из чего следовало, что вся равнина затоплена.

Было около одиннадцати часов. Дик Сэнд почувствовал, что им овладевает если и не сонливость, то какое-то оцепенение. Но это все-таки тоже отдых. Однако перед тем как он заснул, у него мелькнула мысль, что наваленная на полу глина, намокнув, может закрыть вход. Тогда доступ свежему воздуху будет закрыт, и десять человек, разместившиеся в конусе, рискуют задохнуться от избытка углекислоты.

Дик Сэнд соскользнул на пол, который благодаря глине, сбитой с первого этажа ячеек, стал заметно выше.

Эта глиняная площадка оставалась совершенно сухой. Отверстие было по-прежнему открыто, воздух свободно проникал внутрь конуса, а вместе с ним и отблески сверкавших молний, и раскаты грома, которых не мог заглушить плеск проливного дождя.

Все было в порядке. Казалось, никакая непосредственная опасность не угрожает людям, заменившим в термитнике колонию насекомых. Дик Сэнд решил дать себе несколько часов отдыха, чувствуя, что силы оставляют его.

Но из осторожности он лег прямо на глину около входа. Здесь он первым мог поднять тревогу, если бы что-нибудь произошло снаружи. Здесь его разбудят первые лучи зари, и он тотчас же отправится на разведку.

Положив ружье рядом с собой, Дик лег, прислонился головой к стене и почти тотчас заснул.

Он не мог бы сказать, сколько длился его сон. Разбудило его прикосновение чего-то холодного.

Он вскочил на ноги и с ужасом увидел, что вода заливает термитник с такой быстротой, что через несколько секунд ее уровень поднялся до нижних ячеек, где спали Том и Геркулес.

Дик Сэнд разбудил их и сообщил о новой опасности.

Зажженный фонарь осветил внутренность конуса.

Вода достигла высоты приблизительно в пять футов и перестала прибывать.

– Что случилось, Дик? – спросила миссис Уэлдон.

– Пустяки, – ответил юноша. – Нижняя часть конуса затоплена. Должно быть, из-за ливня река вышла из берегов и разлилась по равнине.

– Отлично! – воскликнул Геркулес. – Это значит, что река действительно близко.

– Да, – сказал Дик Сэнд, – и по ней мы спустимся к побережью... Не беспокойтесь, миссис Уэлдон, вода не поднимется ни до вас, ни до малыша Джека, ни до Нэн, ни до мистера Бенедикта.

Миссис Уэлдон не ответила. Что касается кузена Бенедикта, то он спал, как настоящий термит.

Пятеро негров молча глядели на воду, в которой отражался свет фонаря, и ждали распоряжений, пока Дик Сэнд измерял ее глубину.

Он приказал положить оружие и провизию в ячейку верхнего яруса, чтобы их не подмочило, и умолк.

– Вода проникла через входное отверстие? – спросил Том.

– Да, – ответил Дик Сэнд, – и теперь она не пропускает снаружи воздух.

– А мы не можем сделать новое отверстие в стене, выше уровня воды? – спросил старый негр.

– Конечно... нет, Том. Если у нас здесь вода стоит только на пяти футах, это не значит, что снаружи она не поднялась... на шесть или семь...

а то и больше.

– Вы так думаете, мистер Дик?

– Я думаю, Том, что вода, проникнув в конус, сжала воздух в верхней его части и теперь этот сжатый воздух не дает ей подняться выше. Но если мы пробьем отверстие в стене, воздух вырвется наружу, давление упадет и внутри конуса сравняется. А если уровень воды снаружи окажется выше этого отверстия, то она будет подниматься до тех пор, пока ее снова не остановит сжатый воздух. В этом конусе мы – как рабочие в водолажном колоколе.

– Что же нам делать? – спросил Том.

– Сначала хорошенько подумать, а потом уж действовать, – ответил Дик Сэнд. – Неосторожность может стоить нам жизни.

Это было совершенно верно. Дик был прав также, когда сравнивал затопленный разливом термитник с водолажным колоколом. Но в водолажном колоколе атмосфера беспрестанно обновляется при посредстве насосов, водолазы свободно дышат и не испытывают других неудобств, кроме тех, какие связаны с длительным пребыванием в камере, где воздух находится под большим давлением.

Но здесь к этим неудобствам присоединилось то, что вода, ворвавшись в конус, уменьшила свободный объем на треть, а воздух в нем мог обновиться только в том случае, если в стене будет пробито отверстие, сообщающееся с атмосферой.

Можно ли пробить такое отверстие, не подвергаясь риску, о котором говорил Дик Сэнд, и не ухудшит ли оно их положения?

Пока ясно было одно – уровень воды внутри конуса оставался неизменным и повыситься он мог только в двух случаях: если в стене будет пробита дыра и окажется, что снаружи вода стоит выше, чем внутри конуса, или же если половодье поднимется еще выше. В обоих случаях вода оставит внутри термитника только небольшое пространство, в котором тяжелый от дыхания людей воздух будет сжат еще больше.

А не может ли вода оторвать термитник от земли и опрокинуть его? Это было бы очень опасно для всех находящихся в нем. Но нет, этого быть не могло: постройки термитов прикреплены к основанию не хуже, чем хатки бобров.

Итак, больше всего следовало опасаться, что гроза затянется надолго, а значит, усилится наводнение. Если уровень воды на равнине достигнет тридцати футов, то есть поднимется на восемнадцать футов над верхушкой конуса, воздух внутри его будет находиться под давлением почти в одну атмосферу.

А между тем у Дика Сэнда были все основания опасаться, что наводнение усилится. Ведь подъем воды зависел не только от этого невероятного ливня – возможно, какая-нибудь из протекающих поблизости рек вышла из берегов и затопила котловину. И как знать, может быть, конус весь целиком находится под водой и из него уже нельзя выбраться, даже пробив верхушку, хотя сделать это можно легко и быстро!

Дик Сэнд, очень встревоженный, спрашивал себя, как поступить: надо ли ждать или, выяснив, как обстоит дело, постараться сразу найти выход из положения?

Было три часа утра. В конусе все сидели неподвижно и молча прислушивались к отзвукам грозы, глухо доносившимся снаружи. Непрестанный гул свидетельствовал о том, что борьба стихий не кончилась.

И тут вдруг старик Том заметил, что уровень воды продолжает понемногу подниматься.

– Да, – сказал Дик Сэнд. – Воздух не может вырваться отсюда, а вода все-таки поднимается. Значит, и снаружи вода прибывает и давление ее увеличивается.

– Ну, пока подъем чуть заметен, – сказал Том.

– Но неизвестно, когда он прекратится, – ответил Дик Сэнд.

– Мистер Дик, – сказал Бат, – давайте я попробую выбраться из термитника. Я нырну и попробую вылезти через отверстие.

– Лучше я сам попытаюсь это сделать, – ответил Дик.

– Нет, мистер Дик, нет! – горячо возразил Том. – Пусть лучше попытается мой сын. Вы вполне можете положиться на его ловкость. А если ему не удастся вернуться, ваше присутствие здесь необходимо... – И старик шепотом добавил: – Не забывайте о миссис Уэлдон и маленьком Джеке!..

– Ладно, – сказал Дик. – Ступайте, Бат. Если конус затоплен, не пытайтесь вернуться. Мы тогда постараемся выбраться тем же путем, что и вы. Но захватите с собой топор и, если верхушка термитника выступает над водой, рубите ее. Мы услышим стук, это послужит нам сигналом, и мы начнем ломать кровлю изнутри. Все понятно?

– Да, мистер Дик, – ответил Бат.

– Ну, иди, сынок, – сказал Том, сжимая его руку.

Бат сделал глубокий вдох и, набрав запас воздуха в легкие, нырнул в воду, глубина которой уже превышала пять футов. Перед Батом стояла нелегкая задача: найти под водой выходное отверстие, пролезть сквозь него и подняться на поверхность. Все это нужно было проделать очень быстро.

Прошло полминуты. Дик решил, что негр уже выбрался наружу, как вдруг из воды показалась голова Бата.

– Ну что? – спросил Дик Сэнд.

– Отверстие забито глиной, – ответил Бат, переводя дыхание.

– Забито! – повторил Том.

– Да, – сказал Бат. – Наверное, вода размыла глину. Я щупал рукой стены – отверстия больше нет.

Дик Сэнд покачал головой. Маленький отряд был герметически закупорен в этом конусе, который, возможно, уже весь ушел под воду.

– Если старого отверстия нет, нужно сделать новое, – сказал Геркулес.

– Погодите! – воскликнул Дик, останавливая Геркулеса, который взял топор и собрался уже нырнуть. Он минуту размышлял и затем сказал: – Нет, мы поступим по-другому. Весь вопрос заключается вот в чем: покрывает ли вода термитник или нет? Просверлив скважину в верхушке конуса, мы получим ответ на этот вопрос. Но если конус затоплен, воздух моментально вырвется наружу, вода заполнит все пространство и мы погибнем. Тут нужна осторожность...

– Но и мешкать нельзя, – заметил старый Том.

В самом деле, вода в конусе продолжала понемногу подниматься. Глубина ее достигла уже шести футов. Миссис Уэлдон, Джек, кузен Бенедикт и Нэн взобрались на верхний ярус ячеек, до которого вода еще не дошла; все остальные путники были уже по пояс в воде.

Надо было поскорее испытать то, что предложил Дик.

Он решил просверлить скважину в стене на высоте одного фута от поверхности воды, то есть в семи футах от пола.

Если в отверстие ворвется наружный воздух, значит, конус возвышается над поверхностью воды. Если же отверстие окажется ниже этой поверхности, вода в термитнике начнет подниматься. Тогда придется быстро заткнуть скважину, иначе вода поднимется до нее. Затем нужно будет сверлить новую, футом выше, и так далее. Если же окажется, что и отверстие в верхушке конуса не сообщается с воздухом, значит, вода на равнине стоит выше пятнадцати футов и все поселение термитов затоплено. И тогда как могут пленники термитника избежать самой ужасной и мучительной гибели – медленной смерти от удушья?!

Дик Сэнд знал все это, но хладнокровие ни на мгновение не покидало его. Он заранее учел все возможные последствия своей попытки. Бездействовать дальше было опасно: воздух внутри конуса был уже настолько испорчен, что путешественникам стало трудно дышать, а свободное пространство все уменьшалось.

Лучший инструмент, который Дик Сэнд мог выбрать, чтобы просверлить отверстие в стене, был ружейный шомпол с винтовой нарезкой для извлечения пули на конце. При быстром вращении он вгрызался в глину, как бурав. Диаметр отверстия получался, правда, не больше диаметра шомпола, но этого было достаточно. Воздух мог проникнуть и через такую узкую дырочку.

Геркулес, подняв фонарь, светил Дику Сэнду. В запасе было еще несколько свечей, и можно было не бояться, что они окажутся в темноте.

Через минуту шомпол прошел стену насквозь. Тотчас же послышался глухой шум, похожий на звук, с каким пузырьки воздуха пробиваются сквозь толщу жидкости. Воздух вырывался из конуса, а вода быстро прибывала и остановилась на уровне сделанного отверстия. Значит, его просверлили слишком низко, и оно вышло наружу под водой...

– Придется повторить! – хладнокровно сказал Дик Сэнд, поспешно заткнув отверстие комком глины.

Подъем воды прекратился, но уровень ее успел повыситься примерно на восемь дюймов. Дыхание становилось затрудненным, так как кислорода в воздухе осталось мало. Пламя в фонаре стало красным и постепенно тускнело.

Дик Сэнд принялся сверлить тем же способом второе отверстие, на фут выше первого. Если и эта попытка окончится неудачей, вода внутри конуса поднимется еще выше... Но надо было рискнуть!

В то время как Дик Сэнд буравил стену в новом месте, послышался крик кузена Бенедикта:

– Так вот оно что! Теперь все понятно!

Геркулес направил луч света на кузена Бенедикта. Лицо энтомолога выражало глубокое удовлетворение.

– Да, да... Понятно, почему эти умные насекомые покинули свое жилище! – говорил кузен Бенедикт. – Они предчувствовали наводнение! О, это инстинкт, это инстинкт, друзья мои! Термиты хитрее нас! Гораздо хитрее!

И, высказав таким образом свое отношение к событиям, кузен Бенедикт умолк.

В это мгновение Дик Сэнд, просверлив скважину в стене, потянул шомпол к себе. Снова послышалось то же бульканье. Вода поднялась еще на один фут. Значит, и это отверстие оказалось ниже уровня разлива!

Положение было поистине ужасным. Миссис Уэлдон, к ногам которой уже подступила вода, взяла на руки сына. Все задыхались в тесном пространстве, у всех шумело в ушах. Фонарь почти не давал света.

– Неужели весь конус находится под водой? – прошептал Дик Сэнд.

Чтобы выяснить это, нужно было просверлить третью скважину – в самой верхушке конуса.

Но если эта последняя попытка окажется такой же неудачной, как две предыдущие, путешественникам грозила немедленная гибель. Остаток воздуха вырвется наружу, и вода заполнит весь конус.

– Миссис Уэлдон, – сказал Дик, – вы знаете, в каком мы положении. Если мы будем медлить, пригодный для дыхания воздух кончится. Если же и последняя попытка окажется неудачей, вода затопит весь конус. Спасти мы можем только в том случае, если верхушка конуса выступает из воды. Надо рискнуть... Согласны ли вы?

– Я согласна, Дик, – ответила миссис Уэлдон.

В эту минуту огонь в фонаре погас от недостатка кислорода. Миссис Уэлдон и ее спутники оказались погруженными в полнейший мрак.

Дик Сэнд взобрался на плечи Геркулеса, который уцепился за одну из боковых перегородок. Только голова гиганта выступала из воды. Миссис Уэлдон, Джек, кузен Бенедикт и Нэн забились в верхние ярусы термитника.

Дик Сэнд наметил место, и шомпол начал быстро погружаться в глину. Здесь стенка была толще и тверже, и сверлить ее было труднее. Дик продолжал работать с лихорадочной быстротой. Он был охвачен ужасной тревогой, ибо сквозь узкую скважину через несколько мгновений в конус ворвется либо свежий воздух и с ним жизнь, либо вода и с ней смерть!

Вдруг послышался пронзительный свист. Сжатый воздух с силой вырвался наружу... но сквозь отверстие блеснул свет. Вода внутри конуса поднялась еще на восемь дюймов и остановилась на этом уровне, так что Дик Сэнду не пришлось затыкать дыру. Очевидно, уровни воды снаружи и внутри термитника сравнялись. Итак, верхушка конуса поднималась над водой. Миссис Уэлдон и ее спутники были спасены!

В термитнике раздалось радостное «ура», среди которого громовыми раскатами звучал мощный бас Геркулеса, и тотчас же были пущены в ход ножи. Пролом в верхушке конуса постепенно расширился, пропуская свежий воздух и первые лучи восходящего солнца. А едва с конуса собьют верхушку, легко будет вскарабкаться на стену и тогда уже решить, как добраться до ближайшего холма, недосягаемого для наводнения.

Дик первым высунул голову наружу...

Из груди его вырвался крик.

И тут же раздался свист, хорошо знакомый путешественникам по Африке, – свист летящей стрелы.

Дик Сэнд успел разглядеть в ста шагах от поселения термитов лагерь

туземцев, а в десяти шагах от конуса, на затопленной равнине, длинные пироги, в которых сидели туземные воины.

С одной из этих лодок и пустили целую тучу стрел, когда голова Дика появилась над верхушкой конуса.

В двух словах Дик Сэнд рассказал все это своим товарищам. Схватив ружья, Дик, Геркулес, Актеон и Бат высунулись из отверстия и открыли огонь по этой лодке.

Несколько туземцев упали. Дикое вопли и беспорядочная стрельба из ружей были ответом на залп наших путников.

Но что могли сделать Дик Сэнд и его товарищи против сотни воинов, окруживших их со всех сторон?

Термитник был взят приступом. Миссис Уэлдон, ее сына, кузена Бенедикта схватили и бросили в одну из пирог. Они не успели даже попрощаться, не успели пожать в последний раз руки друзьям, с которыми их разлучили. Несомненно, африканцы действовали согласно заранее полученным распоряжениям.

Первая пирога увезла миссис Уэлдон, маленького Джека и кузена Бенедикта, и Дик Сэнд видел, как они исчезли среди туземных хижин.

Самого Дика, Нэн, старика Тома, Геркулеса, Бата, Актеона и Остина бросили во вторую пирогу, которая поплыла в другую сторону.

В этой пироге сидели двадцать воинов, а вслед за ней плыли еще пять больших пирог. Соппротивление было бессмысленно, но все-таки Дик Сэнд и его товарищи пытались бороться. Они ранили нескольких африканских солдат и, безусловно, заплатили бы за это жизнью, если бы воины не получили строгого приказа доставить их живыми.

Переезд длился всего несколько минут. Однако в тот момент, когда пирога причаливала, Геркулес могучим прыжком выскочил на берег. Двое туземцев бросились к нему, но великан взмахнул своим ружьем, как палицей, и оба преследователя упали с проломленными черепами.

Через минуту, счастливо избежав града пуль, Геркулес скрылся в лесу, как раз когда туземцы, перетащив Дика Сэнда и его спутников на берег, заковывали их в цепи, как рабов!

Глава седьмая

Лагерь на берегу Кванзы

После наводнения, превратившего в озеро равнину, где находилось поселение термитов, вид местности изменился до неузнаваемости. Лишь конусообразные верхушки двух десятков термитников поднимались над поверхностью воды в этом своеобразном пруду.

Ливень вызвал стремительный подъем уровня воды во всех притоках Кванзы, и ночью река вышла из берегов.

Кванза, одна из крупных рек Анголы, впадает в Атлантический океан в ста милях от места крушения «Пилигрима». Именно эту реку пришлось пересечь лейтенанту Камерону несколько лет спустя, прежде чем он достиг Бенгелы. Кванзе самой природой предназначено стать внутренним водным путем в этой части португальской колонии. Пароходы уже поднимаются по ее нижнему течению, и не пройдет и десяти лет, как они поплывут к ее верховью. Таким образом, Дик Сэнд поступил вполне правильно, когда искал на севере судоходную реку. Ручеек, вдоль которого он вел свой отряд, впадал прямо в Кванзу. Если бы не внезапное нападение, которого Дик Сэнд не мог предвидеть, он нашел бы реку в расстоянии одной мили от поселка термитов. Маленький отряд погрузился бы на плот, который нетрудно было соорудить, и благополучно добрался бы до португальских поселений в низовьях Кванзы. Туда часто заходят пароходы, и там путешественники были бы в полной безопасности.

Но судьба распорядилась иначе.

Замеченный Диком лагерь туземцев был разбит на холме по соседству с тем термитником, который оказался для путников роковой западней. На вершине холма росла огромная смоковница, под раскидистыми ветвями которой свободно могло бы уместиться пятьсот человек. Кто не видел этих африканских деревьев-гигантов, тот не может себе представить, насколько они велики. Ветви их образуют густую чащу, в которой можно заблудиться. Пейзаж дополняли баньяны – деревья, у которых семена не обрастают мякотью.

Под сенью смоковницы, как в укромном убежище, только что расположился на отдых целый невольничий караван – тот самый, о котором Гаррис говорил Негоро. Агенты работорговца Алвиша гнали несчастных, оторванных от родных селений невольников в Казонде, на главный рынок черного товара. Оттуда рабов по мере надобности отправляли в бараки на

западном побережье или же в Ньянгве, в область Больших озер. Из Ньянгве они следовали в Верхний Египет или на рынки Занзибара.

В лагере Дик Сэнд и его спутники тотчас превратились в рабов. Со стариком Томом, с его сыном, с Остином, с Актеоном и бедняжкой Нэн, хотя они и не были африканцами, стали обращаться так же, как с туземными невольниками. Новых пленников, несмотря на их отчаянное сопротивление, обезоружили, разбили на пары и каждой паре надели на шею длинную, в шесть футов, палку с развилками на концах, замыкавшихся железной скобой. Таким образом, невольники вынуждены были идти гуськом, не отклоняясь ни на шаг ни вправо, ни влево. Помимо этой рогатины, их сковывали попарно тяжелой цепью, опоясывавшей их бедра. У них оставались свободными руки – но только для переноски тяжестей и ноги – но только для ходьбы, а не для побега. И в таком положении они должны были брести под палящим солнцем целые сотни миль, подстегиваемые кнутом надсмотрщика – хавильдара. Рассеянные по всей длине каравана, обессиленные только что выдержанной борьбой, Дик и его товарищи не сделали больше ни одного движения. Отчего им не удалось убежать, как Геркулесу? Но на что мог надеяться беглец? При всей его могучей силе чего мог ожидать он в этой ужасной стране, где против него были и голод, и дикие звери, и туземцы? Быть может, скоро он будет завидовать своим товарищам, попавшим в неволю! А между тем пленникам не приходилось рассчитывать ни на какое снисхождение со стороны начальников каравана. Эти последние – арабы и португальцы – говорили между собой на непонятном для пленников языке, а с невольниками объяснялись только угрожающими жестами и окриками.

Дика Сэнда не сковали с другим рабом. Он был белым, и работорговцы, видимо, не решались обращаться с ним как с остальными. Его обезоружили, но цепей не надели, зато один из надсмотрщиков не спускал с него глаз. Дик все время оглядывал лагерь, ожидая, что сейчас покажутся Негоро или Гаррис. Они не появлялись. И все же Дик ни на минуту не сомневался, что эти двое негодяев причастны к нападению на его отряд.

Ему пришла в голову мысль, что миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта отделили от остальных пленников по распоряжению американца или португальца. Не видя в лагере ни того ни другого, он решил, что оба сообщника сопровождают свои жертвы. Куда же они отвели миссис Уэлдон и ее спутников? Как собираются поступить с ними? Мучительная тревога за миссис Уэлдон и ее близких заставляла Дика забывать о собственных бедах.

Караван, расположившийся на отдых под гигантской смоковницей, насчитывал в своем составе не менее восьмисот человек – около пятисот невольников обоого пола, двести солдат-туземцев и около сотни носильщиков, надсмотрщиков и агентов работорговца.

Надсмотрщики были набраны из арабов и португальцев. Трудно представить себе, как жестоко эти люди обращались с невольниками. Они избивали их по всякому поводу, а тех, кто падал от истощения, приканчивали ударом ножа или пулей, так как их уже нельзя было продать. Зверская жестокость помогала удерживать невольников в повиновении, но в результате такого обращения караван терял по пути не меньше половины рабов: некоторым удавалось бежать, а остальные устилали своими костями караванные пути из внутренних областей Африки к берегу океана.

Нетрудно понять, что агенты-европейцы (по большей части португальцы) были подонками, выброшенными из своей страны, преступниками, беглыми каторжниками или бывшими владельцами невольничьих кораблей, ускользнувшими от виселицы. К такому человеческому отребью принадлежали и Негоро с Гаррисом. Они служили у одного из крупнейших работорговцев Центральной Африки, Жозе-Антониу Алвиша, хорошо известного всем мелким торговцам «черным товаром»; лейтенант Камерон сообщил о нем любопытные сведения.

Солдат для охраны невольников работорговцы вербовали большею частью среди туземцев. Но охота на людей не являлась монополией работорговцев. Негритянские царьки тоже устраивали кровавые набеги на своих соседей и с той же целью: побежденных – мужчин, женщин и детей – победители превращали в рабов и продавали работорговцам за несколько ярдов коленкора, за порох, за ружья, за розовые или красные бусы, а в голодные годы, как говорит Ливингстон, нередко даже за горсть маиса.

Отряд солдат, сопровождавший караван Алвиша, являл собой типичный образец наемного африканского войска. Это было сборище полуголых чернокожих бандитов, вооруженных кремневыми ружьями, длинный ствол которых был окован медными кольцами. С такой охраной агентам работорговца было нелегко справляться. Эта банда оспаривала приказы, сама назначала часы выступления в поход, время и место остановки для отдыха, угрожала бросить караван, и агентам нередко приходилось уступать своим солдатам.

Хотя тяжелую кладь каравана несли на плечах сами невольники – мужчины и женщины, но работорговцы все же нанимали некоторое количество носильщиков. Они назывались «пагази», и им доверяли тюки с особенно ценным товаром, главным образом со слоновой костью. Иной раз

попадались огромные слоновые бивни весом до ста шестидесяти фунтов, и требовалось по два носильщика для переноски каждого из них до прибрежных факторий, откуда слоновую кость отправляли на рынки в Хартум, Занзибар и Наталь. Труд носильщиков оплачивался по прибытии к месту назначения несколькими метрами хлопчатобумажной ткани, так называемой «мерикани», порохом, пригоршней каури,^[63] ниткой бус, а иногда, если у работорговца не было других ценностей, – невольником, за которого он не рассчитывал много выручить.

Среди пятисот невольников каравана Алвиша было очень мало пожилых людей. Дело в том, что после набега всех пленников старше сорока лет беспощадно убивали на развалинах горящего селения или вешали на окрестных деревьях. На рынок отправляли только молодых, здоровых невольников, невольниц и детей. Не больше десятой части побежденных оставалось в живых после таких кровавых побоищ. Этим объясняется, почему так страшно обезлюдела Экваториальная Африка, где обширные области обращены в пустыню.

Нагота всех этих детей и взрослых была едва прикрыта лоскутами жесткой материи, которую делают из коры некоторых деревьев и называют в этих краях «мбузу». Можно ли представить себе что-либо более ужасное, чем это человеческое стадо: женщины в язвах от бича хавильдаров, измученные, истощенные дети с окровавленными ногами, которых матери старались нести на руках, несмотря на свою тяжелую ношу, молодые люди, связанные рогатинами, более мучительными, чем кандалы каторжников! Вид этих несчастных, еле живых людей с неслышным голосом, этих «скелетов из черного дерева», как сказал о них Ливингстон, мог бы разжалобить даже дикого зверя. Но все эти несчастья нисколько не трогали надсмотрщиков – арабов и португальцев, которые, по словам Камерона, были еще более жестоки, чем арабы.^[64]

Само собой разумеется, что за пленниками был установлен строжайший надзор как во время похода, так и на стоянках. Дик Сэнд сейчас же понял, что о побеге нечего и думать. Но как же тогда найти миссис Уэлдон? Никаких сомнений не могло быть: и ее, и ее сына захватил Негоро. Португалец постарался разлучить ее с остальными ее спутниками. Зачем это ему понадобилось, Дик Сэнд не понимал. Но что тут чувствуется рука Негоро, сомневаться было невозможно, и сердце Дика обливалось кровью при мысли об опасностях, угрожающих миссис Уэлдон.

«Ах! – повторил он. – Подумать только, что я мог пристрелить и того и другого негодяя и не сделал этого!»

К нему снова и снова возвращались мучительные мысли. От каких страшных несчастий избавила бы их смерть, заслуженная смерть Гарриса и Негоро! От каких тяжких горестей избавила бы она по крайней мере тех, с кем эти торговцы человеческим мясом обращаются как с рабами!

Он ясно представил себе весь ужас положения миссис Уэлдон и маленького Джека. Ни мать, ни сын не могли рассчитывать на помощь кузена Бенедикта. Хорошо еще, если он сумеет позаботиться хоть о самом себе. Несомненно, их всех троих уже увлекли в какой-нибудь глухой угол Анголы. Но кто понесет в дороге больного мальчика?

«Его мать, – говорил себе Дик. – Да, его мать! Для него она найдет силы. Она сделает то же, что делают несчастные рабыни! И, как они, она упадет на дороге. Ах, если бы Господь дал мне очутиться лицом к лицу с этими палачами...»

Но он сам был пленником. Он был одной из голов этого стада, которое надсмотрщики гнали в глубь Африки. Он даже не знал, ведут ли Негоро и Гаррис сами ту партию невольников, в которую попали их жертвы. Здесь уже нет Динго, некому отыскать след Негоро и поднять тревогу при его приближении. Только один Геркулес мог еще прийти на помощь несчастной миссис Уэлдон. Но разве можно надеяться на такое чудо?

И все же Дик цеплялся за эту надежду. Он повторял себе, что Геркулес на свободе. В его преданности можно было не сомневаться. Ради миссис Уэлдон Геркулес сделает все, что только в человеческих силах. Да, либо Геркулес постарается идти за ними и дать о себе знать, либо, если он потерял их следы, он попытается объединить свои силы с Диком, – может быть, похитить его или освободить силой. Во время ночного отдыха, замешавшись в толпу невольников, такой же черный, как они, не сможет ли он обмануть бдительность солдат, добраться до Дика, сломать его оковы, увлечь его в лес? А тогда вдвоем, свободные, чего только не сделают они для освобождения миссис Уэлдон! Река дает им возможность спуститься к побережью, и Дик Сэнд, лучше зная теперь все трудности, стоящие на пути к спасению, успешнее осуществит свой план, так не вовремя расстроенный нападением туземцев.

Юный моряк переходил от отчаяния к надежде. Но благодаря своей энергичной натуре он не поддавался унынию и готов был воспользоваться малейшей возможностью, которая могла ему представиться.

Прежде всего следовало узнать, к какому из рынков ведут агенты свой караван. Возможно, конечным пунктом маршрута была одна из факторий Анголы, до которой оставалось всего несколько дневных переходов. Но если караван шел во внутренние области Экваториальной Африки, то

впереди лежали еще сотни и сотни миль пути. Главный невольничий рынок находился в Ньянгве, в области маньемов, на меридиане, который делит Африканский континент почти пополам, в стране Больших озер, по которой путешествовал тогда Ливингстон. Но от лагеря на берегу Кванзы до Ньянгве было очень далеко – путь должен был длиться много месяцев.

Это заботило Дика больше всего: ведь из Ньянгве не стоило даже пытаться бежать. Если бы миссис Уэлдон, Дику, Геркулесу и прочим неграм даже и посчастливилось вырваться из плена, насколько трудным, чтобы не сказать – невозможным было бы возвращение к океану по этому длинному пути, полному опасности!

Но скоро у Дика Сэнда появились все основания полагать, что караван должен скоро прибыть на место. Даже не понимая языка, на котором говорили между собой начальники каравана – то была смесь арабского с каким-то из африканских наречий, – он все же заметил, что они часто произносят название одного из важнейших невольничьих рынков этих мест. Название это было «Казонде», и Дик знал, что Казонде – центр работорговли в Анголе. Это, естественно, навело его на мысль, что именно там решится участь всех пленников – они попадут в руки местного царька или же в руки какого-нибудь богатого работорговца. И мы знаем, что он не ошибся.

Дик Сэнд, прилежно изучавший географию, знал все, что было известно о Казонде. Расстояние от Сан-Паулу-ди-Луанда до этого города не превышает четырехсот миль, и, следовательно, от лагеря на Кванзе до невольничьего рынка было не больше двухсот пятидесяти миль. Дик высчитал это приблизительно, приняв за основу переход, совершенный его маленьким отрядом под водительством Гарриса. В обычных условиях такой путь можно пройти за десять – двенадцать дней. Но так как караван уже был обессилен пройденной дальней дорогой, Дик удвоил это время и решил, что на переход от Кванзы до Казонде потребуется не менее трех недель. Ему очень хотелось поделиться своими догадками со старым Томом и его товарищами. Для них было бы некоторым утешением узнать, что их не уведут в дебри Экваториальной Африки, в те страшные края, откуда нет никакой надежды выбраться. Достаточно было бы бросить им мимоходом несколько слов, чтобы сообщить им то, чего они не знают. Но удастся ли это сделать?

Том и Бат – случай соединил отца с сыном, – Актеон и Остин, скованные попарно, находились в правом конце лагеря. За ними наблюдали хавильдар и дюжина солдат.

Дик, который мог свободно передвигаться, решил постепенно

сократить расстояние в пятьдесят шагов, отделявшее его от группы невольников, включавшей и его товарищей. Он стал осторожно приближаться к ним.

Вероятно, старый Том угадал намерение Дика, – он что-то шепнул своим товарищам, и те стали внимательно следить за Диком. Они не двигались, но готовы были смотреть и слушать.

Вскоре Дик с небрежным видом прошел половину расстояния. Теперь он мог бы уже крикнуть Тому название города, куда направляется караван, и сказать, сколько приблизительно может продлиться дорога. Но было бы еще лучше сообщить ему более подробные сведения и условиться, как им держать себя во время пути. Поэтому он продолжал двигаться вперед. Сердце его исполнилось надежды. Уже лишь несколько шагов отделяло его от желанной цели, как вдруг надсмотрщик, словно вдруг разгадав его замысел, с воплем бросился ему наперерез. Солдаты, прибежавшие на крик надсмотрщика, тотчас же грубо оттолкнули Дика, а Тома и его спутников погнали в противоположный конец лагеря.

Вне себя от гнева Дик Сэнд бросился на надсмотрщика. Он попытался выхватить у него из рук ружье и оторвал ствол от ложа. Но человек восемь солдат напали на него и отняли обломок ружья. Разъяренные, они разорвали бы юношу на части, если бы не вмешался один из начальников каравана – высокий араб с жестоким лицом. Это был тот самый Ибн-Хамис, о котором Гаррис говорил с Негоро. Он произнес несколько непонятных Дику слов, и солдаты послушно удалились, оставив свою жертву.

Теперь стало совершенно очевидно, что страже было строго приказано, с одной стороны, не давать Дику общаться с товарищами, а с другой – сохранить ему жизнь. Кто мог отдать такие приказания, кроме Гарриса или Негоро?

В этот момент – в 9 часов утра 19 апреля – раздался хриплый звук рога и грохот барабанов. Отдых кончился.

Через мгновение все – начальники, солдаты, носильщики и невольники – были уже на ногах. Невольники разобрали тюки с поклажей и выстроились в колонну, впереди которой встал надсмотрщик с развернутым ярким знаменем.

Раздался сигнал к выступлению.

Послышалась негромкая песня. Но пели не победители, а побежденные.

И в этой песне звучала подкрепленная наивной верой угроза их палачам, их угнетателям:

«Вы гоните меня на побережье, но когда я умру, на мне уже не будет ярма, и тогда я приду и убью вас!»

Глава восьмая

Из записной книжки Дика Сэнда

Хотя вчерашняя гроза прошла, небо все еще хмурилось. Было время «мазики» – второго сезона дождей в Экваториальной Африке. Дождям предстояло идти еще две-три недели, особенно по ночам, и для невольничьего каравана это должно было стать дополнительным тяжким испытанием.

Ранним пасмурным утром караван покинул берег Кванзы и направился прямо на восток.

Пятьдесят солдат шагали впереди, по сотне с обеих сторон колонны, а остальные составляли арьергард. Невольникам было бы трудно бежать, даже если бы они не были скованы. Женщины, дети, мужчины шли вперемешку, а надсмотрщики бичами подгоняли их. Кое-где видны были несчастные матери, которые кормили на ходу грудного младенца, а на свободной руке несли второго ребенка. Другие вели за собой по жесткой колючей траве голых и босых детей.

Начальник каравана, жестокий араб Ибн-Хамис, тот самый, который вмешался в столкновение Дика с надсмотрщиком, зорко следил за своим стадом: он прохаживался вдоль колонны, то пропуская ее вперед, то вновь обгоняя. Ибн-Хамиса и его помощников мало занимали страдания пленников, но они не могли не считаться с солдатами, которые добивались увеличения пайка, и с носильщиками, которые требовали более частых остановок. Из-за этого возникали споры, а то и грубая перебранка. Надсмотрщики вымещали свою злобу на несчастных пленниках. Все время раздавались угрозы хавильдаров и вопли невольников, и шедшие в последних рядах ступали по земле, орошенной кровью рабов, идущих впереди.

Дику так и не удалось переговорить со своими товарищами, потому что их вели в первых рядах каравана. Они шли гуськом, пара за парой, отделенные друг от друга рогатинами, которые не позволяли им повернуть головы. Бичи надсмотрщиков полосовали их спины так же часто, как спины остальных несчастных.

Бат в паре с отцом шел впереди, ступая осторожно, чтобы не тряхнуть рогатиной, выбирая путь поудобнее, потому что за ним по этому же пути должен был пройти Том. Время от времени, когда хавильдар немного отставал, он произносил слова ободрения, и некоторые из них долетали до

Тома. Когда он замечал, что Том устал, то старался даже замедлить шаг. Мучительнее всего для бедного малого было то, что он не мог повернуться назад и посмотреть на горячо любимого отца. Том, несомненно, был рад, что видит сына, но старику приходилось дорого платить за это утешение. Сколько раз горькие слезы катились из его глаз, когда бич надсмотрщика опускался на спину Бата! Эти удары были для отца больнее, чем если бы плеть обрушивалась на него самого.

Актеон и Остин, скованные друг с другом, шли за ними в нескольких шагах и подвергались таким же истязаниям. Как завидовали они Геркулесу! Какие бы опасности ни угрожали ему в этих диких местах, он по крайней мере был свободен и мог бороться за свою жизнь!

В первые же минуты плена старый Том поведал своим товарищам всю горькую правду. Бат, Остин и Актеон с глубоким изумлением узнали, что они находятся в Африке, что их привело сюда и завлекло в глубь страны двойное предательство Негоро и Гарриса и что им нечего рассчитывать ни на какое снисхождение со стороны людей, к которым они попали в плен.

Со старухой Нэн обращались не лучше, чем с остальными пленными. Она шла вместе с другими женщинами в середине каравана. Ее сковали с молодой матерью, у которой было двое детей – грудной младенец и мальчик лет трех, едва научившийся ходить. Нэн, охваченная жалостью, взяла на свое попечение этого мальчика, и в глазах молодой рабыни блеснула слеза благодарности. Нэн несла ребенка, спасая его и от утомления, которое его наверняка убило бы, и от беспощадного бича надсмотрщика. Но это была тяжелая ноша для старой Нэн; она боялась, что сил ее хватит ненадолго, и думала о Джеке. Она представляла себе мальчика на руках у матери. Джек похудел за время болезни, но все же был слишком тяжел для ослабевших рук миссис Уэлдон. Где она теперь? Что с ней случилось? Свидится ли с ней когда-нибудь ее старая нянька?

Дика Сэнда вели почти в самом хвосте. Со своего места он не мог разглядеть ни Тома, ни его спутников, ни старой Нэн. Голова длинной колонны была видна ему, лишь когда они проходили через какую-нибудь равнину. Он шагал, погрузившись в грустную задумчивость, из которой его не могли вывести даже крики надсмотрщиков. Он не думал ни о себе, ни о тяготах, которые ему еще предстояло перенести, ни о пытках, быть может, уготованных для него Негоро. Его всецело поглощала тревога о миссис Уэлдон. Тщетно вглядывался он в землю, в колючие кустарники, окружавшие тропу, в склоненные ветви деревьев... Он нигде не видел следов, которые сказали бы ему, что она прошла здесь. Если ее действительно отравили в Казонде, то другого пути тут не было. Чего

только не отдал бы Дик, чтобы получить хоть какое-то указание, что и она идет туда же, куда ведут их всех!

Таково было телесное и душевное состояние Дика Сэнда и его товарищей. Но как ни велика была их тревога за собственную участь, как ни тяжелы были их страдания, они не могли без жалости глядеть на мучения окружавшей их толпы изнуренных рабов, не могли не испытывать возмущения при виде зверской жестокости надсмотрщиков. Увы! Они не в силах были ни помочь одним, ни оказать сопротивление другим.

На двадцать с лишним миль к востоку от Кванзы тянется сплошной лес. Однако деревья здесь, то ли потому, что их губят местные насекомые, то ли потому, что стада слонов вытаптывают молодые побеги, растут менее густо, чем в прибрежной полосе. Идти по такому лесу было легче, чем пробираться сквозь заросли кустарников. Но и тут в изобилии рос хлопчатник кустами высотой в семь-восемь футов; из хлопка его вырабатывают обычные в этих краях ткани с черными и белыми полосами.

Иногда тропа углублялась в настоящие джунгли, где и рабы и стража утопали в высокой растительности. Из всех местных животных только слоны и жирафы могут поднять голову выше этих тростников, похожих на бамбук, этих трав, стебли которых достигают дюйма в диаметре. Агентам надо было великолепно знать местность, чтобы не заблудиться в таких зарослях.

Ежедневно караван выступал на заре и только в полдень делал остановку на один час. На привале развязывали несколько тюков с маниокой,^[65] и хавильдары скупно распределяли между невольниками эту жалкую пищу. Если солдаты успевали разграбить по пути какую-нибудь деревню, к этому скудному завтраку добавлялись два-три батата^[66] и кусочек мяса – козлятины или телятины. Но утомление было так велико, а отдых столь недостаточен – в дождливые же ночи и просто невозможен, – что, когда приходил час раздачи пищи, невольники едва могли есть. Не прошло и недели после того как караван покинул берега Кванзы, а уже десятка два невольников упали без сил в пути и стали добычей хищных зверей, следовавших за караваном. Львы, пантеры и леопарды поджидали обреченных, которые уже не могли от них спастись, и каждый вечер после захода солнца их рычание раздавалось так близко от лагеря, что ежеминутно можно было опасаться нападения.

Прислушиваясь к рычанию хищных зверей, звучащему в темноте особенно грозно, Дик Сэнд с ужасом думал о препятствиях, которые подобная встреча могла представить замыслам Геркулеса, об опасностях,

на каждом шагу угрожавших ему в этих тропических лесах. И все же, если бы у него самого появилась возможность бежать, он не колебался бы ни секунды.

Здесь мы приводим заметки Дика Сэнда, которые он сделал в пути между Кванзой и Казонде. Чтобы пройти расстояние в двести пятьдесят миль, понадобилось двадцать пять переходов – на языке работорговца «переход» означает ежедневный путь в десять миль с дневной остановкой и привалом на ночлег.

«С 25 по 27 апреля. Прошли мимо негритянской деревни, окруженной изгородью из кустарников вышиной в восемь-девять футов. Поля засеяны маисом, бобами, сорго и арахисом. Двух жителей схватили и заковали. Пятнадцать убитых, население разбежалось.

Утром переправились через быструю речку шириной в сто пятьдесят ярдов. Плавучий мост из стволов деревьев, связанных лианами. Некоторых бревен не хватает. Две женщины, соединенные одной рогатиной, сорвались в воду. Одна из них несла ребенка. Вода забурлила и окрасилась кровью. Крокодилы прячутся под мостом; рискуешь угодить ногой прямо в открытую пасть.

28 апреля. Шли лесом из баугиний. Высокие деревья, португальцы называют их «железными».

Сильный дождь. Почва размокла. Идти очень трудно.

Видел в середине каравана старую Нэн. Она несет маленького негритенка. Еле идет. Невольница, скованная с ней, хромает, из ее плеча, рассеченного ударом кнута, течет кровь.

На ночь бивуак разбили под гигантским баобабом с нежно-зеленой листвой и белыми цветами.

Ночью рычали львы и леопарды. Один солдат выстрелил из ружья в пантеру. Что-то с Геркулесом?

29 и 30 апреля. Первые холода того, что называется африканской зимой. Обильная роса. В последних числах апреля кончается дождливый сезон, начинается он в ноябре. Все равнины еще затоплены разливами. Восточные ветры затрудняют дыхание и несут с собой болотную лихорадку.

Никаких следов миссис Уэлдон и кузена Бенедикта. Куда их ведут, если не в Казонде? Они должны идти по тому же пути впереди нас. Меня мучит тревога. Наверное, маленький Джек в этой нездоровой местности снова заболел лихорадкой. Жив ли он еще?..

1–6 мая. Несколько дней шли по широким, еще не просохшим равнинам. Везде вода, в иных местах по пояс. Тысячи пиваков

присасываются к телу. И все-таки надо идти. Кое-где на кочках, выступающих из воды, растут лотосы, папирусы. На болотах какие-то водяные растения с большими, как у капусты, листьями. Люди спотыкаются о них и часто падают.

Здесь множество мелкой рыбы вроде сомов, туземцы ловят их мириадами, загоняя в плетеные загородки, и продают каравану.

Невозможно найти место для ночлега. Во все стороны простирается затопленная равнина. Приходится идти в темноте. Наутро в караване недосчитывают многих невольников. Сколько страданий! Упав, уже не стоит подниматься. Несколько лишних мгновений под водой – и все кончено! В смертной мгле палка хавильдара уже не достигнет тебя.

Да, но миссис Уэлдон и ее сын! Я не вправе покинуть их. Я выдержу до конца! Это мой долг!

Ночью раздались душераздирающие крики...

Солдаты наломали смолистых веток, торчавших из воды. Тусклый свет в темноте.

Вот причина криков, которые я слышал. Нападение крокодилов. Двенадцать или пятнадцать чудовищ накинудись в темноте на край лагеря. Женщины и дети схвачены и утащены в их «кладовые». Так Ливингстон называет глубокие ямы, куда эти животные складывают свои жертвы после того, как утопят их, ибо крокодил съедает добычу только тогда, когда она уже начнет разлагаться.

Меня крокодил сильно оцарапал своей броней. Одного взрослого невольника рядом со мной он вырвал из колодки, переломив ее пополам. Как закричал несчастный, сколько ужаса и боли было в его вопле! Я все еще слышу его...

7 и 8 мая. Утром подсчитали потери. Исчезли двадцать рабов.

На рассвете я стал искать глазами Тома и его товарищей. Какое счастье – они живы! Увы, счастье ли это? Не лучше ли было бы в один миг избавиться от всех страданий?

Том идет в первых рядах каравана. Когда его сын Бат что-то обходил, рогатина повернулась, и Том смог меня увидеть.

Напрасно ищу старую Нэн! Затерялась ли она в середине колонны или погибла в ужасную прошлую ночь?

На следующее утро вышли из затопленной равнины после двадцати четырех часов, проведенных в воде. Лагерь разбит на холме. Солнце немного обсушило нас. Поели, но какой жалкий завтрак! Чуть-чуть маниоки, несколько горстей кукурузы. Для питья – только мутная вода! Сколько из этих распростертых на земле невольников не встанут!..

Нет! Не может быть, чтобы миссис Уэлдон и Джек прошли через все эти мученья! Господь, наверно, смилостивился над нею, и их повели в Казонде другой дорогой. Несчастливая мать не вынесла бы!..

Еще один случай оспы в караване – туземцы называют ее «ндуэ». Больные не могут идти дальше. Неужели их бросят?

9 мая. На заре тронулись в путь. Отставших нет. Бичи хавильдаров подняли обессиленных и больных. Невольники – это товар. Это деньги. Агенты не бросят их, пока у них есть силы, чтобы идти.

Меня окружают живые скелеты. У них нет голоса даже на то, чтобы стонать.

Наконец я увидел старую Нэн. Больно смотреть на нее! Ребенок, которого она несла на руках, исчез. Теперь она одна. Ей легче идти, но цепь по-прежнему опоясывает ее, и ей пришлось перекинуть свободный конец через плечо.

Я прибавил шагу, и мне удалось приблизиться к ней. Но она, кажется, даже не узнала меня! Неужели я так изменился?

– Нэн, – позвал я.

Бедная старуха долго вглядывалась в меня и наконец сказала:

– Это вы, мистер Дик? Я... я... скоро умру...

– Нет, нет! Мужайтесь! – ответил я, но мои глаза опустились, чтобы не видеть этот ужасный бескровный призрак.

– Да, я умру, – повторила Нэн, – и не увижу больше моей дорогой хозяйки, моего маленького Джека!.. Господи, Господи, сжался надо мной!

Я хотел поддержать старую Нэн, которая вся дрожала в своих лохмотьях. Я бы рад был, если бы меня приковали к ней, чтобы разделить с ней тяжесть цепи, которую она несет одна после смерти своей спутницы.

Но сильная рука оттолкнула меня в сторону, а несчастную Нэн удар бича загнал обратно в толпу невольников. Я хотел броситься на этого зверя... Но появился начальник-араб, схватил меня за руку и не отпускал, пока я не очутился в хвосте колонны.

Потом он сказал:

– Негоро!

Негоро! Значит, это по приказу Негоро со мной обращаются не так, как с моими товарищами по несчастью?

Какая же участь мне уготована?

10 мая. Прошли сегодня мимо двух горящих деревень. Хижины подожжены со всех сторон. На деревьях, пощажённых пожаром, висят трупы. Жители бежали. Поля опустошены. Эти деревни подверглись набегу. Убили едва ли не двести человек, чтобы захватить десяток

невольников.

Спускается вечер. Ночлег. Лагерь разбит под большими деревьями. Опушка леса окаймлена высокой, как кусты, травой.

Вчера ночью, сломав рогатки, бежало несколько пленников. Их поймали и наказали с беспримерной жестокостью. Сегодня хавильдары и солдаты караулят особенно строго.

Наступила ночь. Рычание львов и гиен. Вдали пыхтение бегемотов. Вероятно, там озеро или река...

Несмотря на усталость, я не могу заснуть. Мысли не дают покоя.

Потом мне показалось, что кто-то бродит в высокой траве. Наверное, какой-нибудь хищный зверь. Осмелится ли он ворваться в лагерь?

Прислушиваюсь. Ничего. Нет, какое-то животное пробирается сквозь камыши! Я безоружен! Но я буду защищаться! Я позову на помощь. Моя жизнь, может быть, нужна миссис Уэлдон, моим товарищам!

Вглядываюсь в темноту. Луны сегодня нет. Ночь беспросветно черна.

Вот во тьме среди папирусов сверкнули два огонька – это глаза леопарда или гиены. Они исчезли... Появились снова...

Трава шуршит. Зверь бросается на меня!

Я хочу крикнуть, поднять тревогу.

К счастью, я успел удержаться!

Не верю глазам своим... Это Динго! Динго рядом со мной?! Славный Динго! Как он вернулся? Как нашел меня? А-а, это инстинкт. Но может ли инстинкт объяснить такое чудо преданности? Динго лижет мне руки. Славный пес и теперь единственный мой друг! Значит, они не убили тебя!

Я ласкаю Динго. Он понимает меня!.. Он готов залаять...

Я успокаиваю его. Нельзя, чтобы его услышали. Пусть он незаметно идет следом за караваном, и кто знает, может быть... Но почему Динго так упорно трется шеей о мои руки? Он как будто говорит мне: «Ищи! Ищи же!» Я ищу и нахожу что-то привязанное к его шее... тоненькая камышинка, воткнутая в пряжку ошейника, на котором вырезаны буквы «С» и «В», так и оставшиеся для нас загадочными.

Высвобождаю камышинку... Ломаю ее. Там записка!

Но я не могу прочесть ее в такой темноте. Нужно дождаться дня. Я хотел бы удержать при себе Динго, но славный пес, хотя и лижет мне руки, как будто рвется прочь. Он понимает, что поручение, данное ему, выполнено... Одним прыжком он бесшумно исчезает в траве. Господи, упаси его от зубов львов и гиен!

Динго, разумеется, возвращается к тому, кто его послал.

Записка, которую все еще нельзя прочитать, жжет мне руки. Кто ее

написал? Миссис Уэлдон? Геркулес? Каким образом преданный пес, которого мы считали мертвым, встретился с той или с другим? Что в этой записке? Принесет ли она мне план избавления или это только весточка от тех, кто мне дорог? Как бы то ни было, это происшествие радостно взволновало меня. Может быть, бедствиям конец?

Ах, как долго не рассветает!

Я жду первых лучей на горизонте. Я не могу сомкнуть глаз. Вдали по-прежнему слышен рев хищников. Бедный мой Динго, удалось ли тебе избежать встречи с ними?

Наконец занимается день. В тропиках светает быстро. Я устраиваюсь с запиской так, чтобы прочитать ее незаметно.

Пробую читать... Еще темно, ничего не видно.

Наконец-то я прочел! Записка написана Геркулесом!

Несколько строк набросаны карандашом на клочке бумаги.

Вот что там сказано:

Миссис Уэлдон и маленького Джека унесли в китанде. Гаррис и Негоро их сопровождают. Они с мистером Бенедиктом опередили караван на три-четыре дня. Мне не удалось поговорить с ними. Я нашел Динго. Он, кажется, был ранен пулей, но теперь здоров. Не теряйте надежды, мистер Дик. Я думаю о всех вас и бежал для того, чтобы быть вам полезным.

Геркулес.

Значит, миссис Уэлдон и ее сын живы! Слава богу, им не пришлось, как нам, выносить тяготы этой мучительной дороги! «Китанда» – это гамак, сплетенный из сухой травы и подвешенный к двум длинным бамбуковым шестам. Такие китанды двое носильщиков несут на плечах. Они покрыты пологом из легкой ткани. Итак, миссис Уэлдон и Джека несут в китанде. Зачем они нужны Гаррису и Негоро? Эти негодяи, очевидно, отправили их в Казонде. Да-да, несомненно. Я разыщу их там! Какую радостную весть принес мне среди всех этих страданий славный Динго!

11–15 мая. Караван продолжает свой путь. Пленники бредут все медленнее. Большинство оставляют за собой кровавые следы. Я подсчитал, что до Казонде осталось еще десять переходов. Сколько человек перестанет страдать... Но я должен прийти живым, и я дойду!

Это ужасно! В караване есть несчастные, у которых все тело – одна кровавая рана. Веревки, которыми они связаны, врезаются в обнаженное

мясо.

Одна мать несет на руках тело своего ребенка, умершего от голода... Она не хочет с ним расстаться!

Дорога позади нас усеяна трупами. Эпидемия оспы вспыхнула с новой силой.

Мы прошли мимо дерева... К этому дереву привязаны за шею невольники. Их оставили здесь умирать от голода.

16–24 мая. Силы мои на исходе, но я не имею права ослабеть. Дожди совершенно прекратились. День за днем мы идем ускоренными маршами. Работоторговцы называют их «тиркеза», то есть вечерние переходы. Надо идти быстрее, а дорога поднимается в гору довольно круто.

Прошли через заросли очень высокой и жесткой травы. Это ньясси. Ее стебли исцарапали мне все лицо, колючие семена забрались под рваную одежду. К счастью, сапоги у меня крепкие и еще держатся.

Агенты начинают оставлять тех, кто тяжело болен и не может идти. Нам грозит нехватка продовольствия. Солдаты и носильщики взбунтовались бы, если бы их пайки урезали. На них не сэкономишь, и тем хуже для невольников!

– Пусть жрут друг друга! – сказал начальник.

И поэтому некоторые молодые, сильные невольники умирают без всяких признаков болезни. Я вспоминаю, что и Ливингстон описывал такие случаи. «Эти несчастные, – писал он, – вдруг начинают жаловаться на боль в сердце. Они прикладывают руку к груди и падают мертвыми. Несомненно, они умирают от разрыва сердца. Это особенно часто случается со свободными людьми, неожиданно обращенными в рабство: они не подготовлены к таким испытаниям».

Сегодня хавильдары зарубили топорами человек двадцать невольников, которые уже не могли плестись за караваном. Начальник-араб не воспрепятствовал этой бойне.

Это было ужасное зрелище.

Упала с рассеченным черепом и старая Нэн... Я споткнулся на дороге о ее труп. Я не могу даже похоронить ее...

Из числа тех, кто потерпел крушение на «Пилигриме», ее первую призвал к себе Бог. Бедная, добрая Нэн...

Каждую ночь я жду Динго. Он больше не появляется. Не случилось ли с ним несчастья? Или с Геркулесом? Нет... нет! Не хочу верить этому! Долгое молчание Геркулеса означает только, что ему нечего мне сообщить. Кроме того, ему приходится быть очень осторожным и не рисковать ничем...»

Глава девятая

Казонде

Двадцать шестого мая караван прибыл в Казонде. Половина пленников, захваченных в этом набеге, погибла по дороге. Однако работоторговцы все же рассчитывали на немалый барыш: спрос на рабов не убывал, и цены на невольничьих рынках Африки повышались.

Ангола вела в то время крупную торговлю неграми.

Португальские власти в Сан-Паулу-ди-Луанда и Бенгеле ничего не могли поделать, так как караваны невольников стали направлять через внутренние области материка. Бараки на берегу были до отказа набиты черными пленниками. Немногие невольничьи корабли, которым удалось благополучно проскочить мимо крейсеров, стерегущих побережье, не могли забрать весь груз, предназначенный к вывозу в американские владения Испании.

Казонде, расположенный в трехстах милях от устья Кванзы, считался одним из крупнейших «лакони» – невольничьих рынков Анголы. Купля-продажа людей производилась обычно на «читоке» – главной площади города. Здесь выставлялись и продавались рабы, и отсюда же караваны трогались в путь к Большим озерам.

Как все города Центральной Африки, Казонде разделялся на две части. В одной находились дома арабских, португальских и туземных купцов, а также бараки для их невольников; вторую составляла резиденция туземного царька. Обычно это был свирепый коронованный пьяница, правящий с помощью террора и существующий главным образом за счет щедрых приношений работоторговцев.

Торговый квартал Казонде принадлежал в то время Жозе-Антониу Алвишу – тому самому, о котором говорили Негоро и Гаррис, служившие у него приказчиками. Тут помещалась главная контора этого работоторговца, вторая находилась в Бие, а третья – в Касанге, в провинции Бенгала, где через несколько лет ее видел Камерон.

По обеим сторонам главной улицы торгового квартала Казонде тянулись «тембе» – одноэтажные глинобитные домики с плоскими крышами, чьи квадратные дворики служили загонами для скота. В конце ее находилась большая площадь – «читока», окруженная невольничьими бараками: высоко над крышами домов величественно развевались пышные кроны гигантских баньянов, там и сям росли высокие пальмы,

похожие на поставленные торчком метелки; на улицах копались в отбросах стервятники, занятые санитарным обслуживанием городка. Таков был торговый квартал Казонде.

Невдалеке от города протекает Лви – еще не исследованная речка, являющаяся, вероятно, одним из притоков, хотя бы вторичным, большой реки Кванго, впадающей в Конго.

Прилегающая к торговому кварталу резиденция царька Казонде представляла собой скопище грязных лачуг, раскинувшихся почти на квадратную милю. Некоторые из этих хижин открыты взгляду, другие обнесены тростниковыми изгородями или густо обсажены низкими смоковницами.

Отдельный участок, окруженный живой изгородью из папируса, на котором стояло десятка три лачуг для невольников царька, несколько хижин для его жен и утопающий в зарослях маниоки тембе, чуть повыше и просторнее других, – таков был дворец царька Казонде, человека лет пятидесяти по имени Муани-Лунга. Владения его, уже достаточно разоренные его предшественниками, под его управлением пришли в окончательный упадок. У него было сейчас лишь около четырех тысяч солдат, тогда как португальцы-работорговцы прежде насчитывали их двадцать тысяч, и он уже не мог больше, как в добрые старые времена, приносить в жертву богам по двадцать пять – тридцать рабов ежедневно.

Это был преждевременно состарившийся от всевозможных излишеств, насквозь проспиртованный злобный маньяк, из чистого каприза увечивший своих рабов, военачальников и министров: он приказывал отрезать одному нос или уши, другому ногу, а третьему руку. Можно было не сомневаться, что его смерть, по всей видимости, уже недалекая, не вызовет ничьих сожалений.

Только одному человеку во всем Казонде смерть Муани-Лунга, возможно, причинила бы ущерб – Жозе-Антониу Алвишу. Работорговец отлично ладил со спившимся владыкой и, пользуясь дружбой с ним, хозяйничал во всей этой области. И у него были основания опасаться, что после смерти царька, если не будут признаны притязания его главной жены Муаны, владения Муани-Лунга захватит соседний царек, один из властителей Укусу. Этот царек был моложе и энергичнее Муани-Лунга и уже завладел несколькими деревнями, подвластными правителю Казонде; к тому же он вел дела с конкурентом Алвиша, крупным работорговцем Типо-Типо, чистокровным черным арабом, который немного времени спустя посетил Камерона в Ньянгве.

Пока же истинным властителем этого края был Жозе-Антониу Алвиш,

ибо он всецело подчинил себе одуревшего негритянского царька, потакая его страстям, ловко пользуясь его пороками.

Жозе-Антониу Алвиш, человек уже пожилой, не принадлежал, как можно было подумать, к «мсунгу», то есть к белой расе. Португальским у него было только имя, принятое им, конечно, из коммерческих соображений. На самом деле этот знаменитый работорговец был негром по имени Кенделе. Он родился в Дондо, на берегу Кванзы, и начал свою карьеру простым агентом у работорговца. Теперь этот старый негодяй, называвший себя самым честным человеком на свете, стал одним из крупнейших торговцев черными невольниками.

В 1874 году Камерон встретил Алвиша в Килембо, столице Кассонго, и прошел вместе с его караваном всю дорогу до Бие – то есть семьсот с лишним миль.

По прибытии в Казонде всю партию рабов привели на главную площадь.

Было 26 мая. Таким образом, расчеты Дика Сэнда оказались правильными. Путешествие со времени выхода из лагеря, расположенного на берегах Кванзы, продолжалось тридцать восемь дней. Пять недель самых ужасных мучений, какие только может выдержать человек!

Когда они вошли в Казонде, был полдень. Забили барабаны, загудел рог куду, затрещали ружейные выстрелы: солдаты, сопровождавшие караван, стреляли в воздух, и слуги Жозе-Антониу Алвиша с увлечением отвечали им. Все эти бандиты обрадовались встрече с приятелями после четырехмесячной разлуки. Наконец-то они могут отдохнуть и вознаградить себя за потерянное время разгулом и пьянством.

До Казонде дошло в общей сложности только двести пятьдесят до предела измученных невольников. Их прогнали, как стадо, по улицам города и заперли в бараках, которые американский фермер признал бы негодными даже для хлева. В бараках уже сидело тысячи полторы рабов в ожидании ярмарки, которая должна была открыться через день на главной площади. С прибытием новой партии в них стало еще теснее. Тяжелые рогатки с невольников сняли, но от цепей не освободили.

Носильщики расположились на площади, сдав торговцам свой ценный груз – слоновую кость, предназначенную для продажи в Казонде. Получив плату – несколько ярдов коленкора или другой ткани чуть подороже, – они отправятся искать другой караван, нуждающийся в их услугах.

Итак, старый Том и его спутники избавились от рогаток, которые они несли в продолжение пяти недель. Бат наконец мог обнять своего отца. Все обменялись рукопожатиями. Но они молчали. О чем им было говорить?

Жаловаться, сетовать на судьбу? Бата, Актеона, Остина – сильных молодых людей, привычных к тяжелому физическому труду, – усталость сломить не могла. Но старый Том, измученный лишениями, совершенно выбился из сил. Еще несколько дней пути – и его труп бросили бы на съедение хищным зверям, как был брошен труп бедной Нэн.

Всех четверых втолкнули в тесный сарайчик и дверь тотчас же заперли снаружи на замок. Там пленники нашли скудную пищу и, подкрепившись, стали ждать прихода работорговца, которому собирались – без особых надежд – сообщить, что они американские граждане.

Дика Сэнда оставили на площади под надзором приставленного к нему хавильдара.

Наконец-то он в Казонде! Он не сомневался, что миссис Уэлдон, маленький Джек и кузен Бенедикт давно уже находятся здесь. Он высматривал их на всех улицах, по которым проходил караван, во всех тембе и на читоке, почти пустой в тот час.

Но миссис Уэлдон нигде не было.

«Неужели ее не привели в Казонде? – спрашивал себя Дик. – Где же она в таком случае? Нет, Геркулес не мог ошибиться! И это должно входить в тайные планы Гарриса и Негоро... Однако их тоже не видно...»

Жгучая тревога охватила Дика Сэнда. Само собой разумеется, миссис Уэлдон, как пленницу, могли держать взаперти. Но Гаррис и Негоро – особенно Негоро – не стали бы откладывать свидание с юным моряком, который теперь был всецело в их власти. Нет, они тотчас же пришли бы, чтобы насладиться своим торжеством, чтобы издеваться над Диком, мучить его, чтобы, наконец, отомстить ему. Раз их тут нет, значит, они ушли куда-то еще, значит, миссис Уэлдон отправили в какое-то другое место Центральной Африки! Пусть появление американца и португальца означало для Дика Сэнда начало пытки, он все равно с нетерпением ждал этого появления. Ведь их присутствие в городе принесло бы ему уверенность, что миссис Уэлдон и маленький Джек тоже находятся здесь!

Дик Сэнд напомнил себе, что и Динго не появлялся с тех самых пор, как принес ему записку Геркулеса. Таким образом, ответ, написанный им на всякий случай, ответ, в котором он просил Геркулеса думать только о миссис Уэлдон, следовать за ней, не терять ее из виду и по возможности сообщать ей обо всем происходящем, – этот ответ оставался неотосланным. Динго уже однажды пробрался в лагерь, – почему же Геркулес не попробовал послать его вторично? Но может быть, верный пес погиб при такой попытке или же Геркулес, следуя, как сделал бы на его месте и сам Дик, за миссис Уэлдон, углубился вместе с Динго в леса этого

африканского плоскогорья, надеясь добраться до какой-нибудь фактории?

Что еще мог подумать Дик, раз ни миссис Уэлдон, ни ее похитителей не было видно в городе? Он настолько уверил себя – быть может, напрасно, – что встретит их в Казонде, что теперь, нигде их не видя, был потрясен. Его охватило отчаяние, которого он не мог подавить. Если он не мог употребить свою жизнь на пользу тем, кого любил, то она не была нужна и ему самому, и оставалось только умереть! Но, думая так, Дик ошибался в себе. Под ударами тяжких испытаний мальчик стал взрослым, и его отчаяние было лишь кратковременной данью слабости человеческой природы.

В этот миг раздались звуки фанфар и громкие крики. Дик Сэнд, уныло сидевший на пыльной земле читоки, мгновенно вскочил на ноги. Всякое новое происшествие могло навести его на след тех, кого он искал. Его недавнего уныния как не бывало.

– Алвиш! Алвиш! – кричали солдаты и туземцы, толпой валившие на площадь.

Наконец-то должен был появиться человек, от которого зависела судьба стольких несчастных. Быть может, Гаррис и Негоро сопровождают его? Дик Сэнд стоял выпрямившись во весь рост и широко раскрыв глаза, ноздри его раздувались. Если эти двое предателей появятся перед ним, пятнадцатилетний моряк твердо и прямо глянет им в лицо. Капитан «Пилигрима» не дрогнет перед бывшим судовым коком!

В конце главной улицы показалась китанда – носилки с заплатанным пологом из дешевой выцветшей ткани, обшитой рваной бахромой. Из носилок вылез старый негр. Это был работорговец Жозе-Антониу Алвиш.

Несколько слуг следовали за ним с низкими поклонами.

Вместе с Алвишем появился его друг Коимбра, сын майора Коимбра из Бие, – по словам лейтенанта Камерона, самый отъявленный негодяй во всей области, грязный лупоглазый детина с желтым одутловатым лицом и нечесаной гривой жестких курчавых волос, в рваной рубашке и сплетенной из травы юбке; обтрепанная соломенная шляпа делала его похожим на уродливую старую ведьму. Коимбра был наперсником и доверенным лицом Алвиша, организатором набегов на мирные селения и достойным вождем шайки разбойников, обслуживавшей работорговца.

Что касается Алвиша, то он в своей одежде, похожей на карнавальный турецкий наряд, выглядел, пожалуй, не так отвратительно, как его наперсник. Тем не менее он ни в коем случае не мог внушить высокого представления о владельцах факторий, ведущих оптовую работорговлю.

К большому разочарованию Дика Сэнда, ни Гарриса, ни Негоро в

свите Алвиша не оказалось. Неужели приходилось оставить надежду встретиться с ними в Казонде?

Между тем начальник каравана Ибн-Хамис обменялся рукопожатиями с Алвишем и Коимброй. Они поздравили его с успешным завершением похода. Правда, при вести о гибели половины каравана невольников Алвиш поморщился, но в общем дело было не так уж плохо. Вместе с тем «товаром», который содержался в бараках, у работорговца оставалось достаточно невольников, чтобы удовлетворить спрос внутреннего рынка и обменять их на слоновую кость и медные «ханны» – косые кресты, в форме которых этот металл вывозят в Центральную Африку.

Работорговец поблагодарил надсмотрщиков и приказал тотчас же расплатиться с носильщиками.

Жозе-Антониу Алвиш и Коимбра говорили на португальско-африканском жаргоне, который вряд ли был бы понятен уроженцу Лиссабона. Поэтому Дик Сэнд совершенно не понимал, о чем говорят между собой эти почтенные «негоцианты». Может быть, о нем и о его спутниках, которых с помощью предательства обратили в невольников? Догадка эта превратилась в уверенность, когда по знаку Ибн-Хамиса один из хавильдаров направился к сараю, где были заперты Том, Остин, Бат и Актеон.

Почти тут же четверо американцев были подведены к Алвишу.

Дик Сэнд осторожно подошел поближе. Он не хотел упустить ни одной подробности этой сцены.

Лицо Жозе-Антониу Алвиша озарилось довольной улыбкой, когда он увидел великолепное сложение и могучие мускулы молодых негров. Несколько дней отдыха и обильная пища должны были восстановить их силы. На Тома он взглянул без всякого интереса: преклонный возраст лишал старого негра всякой ценности. Но за трех остальных на ближайшей ярмарке в Казонде можно было взять хорошую цену.

Припомнив те несколько английских слов, которым его научили агенты вроде американца Гарриса, Алвиш, гримасничая, иронически позддравил своих новых невольников с благополучным прибытием.

Том понял слова Алвиша: он сделал шаг вперед и, указывая на своих товарищей и на самого себя, сказал:

– Мы свободные люди! Мы граждане Соединенных Штатов!

Алвиш, несомненно, понял его. Он скривил лицо в веселую улыбку и, кивнув головой, ответил:

– Да... да... Американцы! Добро пожаловать!.. Добро пожаловать!

– Добро пожаловать, – повторил за ним Коимбра.

С этими словами он подошел к Остину и, словно барышник, покупающий на ярмарке лошадь, ощупал его грудь, плечи, бицепсы, а потом попытался раскрыть Остину рот, чтобы посмотреть его зубы.

Но в это мгновение сеньор Коимбра получил такой удар кулаком в лицо, какого до него, вероятно, не получал ни один сын майора.

Наперсник Алвиша отлетел шагов на десять. Несколько солдат бросились к Остину, и он чуть было не поплатился за свою дерзость.

Но Алвиш жестом остановил их. Он от души расхохотался, увидев, что его дорогой друг Коимбра лишился двух из уцелевших у него шести зубов.

Жозе-Антониу Алвиш вовсе не хотел, чтобы солдаты попортили его товар. А кроме того, он отличался веселым нравом, и ему давно уже не случалось так посмеяться.

Однако он успокоил разъяренного Коимбру, и тот, с трудом поднявшись на ноги, вернулся на свое место возле работорговца и погрозил кулаком отважному Остину.

В это время хавильдары подтолкнули к Алвишу Дика Сэнда.

Работорговец, очевидно, знал, кто этот юноша, откуда он сюда попал и каким образом был захвачен в лагере на Кванзе.

Он посмотрел на него довольно злобно и пробормотал по-английски:

– Ага, маленький янки!

– Да, янки! – ответил Дик Сэнд. – Что вы собираетесь делать со мной и моими спутниками?

– Янки, янки! Маленький янки, – повторил Алвиш.

Он не понял или не захотел понять, о чем его спрашивают.

Дик повторил свой вопрос. Видя, что работорговец не собирается отвечать, он обратился к Коимбре, по лицу которого, как ни было оно изуродовано злобой и пьянством, он понял, что это не туземец.

Но Коимбра только повторил свой угрожающий жест и не ответил.

Тем временем Алвиш оживленно беседовал с Ибн-Ха-мисом о чем-то, что, по-видимому, имело непосредственное отношение к Дику и его друзьям. Несомненно, их собирались снова разлучить, и кто знает, удастся ли им еще свидеться и обменяться хоть несколькими словами?

– Друзья мои, – сказал Дик Сэнд вполголоса, словно разговаривая сам с собой, – слушайте меня. Геркулес прислал мне с Динго записку. Он шел следом за караваном. Гаррис и Негоро увезли миссис Уэлдон, Джека и мистера Бенедикта. Куда? Не знаю. Но может быть, они в Казонде. Терпите, мужайтесь и будьте готовы воспользоваться любым случаем. Да смилостивится над нами Бог!

– А Нэн? – спросил старый Том.

- Нэн умерла...
- Первая жертва...
- И последняя, – ответил Дик Сэнд. – Мы сумеем...

В это мгновение чья-то рука легла на плечо юноши, и хорошо знакомый ему голос вкрадчиво произнес:

- Ага, если не ошибаюсь, это вы, мой юный друг? Рад вас видеть!

Дик Сэнд обернулся.

Перед ним стоял Гаррис.

- Где миссис Уэлдон? – вскричал Дик, наступая на американца.

- Увы, – ответил Гаррис с деланным огорчением, – несчастная мать!

Могла ли она пережить...

- Умерла? – крикнул Дик. – А ее сын?

– Бедный мальчик, – ответил Гаррис тем же голосом, – мог ли он перенести эти тяжкие испытания...

Те, кого Дик любил, умерли! Что ощутил он в эту минуту? Порыв неудержимого гнева, жажду мщения, которую он должен был удовлетворить любой ценой!

Дик Сэнд бросился на Гарриса, выхватил у него из-за пояса нож и всадил ему в сердце.

- Проклятие! – вскричал Гаррис, падая на землю.

Гаррис был мертв.

Глава десятая

Ярмарка

Движение Дика Сэнда было так стремительно, что никто не успел его остановить. Но тотчас же несколько туземцев набросились на юношу и убили бы его, если бы не появился Негоро.

По знаку португальца туземцы отпустили Дика, подняли с земли и унесли труп Гарриса. Алвиш и Коимбра требовали немедленной смерти Дика Сэнда, но Негоро тихо сказал им, что они ничего не потеряют, если подождут немного, и хавильдарам было приказано увести юношу и не спускать с него глаз. Наконец-то Дик Сэнд увидел Негоро – впервые с тех пор, как маленький отряд покинул побережье. Он знал, что этот негодяй – единственный виновник крушения «Пилигрима»! Казалось бы, юный капитан должен был ненавидеть Негоро еще больше, чем его сообщника. Но после того как Дик нанес удар американцу, он не удостоил Негоро ни единым словом.

Гаррис сказал, что миссис Уэлдон и ее сын погибли!.. Теперь ничто больше не интересовало Дика, даже его собственная участь. Хавильдары потащили его. Куда? Дику было все равно.

Его крепко связали и посадили в тесный сарай без окон – это была темница, куда Алвиш запирали рабов, приговоренных к смерти за бунт или за другие проступки. Здесь Дик был отгорожен глухими стенами от всего мира, но он не сожалел об этом. Он отомстил за смерть тех, кого любил и кого теперь больше не было на свете... Какая бы участь ни ожидала его самого, он был готов ко всему.

Легко догадаться, почему Негоро помешал туземцам расправиться с Диком: он хотел перед казнью подвергнуть юношу жестоким пыткам, на которые так изобретательны дикари. Пятнадцатилетний капитан был во власти судового кока. Теперь не хватало только Геркулеса, чтобы месть Негоро была полной.

Через два дня, 28 мая, открылась ярмарка – лакони, на которую съехались работоторговцы из всех факторий внутренней Африки и множество туземцев из соседних провинций. Лакони – не только невольничий торг, на этот рынок стекаются все продукты плодородной африканской земли, а также и производящие их люди.

С самого раннего утра на обширной читоке Казонде царил буйное оживление, которое трудно описать. Четыре или пять тысяч человек

толпились на площади, если не считать рабов Жозе-Антониу Алвиша, среди которых были Том и его товарищи. Эти несчастные именно потому, что они чужестранцы, несомненно должны были особенно заинтересовать работоторговцев.

Алвиш был самой важной персоной на ярмарке. Он ходил по площади со своим другом Коимброй и предлагал работоторговцам множество невольников, из которых они должны были сформировать новые караваны. Среди покупателей были метисы из Уджиджи – торгового города, расположенного на озере Танганьика, и несколько арабских купцов, гораздо более богатых.

Там было множество и туземцев – детей, мужчин и женщин, необычайно ревностных торговков, которые по своим торгашеским талантам могли бы превзойти и торговков белой расы. Ни один рынок большого европейского города, даже в день ежегодной ярмарки, не шумит и не волнуется так, как этот африканский базар, и нигде не совершается столько сделок. У цивилизованных народов необходимость продать, пожалуй, преобладает над стремлением купить. У африканских же дикарей и предложение и спрос одинаково возбуждают страсти.

Для всех туземцев лакони – большой праздник, и ради этого торжества они надели если не самые лучшие свои одежды, то, во всяком случае, самые лучшие свои украшения. Шевелюры, разделенные проборами на четыре части, уложенные в виде подушечек или завязанных в узел кос; подхваченные в форме гриба или спускающиеся на лоб в виде ручки сковороды и украшенные султаном из красных перьев; шевелюры, заплетенные в кривые рога, покрытые красной глиной и маслом; копны своих или накладных волос поддерживались заколками и булавками из железа и слоновой кости, а у щеголей нередко даже татуировочный нож был воткнут в курчавую массу волос, унизанную «сафи», то есть стеклянными бусами, и казавшуюся благодаря им многоцветной бисерной вышивкой, – таковы были сооружения, чаще всего возвышавшиеся на головах мужчин. Женщины предпочитали разделять волосы на маленькие хохолки с вишню величиной, на пучки и жгуты, кончики которых слагались в рельефный рисунок, на витые штопоры, обрамлявшие лицо. Некоторые, более простые, а может быть, и более красивые, отбрасывали волосы на спину на английский манер, другие носили на лбу подстриженную челку, как это делали француженки. И почти все обильно смазывали волосы жирной глиной и блестящей красной «нкола» – смолистым соком сандалового дерева, так что издали казалось, будто головы туземных франтих покрыты черепицей.

Не следует, однако, думать, что парадный наряд туземцев ограничивался только роскошной прической. К чему человеку уши, если не продевать в них палочек, вырезанных из дерева драгоценных пород, медных колец с ажурной резьбой, плетеных цепочек из кукурузной соломы или, наконец, маленьких выдолбленных тыков, заменяющих табакерки, так что мочки их вытягиваются от этого груза и почти достигают плеч! Ведь африканские дикари не имеют карманов – да и в чем бы они могли их сделать? Поэтому им надо как-то и где-то носить ножи, трубки и прочие обиходные предметы. Что же касается шеи, запястий рук, икр и лодыжек, то, с точки зрения дикарей, эти части тела самой природой предназначены для ношения медных или бронзовых обручей, роговых браслетов, украшенных блестящими пуговицами, и ожерелий из красных бус, называемых «саме-саме», или «талака», которые были тогда в большой моде у африканцев. Обвешанные этими блистающими драгоценностями, в изобилии выставленными на всеобщее обозрение, местные богачи походили на ходячие бриллиантовые табакерки.

Кроме того, если природа наделила людей зубами, то разве не для того, чтобы они вырывали себе верхние и нижние резцы или же подтачивали их наподобие острых крючков, как у гремучих змей? А если природа дала им ногти на пальцах, то разве не для того, чтобы отращивать их так, что становится почти невозможным пользоваться руками? Точно так же и покрывающая человеческое тело черная или коричневая кожа, конечно, существует для того, чтобы ее украшали «теммбо» – татуировкой, изображающей деревья, птиц, месяц, полную луну, или разрисовывали теми волнистыми линиями, в которых Ливингстон нашел некоторое сходство с рисунками древних египтян. Татуировка эта, передававшаяся из поколения в поколение, запечатлевалась навсегда при помощи голубоватой краски, которую вводили в надрезы на теле детей, и по ней сразу можно было узнать, к какому роду и к какому племени принадлежит человек. Что же делать: раз вы не можете нарисовать свой герб на дверцах кареты, приходится гравировать его на груди.

Вот какое важное место занимали украшения в модах африканцев. Что же касается самой одежды, то у мужчин она исчерпывалась передником из кожи антилопы, спускающимся до колен, или пестрой юбкой, сплетенной из травы. Одежда женщин также состояла только из зеленой юбки, расшитой разноцветными шелками, бисером или ракушками каури и стянутой поясом из бус. Некоторые женщины вместо юбки носили передник из «ламбы» – весьма ценимой в Занзибаре ткани, сплетенной из трав и окрашенной в синий, черный и желтый цвета.

Но все вышесказанное относится только к туземцам из высшего общества. Прочие – торговцы и невольники – ходили почти голые. Женщины по большей части исполняли обязанности носильщиц и являлись на ярмарку с огромными корзинами за спиной, придерживая их ремнем, охватывавшим лоб. Выбрав место на площади, они выгружали свой товар и, поставив пустые корзины, садились в них на корточки.

На ярмарке были в изобилии представлены все продукты этой изумительно плодородной земли. Здесь продавался рис, который приносит урожай сам-сто, кукуруза, дающая три урожая за восемь месяцев и двести зерен на каждое посеянное зерно; кунжут, перец из области Уруа, более острый, чем знаменитый кайенский; маниока, сорго, мускатные орехи, соль, пальмовое масло. На площадь согнали сотни коз, свиней, овец тонкорунной и курдючной пород, очевидно, завезенных из татарских степей, сюда же принесли множество живой и битой птицы, а также рыбы. Очень ровно вылепленные гончарные изделия привлекали взгляд своей яркой раскраской. Любителей выпить соблазняли напитки, названия которых визгливыми голосами выкрикивали мальчишки: банановое вино, крепкая настойка «помбе», сладкое пиво «малофу», изготовленное из бананов, и прозрачная смесь меда и воды, сброженная при помощи солода.

Но еще более живописным делали рынок в Казонде продававшиеся там ткани и слоновая кость.

Тканей тут были тысячи «шукка», то есть саженой; «мерикани» – небеленый миткаль производства салемиких фабрик в Массачусетсе, «каники» – голубая хлопчатобумажная ткань шириной в тридцать четыре дюйма, «сохари» – плотная материя в синюю и белую клетку с красной каймой, оттененной голубыми полосками, и более дорогая «диули» – зеленый, красный и желтый суратский шелк; отрез его в три ярда стоит не меньше семи долларов, а если он заткан золотом, то цена доходит до восьмидесяти долларов.

Слоновую кость в Казонде доставляли из всех факторий Центральной Африки, а отсюда она расходилась в Хартум, Занзибар, в Наталь, и многие купцы занимались только этой отраслью африканской торговли.

Сколько еще слонов нужно убить, чтобы добыть те пятьсот тысяч килограммов слоновой кости,^[67] которые ежегодно вывозятся на европейские, и в частности на английские, рынки? Только для удовлетворения нужд одной английской промышленности – около сорока тысяч ежегодно. С одного лишь западного берега Африки вывозят сто сорок тонн этого ценного товара. Средний вес пары слоновых бивней – двадцать восемь фунтов, а в 1874 году цена на них доходила до полутора

тысяч франков, но бывают бивни, весящие до ста шестидесяти фунтов; и как раз на рынке в Казонде знатоки могли бы найти великолепную слоновую кость – плотную и полупрозрачную, легко поддающуюся обработке, с тонким верхним слоем коричневатого оттенка, сохраняющим белую сердцевину, которая в отличие от слоновой кости, поступающей из других провинций, не желтеет со временем.

Как же рассчитывались между собой покупатели и продавцы при совершении сделок? Какими денежными единицами они пользовались? Как известно, для работорговцев единственной денежной единицей были невольники.

У туземцев же деньгами считались стеклянные бусы: молочно-белые бусы назывались «качоколо», черные – «бубулу», а розовые – «сикундерече». Ожерелье из десяти рядов бисера, или «хете», дважды обвивающее шею, называется «фундо» и стоит довольно дорого. Более же обычная мера этих бус – «фразилах», то есть семьдесят фунтов. Ливингстон, Камерон и Стэнли, отправляясь в экспедиции в глубь Африки, всегда следили за тем, чтобы у них был достаточный запас этой «монеты». При отсутствии стеклянных разноцветных бус на африканских рынках имеют хождение «писэ» – занзибарская монета стоимостью в четыре сантима и «виунга» – особые ракушки, встречающиеся на восточном побережье. Для племен, у которых сохранилось людоедство, известную ценность представляют также человеческие зубы – и на ярмарке можно было видеть ожерелья из человеческих зубов на шее у какого-нибудь туземца, который, надо полагать, сам же и съел их бывших обладателей, – но в последние годы такой вид денег начинает выходить из употребления.

Так выглядела читока в ярмарочный день. К полудню общее возбуждение чрезвычайно возросло и шум стал оглушительным.

Невозможно описать неистовство продавцов, которым не удавалось всучить свой товар, и гнев покупателей, с которых запрашивали слишком дорого. В этой возбужденной, вопящей толпе то и дело возникали драки, и, естественно, никто не унимал дерущихся.

Вскоре после полудня Алвиш приказал вывести на площадь невольников, назначенных для продажи. Толпа сразу увеличилась почти на две тысячи несчастных самого разного возраста, которых работорговец держал в своих бараках несколько месяцев. Этот «товар» выглядел неплохо. Длительный отдых и удовлетворительная пища привели невольников в состояние, вполне подходившее для ярмарки. Но вновь прибывшие не шли с ними ни в какое сравнение. Если бы Алвиш продержал и эту партию месяц-другой в бараках, он, несомненно, продал бы ее по более высокой

цене. Однако спрос на невольников на восточном побережье был так велик, что работорговец решил продать их прямо теперь.

Это было большим несчастьем для Тома и трех его спутников. Хавильдары вытолкнули их в стадо, заполнившее читоку. Все четверо по-прежнему были скованы цепями, и взгляды их красноречивее слов говорили, какая ярость и возмущение владеют ими.

– Мистера Дика здесь нет! – сразу же сказал Бат, обведя глазами обширную площадь.

– Конечно, – ответил Актеон. – Его-то на продажу не поставишь!

– Его убьют, если еще не убили! – сказал Том. – А мы можем надеяться только на то, что какой-нибудь работорговец купит нас всех вместе. Если нас не разлучат, это будет хоть какое-то утешение!

– Ох, знать, что ты вдали от меня трудишься как раб... Бедный мой старый отец! – рыдая, воскликнул Бат.

– Нет, – ответил Том. – Нет, они не разлучат нас, а может быть, нам удастся...

– Если бы Геркулес был здесь! – сказал Актеон.

Но великан не подавал о себе вестей. С тех пор как он прислал Дику записку, ничего не было известно ни о нем, ни о Динго. Так стоило ли завидовать его судьбе? О да, несомненно! Даже если он погиб, ему не пришлось носить цепей рабства!

Между тем торг открылся. Агенты Алвиша проводили по площади группы невольников – мужчин, женщин, детей, совершенно не беспокоясь о том, что они разлучают матерей и их детенышей. Только так и можно назвать этих несчастных, с которыми обращались как с домашним скотом! Тома и его товарищей тоже водили от покупателя к покупателю. Агент, шедший впереди, выкрикивал цену, назначенную Алвишем за всю группу. Купцы – арабы или метисы из центральных областей – подходили и внимательно осматривали «товар». Они не находили в нем обычных признаков африканской расы, признаков, уже исчезнувших у этих американцев во втором поколении. Но эти крепкие и умные негры, очень мало похожие на чернокожих, доставленных с берегов Замбези или Луалабы, имели в их глазах немалую ценность. Перекупщики ощупывали их мускулы, оглядывали их со всех сторон, заглядывали им в рот, точь-в-точь как барышники, покупающие на ярмарке лошадей. Потом они швыряли на дорогу палку и заставляли бежать за ней, чтобы проверить, может ли невольник быстро бегать.

Так осматривали и проверяли всех невольников. Никто не был освобожден от этих испытаний. Не следует думать, что несчастные были

равнодушны к такому обращению. Нет, кроме детей, которые еще не понимали, какому унижению их подвергают, всем остальным, и мужчинам и женщинам, было очень стыдно. Кроме того, невольников при этом осыпали ругательствами и били. Полупьяный Коимбра и агенты Алвиша крайне жестоко обращались с рабами, а новые хозяева, которые купят их за слоновую кость, коленкор или бусы, будут обращаться с ними не лучше. Насильно разлучая мужа с женой, мать с ребенком, брата с сестрой, работоторговцы не позволяли им даже попрощаться. Они виделись в последний раз на ярмарочной площади и расставались навсегда.

Дело в том, что интересы этой торговли требуют отправления рабов разного пола в различные места. Обыкновенно купцы, торгующие невольниками-мужчинами, женщин не покупают. Из-за того что на мусульманском Востоке распространено многоженство, женщин отправляют главным образом в арабские страны и обменивают их там на слоновую кость. Невольники же мужчины используются на тяжелых работах, и потому их отсылают на рынки западного и восточного побережья, а оттуда в испанские колонии или в Маскат и на Мадагаскар. Это расставание сопровождается душераздирающими сценами, так как разлучаемые знают, что они умрут, так больше и не увидев друг друга.

Тома и его спутников ждала та же участь. Но по правде сказать, это их не страшило. Для них было бы даже лучше, если бы их вывезли в одну из рабовладельческих колоний. Там по крайней мере у них появилась бы некоторая надежда добиться освобождения. Если же, наоборот, их оставили бы в какой-нибудь области Центральной Африки, им нечего было и мечтать о возвращении свободы.

Случилось то, чего они хотели. У них даже было утешение, на которое они почти не могли надеяться, – их продали в одни руки. За эту партию из четырех негров спорили многие работоторговцы из Уджиджи. Жозе-Антониу Алвиш потирал руки. Цена поднималась. Собирались целые толпы, чтобы посмотреть на рабов, за которых предлагали неслыханные в Казонде деньги. Алвиш, конечно, не рассказывал, где он добыл их, а Том и его товарищи, не знавшие местных наречий, не могли протестовать.

Их хозяином стал богатый арабский купец, который намеревался через несколько дней отправить их к озеру Танганьика, где главным образом проходят караваны невольников, и оттуда – в занзибарские фактории.

Дойдут ли они живыми через самые нездоровые и опасные области Центральной Африки? Ведь им предстояло пройти полторы тысячи миль в неимоверно тяжелых условиях, по местам, где не прекращались войны между царьками различных племен и где климат был убийственным.

Хватит ли на это сил у старого Тома? Или он не выдержит мучений и умрет дорогой, как несчастная Нэн?

Но по крайней мере четверо друзей не были разлучены! От этого сознания даже сковывавшая их цепь как будто становилась легче. Новый хозяин-араб велел отвести их в отдельный барак. Он явно заботился о сохранности «товара», который сулил ему немалый барыш на занзибарском рынке.

Тома, Бата, Остина и Актеона тотчас же увели с площади, и они не увидели и не узнали, каким неожиданным происшествием закончилась ярмарка в Казонде.

Глава одиннадцатая

Королевский пунш

Около четырех часов в конце главной улицы послышался грохот барабанов, звон цимбал и других африканских музыкальных инструментов. Возбуждение толпы на площади к этому времени достигло предела. Полдня споров, драк и криков не приглушили звонких голосов и не утомили неистовых торговцев. Еще не все невольники были проданы, и покупатели перебивали друг у друга партии рабов с пылом, перед которым меркнет даже азарт лондонских биржевых маклеров в день крупной игры на повышение.

Но при звуках этого внезапно начавшегося нестройного концерта все сделки были отложены, и крикуны могли перевести дыхание.

Ярмарку почтил своим посещением его величество Муани-Лунга, король Казонде. Его сопровождала довольно многочисленная свита из жен, «чиновников», солдат и рабов. Алвиш и прочие работорговцы поспешили ему навстречу. Они не скупилась на почтительные приветствия, зная, что коронованный пьянчуга весьма чувствителен к лести.

Старый паланкин, в котором принесли Муани-Лунга, остановился посреди площади, и царек, поддерживаемый десятком услужливых рук, ступил на землю.

Муани-Лунга было пятьдесят лет, но по виду ему можно было дать все восемьдесят, и походил он на дряхлую обезьяну. На голове у него красовалось некое подобие тиары, отделанной когтями леопарда, выкрашенными в красный цвет, и пучками белой шерсти. Это была корона властителей Казонде. Две расшитые жемчугом юбки из кожи антилопы куду, более заскорузлые, чем фартук кузнеца, опоясывали бедра короля. Его грудь была разукрашена сложной татуировкой, свидетельствовавшей о древности королевского рода; если верить ей, родословная королевского дома Муани-Лунга терялась во тьме веков. На лодыжках, на запястьях, на обоих предплечьях короля звенели медные браслеты с инкрустацией из стеклянных бус, а обут он был в сапоги выездного лакея с желтыми отворотами – их поднес ему в дар Алвиш лет двадцать тому назад. В левой руке король держал палку с круглым серебряным набалдашником, а в правой – хлопущку от мух с рукояткой, унизанной жемчугом. Парадный наряд короля довершали вздымавшийся над его головой старый зонт, испещренный разноцветными заплатами, как штаны арлекина, висевшая на

шее лупа и украшавшие нос очки, о которых так сокрушался кузен Бенедикт: их обнаружили в кармане Бата, и Алвиш преподнес их его величеству Муани-Лунга. Таков был этот негритянский монарх, державший в страхе область округностью в сто миль.

Уже по той причине, что он занимал королевский престол, Муани-Лунга полагал, что происходит «прямо с небес», и любого из своих подданных, который осмелился бы усомниться в этом, он отправил бы на тот свет удостовериться в справедливости его утверждения. Он утверждал также, что плоть его божественна, и поэтому он свободен от всех земных потребностей. Если он ест, то лишь потому, что это ему нравится, а пьет только ради удовольствия. Впрочем, пить больше, чем Муани-Лунга, было невозможно. Его министры, его чиновники, закоренелые пьяницы, казались по сравнению с ним трезвенниками. Его величество был проспиртован насквозь и непрестанно вливал в себя крепкое пиво, настойку «помбе» и в особенности водку, которую в изобилии поставлял ему Алвиш.

В гареме Муани-Лунга было множество жен всех рангов и возрастов. Большинство жен пришли вместе с ним на рыночную площадь. Муана – первая жена, носившая титул королевы, – была ведьмой лет под сорок. В ее жилах, как и у большинства ее товарок, текла королевская кровь. Она носила пестрый клетчатый платок, юбку, сплетенную из травы и расшитую бусами, и столько ожерелий, сколько удалось уместить на шее, на руках и ногах. Многоэтажная сложная прическа обрамляла ее обезьянье крохотное лицо. В общем, она была настоящим страшилищем. Остальные жены его величества, которые набирались из его сестер и других родственниц, не столь нарядные, но более молодые, следовали за первой женой, готовые по первому знаку властелина приступить к выполнению своих обязанностей живой мебели. Только так и можно назвать этих несчастных. Когда королю угодно было сесть, две из них пригибались к земле и служили ему сиденьем, а другие расстилались под его ногами своеобразным черным ковром.

Следом за женами в свите Муани-Лунга шествовали его министры, военачальники и колдуны, как и их монарх, тоже не твердо державшиеся на ногах. При взгляде на этих дикарей прежде всего бросалось в глаза, что у каждого из них не хватало какой-нибудь части тела. Один был безухим, другой – безносым, у третьего недоставало руки, у четвертого – глаза. Среди них не было ни одного, кто мог бы похвастать наличием полного комплекта частей своего тела. Это объяснялось тем, что законодательство Казонде знало только два вида наказаний: смертную казнь или увечье, причем степень наказания зависела от каприза Муани-Лунга. За малейшую

провинность приближенных короля калечили и увечили, и больше всего придворные боялись лишиться ушей, ибо тогда они уже не могли носить серьги!

Начальники «килоло», то есть правители районов, занимавшие этот пост по наследству или назначаемые на четыре года, носили красный жилет и колпак из зебровой шкуры. В руках они держали знак своей власти – длинный бамбуковый жезл, один конец которого был натерт магическим зельем.

У солдат орудием нападения и защиты служили луки, обмотанные запасной тетивой и украшенные бахромой, остро отточенные ножи, копья с длинными и широкими наконечниками и пальмовые щиты, украшенные причудливой резьбой. Что касается мундиров, то на них его величеству тратиться не приходилось.

Королевский кортеж замыкали придворные колдуны и музыканты.

Мганнги – колдуны – в то же время являются и лекарями. Африканские дикари слепо верят в чудодейственную силу заклинаний своих мганнгов, верят в гадания и в фетиши – глиняные фигурки, испещренные белыми и красными пятнами и изображающие фантастических животных, или вырезанные из дерева фигуры мужчин и женщин. Впрочем, многие колдуны были так же изувечены, как и остальные придворные. Видимо, разгневанный монарх оплачивал им этим способом попытки лечения, не увенчавшиеся успехом.

Музыканты, мужчины и женщины, потрясали невероятно звонкими трещотками, били в гулкие барабаны, колотили длинными палочками с каучуковым шариком на конце по своим «маримба», то есть тимпанам, сделанным из нескольких тыквенных бутылок различных размеров. В общем, шум получался оглушительный, и выносить его могли только уши африканцев.

Над королевским кортежем развевались знамена и флажки, а еще выше на остриях пик белели черепа нескольких соседних негритянских царьков, которых Муани-Лунга победил.

Как только король появился на площади, со всех сторон раздались бурные приветственные возгласы. Солдаты караванов выстрелили в воздух из своих старых ружей, но звук выстрелов потонул в неистовом реве толпы. Хавильдары поспешно натерли свои черные физиономии порошком киновари, которую они носили в мешках у пояса, и простерлись перед королем ниц. Затем Алвиш, выступив вперед, преподнес королю большую пачку табаку – «успокоительной травы», как ее называют в Казонде. Муани-Лунга как раз весьма нуждался в каком-нибудь успокоительном

средстве, ибо неизвестно почему пребывал в очень плохом настроении.

Вслед за Алвишем Коимбра, Ибн-Хамис и другие работорговцы, арабы и метисы, заверили могущественного властителя Казонде в своей преданности. «Мархаба!» – говорили королю арабы, что на языке жителей Центральной Африки значит «добро пожаловать». Метисы из Уджиджи хлопали в ладоши и отвешивали низкие, до самой земли, поклоны. Некоторые мазали лицо грязью и раболепно простирались перед своим гнусным властелином.

Но Муани-Лунга даже не смотрел на раболепствующих льстецов и шел мимо них неверной походкой, широко расставляя ноги, словно земля под ним качалась. Так он прошел, а вернее, проковылял среди толп выведенных для продажи рабов, и если работорговцы боялись, как бы королю не вздумалось объявить своей собственностью кого-нибудь из невольников, то последние не меньше страшились попасть во власть этого свирепого животного.

Негоро ни на шаг не отходил от Алвиша и вместе с ним низко поклонился королю. Они беседовали на туземном наречии, если может быть назван беседой разговор, при котором Муани-Лунга только пьяно цедил сквозь зубы нечленораздельные междометия. И он еще потребовал, чтобы его друг Алвиш пополнил запас водки, исчерпанный последними выпивками.

– Король Лунга – желанный гость на рынке в Казонде! – говорил Алвиш.

– Пить хочу! – отвечал монарх.

– Король получит свою долю в прибылях ярмарки, – добавил Алвиш.

– Пить! – повторил Муани-Лунга.

– Мой друг Негоро счастлив лицезреть короля Казонде после столь долгой разлуки.

– Пить! – зарычал пьяница, от которого так и разило отвратительным запахом водочного перегара.

– Не угодно ли королю помбе или меда? – лукаво спросил работорговец, отлично знавший, чего добивается Муани-Лунга.

– Нет, нет!.. – закричал король. – Водки! За каждую каплю огненной воды я дам моему другу Алвишу...

– По капле крови белого человека! – подсказал Негоро, сделав Алвишу знак, на который тот ответил утвердительным кивком головы.

– Белого? Убить белого! – воскликнул Муани-Лунга, чьи дикие инстинкты сразу ожили при этом предложении португальца.

– Белый убил одного из агентов Алвиша, – продолжал Негоро.

– Да, моего агента Гарриса, – подхватил Алвиш. – Мы должны отомстить.

– Пошлите его к королю Массонго, в верховья Заира, в племя ассуа. Они разрежут его на кусочки и съедят живьем. Они еще не потеряли вкуса к человеческому мясу! – воскликнул Муани-Лунга.

Массонго был царьком племени людоедов. В некоторых провинциях Центральной Африки еще открыто практикуется людоедство. Ливингстон отмечает это в своих путевых записках. Племя маньема, живущее на берегах Луалабы, съедает не только врагов, убитых на войне, но и покупает рабов, чтобы съесть их, заявляя, что «человеческое мясо немножко соленое и почти не требует приправ». Камерон также столкнулся с племенем людоедов – моэнне бугга, которые по несколько дней вымачивают в проточной воде трупы убитых, перед тем как съесть их, а Стэнли наблюдал случай людоедства у жителей Укусу; словом, обычай этот в Центральной Африке весьма распространен.

Но как ни ужасна была казнь, придуманная королем для Дика Сэнда, Негоро она не понравилась: в его расчеты не входило выпускать жертву из своих рук.

– Этот белый убил нашего друга Гарриса в Казонде, – сказал он.

– И здесь же он должен умереть! – добавил Алвиш.

– Где хочешь, Алвиш, – ответил Муани-Лунга. – Но по капле огненной воды за каплю крови белого!

– Да, огненную воду, и сегодня ты увидишь, что она заслуживает это название. Она будет пылать! Сегодня Жозе-Антониу Алвиш угостит короля Муани-Лунга пуншем!

Пьяница с размаху хлопнул по руке Алвиша. Он не помнил себя от радости. Свита и жены короля также разделяли его восторг. Они еще никогда не видали, как горит «огненная вода», и, несомненно, думали, что ее можно пить пылающей. А потом, утолив жажду алкоголя, они утолят еще и жажду крови, такую могучую у дикарей.

Бедный Дик Сэнд! Какая страшная пытка ждала его! Если и цивилизованные люди в пьяном виде теряют человеческий облик, то можно себе представить, какое действие оказывает алкоголь на дикарей!

Нетрудно понять, что возможность подвергнуть пыткам белого человека пришлось по вкусу и туземцам, и Жозе-Антониу Алвишу, такому же негру, как они, и Коимбре, метису с негритянской кровью, и, наконец, Негоро, который питал жесточайшую ненависть к людям своей расы.

Наступил вечер – вечер без сумерек, когда вслед за днем почти сразу же приходит ночь, самое благоприятное время для пламени алкоголя.

Идея Алвиша предложить его негритянскому величеству пуншу, преподнести ему водку в новом виде, была поистине блестящей. В последнее время Муани-Лунга уже находил, что «огненная вода», собственно говоря, плохо оправдывает свое название. Быть может, полыхающая пламенем, она более заметно пощекочет потерявший чувствительность королевский язык!

Итак, в программе вечера первым номером стоял пунш, а вторым – пытка.

Дик Сэнд, запертый в своей тесной темнице, должен был выйти из нее только навстречу смерти. Невольников – проданных и непроданных – загнали обратно в бараки. На обширной читке остались лишь работорговцы, хавильдары и солдаты, готовые отведать свою долю пунша, если король и его придворные что-нибудь им оставят.

Жозе-Антониу Алвиш, следуя советам Негоро, приготовил все необходимое для пунша. На середину площади вынесли большой медный котел, вмещающий по меньшей мере двести пинт жидкости. В него вылили несколько бочонков самого плохого, но очень крепкого спирта. Туда же положили перец, корицу и другие пряности, чтобы придать пуншу еще больше остроты.

Все встали вокруг короля. Муани-Лунга, пошатываясь, подошел к котлу. Водка притягивала его, как магнит, – казалось, он готов был броситься в котел.

Алвиш благородно удержал его и сунул ему в руку горящий фитиль.

– Огонь! – крикнул он с притворно восхищенной улыбкой.

– Огонь! – повторил Муани-Лунга и ткнул горящий фитиль в котел.

Как загорелся спирт, как красиво заплясали на его поверхности синие огоньки! Алвиш – несомненно, для того, чтобы сделать напиток еще более пряным, – бросил в пунш пригоршню морской соли. Отблески пламени придавали людям, обступившим котел, ту призрачную синеватость, какую человеческое воображение приписывает привидениям. Опьянев от одного ожидания, туземцы дико завопили, запрыгали и, взявшись за руки, закружились в огромном хороводе вокруг короля Казонде.

Алвиш, вооружившись огромной разливательной ложкой с длинной ручкой, помешивал в котле огненную жидкость, от которой на лица бесновавшихся танцоров падали синие отсветы.

Муани-Лунга шагнул ближе. Он вырвал ложку из рук работорговца, опустил ее в котел, зачерпнул пылающий пунш и поднес его ко рту...

Как страшно вскрикнул король Казонде!

Произошло самовозгорание. Его насквозь проспиртованное

величество воспламенился, как вспыхнула бы бутылка керосина. Огонь этот не давал большого жара, но тем не менее пожирал плоть.

При таком неожиданном зрелище хоровод туземцев распался.

Один из министров Муани-Лунга бросился к своему повелителю, чтобы погасить его. Но, будучи проспиртованным не менее, чем король, министр тут же загорелся сам.

Всем придворным Муани-Лунга, если бы они попытались вмешаться, угрожала та же участь.

Алвиш и Негоро не знали, как помочь горящему королю. Королевские жены в страхе бросились бежать. Коим-бра бежал еще быстрее, зная свою легковоспламеняющуюся натуру.

Король и министр, упав на землю, корчились от нестерпимой боли.

Когда ткани тела так глубоко пропитаны алкоголем, при горении возникает только легкое синеватое пламя, которое нельзя погасить водой. Даже если удастся притушить его снаружи, оно будет гореть внутри. Нет никакого способа прекратить горение живого организма, все поры которого насыщены спиртом.

Через несколько минут Муани-Лунга и его министр были мертвы, но трупы их все еще продолжали гореть. Вскоре только горсть пепла да несколько позвонков и фаланги пальцев, не поддавшиеся огню, но покрытые зловонной сажой, лежали возле котла с пуншем.

Больше ничего не осталось от короля Казонде и его министра.

Глава двенадцатая

Похороны короля

На следующий день, 29 мая, город Казонде выглядел необычно. Перепуганные туземцы скрылись в своих хижинах. Никогда не видели они, чтобы какой-нибудь король, плоть которого божественна, или какой-нибудь простой министр погиб такой страшной смертью. Кое-кому из них случалось сжигать себе подобных, а самые старые еще помнили сложные кулинарные приготовления, связанные с людоедством. Поэтому они знали, сколь трудно обратить в пепел человеческое тело, а тут король и его министр вдруг сгорели сами собой! В этом им чудилось, да и в самом деле было что-то непостижимое.

Жозе-Антониу Алвиш также притаился в своем доме. Он боялся, как бы его не сочли ответственным за происшедшее. Негоро объяснил ему причину смерти короля и посоветовал держаться настороже. Плохи будут дела Алвиша, если смерть короля отнесут за его счет: тогда ему не выкрутиться без изрядных убытков.

Но Негоро пришла в голову блестящая мысль. По его совету Алвиш пустил слух, что необыкновенная смерть повелителя Казонде – знак особой милости к нему великого Маниту, что это честь, которой боги удостаивают лишь избранных. Суеверные туземцы легко попались на эту нехитрую удочку. Огонь, исходивший из тел короля и министра, был объявлен священным. Оставалось только почтить Муани-Лунгу похоронами, достойными человека, возведенного в ранг божества.

Эти похороны и связанные с ними у африканских племен своеобразные обряды давали Негоро возможность свести счеты с Диком Сэндом. Если бы не свидетельство многих исследователей Центральной Африки, и в частности Камерона, трудно было бы поверить, сколько проливается крови на похоронах негритянских царьков вроде Муани-Лунга.

Естественной наследницей царька Казонде была его жена Муана. Немедленно устроив похороны, она тем самым провозглашала свои верховные права и могла опередить других претендентов, и в первую очередь короля Укусу, стремившегося стать властителем Казонде. Кроме того, став королевой, Муана избегала жестокой участи, уготованной прочим супругам покойного короля, и одновременно избавлялась от младших жен, которые ей, первой по времени и старшей по возрасту супруге, немало досаждали. Это особенно пришлось по вкусу свирепой

мегере. Поэтому она велела объявить народу при звуках рога куду и маримбы, что завтра вечером тело покойного короля будет предано погребению с соблюдением всех установленных обрядов.

Приказ новой королевы не вызывал возражений ни со стороны двора, ни со стороны народа. Алвишу и другим работорговцам нечего было бояться восшествия на престол королевы Муаны. Они не сомневались, что с помощью лести и подарков легко подчинят ее своему влиянию. Итак, вопрос о престолонаследии разрешился быстро и мирно. Смущение царило только в гареме покойного короля, и не без причин.

Подготовка к похоронам началась в тот же день. В конце главной улицы Казонде протекал полноводный и стремительный ручей, приток Кванго. Его следовало отвести в сторону, чтобы осушить его русло и вырыть в его дне могилу; после погребения ручей должны были пустить по прежнему руслу.

Туземцы принялись возводить плотину, преграждавшую путь ручью и временно направлявшую его на равнину Казонде. В конце погребальной церемонии эту плотину должны были разрушить, чтобы вода могла вернуться в прежнее русло.

Негоро решил включить Дика Сэнда в число людей, которые будут принесены в жертву на могиле короля. Португалец был свидетелем того неудержимого порыва, которым разгневанный юноша встретил принесенное Гаррисом известие о смерти миссис Уэлдон и Джека. Будь Дик на свободе, жалкий трус Негоро побоялся бы подойти к нему, чтобы не подвергнуться участи своего сообщника. Но теперь при виде беспомощного, связанного по рукам и ногам пленника он понял, что опасаться нечего, и решил навестить его. Португалец был одним из тех отъявленных негодяев, которым мало причинять мучения, им надо еще поиздеваться над своей жертвой.

Поэтому он отправился днем в сарай, где юношу зорко стерегли хавильдары. Дик Сэнд лежал на полу, связанный по рукам и ногам. В последние сутки ему совсем не давали пищи. Ослабевший от пережитых страданий, измученный веревками, которые впивались в его тело, Дик Сэнд ждал смерти – какой бы жестокой она ни была, смерть по крайней мере положит конец всем его мучениям.

Но при виде Негоро он вострепнулся. Он инстинктивно попытался разорвать путы, которые мешали ему кинуться на изменника и задушить его. Однако даже Геркулес не мог бы справиться с такими крепкими веревками. Дик понял, что хотя борьба не кончена, характер ее меняется, и спокойно посмотрел Негоро прямо в глаза, решив не удостаивать

португальца ответом, что бы тот ни говорил.

– Я счел своим долгом, – начал Негоро, – в последний раз приветствовать моего юного капитана и выразить ему соболезнование по поводу того, что он лишен возможности командовать здесь, как командовал на борту «Пилигрима».

Дик ничего не ответил, и Негоро продолжал:

– Как, капитан, неужели вы не узнаете своего бывшего кока? А я так спешил к вам за распоряжениями! Что прикажете приготовить на завтрак?

С этими словами Негоро грубо толкнул ногой распростертого на земле юношу.

– Кстати, у меня к вам еще один вопрос, капитан. Не можете ли вы наконец объяснить, каким образом, собираясь пристать к берегам Южной Америки, вы в конце концов прибыли в Анголу?

Дик Сэнд и без того знал, что догадка его была правильной и что изменник португалец намеренно испортил компас на «Пилигриме». Насмешливый вопрос Негоро был прямым признанием. Но он опять ответил ему только презрительным молчанием.

– Признайтесь, капитан, – продолжал Негоро, – для вас было большим счастьем, что на борту «Пилигрима» оказался моряк, настоящий опытный моряк. Где бы мы оказались без него, страшно подумать! Но вместо того чтобы разбиться о скалы там, куда занесла бы вас буря, вы благодаря ему прибыли на гостеприимную землю, и если вы наконец очутились в надежном убежище, то обязаны этим лишь тому опытному моряку, которого совершенно напрасно презираете, мой юный хозяин!

И, говоря это, Негоро, чье внешнее спокойствие стоило ему огромных усилий, склонился над Диком Сэндом; лицо его, внезапно ставшее жестоким, почти касалось молодого моряка, словно он хотел его съесть. Долго сдерживаемая его ярость наконец прорвалась.

– Каждому своя очередь! – вскричал он в порыве бешеной злобы, которая еще возрастала от непоколебимого спокойствия его жертвы. – Сегодня капитан – я! Я хозяин! Твоя жизнь, юнга-неудачник, в моих руках!

– Возьми ее, – без всякого волнения ответил Дик Сэнд. – Но помни: на небе есть Бог, он карает за всякое преступление, и час возмездия недалек.

– Ну, если Бог думает о людях, пора ему позаботиться о тебе.

– Я готов предстать перед Всевышним, – холодно сказал Дик Сэнд. – Смерти я не боюсь.

– Это мы еще увидим! – зарычал Негоро. – Уж не надеешься ли ты на чью-нибудь помощь? Это в Казонде-то, где Алвиш и я всеильны? Сумасшедший! Быть может, ты думаешь, что твои спутники – Том и другие

негры – все еще здесь? Ошибаешься! Они давно проданы и бредут по дороге к Занзибару. Им еще повезет, если они не подохнут по дороге.

– У Бога есть тысячи способов вершить свой суд, – ответил Дик Сэнд. – Ему может хватить и самого малого орудия... Геркулес на свободе.

– Геркулес? – повторил Негоро, топнув ногой. – Его давно растерзали львы и леопарды, и я жалею только о том, что дикие звери отняли у меня возможность отомстить ему.

– Если Геркулес умер, – возразил Дик Сэнд, – то Динго еще жив. А такой собаки, как Динго, более чем достаточно, чтобы справиться с таким человеком, как ты. Я вижу тебя насквозь, Негоро: ты трус! Динго ищет тебя, он сумеет тебя найти, и день встречи с ним будет твоим последним днем.

– Негодяй! – взревел взбешенный португалец. – Негодяй! Я собственноручно застрелил твоего Динго. Динго так же мертв, как миссис Уэлдон и ее сын, мертв, как умрут все, кто был на «Пилигриме»!..

– И как ты сам скоро умрешь, – ответил Дик, чей спокойный голос и смелый взгляд окончательно вывели португальца из себя.

Не помня себя от ярости, Негоро уже готов был от слов перейти к делу и своими руками задушить беззащитного пленника. Он набросился на Дика и бешено встряхнул юношу, но внезапная мысль остановила его. Он сообразил, что убить Дика сейчас – значит избавить его от двадцати четырех часов мучений, которые ему готовились. Поэтому он выпрямился и, приказав хавильдару, бесстрастно стоявшему в стороне, хорошенько стеречь пленника, быстро вышел из барака.

Эта сцена не только не привела Дика в уныние, но, напротив, вернула ему крепость духа и мужество, а кроме того, Дик Сэнд вдруг почувствовал и прилив физических сил. Быть может, Негоро, яростно вцепившись в него, немного ослабил путы, которые до сих пор не позволяли ему пошевелиться? Вполне возможно, так как Дик почувствовал, что может двигать руками и ногами гораздо свободнее, чем до появления своего палача. Он подумал даже, что ему без особых усилий удастся освободить руки. Правда, в запертой и строго охраняемой темнице это принесло бы ему лишь небольшое облегчение; но то была одна из тех минут жизни, когда даже самое крошечное улучшение положения кажется неоценимым счастьем.

Разумеется, у Дика не было никакой надежды. Спасение могло прийти к нему только извне – но откуда оно пришло бы? И он смирился со своей судьбой. По правде говоря, ему вовсе не хотелось жить. Он вспоминал всех тех, кто уже опередил его на пути к смерти, и хотел теперь лишь поскорее

присоединиться к ним. Негоро только что повторил слова Гарриса: миссис Уэлдон и Джека уже нет в живых! Вероятно, и Геркулес, которого на каждом шагу подстерегало столько опасностей, также умер, и умер ужасной смертью. Том и его спутники далеко, и приходится согласиться с тем, что они навсегда потеряны для Дика. Надеяться на что-нибудь лучшее, чем смерть, которая все же будет менее мучительной, чем его нынешняя жизнь, было бы чистейшим безумием. И юноша готовился умереть, моля Бога только о мужестве, только о том, чтобы, не слабая, выдержать пытки до конца. Но когда Дик Сэнд уже приготовился расстаться с жизнью, в самой глубине его сердца забрезжил луч надежды, слабый проблеск, который, вопреки жестокой очевидности, мог еще превратиться в ослепительный свет.

Часы текли. Приближалась ночь. Лучи дневного света, пробивавшиеся сквозь щели в соломенной кровле, постепенно угасли. Успокоилась и площадь – в тот день на ней вообще было тихо по сравнению с неистовым гамом, стоявшим тут накануне. Тени в тесной камере Дика сгустились, и наступил полный мрак. В городе Казонде все стихло.

Дик Сэнд заснул и проспал здоровым сном около двух часов. Пробудился он отдохнувшим и бодрым. Ему удалось высвободить из веревок одну руку, отек на ней немного опал, и он с огромным наслаждением вытягивал, сгибал и разгибал ее.

Очевидно, уже перевалило за полночь. Хавильдар спал тяжелым сном: вечером он опорожнил до последней капли бутылку водки, и его судорожно сжатые пальцы все еще цепко обхватывали ее горлышко. Дику Сэнду пришла в голову мысль завладеть оружием своего тюремщика: оно могло очень пригодиться ему в случае побега. Но в это время ему послышалось какое-то шуршание за дверью барака у самой земли. Опираясь на свободную руку, Дик ухитрился подползти к двери, не разбудив хавильдара.

Дик не ошибся. Что-то действительно шуршало за стеной – казалось, кто-то роет землю под дверью. Но кто? Человек или животное?

– Ах, если бы это был Геркулес! – прошептал юноша.

Он посмотрел на хавильдара. Тот лежал совершенно неподвижно, скованный тяжелым сном. Дик приложил губы к щели над порогом и рискнул чуть слышно позвать: «Геркулес!» В ответ раздалось жалобное, глухое тьяканье. «Это не Геркулес, – подумал Дик, – но это Динго! Умный пес учуял меня даже в этом бараке! Не принес ли он новой записки от Геркулеса? Но если Динго жив, значит, Негоро солгал, и может быть...»

В это мгновение под дверь просунулась лапа. Дик схватил ее и тотчас

же узнал лапу Динго. Но если верный пес принес записку, она должна быть привязана к ошейнику. Как быть? Можно ли настолько расширить дыру под дверь, чтобы Динго просунул в нее голову? Во всяком случае, надо попробовать.

Но едва Дик Сэнд начал рыть землю ногтями, как на площади раздался лай, и это не был голос Динго. Городские псы заметили чужака, и Динго, несомненно, пришлось обратиться в бегство. Раздалось несколько выстрелов. Хавильдар наполовину проснулся. Дик Сэнд, принужденный из-за этой тревоги оставить всякую мысль о побеге, перекатился обратно в свой угол и через несколько часов, показавшихся ему бесконечными, увидел, что занимается день – последний день его жизни...

В течение всего этого дня продолжалась подготовка к похоронам. В ней принимали участие множество туземцев под руководством первого министра королевы Муаны. Все нужно было подготовить к назначенному сроку, не то нерадивым работникам грозило увечье: новая повелительница собиралась во всем следовать примеру покойного своего супруга.

Воды ручья были отведены в сторону, и посреди обнажившегося русла вырыли большую яму – пятьдесят футов в длину, десять в ширину и столько же в глубину.

К концу дня эту яму начали заполнять живыми женщинами, выбранными среди рабынь Муани-Лунга. Как правило, этих несчастных просто закапывают живыми в могилу, но по случаю необычной и, может быть, даже сверхъестественной смерти Муани-Лунга решено было изменить церемониал и утопить их рядом с телом покойного короля.

Обычай требовал также, чтобы покойный король, перед тем как его опустят в могилу, был облечен в лучшие свои одежды. Но на этот раз, поскольку от Муани-Лунга осталось лишь несколько обуглившихся костей, пришлось поступить по-иному. Из ивовых прутьев было сплетено чучело, дававшее вполне удовлетворительное, а может быть, даже излишне лестное представление о Муани-Лунга, и в него положили все несгоревшие его останки. Затем чучело одели в парадный королевский наряд – мы знаем, что это рубище стоило совсем недорого, – не забыв украсить его и очками кузена Бенедикта. В этом маскараде было что-то смешное и в то же время жуткое.

Обряд торжественного погребения полагалось совершить ночью, при свете факелов и с великой пышностью. По приказу королевы все население Казонде – и туземцы, и приезжие – должно было присутствовать на похоронах.

Едва спустился вечер, длинная процессия потянулась по главной

улице, от читоки к месту погребения. На всем пути следования кортежа ни на миг не прекращались обрядовые пляски, крики, завывания колдунов, грохот музыкальных инструментов и залпы из старых мушкетов, взятых с оружейного склада.

Жозе-Антониу Алвиш, Коимбра, Негоро, арабы-работоторговцы и их хавильдары также пополнили собой толпы населения Казонде. Никто еще не покинул большую ярмарку. Королева Муана запретила это, и было бы неосторожно послушаться приказа той, кто учится ремеслу повелительницы.

Тело Муани-Лунга, уложенное в паланкине, несли в последних рядах процессии. Его окружали жены второго ранга, и некоторые из них должны были проводить своего супруга и повелителя на тот свет. Королева Муана в парадном одеянии шла за тем, что можно назвать катафалком. К тому времени когда процессия достигла берега ручья, стало уже совершенно темно, но красноватое пламя множества смоляных факелов, которыми несущие их все время размахивали, отбрасывало на похоронное шествие дрожащие блики.

При этом свете ясно видна была яма, вырытая в осушенном русле ручья. Она была заполнена теперь черными телами – еще живыми, ибо они шевелились в своих цепях, приковывавших их к земле. Пятьдесят невольниц ждали здесь, когда поток обрушится на них, – в большинстве молодые негритянки. Одни безмолвно покорились своей участи, другие тихо стонали и плакали.

Разряженные, словно на праздник, жены, которые должны были погибнуть, были заранее отобраны королевой.

Одну из этих жертв, носившую титул второй жены, заставили опуститься на колени и опереться руками о землю: она должна была служить креслом мертвому королю, как служила ему живому; третья жена поддерживала чучело, а четвертая легла под его ноги вместо подушки.

Прямо перед чучелом, на противоположном конце ямы, стоял врытый в землю столб, выкрашенный в красный цвет. К столбу привязали белого человека, обреченного на смерть вместе с прочими жертвами кровавых похорон.

Этим белым был Дик Сэнд. На обнаженном до пояса теле юноши видны были следы пытки, которой его подвергли по приказу Негоро. Привязанный к столбу Дик спокойно ждал смерти, зная, что на земле ему больше не на что надеяться.

Однако минута, назначенная для разрушения плотины, еще не настала.

По знаку королевы Муаны палач Казонде перерезал горло четвертой жене – той, которая лежала у ног короля, и ее кровь потекла в яму. Это

послужило сигналом к началу чудовищной бойни. Пятьдесят рабынь упали под ножами палачей. По сухому руслу ручья потоком хлынула кровь.

В течение получаса крики жертв смешивались с яростными воплями толпы, и тщетно было бы искать в ней жалости или отвращения!

Наконец королева Муана снова подала знак, и несколько туземцев начали пробивать сток в плотине. С утонченной жестокостью плотину не разрушили сразу, а пустили воду в старое русло тонкой струей. Смерть медленная вместо смерти быстрой!

Вода залила сначала тела рабынь, распростертых на дне ямы. Те из них, которые были еще живы, отчаянно извивались, захлебываясь. Когда вода дошла до колен Дика Сэнда, он сделал последнее отчаянное усилие, пытаясь разорвать свои узы.

Но вода все поднималась. Головы последних жертв одна за другой исчезли в потоке, заполнявшем свое старое русло, и не осталось никаких следов того, что на дне ручья вырыта могила, где сотня человеческих жизней была принесена в жертву во славу короля Казонде.

Перо отказалось бы описывать такие сцены, если бы стремление к истине не обязывало меня воспроизвести их во всей их отвратительной реальности. В этой мрачной стране человек стоит еще на такой низкой ступени развития! И об этом нельзя больше забывать.

Глава тринадцатая

В фактории

Гаррис и Негоро лгали, утверждая, что миссис Уэлдон и маленький Джек умерли. И она, и он, и кузен Бенедикт находились в Казонде.

После того как термитник был взят приступом, их под конвоем десятка туземных солдат отправили с берегов Кванзы в Казонде. Возглавляли этот отряд Гаррис и Негоро.

Миссис Уэлдон и маленькому Джеку предоставили крытые носилки – китанду, как их здесь называют. Почему вдруг такой человек, как Негоро, оказался столь заботливым? Миссис Уэлдон предпочитала не искать ответа на этот вопрос.

Путь от Кванзы до Казонде был пройден быстро и не утомил пленников. Кузен Бенедикт, на которого, видимо, нисколько не влияли тяжелые лишения, оказался отличным ходоком. Так как никто не мешал ему рыскать по сторонам, он не жаловался на свою судьбу. Маленький отряд прибыл в Казонде на неделю раньше каравана Ибн-Хамиса. Миссис Уэлдон с сыном и кузена Бенедикта заперли в фактории Алвиша.

Надо сразу же сказать, что Джек чувствовал себя гораздо лучше. С тех пор как отряд покинул болотистые места, где мальчик заболел лихорадкой, он понемногу поправлялся и теперь был почти совсем здоров. Ни мать, ни сын, конечно, не перенесли бы трудностей пешего перехода с невольничьим караваном. Но, путешествуя таким способом, причем им не отказывали и в некоторых заботах, оба чувствовали себя неплохо, по крайней мере физически.

О своих спутниках миссис Уэлдон больше ничего не знала. Она видела, как Геркулес убежал в лес, но понятия не имела, что с ним произошло дальше. Она надеялась, что в отсутствие Гарриса и Негоро, которые могли бы подвергнуть Дика Сэнда пыткам, дикари не посмеют плохо обращаться с белым человеком. Но она понимала, что дела Тома, Нэн, Бата, Актеона и Остина плохи: они негры, и с ними, несомненно, поступят как с неграми. Бедные люди, им не следовало бы приближаться к африканской земле, а предательство Негоро привело их именно сюда.

Когда караван Ибн-Хамиса прибыл в Казонде, миссис Уэлдон, не имея никакой связи с внешним миром, ничего об этом не знала.

Шум и оживление в день открытия ярмарки также ничего не объяснили миссис Уэлдон. Она не знала ни того, что Том и его товарищи

куплены работорговцем из Уджиджи, ни того, что скоро их уведут. Она не слышала ни о гибели Гарриса, ни о смерти короля Муани-Лунга, ни о его торжественных похоронах, где Дику назначена была роль одной из многих жертв. Несчастливая одинокая женщина была всецело во власти работорговцев и Негоро; она не могла даже искать избавления в смерти, потому что с ней был ее сын!

Миссис Уэлдон ничего не знала о том, какая судьба ее ожидает. За все время путешествия Гаррис и Негоро не сказали ей ни единого слова. После прибытия в Казонде она ни разу их больше не видела и не могла выйти за ограду, окружавшую личную усадьбу богатого работорговца.

Стоит ли говорить, что миссис Уэлдон не получила никакой помощи от большого ребенка – кузена Бенедикта. Это разумеется само собой.

Когда почтенный ученый узнал, что он находится вовсе не в Южной Америке, как предполагал, он даже не спросил, каким образом это могло случиться. Он испытал только глубокое разочарование. Ведь он гордился тем, что первым среди ученых нашел в Америке муху цеце и ратных термитов, и вдруг оказалось, что это самые обыкновенные африканские насекомые, которых до него находили и описывали многие натуралисты. Итак, рухнули его надежды прославить свое имя этими открытиями! В самом деле, кого могло удивить, что кузен Бенедикт привез коллекцию африканских насекомых, раз он и был в Африке?

Но когда первая досада улеглась, кузен Бенедикт сказал себе, что эта «земля фараонов» – так он называл Африку – является неисчерпаемой сокровищницей для энтомолога и что он не только ничего не потерял, а даже выиграл, попав сюда, а не в «землю инков».^[68]

– Подумать только, – повторял он себе, и не только себе, но и миссис Уэлдон, которая его не слушала, – подумать только, что здесь родина мантикор, этих жесткокрылых с длинными волосатыми лапками, с заостренными, сросшимися надкрыльями и с огромными челюстями, из которых самая замечательная, конечно, бугорчатая мантикора. Это родина жужелиц-краснотелов, гвинейских и габонских жуков-голиафов, ножки которых снабжены шипами; родина пятнистых пчел-антидий, откладывающих свои яйца в пустые раковины улиток; родина священных скарабеев, которых древние египтяне почитали как богов. Здесь родина бабочки-сфинкса, иначе говоря – бабочки «мертвая голова», которая сейчас распространилась по всей Европе, родина «биготовой мухи», укуса которой так боятся сенегальцы. Да, здесь можно сделать изумительные открытия, и я их сделаю, если только эти славные люди позволят мне заняться поисками.

Мы знаем, кто были эти «славные люди», которых кузен Бенедикт даже и не думал осуждать. Впрочем, как уже сказано, Негоро и Гаррис предоставляли ученому-энтомологу некоторую свободу, тогда как Дик Сэнд во время перехода от океанского побережья до Кванзы строго-настрого запрещал ему всякие экскурсии. Наивный ученый был весьма растроган такой снисходительностью.

Итак, кузен Бенедикт был бы счастливейшим энтомологом на свете, если б не одно грустное обстоятельство: жестяная коробка для коллекций по-прежнему висела у него на боку, но очки уже больше не украшали его переносицу, а лупа не висела на его груди. Слыханное ли дело – ученый-энтомолог без очков и без лупы! И однако кузену Бенедикту не суждено было вновь вступить во владение этими оптическими приборами, ибо их похоронили на дне ручья вместе с чучелом короля Муани-Лунга. Несчастному ученому приходилось теперь подносить к самым глазам пойманное насекомое, чтобы различить хотя бы самые заметные особенности его строения. Это служило источником постоянных огорчений для кузена Бенедикта, и он готов был уплатить любую сумму за пару очков, но, к несчастью, этот товар был слишком редким на ярмарке в Казонде. Как бы то ни было, кузену Бенедикту предоставили право бродить по всей фактории Жозе-Антониу Алвиша. Всем было ясно, что он неспособен бежать. Впрочем, фактория была обнесена со всех сторон высоким частоколом, через который нелегко было перелезть.

Однако сам этот огороженный частоколом участок имел в окружности почти целую милю. Деревья, кусты, несколько ручейков, бараки, шалаши, хижины – всего этого было более чем достаточно для поисков всяких редкостных насекомых, которые могли если не обогатить, то по крайней мере осчастливить кузена Бенедикта. И он действительно поймал несколько насекомых и так старательно изучал их невооруженным глазом, что чуть не потерял зрение, но в конце концов пополнил свою драгоценную коллекцию, а кроме того, успел набросать в общих чертах план фундаментального труда об африканских насекомых. Если бы ему удалось еще найти какого-нибудь нового жука и связать с находкой свое имя, ему нечего больше было бы желать.

Если имение Алвиша было достаточно велико для ученых прогулок кузена Бенедикта, то маленькому Джеку оно казалось огромным, и ему позволяли свободно бегать повсюду. Но малыш не искал удовольствий, столь естественных для его возраста. Он редко покидал мать, которая не любила оставлять его одного и все время боялась какого-нибудь несчастья. Джек часто говорил об отце, которого он так давно не видел. Он просил

поскорее вернуться к папе. Он спрашивал мать о старой Нэн, о своем друге Геркулесе, о Бате, Актеоне, Остине и о Динго, который тоже покинул его. Он хотел видеть своего приятеля Дика Сэнда. Впечатлительную детскую душу переполняли счастливые воспоминания, и он жил только ими. Но на расспросы сына миссис Уэлдон могла ответить только тем, что прижимала его к груди и осыпала поцелуями. Все, что она могла сделать, – это не плакать при нем.

Однако миссис Уэлдон не могла не заметить, что во время переезда от Кванзы до Казонде с ней обращались совсем неплохо и ничто не указывало на намерение изменить такое отношение к ней здесь, в имении Алвиша. В фактории жили только те невольники, которые обслуживали самого работорговца. Все прочие представляли собой «товар» и жили в бараках на площади, откуда их и забирали покупатели. Сейчас склады ломились от запасов различных тканей и слоновой кости; тканей, которые Алвиш обменяет на невольников во внутренних областях Африки, и слоновой кости, которая будет продана на главных рынках континента для вывоза в Европу.

Итак, в фактории жило немного людей. Миссис Уэлдон с Джеком занимали отдельную хижину, кузен Бенедикт – другую. Со слугами работорговца они не встречались. Ели они за одним столом. Кормили их сытно; козлятиной, бараниной, овощами, маниоккой, сорго и местными фруктами. К миссис Уэлдон была особо приставлена Халима, молодая невольница; эта дикарка привязалась к ней и, как умела, проявляла свою преданность, несомненно искреннюю.

Миссис Уэлдон почти не видела Алвиша, занимавшего главное здание фактории, и совсем не видела Негоро, который жил где-то в другом месте. Непонятное отсутствие Негоро удивляло и беспокоило миссис Уэлдон.

«Чего он хочет? Чего ждет? – спрашивала она себя. – Зачем он привез нас в Казонде?»

Так прошли пять дней после прибытия в Казонде каравана Ибн-Хамиса: два дня до похорон Муани-Лунга и три дня после них.

Несмотря на собственные горести и заботы, миссис Уэлдон не могла забыть о том, что ее муж должен быть охвачен отчаянием – ведь ни его жена, ни его сын не вернулись в Сан-Франциско. Он не мог знать, что его жена приняла роковое решение совершить плавание на борту «Пилигрима», и, вероятно, думал, что она приедет с одним из океанских пароходов. Однако эти пароходы прибывали в порт Сан-Франциско регулярно в положенные сроки, но ни миссис Уэлдон, ни Джека, ни кузена Бенедикта на них не было. Кроме того, пора уже было вернуться в Сан-

Франциско и «Пилигриму». Но он не появлялся, и, не получая от него никаких известий, Джемс Уэлдон, должно быть, занес этот корабль в список пропавших. Но какой страшный удар постигнет его в тот день, когда придет сообщение от его оклендских корреспондентов, что миссис Уэлдон выехала из Новой Зеландии на борту «Пилигрима»! Как поступит мистер Уэлдон? Он, конечно, не примирится с мыслью, что его жена и сын погибли в море. Но где он станет их искать? Конечно, на тихоокеанских островах и, быть может, на побережье Южной Америки. Но никогда ему не придет в голову мысль, что его жена и сын могли попасть в мрачную Африку!

Так рассуждала миссис Уэлдон. Но что могла она предпринять? Бежать? Как? За каждым ее движением следили. А кроме того, бежать означало углубиться в эти густые леса, пойти навстречу тысячам опасностей, чтобы попытаться проделать путь к побережью длиной более двухсот миль!

И все же миссис Уэлдон готова была пойти на этот риск, если не представится никакой другой возможности вернуть себе свободу. Но прежде чем принять решение, она хотела узнать, каковы намерения Негоро.

И она их наконец узнала.

Шестого июня, через три дня после погребения короля Муани-Лунга, Негоро пришел в факторию, где он ни разу не появлялся после своего возвращения, и направился прямо к хижине, в которой поселили его пленницу.

Миссис Уэлдон была одна: кузен Бенедикт совершал очередную научную прогулку, маленький Джек под присмотром Халимы играл внутри ограды фактории.

Негоро толкнул дверь хижины, вошел и сказал без всяких предисловий:

– Миссис Уэлдон, Том и его спутники проданы работорговцу из Уджиджи.

– Да поможет им Бог! – сказала миссис Уэлдон, вытирая слезу.

– Нэн умерла в дороге. Дик Сэнд погиб...

– Нэн умерла! И Дик! – вскричала миссис Уэлдон.

– Да, было только справедливо, чтобы ваш пятнадцатилетний капитан заплатил своей жизнью за убийство Гарриса. Вы одна в Казонде, миссис Уэлдон, совершенно одна и находитесь всецело во власти бывшего кока с «Пилигрима». Понятно?

Увы, Негоро говорил правду даже в том, что касалось Тома и его товарищей. Старый негр, его сын Бат, Актеон и Остин накануне покинули

Казонде с караваном работорговца из Уджиджи, даже не получив возможности повидаться с миссис Уэлдон, даже не зная, что она находится в Казонде, в фактории Алвиша. Они уже брели по направлению к области Больших озер. Перед ними лежал путь, длина которого измерялась сотнями миль; не многим людям удалось пройти по нему, и мало кому посчастливилось благополучно вернуться.

– Ну что ж... – прошептала миссис Уэлдон и молча устремила взгляд на Негоро.

– Миссис Уэлдон, – отрывисто заговорил португалец, – я мог бы отомстить вам за все унижения, какие я вынес на «Пилигриме». Но я готов довольствоваться смертью Дика Сэнда! Сейчас я снова становлюсь купцом, и вот какие у меня виды на вас...

Миссис Уэлдон продолжала смотреть на него, не произнося ни слова.

– Вы, – продолжал Негоро, – ваш сын и этот дурень, который гоняется за мухами, представляете собой известную коммерческую ценность. И этой ценностью я намерен воспользоваться. Короче говоря, я намерен вас продать!

– Я – свободный человек! – твердо ответила миссис Уэлдон.

– Если я захочу, вы станете рабыней!

– Кто посмеет купить белую женщину?

– Есть человек, который заплатит за вас столько, сколько я запрошу.

Миссис Уэлдон на мгновение поникла головой. Она знала, что в этой ужасной стране все возможно.

– Вы меня поняли? – повторил Негоро.

– Кто этот человек, которому вы намерены меня продать? – спросила миссис Уэлдон.

– Продать или перепродать, так я полагаю!.. – издевательски ухмыляясь, сказал португалец.

– Как имя этого человека? – настаивала миссис Уэлдон.

– Этот человек... Джемс Уэлдон, ваш муж!

– Мой муж! – воскликнула миссис Уэлдон, не смея верить своим ушам.

– Он самый, миссис Уэлдон. Ваш муж! Ему-то я и собираюсь не просто вернуть, но продать жену и сына и в качестве бесплатного приложения блаженного кузена!

Миссис Уэлдон задала себе вопрос: нет ли в словах Негоро какой-нибудь ловушки? Но нет, он, очевидно, говорил серьезно. Такому отъявленному негодяю, для которого пожива важнее всего, можно было поверить, если речь шла о выгодной для него сделке. А эта сделка

действительно сулила ему немалую прибыль.

– Когда же вы думаете совершить эту продажу? – спросила миссис Уэлдон.

– Как можно скорее.

– Где?

– Здесь. Мистер Уэлдон не задумается приехать в Казонде, чтобы выручить из беды жену и сына?

– Разумеется. Но кто известит его об этом?

– Я сам. Я отправляюсь в Сан-Франциско и повидаюсь с вашим мужем. Денег на путешествие у меня хватит.

– Тех денег, что вы украли на «Пилигриме»?

– Тех самых... и еще других, – нагло ответил Негоро. – Однако я хочу продать вас не только быстро, но и дорого. Я полагаю, ваш муж не пожалеет ста тысяч долларов?..

– Не пожалеет, если они у него есть, – холодно ответила миссис Уэлдон. – Однако мой муж, если вы скажете ему, что меня держат в плену в Казонде, в Центральной Африке...

– Именно так.

– Мой муж не поверит вам, если вы не представите доказательства. Он не будет настолько безрассуден, чтобы по одному вашему слову броситься очертя голову в Казонде.

– Он приедет сюда, – возразил Негоро, – если я доставлю ему написанное вами письмо, в котором вы изложите положение дел и отрекомендуете меня своим верным слугой, счастливо спасшимся от дикарей.

– Я никогда не напишу такого письма! – еще более холодно сказала миссис Уэлдон.

– Вы отказываетесь? – вскричал Негоро.

– Я отказываюсь!

Мысль об опасностях, которым подвергнется ее муж, приехав в Казонде, недоверие, с каким она относилась к обещаниям португальца, легкость, с которой последний, уже получив выкуп, мог задержать мистера Уэлдона, – все эти соображения побудили ее сразу, без раздумья, забыв о том, что она не одна, что с ней ее сын, отклонить предложение Негоро.

– И все-таки вы напишете это письмо! – заявил Негоро.

– Нет! – твердо ответила миссис Уэлдон.

– Берегитесь! – вскричал португалец. – Вы здесь не одна! Ваш сын в моей власти, как и вы сами, и я сумею...

Миссис Уэлдон хотела было сказать, что он не может этого сделать, но

сердце ее бешено колотилось, и она не смогла выговорить ни слова.

– Миссис Уэлдон, – закончил Негоро, – обдумайте хорошенько мое предложение. Через неделю я получу от вас письмо к Джемсу Уэлдону, а не то вы горько раскаетесь в своем упорстве!

С этими словами португалец быстро ушел, не давая воли своему гневу. Но видно было, что он ни перед чем не остановится, чтобы заставить миссис Уэлдон повиноваться.

Глава четырнадцатая

Известия о докторе Ливингстоне

Когда миссис Уэлдон осталась одна, первая ее мысль была о том, что Негоро придет за ответом не раньше чем через неделю. Значит, есть время подумать и принять решение. На совесть Негоро полагаться нельзя, но здесь речь шла о его выгоде. Та «коммерческая ценность», какую представляла миссис Уэлдон для своего тюремщика, очевидно, должна была уберечь ее от всяких новых опасностей и от дурного обращения по крайней мере на протяжении ближайших дней. А за это время ей, быть может, удастся придумать такой план, который позволил бы ей вернуться к своему мужу без того, чтобы этот последний вынужден был бы приехать в Казонде. Она не сомневалась, что, получив ее письмо, Джемс Уэлдон тотчас же помчится в Африку, невзирая на опасность этого путешествия, в самые страшные ее края. Но кто поручится, что ему разрешат беспрепятственно выехать из Казонде с женой, ребенком и кузенком Бенедиктом, когда сто тысяч долларов уже будут в руках у Негоро? Достаточно ведь простого каприза королевы Муаны, чтобы всех их задержали здесь! Не лучше ли было бы, если бы передача пленников и уплата выкупа произошли где-нибудь в определенном месте на океанском побережье? Это избавило бы мистера Уэлдона от необходимости предпринимать опасную поездку во внутренние области Африки и позволило бы им преодолеть трудности, чтобы не сказать невозможность, возвращения.

Вот о чем раздумывала миссис Уэлдон. Вот почему она отказалась сразу же принять предложение Негоро и дать ему письмо для мужа. Она понимала также, что Негоро предоставил ей неделю на размышление только потому, что ему самому нужно было время, чтобы подготовиться к поездке, иначе он постарался бы добиться своего гораздо раньше.

– Неужели он действительно намерен разлучить меня с сыном? – прошептала миссис Уэлдон.

В этот миг Джек вбежал в хижину. Мать инстинктивно схватила его на руки и прижала к груди так крепко, словно Негоро уже стоял рядом, готовясь отнять у нее ребенка.

– Мама, ты чем-то огорчена? – спросил мальчик.

– Нет, сынок, нет! – ответила миссис Уэлдон. – Я думала о папе. Тебе хочется повидать его?

– Да, мама, очень хочется! Он приедет сюда?
– Нет... нет! Он не должен приезжать!
– Значит, мы поедem к нему?
– Да, Джек!
– Мой друг Дик тоже? И Геркулес? И старый Том?
– Да... да... – ответила миссис Уэлдон и опустила голову, чтобы скрыть слезы.

– Папа прислал письмо? – спросил Джек.

– Нет, дорогой.

– Значит, ты сама напишешь ему?

– Да... может быть, – ответила мать.

Сам того не зная, Джек заговорил как раз о том, чем были заняты мысли миссис Уэлдон, и, чтобы прекратить эти расспросы, она осыпала ребенка поцелуями.

Надо сказать, что к различным причинам, по которым миссис Уэлдон отказывалась дать Негоро письмо, прибавилось еще одно немаловажное соображение. У нее совершенно неожиданно возникла надежда вернуть себе свободу не только без вмешательства мужа, но и вопреки воле Негоро. Это был лишь проблеск надежды, слабый луч, но все же он забрезжил в ее душе.

Дело в том, что за несколько дней до этого она случайно услышала обрывки разговора, которые пробудили у нее надежду на близкую и совершенно неожиданную помощь.

Алвиш и один торговец-метис из Уджиджи разговаривали в саду, неподалеку от хижины, где жила миссис Уэлдон. Вряд ли можно удивляться, что темой разговора этих уважаемых негoциантов была именно работорговля. Торговцы людьми обсуждали свои дела. Они говорили о своих довольно печальных видах на будущее: их беспокоили усилия англичан прекратить торговлю невольниками не только за пределами Африки, для чего они пустили в ход свои крейсера, но и внутри континента – с помощью миссионеров и путешественников.

Жозе-Антониу Алвиш полагал, что научные исследования и географические открытия отважных путешественников по внутренней Африке могут сильно помешать свободе коммерческих операций работорговцев. Его собеседник всецело соглашался с этим мнением и считал, что всех этих ученых путешественников и попов следовало бы встречать ружейным огнем.

Нередко так действительно и бывало, но, к великому огорчению почтенных торговцев, тотчас же после убийства одного любопытного

путешественника являлось несколько других, не менее любопытных. А потом, возвратившись на родину, эти люди распускали «сильно преувеличенные», как говорил Алвиш, слухи об ужасах работорговли и чрезвычайно вредили этому и без того не пользующемуся особым уважением делу.

Метис сочувственно поддакивал ему и особенно оплакивал положение на рынках в Ньянгве, Уджиджи, Занзибаре и во всей области Больших озер. Там побывали один за другим Спик, Грант, Ливингстон, Стэнли и многие другие. Это же целое нашествие! Скоро туда переберется вся Англия и вся Америка!

Алвиш посочувствовал собрату и признал, что Западная Африка в этом отношении счастливее: до сих пор ее меньше обижали, то есть меньше посещали. Однако эпидемия путешествий начинает расширяться. Правда, Казонде она еще не захватила, но Кассанго и Бие, где у Алвиша тоже есть фактории, уже находятся под угрозой. Помнится даже, что Гаррис говорил Негоро о некоем лейтенанте Камероне, у которого хватит наглости пересечь всю Африку от одного берега до другого и, ступив на африканскую землю в Занзибаре, выйти через Анголу.

Опасения работорговцев были вполне обоснованны. Известно, что несколькими годами позже описываемых нами событий Камерон на юге и Стэнли на севере действительно проникли в неисследованные области Западной Африки и, описав затем все ужасы торговли людьми, разоблачили неслыханную жестокость работорговцев, а также продажность европейских чиновников, покровительствовавших этому гнусному промыслу, и указали, на кого падает ответственность за такое положение вещей.

Об этих исследованиях Стэнли и Камерона ни Алвиш, ни метис из Уджиджи, естественно, пока еще ничего не знали. Но то, что они знали, то, о чем они говорили, то, что услышала миссис Уэлдон и что представляло для нее такой интерес, то, что, короче говоря, укрепило ее решимость не сдаваться на требования Негоро, было следующее: Ливингстон, вероятно, в ближайшие дни прибудет в Казонде.

А прибытие Ливингстона с его эскортом, влияние, которым этот великий путешественник пользовался во всей Африке, поддержка, в которой не могли ему отказать португальские власти, – все это могло принести свободу самой миссис Уэлдон и ее близким, наперекор Негоро, наперекор Алвишу! Может быть, совсем скоро пленники вернутся на родину, и Джемсу Уэлдону не придется для этого рисковать жизнью в путешествии, результаты которого могли быть лишь очень печальны!

Но насколько правдоподобно, что доктор Ливингстон скоро посетит

эту часть континента? Да, это весьма правдоподобно, ибо, следуя по такому пути, он завершил бы свое исследование Центральной Африки.

Хорошо известно, какова была героическая жизнь сына мелкого торговца чаем из деревни Блэнтайр, в графстве Лэнарк. Дэвид Ливингстон родился 13 марта 1813 года и был вторым из шестерых детей. Получив богословское и медицинское образование, Ливингстон после недолгой работы в Лондонском миссионерском обществе прибыл в 1840 году в Кейптаун с намерением присоединиться к миссионеру Моффату в Южной Африке.

Из Кейптауна будущий путешественник отправился в землю бечуанов. Он был первым белым, исследовавшим эту область. Возвратившись в Курумман, он женился на дочери Моффата, которая оказалась достойной спутницей его жизни, и в 1843 году основал миссию в долине Маботса.

Через четыре года Ливингстон переселился в Колобенг, в области бечуанов, в двухстах двадцати пяти милях к северу от Курумана.

Еще через два года, в 1849 году, Ливингстон покинул Колобенг вместе с женой, тремя детьми и двумя друзьями – Осуэллом и Мерреем; первого августа того же года открыл озеро Нгами и вернулся в Колобенг, спустившись вниз по течению реки Цуги.

Во время этого путешествия враждебность дикарей помешала Ливингстону исследовать страну за озером Нгами. Вторая попытка оказалась столь же неудачной. Зато третья увенчалась успехом. Предприняв затем новое путешествие на север, в котором участвовала вся его семья и его друг Осуэлл, Ливингстон, следуя по течению Нхобе, притока Замбези, после труднейшего путешествия, во время которого лишения, недостаток пищи и воды чуть было не стоили жизни его детям, добрался до земель племени макалолов. Их вождь Себитуане встретил Ливингстона в Линьянти. В конце июня 1851 года река Замбези была открыта, и отважный исследователь вернулся в Кейптаун, чтобы отправить на родину, в Англию, свою семью.

Неустршимый Ливингстон хотел во время нового опасного путешествия в глубь страны подвергать риску только свою жизнь.

На сей раз он намеревался пересечь Африку наискось с юга на запад, выйдя из Кейптауна и достигнув Сан-Паулу-ди-Луанда.

Ливингстон выступил в путь 3 июня 1852 года в сопровождении нескольких туземцев. Достигнув Курумана, он пошел вдоль границы пустыни Калахари. 31 декабря он вошел в Литубарубу и увидел, что страна бечуанов совершенно разорена бурами – потомками голландских колонистов, которые владели Каплендом до того, как его захватили

англичане.

Из Литубарубы Ливингстон вышел 15 января 1853 года. Он проник в сердце области бамангватов и 23 мая добрался до Линьянти, где молодой вождь племени маколотов, Секелету, принял его с большим почетом.

Здесь Ливингстон, которого надолго задержал приступ опасной лихорадки, изучал быт и нравы этой страны и впервые узнал, какие страшные опустошения производит в Африке работорговля.

Месяцем позже он спустился вниз по течению Нхобе, до впадения ее в Замбези, побывал в Наньеле, Катонге, Либонте и добрался наконец до места слияния Замбези с Либой,^[69] задумал здесь экспедицию вверх по течению этой реки до западных владений Португалии и, чтобы как следует подготовить все необходимое для этой экспедиции, после девятидневной отлучки вернулся в Линьянти.

Одиннадцатого ноября 1853 года Ливингстон во главе отряда из двадцати семи маколотов выступил из Линьянти и 27 декабря достиг устья Либы. Затем он поднялся вверх по течению реки, в земли племени балунда, – до того места, где в Либу впадает текущая с востока Макондо. Он был первым белым человеком, проникнувшим в эту область.

Четырнадцатого января 1854 года Ливингстон вступил в Шинте, резиденцию самого могущественного из царьков племени балунда, который оказал ему хороший прием, и через несколько дней переправился на противоположный берег Либы и 26 января оказался во владениях короля Катеме. Здесь его тоже встретили гостеприимно, и 20 февраля отряд Ливингстона уже стоял лагерем на берегу озера Дилоло.

Тут началась полоса неудач. Местность становилась труднопроходимой, туземцы требовали платы за проход и иногда нападали на караван, собственный отряд Ливингстона взбунтовался, и ему грозила смерть. Менее энергичный человек отступил бы перед этими трудностями. Но доктора Ливингстона они не сломили, и 4 апреля он добрался до берегов Кванго – полноводной реки, которая образует восточную границу португальских владений и на севере впадает в Конго.

Шесть дней спустя Ливингстон вступил в Кассангу, где его видел работорговец Алвиш, и 31 мая прибыл в Сан-Паулу-ди-Луанда. Так закончилось это длившееся два года путешествие, во время которого Африка впервые была пересечена наискось с юга на запад.

Двадцать четвертого сентября того же года Дэвид Ливингстон вышел из Сан-Паулу-ди-Луанда. Он следовал вдоль правого берега Кванзы – той самой Кванзы, которая сыграла такую роковую роль в судьбе Дика Сэнда и его спутников, – дошел до места слияния этой реки с Ломбе, встречая по

пути множество невольничьих караванов, вторично прошел через Кассангу, покинул ее 20 февраля, переправился через Кванго и в Кававе достиг бассейна реки Замбези. 8 июля он снова был на берегу озера Дилоло, затем снова увидел Шинте, спустился вниз по течению Замбези и возвратился в Линьянти, откуда вновь выступил в путь 3 ноября 1855 года.

Эта часть путешествия должна была завершить первое в истории пересечение Центральной Африки от западного до восточного ее берега.

Открыв знаменитый водопад Виктория – «Грохочущий дым», Дэвид Ливингстон покинул берега Замбези и направился на северо-восток. Путешествие по области племени батока, где люди одуряли себя курением гашиша, посещение могущественного местного царька Семалембуэ, переправа через Кафуэ, снова Замбези, визит к королю Мбурума, осмотр развалин старинного португальского города Зумбо, встреча 17 января 1856 года с царьком Мпенде, в то время воевавшим с португальцами, и, наконец, прибытие 2 марта в Тете на берегу Замбези – таковы были главные этапы этого пути. Двадцать второго апреля Ливингстон покинул это поселение, некогда славившееся своим богатством, спустился к дельте Замбези и прибыл в Келимане близ ее устья 20 мая, через четыре года после того, как покинул Кейптаун. Двенадцатого июля он отплыл на корабле к острову Маврикий и 22 декабря, после шестнадцатилетнего отсутствия, вернулся в Англию.

Здесь знаменитого путешественника ждала торжественная встреча, премия Парижского географического общества, большая медаль Лондонского географического общества. Всякий другой на его месте решил бы, что заслужил отдых, но Ливингстон думал иначе. 1 марта 1858 года он в сопровождении своего брата Чарлза, капитана Бединдфилда, Торнтона, Бейнса, врачей Кирка и Меллера снова отправился в Африку и в мае высадился на мозамбикском берегу, намереваясь приступить к исследованию бассейна Замбези.

Не всем суждено было вернуться из этого путешествия.

Маленький пароходик «Ма-Роберт» позволил исследователям подняться вверх по течению великой реки через рукав Конгоне. В Тете они прибыли 8 сентября. В январе 1859 года разведка нижнего течения Замбези и ее левого притока Шире; в апреле того же года поездка к озеру Ширва, исследование области Манганья; 10 сентября открытие озера Ньяса; 9 августа 1860 года возвращение к водопаду Виктория; 31 января 1861 года прибытие в устье Замбези епископа Маккензи и его спутников; в марте 1861 года исследование Рувумы на пароходе «Пионер»; в сентябре 1861 года возвращение на озеро Ньяса и пребывание там до конца октября; 30

января 1862 года прибытие второго парохода, «Леди Ньяса», на котором приехала миссис Ливингстон. Таковы были главные события первых лет работы этой новой экспедиции. К тому времени епископ Маккензи и один из миссионеров уже умерли, не выдержав ужасного климата, а 27 апреля скончалась на руках мужа миссис Ливингстон.

В мае того же года Ливингстон попытался вторично исследовать Рувуму, а затем, в конце ноября, он вернулся к Замбези и поднялся вверх по течению Шире, потерял в апреле 1863 года своего спутника Торнтон, отослал в Европу своего брата Чарлза и доктора Кирка, которые были совершенно истощены болезнями, и сам 10 ноября в третий раз посетил озеро Ньяса и завершил его географическое описание. Спустя три месяца он вернулся к устью Замбези, откуда направился в Занзибар, и 20 июля 1864 года, после пятилетнего отсутствия, прибыл в Лондон. Там он напечатал свой труд, озаглавленный: «Исследование Замбези и ее притоков».

Двадцать восьмого января 1866 года Ливингстон снова высадился в Занзибаре. Он начинал новое путешествие, четвертое по счету!

Восьмого августа, после того как он своими глазами видел ужасающие сцены, порождаемые в этой стране работорговлей, доктор Ливингстон, сопровождаемый на этот раз лишь несколькими сипаями^[70] и неграми, прибыл в Мокалаозе на берегу озера Ньяса. Через шесть недель большая часть эскорта бежала и, возвратившись в Занзибар, распространила там ложный слух о смерти Ливингстона.

Но отважный путешественник не отступил. Он решил исследовать местность, лежащую между озерами Ньяса и Танганьика. 10 декабря вместе с несколькими проводниками-туземцами Ливингстон переправился через реку Лвангва и 2 апреля 1867 года дошел до озера Льеммба. Тут он заболел, и целый месяц жизнь его висела на волоске. Едва оправившись от болезни, он 30 августа добирается до озера Мверу, исследует его северный берег, и 21 ноября приходит в город Казембе, где отдыхает сорок дней, успевая за это время дважды побывать на озере Мверу.

Из Казембе Ливингстон двинулся на север с намерением побывать в крупном населенном пункте Уджиджи, на берегу озера Танганьика. Захваченный разливами, покинутый проводниками, он вынужден был вернуться в Казембе, повернул 6 июля на юг и через шесть недель уже достиг большого озера Бангвеулу. Здесь он оставался до 9 августа, а затем опять попытался пройти на север, к Танганьике.

Какое это было мучительное путешествие! Героический путешественник настолько ослабел, что с 7 января 1869 года его несли на

руках. В феврале он наконец увидел Танганьiku и добрался до Уджиджи, где нашел кое-какие вещи, отправленные на его имя из Калькутты Восточным обществом.

У Ливингстона была теперь только одна мысль: продвинуться к северу от Танганьики и достичь истоков или долины Нила. 21 сентября он был в Бамбаре, в Маниеме, области людоедов, и дошел до реки Луалабы, которая, как догадывался Камерон и как впоследствии установил Стэнли, представляет собой верховье Заира или Конго. В Мамогеле болезнь снова свалила Ливингстона с ног на восемьдесят дней. С ним оставалось только трое слуг. Наконец 21 июля 1871 года он отправился в обратный путь к Танганьике и только 23 октября добрался до Уджиджи. Болезнь и лишения превратили его в настоящий скелет.

В продолжение всего этого долгого времени от Ливингстона не поступало никаких известий. В Европе его уже считали умершим, сам он больше не надеялся, что кто-нибудь поможет ему.

Через одиннадцать дней после возвращения Ливингстона в Уджиджи в четверти мили от озера раздались ружейные выстрелы. Ливингстон вышел из своего шалаша. Перед ним был человек – белый.

– Доктор Ливингстон, не так ли? – спросил он.

– Да, – ответил путешественник и, радушно улыбаясь, приподнял фуражку.

Они обменялись крепким рукопожатием.

– Слава Богу! – сказал белый. – Наконец-то я нашел вас.

– Я счастлив, что я тут и мог встретить вас, – ответил Ливингстон.

Вновь прибывший был американец Стэнли, репортер газеты «Нью-Йорк геральд». Директор этой газеты мистер Беннет послал его в Африку на поиски Дэвида Ливингстона.

В октябре 1870 года Стэнли без колебаний, без громких фраз, просто, как и подобает героям, сел в Бомбее на корабль, доплыл до Занзибара и отправился дальше почти по тому же маршруту, как Спик и Бертон; перенеся в пути бесчисленные лишения, много раз рискуя жизнью, он прибыл наконец в Уджиджи.

Ливингстон и Стэнли подружились, вместе предприняли экспедицию на лодках к северным берегам Танганьики, добрались до мыса Магалы и после тщательного исследования пришли к выводу, что водостоком для озера Танганьика служит один из притоков Луалабы. Через несколько лет Камерон и сам Стэнли сумели неопровержимо доказать правильность этого предположения. 12 декабря Ливингстон и его спутник вернулись в Уджиджи.

Стэнли готовился вернуться на родину. 27 декабря, после восьмидневного плавания, он и Ливингстон прибыли в Уримбу. 23 февраля они были уже в Куихаре.

Двенадцатого марта настал день прощания.

– Вы совершили то, на что решились бы немногие, и сделали все гораздо лучше, чем многие испытанные путешественники, – сказал Ливингстон Стэнли. – Я бесконечно вам признателен. Да будет над вами и вашими начинаниями благословение Господне.

– Надеюсь еще увидеть вас живым и здоровым среди нас, – ответил Стэнли, крепко пожимая ему руку. И, быстро вырвавшись из его объятий, отвернулся, чтобы скрыть слезы. – Прощайте, доктор, дорогой друг, – сказал он глухим голосом.

– Прощайте, – тихо ответил Ливингстон.

Стэнли уехал и 12 июля 1872 года высадился в Марселе.

Ливингстон продолжал свои исследования. Проведя в Куихаре пять месяцев, он 25 августа в сопровождении трех его черных слуг – Сузи, Шума и Амоды, двух других слуг, пятидесяти шести туземцев, оставленных ему Стэнли, и Джекоба Уэйнрайта отправился к южному берегу Танганьики.

Через месяц после выступления караван прибыл в Мура. Всю дорогу бушевали ураганы, вызванные страшной засухой. Затем начались дожди. Вьючных животных кусали мухи цеце, и они гибли. Туземное население держалось враждебно. Все же 24 января 1873 года маленькая экспедиция Ливингстона пришла в Читункве. 27 апреля, обогнув с востока озеро Бангвеулу, она направилась к деревне Читамбо.

Именно здесь несколько работорговцев видели Ливингстона. Об этом-то они и сообщили Алвишу и его достойному сотоварищу из Уджиджи. Вполне можно было предполагать, что Ливингстон, закончив исследования южного берега Танганьики, двинется на запад, к Лоанде, в еще не исследованные им места. Оттуда он направится в Анголу, в мрачный край работорговли, дойдет до Казонде – маршрут этот казался вполне естественным.

Миссис Уэлдон вправе была рассчитывать на скорое появление великого путешественника – ведь прошло уже больше двух месяцев с тех пор, как его видели на южном берегу озера Бангвеулу.

Но увы, 13 июня, накануне дня, когда Негоро должен был явиться за письмом, сулившим ему сто тысяч долларов, в Казонде пришла весть, доставившая большую радость Алвишу и прочим работорговцам: на заре, 1 мая 1873 года, доктор Дэвид Ливингстон скончался.

Маленький караван Ливингстона добрался 29 апреля до деревни Читамбо, расположенной на южном берегу Бангвеулу. Ливингстона несли на носилках. Ночью 30 апреля под влиянием сильной боли он застонал, чуть слышно произнес: «Боже мой! Боже мой!» – и снова впал в забытие.

Через час он позвал своего слугу Сузи, попросил принести лекарства, а затем прошептал слабым голосом:

– Хорошо... Теперь можешь идти!

Около четырех часов утра Сузи и пять человек из экспедиции вошли в хижину путешественника.

Дэвид Ливингстон стоял на коленях около своей койки, уронив голову на руки, и, казалось, молился.

Сузи осторожно коснулся пальцем его щеки: она была холодна.

Дэвид Ливингстон умер.

Десять месяцев спустя верные слуги после бесконечных трудностей донесли его тело до Занзибара, и 12 апреля 1874 года Ливингстон был похоронен в Вестминстерском аббатстве, среди других великих людей Англии, которых она чтит не менее своих королей.

Глава пятнадцатая

Куда может завести Мантикора

Утопающий хватается за соломинку. Как бы слабо ни мерцал луч надежды, глаза приговоренного к смерти ищут его с жадностью.

Так же было и с миссис Уэлдон, и нетрудно представить себе ее горе, когда она узнала из уст самого Алвиша, что доктор Ливингстон только что скончался в маленькой негритянской деревне на берегу Бангвеулу. Она почувствовала себя вдруг такой одинокой и несчастной. Ниточка, связывавшая ее с путешественником, а через него и с цивилизованным миром, вдруг оборвалась. Спасительная соломинка ускользнула из ее рук, луч надежды угасал у нее на глазах. Том и его товарищи ушли из Казонде к Большим озерам. О Геркулесе по-прежнему не было никаких известий. Миссис Уэлдон видела, что ей не на кого больше рассчитывать... Осталось только принять предложение Негоро, но постараться изменить его так, чтобы обеспечить благополучный исход дела.

Четырнадцатого июня, в назначенный день, Негоро явился в хижину миссис Уэлдон.

Португалец, по своему обыкновению, вел себя как деловой человек. Он прежде всего заявил, что не уступит ни одного цента из назначенной суммы выкупа, которой, впрочем, его пленница не оспаривала. Однако и миссис Уэлдон проявила немалую деловитость, ответив ему следующими словами:

– Если вы хотите, чтобы сделка состоялась, не делайте ее невозможной, предъявляя неприемлемые требования. Обмен нашей свободы на сумму, которую вы требуете, может быть произведен без того, чтобы мой муж приезжал в эту страну – вы же знаете, что здесь делают с белыми. Я ни за что на свете не соглашусь на его приезд.

Немного поколебавшись, Негоро согласился, и миссис Уэлдон добилась того, что Джемс Уэлдон не должен будет предпринимать рискованное путешествие в Казонде. Он приедет в Моссамедиш – маленький порт на южном берегу Анголы, часто посещаемый кораблями работоторговцев и хорошо известный Негоро. Негоро привезет туда мистера Уэлдона, и туда же, в Моссамедиш, агенты Алвиша доставят к условленному сроку миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта. Мистер Уэлдон внесет выкуп, пленники получают свободу, а Негоро, который будет играть перед мистером Джемсом Уэлдоном роль безупречно честного

человека, исчезнет, как только прибудет корабль.

Этот пункт соглашения, которого добилась миссис Уэлдон, был очень важен. Таким образом она избавляла своего мужа от опасного путешествия в Казонде, от риска быть задержанным там после того, как он внесет выкуп, и от опасностей обратного пути. Расстояние же в шестьсот миль, отделяющее Казонде от Моссамедиша, не пугало миссис Уэлдон. Если этот переход будет совершен в таких же условиях, как ее путешествие от Кванзы до Казонде, то он будет не так труден. К тому же Алвиш, получавший свою долю выкупа, будет заинтересован в том, чтобы пленников доставили на место здоровыми и невредимыми.

Договорившись обо всем с Негоро, миссис Уэлдон написала мужу письмо, давая работорговцу возможность на время выдать себя за преданного ей слугу, которому посчастливилось бежать из плена. Негоро взял письмо, которое, несомненно, должно было заставить Джемса Уэлдона без колебаний последовать за ним в Моссамедиш, и на следующий день в сопровождении эскорта из двадцати негров двинулся на север. Почему он выбрал это направление? Намеревался ли он устроиться пассажиром на каком-либо из кораблей, которые заходили в устье Конго и избежать таким образом португальских поселений и каторжных тюрем, где он не раз бывал невольным гостем? Весьма вероятно. По крайней мере именно такое объяснение он дал Алвишу.

После его отъезда миссис Уэлдон оставалось только постараться наладить свою жизнь в Казонде так, чтобы возможно более сносно провести время, которое ей оставалось прожить в Казонде. Отсутствие Негоро при самых благоприятных обстоятельствах должно было продлиться три-четыре месяца – это был наименьший срок, который требовался на поездку в Сан-Франциско и обратно.

Миссис Уэлдон не собиралась покидать имение Алви-ша. Здесь она сама, ее ребенок и кузен Бенедикт были в относительной безопасности. Заботливость Халимы намного смягчала лишения этого заточения. Да и вряд ли работорговец согласился бы выпустить пленников из своей фактории. Большой барыш, который сулил ему выкуп, стоил забот строгого надзора. Алвиш был даже рад, что ему не пришлось покидать Казонде для поездки на фактории в Бие и Касанге. Во главе новой экспедиции, отправленной для захвата рабов, вместо него стал Коимбра. Жалеть об отсутствии этого пьяницы, конечно, не приходилось.

Негоро перед своим отъездом оставил Алвишу подробнейшие наставления насчет миссис Уэлдон. Нужно было бдительно следить за ней. Никто не знал, что случилось с Геркулесом. Если он не погиб в опасных

дебрях провинции Казонде, он, возможно, постарается как-нибудь подобраться к фактории и вырвать пленников из рук Алвиша. Работорговец превосходно понял дело, которое пахло многими тысячами долларов. Он заявил, что будет присматривать за миссис Уэлдон, как за собственной кассой.

Итак, монотонная жизнь, начавшаяся с прибытием пленницы в факторию, продолжалась. Все, что происходило в этих стенах, в точности повторяло быт туземцев. Алвиш строго придерживался в своем доме обычаев коренных жителей Казонде. Женщины в фактории делали то же, что делали бы в городе, угождая своим мужьям или хозяевам. Они толкли тяжелыми пестами в деревянных ступах рис, чтобы вышелушить зерна; веяли и просеивали кукурузу, растирая ее между двумя камнями, и приготавливали крупу, из которой туземцы варят похлебку под названием «мтиелле»; собирали урожай сорго, похожего на хрупкое просо, – о том, что оно созрело, только что торжественно оповестили население; извлекали благовонное масло из косточек «мпафу» – похожих на оливки плодов, из эссенции которых вырабатывают духи, очень любимые туземцами; пряли хлопок, быстро вращая веретена длиной в полтора фута; выделяли материю из древесной коры, отбивая ее колотушками; выкапывали корни маниоки, возделывали землю под растения, идущие в пищу: маниоку, из которой делают муку – «касаву»; бобы, которые растут на деревьях высотой в двадцать футов в стручках, называемых «мозитзано», длиной в пятнадцать дюймов; арахис, из которого выжимают идущее в пищу масло; светло-голубой многолетний горох, известный под названием «чилобе», – цветы его придают некоторую остроту пресному вкусу вареного сорго; местный кофе; сахарный тростник, из сока которого делают сладкий сироп; лук, гуаяву, кунжут, огурцы, зерна которых жарят, как каштаны; приготавливали хмельные напитки: «малофу» из бананов, «помбе» и всякие настойки; ухаживали за домашними животными – за коровами, которые позволяют себя доить только в присутствии теленка или хотя бы чучела теленка, за малопородистыми короткорогими телками, иногда с горбом на холке, за козами, которые в этой стране, где мясо служит обычным продуктом питания, стали важным предметом обмена и, можно сказать, являются такой же ходячей монетой, как рабы; и, наконец, заботились о домашней птице, о свиньях, овцах, быках и т. д. Этот длинный перечень показывает, какие тяжелые работы возлагаются на слабый пол в диких областях Африканского континента.

А мужчины в это время курили табак или гашиш, охотились на слонов или на буйволов, нанимались к работорговцам для захвата невольников.

Сбор кукурузы или охота на рабов, как всякий сбор урожая и всякая охота, производятся в определенный сезон.

Из всех этих разнообразных занятий миссис Уэлдон видела в фактории Алвиша только те, которые выпадали на долю женщин. Она иногда останавливалась возле работавших туземок и смотрела на них, а они, надо сказать, встречали ее далеко не приветливыми гримасами. Они инстинктивно ненавидели белых, и хотя знали, что миссис Уэлдон – пленница, нисколько не сочувствовали ей. Только Халима была исключением, и миссис Уэлдон, запомнив несколько слов из туземного наречия, скоро научилась кое-как объясняться с юной невольницей.

Маленький Джек часто сопровождал свою мать, когда она прогуливалась по фактории, но ему очень хотелось выбраться за ее ограду. А ведь там на огромном баобабе были сделаны из нескольких прутьев гнезда марабу и гнезда «суимангов» с алыми грудками и горлышками, похожих на ткачиков; там были «вдовушки», таскающие для своих гнезд солому из крыш; и птицы-носороги с сильным и красивым голосом; светло-серые с красными хвостами попугаи, которых маньемы называют «роус» и дают это имя вождям племен; и насекомоядные «друго», похожие на коноплянок, но только с красным клювом. Сотни бабочек вились там и сям над кустами, особенно по соседству с ручейками, протекавшими по фактории. Но бабочки интересовали больше кузена Бенедикта, чем Джека, и мальчик очень жалел, что он еще не вырос и не может заглянуть через ограду фактории. Увы, где теперь его бедный друг Дик Сэнд, который помогал ему влезать так высоко на мачты «Пилигрима»? Вот вместе они влезли бы на ветки этих деревьев, вершины которых подымались вверх на сотню футов! Как им было бы тогда весело!..

Кузен Бенедикт – тот чувствовал себя отлично повсюду, лишь бы вокруг него было достаточно насекомых. Ему посчастливилось найти в фактории и изучить, насколько он мог сделать это без очков и лупы, крошечную пчелку, которая откладывает свои яички в ходы древооточцев, и паразитирующую осу-сфекса, которая кладет яйца в чужие ячейки, как кукушка подкидывает свои яйца в гнезда других птиц. В фактории, особенно вблизи ручейков, не было недостатка в москитах, и они разукрасили его своими укусами до неузнаваемости. А когда миссис Уэлдон упрекала кузена Бенедикта за то, что он позволил зловредным насекомым так изуродовать себя, ученый, до крови расчесывая себе кожу, отвечал:

– Что поделаешь, кузина Уэлдон, таков их инстинкт. Нельзя на них за это сердиться!

И наконец однажды – это было 17 июня – кузен Бенедикт чуть не стал счастливейшим из энтомологов. Однако это происшествие, которое имело самые неожиданные последствия, заслуживает более обстоятельного рассказа.

Было около одиннадцати часов утра. Невыносимая жара заставила всех обитателей фактории спрятаться в хижины, и даже на улицах Казонде нельзя было встретить ни одного местного жителя.

Миссис Уэлдон дремала, сидя возле маленького Джека, который крепко спал. Даже кузен Бенедикт ощутил воздействие этого тропического зноя и отказался от очередной энтомологической прогулки – скажем прямо, сделал он это с крайней неохотой, потому что слышал, как под палящими лучами полуденного солнца в воздухе гудит бесчисленное множество насекомых. И все же он, хотя и с глубоким сожалением, скрылся в своей хижине, и сон уже начал овладевать им.

И вдруг, когда глаза его уже наполовину закрылись, он услышал какое-то жужжание, невыносимо раздражающий звук, который насекомое производит взмахами своих крылышек, – иные насекомые могут производить пятнадцать-шестнадцать тысяч взмахов крылышками в секунду.

– Насекомое! – вскричал кузен Бенедикт, мгновенно пробудившись и переходя из горизонтального положения в вертикальное.

Что в хижине жужжит насекомое, не могло быть никакого сомнения. Хотя кузен Бенедикт страдал близорукостью, слух у него был необычайно тонкий, и он мог даже отличать одно насекомое от другого по характеру его жужжания. И вот жужжание этого насекомого показалось кузену Бенедикту незнакомым, а судя по его силе, оно должно было исходить от какого-то гиганта.

«Что же это за насекомое?» – спрашивал себя энтомолог. И он отчаянно щурил близорукие глаза, стараясь и без очков обнаружить источник звука. Его энтомологический инстинкт подсказывал ему, что перед ним открывается возможность свершить славный подвиг, что насекомое, по милости провидения залетевшее к нему в хижину, – не какой-нибудь заурядный жук.

Кузен Бенедикт замер, сидя на своей кровати. Он весь обратился в слух. Солнечный луч слегка освещал полумрак, царивший в лачуге. И кузен Бенедикт заметил большое черное пятно, кружившее в воздухе, но слишком далеко, так что он никак не мог его рассмотреть. Кузен Бенедикт затаил дыхание, и даже если бы неизвестный гость укусил его, он не шелохнулся бы, чтобы не спугнуть его.

Наконец жужжащее насекомое, описав множество кругов около него, село ему на голову. Рот кузена Бенедикта дрогнул, словно пытаясь расплыться в улыбке – и в какой улыбке! Он чувствовал, как легкое насекомое бежит по его волосам. Его неудержимо тянуло поднять руку к голове и схватить насекомое, но он сумел подавить в себе это желание и поступил правильно.

«Нет, нет! – думал кузен Бенедикт. – Я могу промахнуться или, что еще хуже, причинить ему вред. Подожду, пока оно спустится ниже. Вот оно бежит! Я чувствую, как его лапки касаются моего черепа... Это, наверное, очень крупное насекомое. Господи, сделай так, чтобы оно спустилось на кончик моего носа, и тогда, скосив глаза, я смогу, пожалуй, рассмотреть его и определить, к какому отряду, роду, семейству, подсемейству и группе оно принадлежит!»

Так думал кузен Бенедикт. Но расстояние от остроконечной макушки его головы до кончика его довольно длинного носа было очень велико. И сколько других путей могло избрать прихотливое насекомое – например, в сторону ушей или затылка, путей, уводящих его от глаз ученого, не говоря уж о том, что оно могло в любую секунду взлететь, покинуть темную хижину и исчезнуть в солнечных лучах, там, где оно, без сомнения, проводит свою жизнь и куда его должно привлекать жужжание его сородичей.

Кузен Бенедикт подумал обо всем этом. Никогда еще за всю свою жизнь энтомолога он не переживал столь тревожных минут. Африканское шестиногое неизвестного науке семейства, или неизвестного вида, или хотя бы неизвестного подвида сидело у него на темени, и он мог распознать его только в том случае, если оно соблаговолит приблизиться к его глазам на расстояние одного дюйма.

Однако небеса, вероятно, услышали моления кузена Бенедикта. Побродив по его растрепанным волосам, подобным зарослям дикого кустарника, насекомое медленно начало спускаться по лбу кузена Бенедикта, и у него наконец появилась надежда, что оно доберется до его переносицы. А раз уж оно доберется до этой вершины, то почему бы ему не спуститься к подножию?

«Я бы на его месте обязательно спустился!» – думал достойный ученый.

По правде говоря, всякий другой на его месте, естественно, изо всей силы хлопнул бы себя рукой по лбу, чтобы убить или хотя бы прогнать назойливое насекомое. Ощущать, как шесть лапок бегают по коже, не говоря уж об опасности укуса, и не сделать ни единого движения –

согласитесь, что это был чистейшей воды героизм. Спартанец, позволявший лисице терзать свою грудь, или римлянин, державший в голой руке раскаленные угли, не лучше владели собой, чем кузен Бенедикт, который, несомненно, был прямым потомком этих двух героев!

Насекомое после двух дюжин поворотов и кругов добралось до переносицы. Тут оно на секунду заколебалось, и у кузена Бенедикта бешено застучало сердце. Поднимется ли насекомое вверх на лоб или спустится вниз по носу?

Оно спустилось. Кузен Бенедикт почувствовал, как мохнатые лапки семят по его носу. Насекомое не сворачивало ни вправо, ни влево. На секунду оно задержалось между трепещущими крыльями ноздрей на легкой горбинке носа ученого, великолепно приспособленной для очков. Оно перебралось через ложбинку, возникшую от постоянного ношения того оптического прибора, которого так не хватало сейчас бедному кузену Бенедикту, а затем остановилось на самом кончике носа.

Лучшего места насекомое не могло выбрать. Сведя в одну точку линии зрения обоих своих глаз, кузен Бенедикт мог теперь, словно через увеличительное стекло, рассмотреть насекомое.

– Боже мой! – вскричал кузен Бенедикт вне себя от радости. – Бугорчатая мантикора!

Увы, следовало не кричать, а только подумать это! Но не слишком ли многого мы требуем от самого большого энтузиаста среди энтомологов?

Увидеть у себя на кончике носа бугорчатую мантикору с широкими надкрыльями, насекомое из семейства скакунов, разновидность, чрезвычайно редкую в коллекциях и водящуюся как будто только в южной части Африки, и не испустить вопля восторга – нет, это уже свыше сил человеческих!

К несчастью, мантикора услышала этот крик, а за ним к тому же почти немедленно последовало чихание, сотрясшее возвышенность, на которой она сидела. Кузен Бенедикт хотел схватить ее, поднял руку, с силой сжал пальцы в кулак – и захватил только кончик собственного носа!

– Проклятие! – воскликнул ученый.

Но он тут же взял себя в руки, и все дальнейшее его поведение могло служить образцом замечательного самообладания.

Кузен Бенедикт знал, что бугорчатая мантикора почти не летает – она только перепархивает с места на место, а больше бегаёт. А потому он опустил на колени, и вскоре ему удалось увидеть в десяти дюймах от своего носа черное пятнышко, быстро скользившее в солнечном луче. Лучше всего было не стеснять передвижений мантикоры, изучать ее на

свободе. Только не следовало терять ее из виду.

– Поймать манतिकору, – сказал себе кузен Бенедикт, – это значит рисковать раздавить ее. Нет! Я последую за ней. Я буду любоваться ею! А поймать ее я всегда успею.

Ошибался ли кузен Бенедикт? Как бы то ни было, он опустился на четвереньки, уткнул нос в землю, словно охотничья собака, почуявшая след, и пополз за манतिकорой, не отставая от нее больше чем на восемь дюймов. Через мгновение ученый уже очутился вне своей хижины, под полуденным солнцем, а еще через несколько минут – у самого частокола, ограждавшего факторию Алвиша.

Что же сделает здесь мантикорка? Поднимется в воздух и перенесется через ограду, оставив ее между собой и своим обожателем? Нет, это было не в характере мантикору – кузен Бенедикт хорошо знал привычки скакунов. А потому он продолжал преследовать насекомое, скользя в траве словно уж, слишком далеко отстав для того, чтобы быть в состоянии дать ему энтомологическое определение (впрочем, это он уже сделал), но достаточно близко, чтобы все время видеть, как двигается по земле это крупное пятно.

Когда мантикорка добралась до изгороди, перед ней оказалось широкое отверстие кротовой норы, открывавшееся под самым частоколом. Не задумываясь мантикорка отправилась в эту подземную галерею, поскольку она всегда ищет темноты. Кузен Бенедикт решил уже, что сейчас потеряет ее из виду. Но к большому его удивлению, ширина прорытого кротом хода достигала по меньшей мере двух футов. Это была своего рода подземная галерея, по которой сухопарому энтомологу нетрудно было проползти. Он с азартом хорька устремился туда вслед за манतिकорой и не заметил даже, что, «зарывшись в землю», таким образом находится уже под оградой фактории. Кротовый ход был естественной коммуникацией между огражденной территорией и внешним миром. Через полминуты кузен Бенедикт оказался уже вне фактории. Но он даже не обратил на это никакого внимания. Он был совершенно поглощен изящным насекомым, за которым следовал. Однако мантикоре, видимо, надоело ходить пешком. Она раздвинула надкрылья и расправила крылышки. Кузен Бенедикт почувствовал опасность. Он вытянул руку, чтобы накрыть насекомое ладонью и заключить его во временную темницу, как вдруг... фрр! Мантикорка улетела.

Легко представить себе отчаяние кузена Бенедикта. Но мантикорка не могла улететь далеко. Энтомолог поднялся на ноги, осмотрелся и бросился вперед, вытянув руки...

Насекомое кружилось в воздухе над его головой, и он различал только маленькое черное пятнышко неопределенной формы.

Сядет ли оно опять отдохнуть на землю после того, как опишет несколько причудливых кругов над его взъерошенной шевелюрой? Все говорило за то, что так оно и поступит.

Но к несчастью для незадачливого ученого, эта часть фактории Алвиша, расположенной на северной окраине города, примыкала к большому лесу, покрывавшему территорию Казонде на протяжении многих миль. Если мантикора достигнет деревьев и там начнет перелетать с ветки на ветку, придется распротиться с надеждой водворить ее в знаменитую жестяную коробку, где она была бы лучшим украшением коллекции.

Увы, так и случилось! Но... мантикора опять опустилась на землю. Кузену Бенедикту неожиданно повезло: он заметил место, куда село насекомое, и тотчас же с размаху бросился на землю. Но мантикора больше не ползла – теперь она передвигалась скачками по земле.

Совершенно измученный, с ободранными до крови коленями и расцарапанными руками, кузен Бенедикт тоже прыгал. Вытянув руки, он кидался то вправо, то влево, следуя за черным пятнышком. Он подскакивал, как будто земля под ним была раскалена докрасна, и взмахивал руками, словно пловец.

Напрасный труд! Руки его все время хватали пустоту. Насекомое играючи ускользало от него и наконец, добравшись до свежей зелени деревьев, взвилось в воздух, задело ухо ученого и исчезло окончательно, подразнив на прощание его слух самым ироническим жужжанием.

– Проклятие! – еще раз воскликнул кузен Бенедикт. – Она от меня скрылась! Неблагодарная тварь! А я-то предназначал тебе почетное место в своей коллекции! Ну нет! Я от тебя не отстану, я буду преследовать тебя, пока не поймаю...

Огорченный энтомолог забыл, что при его близорукости бесполезно было искать мантикору среди зеленой листвы. Но он уже не владел собою. Гнев и досада обуревали его. Он, и только он сам, был виноват в этой неудаче! Если бы он сразу схватил насекомое, вместо того чтобы изучать его на свободе, ничего этого не случилось бы и он обладал бы сейчас великолепным образцом африканской мантикоры – насекомого, которому дали имя сказочного животного, якобы обладавшего лицом человека и туловищем льва.

Кузен Бенедикт потерял голову. Он даже не заметил, что это неожиданное происшествие вернуло ему свободу. Он не думал о том, что кротовая нора, в которую он нырнул, послужила ему путем для того, чтобы

покинуть фабрику Алвиша. Перед ним был лес, и где-то в нем его улетевшая мантикора. Какой угодно ценой он должен поймать ее!

И он побежал по лесу, уже не сознавая, что делает, повсюду воображая драгоценную мантикору, размахивая в воздухе руками, как огромная сенокосилка. Куда он идет, как найдет обратно дорогу и найдет ли ее вообще – об этом он себя не спрашивал. Он углубился в лес по крайней мере на целую милю, рискуя столкнуться с враждебным туземцем или попасть в зубы хищному зверю.

И вдруг, когда он проходил мимо зарослей кустарника, из них выскочило какое-то огромное существо, прыгнуло и обрушилось на него. Потом оно схватило кузена Бенедикта одной рукой за шею, а другой за низ спины, как он сам схватил бы мантикору, и, не давая ему времени опомниться, утащило в чащу.

Увы! В этот день кузен Бенедикт безвозвратно упустил возможность стать счастливейшим из энтомологов всех пяти частей света!

Глава шестнадцатая

Мганнга

Когда в этот день, 17 июня, кузен Бенедикт не явился к обычному часу, миссис Уэлдон очень встревожилась. Она не могла себе представить, куда девался этот большой ребенок. Не приходилось и думать о том, что он ускользнул из фактории – ограда ее была неприступна. А кроме того, она хорошо знала характер своего кузена: он наотрез отказался бы от свободы, если бы при бегстве ему надо было бросить на произвол судьбы коллекцию насекомых, хранящуюся в жестяной коробке. Но коробка со всеми находками, сделанными ученым в Африке, лежала в полной неприкосновенности здесь, в его хижине. Кузен Бенедикт не мог добровольно расстаться со своими энтомологическими сокровищами – такое предположение было просто невероятным.

И тем не менее кузена Бенедикта не было в фактории Жозе-Антониу Алвиша!

Весь день миссис Уэлдон искала его по всем закоулкам. Маленький Джек и Халима помогали ей. Но все поиски были тщетными.

Миссис Уэлдон вынуждена была прийти к печальному выводу: должно быть, кузена Бенедикта увели из фактории по приказу работорговца для какой-то непонятной ей цели. Но что сделал Алвиш с кузенем Бенедиктом? Может быть, он посадил его в один из барачков на читоке? Но зачем понадобилось это похищение после того, как было заключено соглашение между миссис Уэлдон и Негоро, соглашение, по которому кузен Бенедикт был включен в число пленников, которых Алвиш должен был доставить в Моссамедиш и передать Джемсу Уэлдону за выкуп в сто тысяч долларов?

Если бы миссис Уэлдон знала, как разгневался Алвиш, когда ему сообщили, что кузен Бенедикт исчез, она поняла бы, что работорговец к этому исчезновению не причастен. Но если кузен Бенедикт бежал по собственной воле, почему он не открыл ей своего замысла?

Расследование, предпринятое Алвишем и его слугами, вскоре привело к обнаружению кротовой норы, соединявшей двор фактории с соседним лесом. Работорговец не сомневался, что «охотник за мухами» бежал именно через этот узкий проход. Легко представить себе, какое бешенство охватило его при мысли, что бегство кузена Бенедикта будет поставлено ему в счет и, значит, уменьшит долю его барыша.

«Этот полоумный сам по себе ломаного гроша не стоит, а мне придется дорого заплатить за него! Попадись он только мне в руки!» – думал Алвиш.

Но несмотря на самые тщательные поиски внутри фактории, несмотря на то, что окружающие леса были осмотрены на большом протяжении, никаких следов беглеца обнаружить не удалось. Миссис Уэлдон пришлось примириться с исчезновением кузена, а Алвишу оставалось только горевать о потерянном выкупе. Поскольку нельзя было предположить, что кузен Бенедикт действовал по сговору с кем-нибудь вне фактории, оставалось думать, что он случайно обнаружил кротовый ход и бежал, даже не подумав о своих спутниках, словно их никогда и не существовало.

Миссис Уэлдон вынуждена была признать, что, вероятно, это так и случилось, но ей и в голову не пришло сердиться на бедного энтомолога, совершенно неспособного отвечать за свои поступки.

«Бедный! Что с ним будет?» – спрашивала она себя. Излишне упоминать, что кротовая нора была тщательно засыпана в тот же день и что за оставшимися пленниками установили еще более строгий надзор.

Миссис Уэлдон и ее сын продолжали вести ту же скучную, однообразную жизнь.

А между тем в провинции Казонде произошло необычное климатическое явление. Хотя дождливый сезон – «мазика», как его здесь называют, – окончился еще в апреле, 19 июня снова пошли дожди. Небо было затянуто тучами, и непрерывные ливни затопляли всю область Казонде.

Если для миссис Уэлдон дожди были только досадной неприятностью, поскольку они мешали ее ежедневным прогулкам по фактории, то для туземного населения это представлялось настоящим бедствием. Посевы в низменных местах, уже созревшие и ожидавшие жатвы, оказались затопленными. Населению, внезапно лишившемуся урожая, угрожал голод. Все его труды погибли. Королева Муана и ее министры растерялись, не зная, как предотвратить нависшую катастрофу.

Решено было призвать на помощь колдунов, но не тех, кто излечивает больных заговорами и заклинаниями, и не тех, кто предсказывает туземцам будущее. Размеры бедствия были так велики, что только самые искусные мганнги – колдуны, умеющие вызывать и прогонять дожди, – могли помочь горю.

Но и мганнги не помогли. Напрасными оказались заунывное пение и заклинания, попусту звенели двойные погремушки и колокольчики, бессильны были самые испытанные амулеты и, в частности, рог с тремя

маленькими разветвлениями на конце, наполненный грязью и кусочками коры. Не подействовали ни обрядовые пляски, ни плевки в лица самых важных придворных, ни навозные шарики, которыми швыряли в них. Злых духов, собирающих облака в тучи, никак не удавалось прогнать.

Положение день ото дня становилось все более угрожающим, и королеве Муане пришла в голову мысль пригласить прославленного мганнгу, который жил тогда в северной Анголе. Это был великий колдун, и познания его были тем более обширны, что они никогда не подвергались испытанию в этой части страны, где он никогда не бывал. Но во всяком случае, это был прославленный заклинатель «мазики».

Двадцать пятого июня поутру великий мганнга возвестил о своем приходе в Казонде громким звоном колокольчиков.

Колдун прошел прямо на читоку, и тотчас же к нему устремилась толпа туземцев. Небо в этот день было не так густо обложено тучами, ветер как будто собирался переменить направление, и эти благоприятные предзнаменования, совпадавшие с приходом мганнги, располагали к нему все сердца.

Это был к тому же великолепный негр, черный как ночь. Рост его превышал шесть футов, и он был, по-видимому, очень силен. Уже одно это произвело на толпу внушительное впечатление.

Обычно колдуны, проходя по деревням, соединяются по три, по четыре или по пять, и к их процессии присоединяются многочисленные помощники и почитатели. Этот мганнга пришел один. Грудь его была испещрена полосками из белой глины. От талии ниспадала складками широкая юбка из травы, юбка со шлейфом, не хуже чем у современных модниц. Ожерелье из птичьих черепов на шее, кожаный колпак, украшенный перьями и бусами на голове, кожаный пояс вокруг бедер, на котором висели сотни бубенчиков и колокольчиков, при каждом движении мганнги гремевших сильнее, чем сбруя испанского мула, – таково было облачение этого великолепного представителя корпорации африканских колдунов.

Все необходимые принадлежности его искусства – ракушки, амулеты, маленькие резные деревянные идолы и фетиши и, наконец, катышки навоза, – неизменно применяющиеся в Центральной Африке при всех колдовских обрядах и прорицаниях, были уложены в пузатую корзинку с дном из выдолбленной тыквы.

Скоро толпа заметила еще одну особенность нового мганнги: он был нем. Но немота могла только увеличить почтение, которое дикари уже начали питать к гиганту колдуну. Он издавал какие-то странные, низкие и

протяжные звуки, лишённые всякого смысла. Но это только должно было способствовать успеху его колдовства.

Мганнга начал с того, что обошел кругом всю читоку, исполняя какой-то торжественный танец, причем бубенчики на его поясе бешено звенели. Толпа шла за ним, подражая каждому его движению. Можно было подумать, что это стая обезьян следует за своим гигантским вожаком. Вдруг мганнга свернул с читоки на главную улицу Казонде и направился к королевскому дворцу.

Как только королеве Муане сообщили о приближении нового колдуна, она поспешила выйти к нему навстречу в сопровождении всех своих придворных.

Мганнга склонился перед ней до самой земли и затем выпрямился во весь рост, расправив свои широкие плечи. Он протянул руки к небу, по которому быстро бежали рваные тучи. Колдун указал на них королеве и оживленной пантомимой изобразил, как они плывут на запад, а потом, описав круг, возвращаются в Казонде с востока, и этого круговращения ничто не в силах прекратить.

И вдруг, к глубокому изумлению зрителей, горожан и придворных, колдун схватил грозную властительницу Казонде за руку. Несколько придворных хотели помешать такому грубому нарушению этикета, но силач мганнга поднял за загривок первого осмелившегося приблизиться к нему и отшвырнул его в сторону шагов на пятнадцать.

Королеве этот поступок колдуна как будто даже понравился. Она скорчила гримасу, которая должна была означать любезную улыбку. Но колдун, не обращая внимания на этот знак королевской благосклонности, потащил Муану за собой. Толпа устремилась вслед за ними.

На этот раз колдун шагал прямо к фактории Алвиша. Скоро он дошел до ворот ограды. Они были заперты. Один удар могучего плеча швырнул их на землю, и покоренная королева вошла вместе с колдуном во двор фактории.

Сам работорговец, его солдаты и невольники прибежали, чтобы наказать дерзкого пришельца, взламывающего ворота, вместо того чтобы дожидаться, пока их откроют. Но, увидев, что колдуна сопровождает королева и что она не возмущена его действиями, они замерли в почтительной позе.

Алвиш, несомненно, хотел было спросить у королевы, чему он обязан честью ее посещения, но колдун не дал ему на это времени. Он оттеснил толпу в сторону так, что вокруг него образовалось свободное пространство, и с еще большим неистовством, чем прежде, повторил свою пантомиму. Он

показывал облакам кулак, грозил им, заклинал их, делал вид, что сначала удерживает тучи на месте, а потом отталкивает их. Он надувал свои огромные щеки и изо всей силы дул в небо, словно у него было достаточно сил, чтобы рассеять тучи. Затем он поднимал руки и весь вытягивался вверх, как бы пытаясь остановить их бег, и казалось, его гигантский рост позволит ему дотянуться до них.

Суеверная Муана, захваченная – другого слова не найдешь – игрой этого талантливой актера, уже не владела собой. Она вскрикивала и, вся трепеща, инстинктивно повторяла каждое его движение. Придворные и горожане следовали ее примеру, и гнусавое мычание немого было совершенно заглушено воплями, криками и пением экзальтированной толпы.

Что ж, тучи разошлись и перестали заслонять солнце? Заклинания немого мганнги прогнали их? Нет. Напротив, как раз в ту самую минуту, когда королева и народ уже воображали, что злые духи, которые обрушивали на них столько ливней, сломлены, небо, на миг просветлевшее, нахмурилось еще больше, и первые тяжелые капли дождя упали на землю.

В настроении толпы сразу произошел перелом. Все с угрозой посмотрели на нового мганнгу, который оказался не лучше прежних. Королева нахмурила брови, и по этому признаку можно было догадаться, что колдуну грозит по меньшей мере потеря обеих ушей. Круг плотнее сомкнулся вокруг него, сжатые кулаки уже угрожали ему. Еще мгновение, и дело приняло бы для него дурной оборот, но тут новое происшествие направило гнев толпы в другую сторону.

Мганнга – он на целую голову был выше воющей толпы – вдруг вытянул руку и указал в сторону ограды. Жест его был таким повелительным, что все невольно обернулись.

Миссис Уэлдон и маленький Джек, привлеченные криками и завываниями толпы, только что вышли из своей хижины. На них-то и указывал разгневанный чародей левой рукой, поднимая правую руку к небу.

Вот кто виновник бедствия! Эта белая женщина и ее ребенок! Вот источник всех зол! Это они призвали тучи из своих дождливых стран, это они накликали наводнение и голод на землю Казонде!

Мганнга не произнес ни одного слова, но все его поняли. Королева Муана угрожающе простерла руки в сторону миссис Уэлдон. Толпа с яростным криком бросилась к ней.

Миссис Уэлдон решила, что настал ее смертный час. Прижав Джека к груди, она стояла перед беснующейся, ревущей толпой неподвижно, как статуя.

Мганнга направился к ней. Дикари расступились перед колдуном, который как будто нашел не только причину бедствия, но и средство спасения от него.

Работорговец Алвиш, для которого жизнь его пленницы была драгоценна, тоже подошел к ней, не зная, что делать дальше.

Мганнга схватил маленького Джека, вырвал его из рук матери и поднял к небу. Казалось, он сейчас разобьет ему череп о землю, чтобы умиловить духов!

Миссис Уэлдон отчаянно вскрикнула и упала без чувств.

Но мганнга, сделав королеве знак, который та, по-видимому, хорошо поняла, поднял с земли несчастную мать и понес ее вместе с сыном. Укрощенная толпа почтительно расступилась перед ним.

Но взбешенный Алвиш воспротивился. Упустить сначала одного пленника из троих, а потом оставаться безучастным свидетелем того, как ускользает порученный его охране залог, а вместе с ним и надежда на большую награду, обещанную ему Негоро, – нет, Алвиш не мог примириться с этим, хотя бы всему Казонде грозила гибель от нового всемирного потопа! Он попытался воспротивиться похищению.

Но тогда гнев толпы обратился против него. Королева приказала страже схватить Алвиша, и, понимая, что сопротивление может дорого ему обойтись, работорговец смирился, как ни проклинал он в душе дурацкое легковерие подданных королевы Муаны.

Дикари действительно ожидали, что тучи уйдут вместе с теми, кто их накликал, и не сомневались, что колдун кровью чужеземцев прогонит прочь дожди, от которых так страдал весь край.

Между тем мганнга нес свои жертвы так же легко, как лев тащит в своей могучей пасти пару козлят. Маленький Джек дрожал от страха, а миссис Уэлдон была без сознания. Обезумевшая от ярости толпа с воплями следовала за колдуном. Однако он вышел из фактории, пересек Казонде, ступил под своды леса, тем же твердым и размеренным шагом прошел более трех миль и, оставшись один – дикари поняли наконец, что он не хочет, чтобы за ним бежали, – достиг берега реки, быстрые воды которой текли на север.

Здесь, в глубине узкой бухты, скрытой от глаз густым кустарником, была привязана пирога, на которой высилась небольшая соломенная хижина.

Мганнга опустил на дно пироги свою ношу, столкнул легкое суденышко в воду и, когда быстрое течение подхватило его, сказал звучным голосом:

– Капитан, позвольте вам представить миссис Уэлдон и ее сына Джека! А теперь в путь, и пусть в Казонде все тучи небесные прольются ливнем над головами этих идиотов!

Глава семнадцатая

Вниз по течению

Слова эти произнес Геркулес, неузнаваемый в облачении колдуна, и обращался он не к кому иному, как к Дику Сэнду, который был еще очень слаб и только с помощью кузена Бенедикта мог приподняться навстречу вновь прибывшим. Динго лежал у ног ученого.

Миссис Уэлдон, придя в сознание, могла только чуть слышно прошептать:

– Это ты, Дик? Ты?..

Юноша попытался встать, но миссис Уэлдон поспешила заключить его в свои объятия. Маленький Джек тоже обнял и стал целовать Дика Сэнда.

– Мой друг Дик! Мой друг Дик! – повторял мальчик. Затем, повернувшись к Геркулесу, он добавил: – А я и не узнал тебя!

– Хорошо я переоделся! – сказал Геркулес и принялся стирать с груди белый узор.

– Фу, какой ты был некрасивый! – сказал маленький Джек.

– Что ж тут удивительного? Я изображал черта, а черт, как известно, некрасив.

– Геркулес! – воскликнула миссис Уэлдон, протягивая руку смелому негру.

– Он вас освободил, – сказал Дик Сэнд. – И меня он тоже спас, но только не хочет с этим соглашаться.

– Спас, спас... Рано еще говорить о спасении! – ответил Геркулес. – И к тому же, если бы не явился господин Бенедикт и не сказал мне, где вы находитесь, миссис Уэлдон, мы ничего не могли бы сделать.

Да, это именно Геркулес бросился на ученого, когда тот увлекся преследованием своей драгоценной мантикоры и углубился в лес, отдалившись от фактории на две мили. Не случись этого, Дик и Геркулес так и не узнали бы, где работороговец прячет миссис Уэлдон, и Геркулесу не пришла бы в голову мысль пробраться в Казонде под видом колдуна.

Пока пирога плыла по течению, очень быстрому, так как река здесь сужалась, Геркулес рассказал миссис Уэлдон все, что произошло со времени его бегства из лагеря на Кванзе: как он незаметно следовал за китандой, в которой несли миссис Уэлдон и ее сына; как он нашел раненого Динго и они вместе добрались до окрестностей Казонде; как он послал Дику записку с Динго, сообщив в ней, что случилось с миссис Уэлдон;

как после неожиданного появления кузена Бенедикта он тщетно пытался проникнуть в факторию, охрана которой стала еще более строгой; как, наконец, ему подвернулся случай вырвать пленников из рук ужасного Жозе-Антониу Алви-ша. Надо сказать, что случай этот подвернулся как раз вовремя. Некий мганнга, совершая свой колдовской обход страны (тот самый знаменитый чародей, которого нетерпеливо ждали в Казонде), появился в лесу, где Геркулес бродил каждую ночь, прислушиваясь, высматривая, готовый ко всему. Напасть на мганнгу, снять с него одежды и украшения, облачиться в них самому, привязать ограбленного к дереву лианами так, что сам черт не мог бы распутать узлы, раскрасить себе тело, взяв за образец привязанного мганнгу, и разыграть роль заклинателя дождей – все это заняло лишь несколько часов, но понадобилась поразительная доверчивость дикарей, чтобы все сошло гладко.

В этом кратком рассказе Геркулеса Дик Сэнд совсем не упоминался.

– А ты, Дик? – спросила миссис Уэлдон.

– Я, миссис Уэлдон? – ответил Дик. – Я ничего не могу рассказать вам. Последняя моя мысль была о вас, о Джеке!.. Я напрасно пытался порвать путы, которыми был привязан к столбу... Вода поднялась выше моей головы... Я потерял сознание. Когда я пришел в себя, то оказался в укромном уголке в зарослях папируса, а Геркулес заботливо ухаживал за мной...

– Еще бы! Я же теперь лекарь, знахарь, колдун, волшебник и предсказатель! – возразил Геркулес.

– Геркулес, – сказала миссис Уэлдон, – вы должны рассказать, как вы спасли Дика.

– Разве это я его спас? – возразил великан. – Разве не мог поток, хлынувший в старое русло, опрокинуть столб и унести с собой нашего капитана туда, где я, полумертвого, выловил его из воды? Впрочем, разве так уж трудно было в темноте соскользнуть в могилу и, спрятавшись среди убитых, подождать, когда спустят плотину, а потом подплыть к столбу, поднатужиться и выдернуть столб вместе с привязанным к нему капитаном? Нет, это было вовсе не трудно. Кто угодно мог бы это сделать. Вот хотя бы мистер Бенедикт... или Динго! В самом деле, уж не Динго ли сделал это?

Услышав свое имя, Динго весело залаял, и Джек, обняв ручонками большую голову пса и ласково его похлопывая, заговорил с ним:

– Динго, это ты спас нашего друга Дика?

И тут же покачал голову собаки справа налево и слева направо.

– Динго говорит «нет», – сказал Джек. – Ты видишь, Геркулес, это не

он! Скажи, Динго, а не Геркулес ли спас капитана Дика?

И мальчик заставил собаку несколько раз кивнуть головой.

– Динго говорит «да»! Он говорит «да»! – воскликнул Джек. – Вот видишь, значит, это ты!

– Ай-ай, Динго, – ответил Геркулес, лаская собаку, – как тебе не стыдно! Ведь ты обещал не выдавать меня!

Да, это действительно Геркулес, рискуя собственной жизнью, спас Дика Сэнда. Но из скромности он долго не хотел признаться в этом. Впрочем, сам он не видел в своем поведении ничего героического и утверждал, что каждый из его спутников поступил бы на его месте точно так же.

При упоминании о спутниках миссис Уэлдон заговорила об их несчастных товарищах – о старом Томе, о его сыне Бате, об Актеоне и Остине.

Их отправили в область Больших озер. Геркулес видел их в рядах невольничьего каравана. Он несколько времени шел следом за ними, но случая переговорить с ними ему не представилось. Они ушли! Они погибли!..

И по лицу Геркулеса, только что сиявшему добродушной улыбкой, потекли крупные слезы, которые он и не пытался сдержать.

– Не плачьте, друг мой, – сказала миссис Уэлдон. – Я верю, Бог милостив, и когда-нибудь мы еще свидимся с ними.

В нескольких словах миссис Уэлдон сообщила Дику Сэнду обо всем, что произошло в фактории Алвиша.

– Быть может, – заметила она в заключение, – нам лучше было бы оставаться в Казонде.

– Значит, я вмешался не вовремя! – воскликнул Геркулес.

– Нет, Геркулес, нет! – возразил Дик Сэнд. – Эти негодяи, несомненно, нашли бы средство заманить мистера Уэлдона в какую-нибудь ловушку. Мы должны бежать все вместе, и немедленно! Тогда мы прибудем на побережье раньше, чем Негоро вернется в Моссамедиш. Там португальские власти окажут нам помощь и покровительство, и когда Алвиш явится за своей сотней тысяч долларов...

– Сто тысяч ударов палкой по голове старого негодяя! – вскричал Геркулес. – И я сам заплачу ему сполна по этому счету!

И все-таки тут возникало затруднение, хотя о возвращении миссис Уэлдон в Казонде, конечно, не могло быть и речи. Следовательно, нужно было непременно опередить Негоро. Все дальнейшие планы Дика Сэнда обязательно должны были учитывать эту цель.

Наконец-то молодому капитану удалось привести в исполнение давно задуманный проект: спуститься к океанскому побережью, используя течение какой-нибудь реки. Та река, на которой они находились, текла на север, и можно было предположить, что она впадает в Конго. В этом случае вместо Сан-Паулу-ди-Луанда Дик Сэнд и его спутники очутятся в устье этой гигантской реки. Но такая перспектива нисколько их не смущала, так как в колониях Нижней Гвинеи они, несомненно, могли рассчитывать на такую же помощь, как и в Сан-Паулу-ди-Луанда.

Когда Дик решил спуститься вниз по течению этой реки, первой его мыслью было устроиться на одном из плавучих, заросших травой островков,^[71] которые во множестве несут африканские реки.

Однако Геркулесу во время его скитаний по берегу посчастливилось натолкнуться на унесенную рекой пирогу.

Дик Сэнд не мог бы пожелать ничего лучшего, и случай этот сослужил хорошую службу. Ведь найденная Геркулесом пирога не была похожа на узкий челнок, каким обычно пользуются туземцы. Это была вместительная лодка тридцати футов в длину и четырех в ширину; такие лодки рассчитаны на несколько гребцов и быстро несутся под ударами их весел на просторе больших озер. Миссис Уэлдон и ее спутники могли удобно в ней разместиться, и достаточно было удерживать ее на стрежне с помощью одного кормового весла, чтобы она шла вниз по течению.

Вначале Дик хотел плыть только по ночам, чтобы не попасться на глаза туземцам. Но если использовать только двенадцать часов из двадцати четырех, продолжительность путешествия, которая и без того могла оказаться немалой, возрастет вдвое. Тогда Дик пришла на ум счастливая мысль: замаскировать пирогу навесом из травы. Этот навес опирался на длинный шест, выступавший впереди носа и позади кормы. Трава, свисая до самой воды, скрывала даже кормовое весло. Замаскированная пирога казалась просто скоплением травы, которое течение несет среди плавучих островков. Она могла плыть и днем, не привлекая ничьего внимания. Трава была расположена с таким искусством, что обманывались даже птицы: красноклювые чайки, арринги с черным оперением, белые и серые зимородки часто садились на пирогу, чтобы поклевать зерна.

Зеленый навес не только маскировал пирогу, но и защищал пассажиров от палящего солнца. Такое плавание было почти совсем не утомительным, но все же небезопасным.

Ведь путь до океана предстоял долгий, и на всем его протяжении им нужно было ежедневно добывать пропитание. Это означало необходимость охотиться на берегах реки, так как одна рыбная ловля не могла прокормить

беглецов. А между тем Дик Сэнд после нападения туземцев на термитник располагал только одним ружьем, которое унес с собой во время бегства Геркулес, и очень небольшим запасом зарядов – каждый патрон был на счету. Но Дик надеялся, что не потратит зря ни одного выстрела. Быть может даже, укрываясь в лодке под навесом и высунув дуло ружья, он сможет стрелять более метко, как охотник, притаившийся в засаде.

А пока пирога плыла по течению, скорость которого Дик Сэнд оценивал по меньшей мере в две мили в час. Он надеялся поэтому, что за сутки она пройдет около пятидесяти миль. Но такое быстрое течение требовало от рулевого неустанной бдительности, чтобы огибать препятствия: подводные камни, мели и стволы деревьев. К тому же такая стремительность течения порождала опасение, что впереди могут оказаться пороги и водопады, весьма часто встречающиеся на африканских реках.

Дик Сэнд, которому радость новой встречи с миссис Уэлдон и ее сыном вернула силы, принял на себя командование и занял место на носу пироги. Сквозь щели в травяном навесе он следил за фарватером реки и то словами, то жестом давал указания Геркулесу, могучей рукой державшему кормовое весло, что надо сделать, чтобы держаться верного направления.

Миссис Уэлдон, поглощенная своими мыслями, лежала на подстилке из сухих листьев посреди пироги. Кузен Бенедикт, молчаливый и недовольный, сидел у борта, вытянув ноги и скрестив на груди руки, хмурился, поглядывая на Геркулеса, которому он не мог простить его вмешательства в охоту на мантикору, думая о своей потерянной коллекции, об энтомологических заметках, – вряд ли жители Казонде сумеют понять их ценность, – и время от времени машинально подносил руку к переносице, чтобы поднять на лоб очки... Но увы, их у него не было. Что же касается маленького Джека, то он понимал, что шуметь нельзя, но так как никто не запрещал ему двигаться, то он подражал своему другу Динго и ползал на четвереньках из конца в конец по всей пироге.

В продолжение двух первых дней плавания путешественники питались теми запасами, какие Геркулесу удалось добыть перед отъездом. Дик Сэнд только по ночам останавливал пирогу, чтобы дать себе несколько часов отдыха. Но на берег он не высаживался. Дик не хотел рисковать без нужды и твердо решил не выходить на сушу до тех пор, пока не окажется необходимым пополнить запас провизии.

Пока что плавание по неизвестной реке, ширина которой в среднем не превышала ста пятидесяти футов, не ознаменовалось никакими происшествиями. По течению плыло несколько плавучих островков, но они двигались с той же скоростью, что и пирога, так что можно было не

опасаться столкновений с ними, если только их не остановит какая-нибудь преграда.

Берега казались совершенно безлюдными: очевидно, эту часть территории Казонде туземцы посещали очень редко.

Вдоль реки поднимались два ряда зарослей; в них, блистая яркими красками, теснились ласточник, шпажник, лилии, ломонос, бальзаминовые и зонтичные растения, алоэ, древовидные папоротники, благоухающие кустарники, создавая по сторонам их пути несравненной красоты бордюры. Иногда опушка леса подступала к самой реке. Над водой склонялись копаловые деревья, акации с жесткой листвой, «железные деревья» – баугинии, у которых ствол с той стороны, откуда дуют самые холодные ветры, словно мехом, оброс лишайниками, смоковницы, которые, как манговые деревья, опираются на воздушные корни, похожие на сваи, и много других великолепных деревьев. Деревья-исполины, вздымающиеся вверх на сто футов, переплетались ветвями, покрывали реку сводом, непроницаемым для солнечных лучей. Кое-где лианы перекидывали с берега на берег свои стволы, образуя висячие мосты, и 27 июня маленький Джек с восхищением увидел, как по такому зеленому мосту переправлялась стая обезьян, которые, сцепившись хвостами, образовали живую цепь на случай, если мост не выдержит их тяжести.

Обезьяны эти, которых в Центральной Африке называют «соко», отличались довольно противной мордой: низкий лоб, светло-желтые щеки, высоко поставленные уши. Они живут стаями по десятку, лают, как собаки, и внушают страх туземцам, потому что иногда похищают детей, чтобы царапать и кусать их. Пробираясь по мосту из лиан, они и не подозревали, что под кучей трав, гонимой течением, находится маленький мальчик, из которого они могли бы сделать для себя забаву. Значит, маскировка, придуманная Диком Сэндом, была хорошо сделана – ведь даже эти зоркие животные были введены ею в заблуждение.

В тот же день под вечер, милях в двадцати от этого места, пирога внезапно остановилась.

– Что случилось? – спросил Геркулес, бессменно стоявший у рулевого весла.

– Запруда, – ответил Дик Сэнд. – Но запруда естественная.

– Надо разрушить ее, мистер Дик, – сказал Геркулес.

– Да, Геркулес. Придется действовать топором. В запруду уперлось несколько плавучих островков, а она устояла.

– Что ж, за дело, капитан! – сказал Геркулес, переходя на нос пироги.

Запруду образовала трава, гибкие стебли которой и длинные

глянцевитые листья, переплетаясь, спрессовываются в плотную массу, похожую на войлок и очень прочную. Называется она «тикатика», и по такому сплетению можно переправиться через реку, как по мосту, если не бояться увязнуть по колено в этом травяном настиле. На поверхности этой запруды цвели поразительной красоты лотосы.

Уже стемнело. Геркулес без особого риска мог выбраться из лодки. Ловко орудуя топором, он менее чем за два часа перерубил посередине сплетение трав. Запруда распалась, течение медленно отнесло к берегам обе ее части, и пирога снова поплыла вниз по реке.

Нужно ли говорить о том, что этот большой ребенок, кузен Бенедикт, сначала надеялся, что им не удастся одолеть преграду? Плавание по реке казалось ученому нестерпимо скучным. Он с сожалением вспоминал факторию Алвиша, свою хижину и драгоценную жестяную коробку с коллекциями. Печаль его была самой настоящей, и на него было жалко смотреть. В самом деле, ни одного насекомого! Ни единого!

Какова же была его радость, когда Геркулес – все-таки его «ученик»! – принес ему какое-то маленькое безобразное существо, которое он поймал на стебле тикатики. Как ни странно, Геркулес, передавая свой подарок ученому, был, казалось, чем-то смущен.

Но какой вопль испустил кузен Бенедикт, когда, осторожно зажав насекомое между большим и указательным пальцами, он поднес его как можно ближе к своим близоруким глазам, которым теперь не могли прийти на помощь ни очки, ни лупа!

– Геркулес! – вскричал он. – Геркулес! Ты заслужил полное прощение. Кузина Уэлдон! Дик! Единственное в своем роде насекомое, и к тому же, несомненно, африканское! Уж этого-то никто не посмеет отрицать, и я отдам его только вместе с жизнью!

– Значит, это действительно ценная находка? – спросила миссис Уэлдон.

– Ценная находка?! – вскричал кузен Бенедикт. – Насекомое, которое нельзя отнести ни к жесткокрылым, ни к сетчатокрылым, ни к перепончатокрылым, которое не принадлежит ни к одному из десяти известных науке отрядов, которое скорее можно было бы отнести к паукообразным!.. Насекомое, очень похожее на паука! Насекомое, которое было бы пауком, если бы у него было восемь лапок, и которое все-таки остается насекомым, так как у него только шесть лапок. Ах, друзья мои, небо все-таки даровало мне это счастье! Наконец-то мое имя войдет в науку! Это насекомое будет названо «*Neharodes Benedictus*»!^[72]

Радость ученого была так велика, что, оседлав своего любимого

конька, он совершенно забыл о всех перенесенных и еще предстоящих испытаниях. Миссис Уэлдон и Дик от души поздравили его с находкой.

Между тем пирога продолжала плыть по темным водам реки. Ночную тишину нарушали только фыркание гиппопотамов, выбиравшихся на берег, и пощелкивание чешуи крокодилов.

Потом над верхушками деревьев возшла полная луна. Мягкий свет ее проник сквозь щели в навесе и озарил внутренность пироги.

Вдруг на правом берегу послышался отдаленный топот, а потом какой-то глухой шум, словно в темноте заработало одновременно несколько насосов.

Это огромное, в несколько сот голов, стадо слонов, досыта наевшись за день волокнистых стеблей растений, перед сном пришло на водопой. Казалось, все эти хоботы, поднимавшиеся и опускавшиеся с механической равномерностью, способны осушить реку!

Глава восемнадцатая

Разные события

Следующие восемь дней пирога все так же продолжала спускаться по течению. Ничего примечательного за эти дни не произошло. На протяжении многих миль река протекала среди великолепных лесов. Затем леса кончились, и вдоль обоих берегов потянулись нескончаемые, уходящие к самому горизонту заросли кустарника.

Тут тоже не встречалось никаких следов туземцев – Дик Сэнд, разумеется, нисколько не был этим огорчен, – но зато вокруг было великое множество животных. На берегах резвились зебры, из зарослей выходили канны и «каамы», замечательно грациозные антилопы, которые по вечерам исчезали, уступая место леопардам, оглашавшим воздух грозным рычанием, и даже львам, прыгавшим в высокой траве. Однако беглецы до сих пор не имели столкновений с хищниками, ни с речными, ни с лесными.

Каждый день, чаще всего в послеобеденные часы, Дик направлял пирогу к тому или другому берегу, причаливал и обследовал прилегающую часть зарослей.

Дело в том, что маленькому отряду приходилось возобновлять запасы продовольствия. В этих диких местах нельзя было рассчитывать ни на фрукты, ни на маниоку, ни на сорго, ни на кукурузу, которые составляют главную пищу туземцев. Все это росло здесь, но в диком виде, и было непригодно для еды. Дик Сэнд вынужден был охотиться, хотя звуки выстрелов могли привлечь чье-нибудь нежелательное внимание.

Огонь они добывали, вращая с большой скоростью деревянную палочку, вставленную в углубление в сухой ветви смоковницы, на манер местных жителей или даже обезьян, так как говорят, что таким же способом добывают огонь и некоторые гориллы. На костре жарили мясо какой-нибудь антилопы, заготавливая пищу впрок, сразу на несколько дней. 4 июля Дику удалось одним выстрелом уложить на месте «покоу», которая дала им изрядный запас мяса. Это было животное длиною в пять футов, с большими, загнутыми назад рогами, с рыжеватой шерстью, усеянной блестящими пятнышками, и белым брюхом. Мясо его оказалось очень вкусным.

Из-за почти ежедневных остановок для охоты и нескольких часов отдыха каждую ночь пирога к 8 июля прошла в общей сложности лишь около ста миль. Однако это было уже немало, и Дик начинал задумываться,

куда заведет их эта бесконечная река. До сих пор она вобрала в себя лишь несколько мелких притоков, и незаметно было, чтобы она сколько-нибудь расширилась. Сначала она текла более или менее прямо на север, но теперь повернула на северо-запад.

Река тоже доставляла путникам свою долю пищи. Длинная лиана, снабженная вместо крючка колючкой, несколько раз приносила им санджику – мелкую рыбешку, очень нежную на вкус, которую в копченом виде развозят по всей этой стране, довольно вкусных черных «узаков», «монндесов», с крупной головой и жесткой щетиной вместо зубов, маленьких «дагала», любящих проточную воду и принадлежащих к породе сельдей, – они напоминают уклеек, которые ловятся в Темзе.

Девятого июля днем мужество Дика Сэнда подверглось новому испытанию. Он был один на берегу и подкрадывался к кааме, рога которой виднелись над зарослью кустарника. Как только он выстрелил, в тридцати шагах от него выскочил другой – и очень страшный – охотник, который, несомненно, явился за своей добычей и, видимо, не собирался ее уступать.

Это был огромный лев из той породы, которую туземцы называют «карамо», – они совсем не похожи на так называемых ньясских львов, лишенных гривы. Он достигал в плечах высоты не менее пяти футов. Великолепное животное!

Одним прыжком лев обрушился на кааму, которую пуля Дика Сэнда только что свалила на землю. С жалобным криком бедное животное судорожно забилось под когтистыми лапами грозного хищника.

У безоружного Дика Сэнда не было времени вложить в ствол новый патрон.

Лев сразу заметил его, но сначала ограничился тем, что на него посмотрел.

У Дика хватило самообладания оставаться на месте, не делая ни малейшего движения. Он вспомнил, что в такие моменты полная неподвижность бывает иногда спасительна. Он не пытался ни бежать, ни перезарядить ружье.

Налитые кровью кошачьи глаза льва неотступно следили за ним. Хищник, казалось, не знал, какую добычу предпочесть: ту ли, что билась под его лапами, или ту, что стояла неподвижно. Если бы каама не извивалась в его когтях, Дику Сэнду пришел бы конец.

Так протекли долгие две минуты. Лев смотрел на Дика Сэнда, а Дик Сэнд смотрел на льва, даже не моргая.

Наконец лев мощным движением схватил в пасть еще живую, трепещущую кааму, поднял ее, как собака поднимает зайца, и, хлеща по

кустам жестким хвостом, исчез в густой чаще леса.

Дик стоял неподвижно еще несколько секунд, потом осторожно ушел и, вернувшись к своим спутникам, ничего не сказал им об опасности, от которой он спасся только благодаря своему хладнокровию. О да, если бы беглецы не плыли по быстрой реке, а вынуждены были пробираться по равнинам и лесам, где водятся такие хищники, быть может, к этому времени ни одного из потерпевших крушение на «Пилигриме» уже не было бы в живых.

А кроме того, если края эти и казались необитаемыми, они были такими не всегда. В иных местах, где берега были отлогими, попадались следы когда-то стоявших здесь деревень. Опытный путешественник, не раз посещавший эту область Африки, такой, как Дэвид Ливингстон, безошибочно угадал бы, в чем тут дело. Посмотрев на живые изгороди из высоких молочаев, сохранившиеся дольше соломенных хижин, на одиноко растущую в середине ограды священную смоковницу, он сразу понял бы, что здесь когда-то было селение. Но согласно обычаю многих африканских племен, стоит умереть вождю, и жители покидают свои жилища и строят новые в другом месте.

Возможно также, что здесь, как и в других областях Центральной Африки, жили племена, которые не строят домов, но селятся в ямах, вырытых в земле. Эти дикари, стоящие на самой низкой ступени развития, выходят из своих жилищ только по ночам, как хищники из берлог, и так же, как с хищниками, встреча с ними очень опасна.

Дик Сэнд не мог сомневаться, что именно здесь находится страна людоедов. Раза три-четыре ему попадались на лесных полянах в еще не остывшей золе погасшего костра обгоревшие кости человеческого скелета – остатки ужасного пиршества. Роковой случай мог привести этих людоедов верхнего Казонде на берег реки как раз в то время, когда Дик Сэнд там охотился. Поэтому он высаживался на сушу только в случаях крайней необходимости и всякий раз брал с Геркулеса слово, что при малейшей тревоге тот, не дожидаясь его возвращения, немедленно отчалит от берега. Геркулес давал требуемое обещание, но все время, что Дик Сэнд находился на берегу, ему стоило больших усилий скрывать свою отчаянную тревогу от миссис Уэлдон.

Вечером 10 июля им пришлось удвоить осторожность. На правом берегу реки показался ряд свайных построек. Река расширялась там, образуя небольшую бухту, и в этой бухте стояло на сваях около тридцати хижин. Течение несло пирогу прямо на хижины, и лодка должна была проплыть между сваями, так как у левого берега реки пробраться было

нельзя – там из воды торчали камни.

Эта деревня была обитаема: в нескольких хижинах светились огоньки и над тихой рекой разносились голоса, звуки которых были похожи на рычание. Если бы оказалось, как это часто бывает, что дикари протянули сети между сваями, то попытка пироги проложить себе путь могла поднять общую тревогу.

Дик Сэнд стоял на носу и, понизив голос до шепота, подавал команду, лавируя так, чтобы лодка не наткнулась на эти источенные червями столбы. Ночь была светлая. Видно было достаточно хорошо, чтобы управлять пирогой, но и достаточно хорошо для того, чтобы могли увидеть их самих.

Это была страшная минута. На помосте, над самой водой, сидели два туземца и громко разговаривали. Увлекаемая течением пирога должна была пройти как раз под ними, и свернуть в сторону было нельзя из-за узости прохода. Туземцы не могли не заметить лодки. Что, если они поднимут тревогу и разбудят все селение?

Всего какая-нибудь сотня футов отделяла пирогу от свай, когда Дик Сэнд услышал, что туземцы заговорили еще громче. Один из них указал другому на спускающуюся по течению кучу травы, грозившую порвать сети из лиан, которые они как раз ставили. Тотчас же оба начали поспешно вытаскивать сети из воды и громкими криками призывали на помощь соплеменников.

Пять или шесть других дикарей соскользнули вниз по сваям и устроились на связывавших их поперечных балках, издавая совершенно невообразимые вопли.

Зато в пироге царила полная тишина, если не считать приказаний, которые шепотом отдавал Дик Сэнд, и полная неподвижность, если не считать чуть заметных движений, когда Геркулес чуть-чуть поворачивал рулевое весло. Иногда раздавалось глухое ворчание Динго, но маленький Джек сжимал ручонками его огромную пасть. Снаружи вода с тихим плеском набегала на сваи, а выше, на помосте, раздавались нечеловеческие вопли дикарей.

Но тем временем туземцы споро выбирали сети. Если они успеют убрать их до того, как пирога войдет в проход между сваями, все кончится благополучно; если же нет, пирога застрянет, и это будет конец для всех, кто в ней плавает. Ни остановить пирогу, ни изменить направление ее движения Дик Сэнд не мог, тем более что сваи стеснили в этом месте реку и она неслась тут с необычайной стремительностью. Через полминуты пирога оказалась под помостом. Но – о неожиданная удача! – дикари последним усилием как раз вытащили свои сети из воды.

Однако, как и опасался Дик Сэнд, проходя под сваями, пирога помяла всю правую сторону своего навеса.

Один из дикарей громко вскрикнул. Успел ли он разглядеть, что скрывалось под навесом? Предупредил ли он своим криком соплеменников? Это было более чем вероятно.

Но Дик Сэнд и его товарищи находились уже вне пределов досягаемости. Река, превратившаяся в стремительный поток, мчала их вперед, и через несколько секунд свайная деревня скрылась из виду.

– Держать к левому берегу! – скомандовал на всякий случай Дик Сэнд. – Подводных камней больше нет!

– Есть держать к левому берегу! – повторил Геркулес, налегая на рулевое весло.

Дик Сэнд перешел на корму и, обернувшись назад, стал пристально вглядываться в освещенную луной поверхность воды. Однако ничего подозрительного он не заметил. Ни одна лодка не преследовала их. Вероятнее всего, у дикарей не было пирога, и когда настал день, ни один дикарь не показался ни на берегу, ни на реке. Однако из осторожности Дик Сэнд продолжал все время вести пирогу вдоль левого берега.

В течение следующих четырех дней, с 11 по 14 июля, миссис Уэлдон и ее спутники начали замечать, что вид местности сильно меняется. Перед их глазами был теперь не пустынный край, но самая настоящая пустыня, вроде той пустыни Калахари, которую Ливингстон исследовал во время первого своего путешествия. Сухая почва была совершенно не похожа на плодородные поля в верховьях реки.

А река все тянулась вдаль бесконечной голубой лентой и, по всей видимости, должна была впадать прямо в Атлантический океан.

В этих бесплодных местах нелегко было добывать пропитание для пяти человек. От прежних запасов продовольствия не осталось ничего. Рыбная ловля давала мало, охота не приносила больше никакой добычи. Антилопы и другие травоядные животные не нашли бы здесь никакого корма, а вместе с ними исчезли и хищники.

Поэтому по ночам уже не слышно было ставшего привычным рычания. Ночную тишину нарушали только лягушачьи концерты, которые Камерон сравнивает с шумами, которые производят конопатчики, когда они конопатят, сверлильщики, когда они сверлят, и клепальщики, когда они клепают на судостроительной верфи.

Плоская, выжженная солнцем равнина без единого деревца тянулась по обоим берегам реки вплоть до отдаленных холмов, замыкавших горизонт на востоке и западе. На этой равнине рос только молочайник, но

не та его разновидность, из которой добывается мучнистая масса, кассава, а молочайник, дающий лишь негодное в пищу масло.

Необходимо было, однако, добывать какое-то продовольствие. Дик Сэнд не знал, что делать, но тут Геркулес напомнил ему, что туземцы нередко употребляют в пищу молодые побеги папоротника и мякоть, содержащуюся в стеблях папируса. Он сам не раз утолял таким образом свой голод, когда пробирался по лесам вслед за китандой миссис Уэлдон. К счастью, папоротник и папирус в изобилии росли по берегам реки, и сладкая сердцевина папируса понравилась всем, а маленькому Джеку в особенности.

Это кушанье не отличалось особо питательными свойствами. Однако на следующий день с помощью кузена Бенедикта им удалось исправить положение.

Со времени открытия «шестинога Бенедикта», которое должно было обессмертить его имя, энтомолог снова обрел бодрость и хорошее расположение духа. Спрятав насекомое в надежное место, то есть в тулью своей шляпы, кузен Бенедикт пользовался каждой стоянкой у берега, чтобы продолжать свои исследования. И в этот день, шаря в высокой траве, он спугнул какую-то птичку, заинтересовавшую его своим оперением.

Дик Сэнд хотел было стрелять, но кузен Бенедикт закричал:

– Не стреляйте, Дик! Не стреляйте! Все равно одной этой птички не хватит на пять человек.

– Но зато хватит Джеку, – возразил Дик Сэнд, вторично прицеливаясь в птичку, которая не спешила улететь.

– Нет! Нет! – воскликнул кузен Бенедикт. – Не стреляйте. Это медоуказчик, он покажет нам место, где много меда.

Дик Сэнд опустил ружье, прикинув, что несколько фунтов меда ценнее, чем одна птичка, и вместе с кузенком Бенедиктом пошел за медоуказчиком, который, то взлетая, то опускаясь на землю, словно приглашал охотников следовать за собой.

Им не пришлось далеко ходить – через две-три минуты они увидели среди зарослей молочайника старый дуплистый пенек, вокруг которого громко жужжали пчелы.

Кузену Бенедикту не хотелось лишать этих перепончатокрылых «плодов их труда», как он выразился. Но Дик держался на этот счет другого мнения. Он выкурил пчел из улья с помощью сухой травы и набрал изрядное количество меда. Затем, предоставив птичке-медоуказчику поживиться пчелиными сотами, составлявшими ее долю добычи, он вместе с кузенком Бенедиктом вернулся к пироге.

Мед встретили с восторгом, но в конце концов его было не так уж много, и все уже жестоко страдали от голода, когда 12 июля, причалив к берегу, они увидели, что земля, как ковром, покрыта саранчой. Здесь было много миллиардов этих насекомых, которые в два, а местами даже в три слоя покрывали траву и кусты. Кузен Бенедикт немедленно сообщил, что туземцы нередко употребляют этих прямокрылых в пищу – это было совершенно верно, – и путешественники тотчас бросились собирать эту «манну небесную». Ее было так много, что хватило бы нагрузить десять таких лодок, и, поджаренная на слабом огне, саранча представляла собой кушанье, которое пришлось бы по вкусу и менее голодным людям. Даже кузен Бенедикт ел ее – правда, он вздыхал, но все же съел немало саранчи.

Но все же этой длинной веренице физических и нравственных испытаний пора было кончиться. Правда, плавание по течению быстрой реки не было так утомительно, как прежнее странствование по прибрежным лесам, но все же палящий зной днем, влажные туманы по ночам и непрестанные нападения moskitov делали очень мучительным и это путешествие. Да, пора было уже добраться до цели. И однако Дик не видел еще конца этому путешествию. Сколько времени продлится плавание? Неделю, месяц? Ничто не подсказывало ответа на этот вопрос. Если бы река текла на запад, они были бы уже недалеко от северного побережья Анголы; но река текла скорее к северу, и они могли плыть так еще очень долго, прежде чем достигнут берега океана.

Дик Сэнд уже начинал сильно беспокоиться, как вдруг утром 14 июля направление реки внезапно изменилось.

Маленький Джек сидел на носу лодки и глядел сквозь травяной навес, когда на горизонте показалась широкая гладь воды.

– Море! – закричал он.

При этих словах Дик Сэнд вздрогнул и подошел к Джеку.

– Море? – повторил он. – Нет еще, но по крайней мере большая река, которая течет на запад, а наша река была только ее притоком. Может быть, это сам Заир?

– Как было бы хорошо, Дик! – отозвалась миссис Уэлдон.

Да, потому что если это был Заир, или Конго, который Стэнли открыл через несколько лет, то оставалось бы только плыть по его течению до самого устья, чтобы достичь расположенных там португальских поселений. Дик Сэнд надеялся, что так и будет, и у него были на это все основания.

Пятнадцатого, шестнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого июля пирога плыла по серебристой поверхности широкой реки. Ее берега были уже не так бесплодны. Но Дик Сэнд продолжал соблюдать осторожность, и

по-прежнему вниз по течению плыла не лодка, а небольшой плавучий островок.

Еще несколько дней – и несомненно настанет конец бедствиям пассажиров «Пилигрима»! За это время каждый из них проявил немало самоотверженности, и если Дик Сэнд не признавал, что его доля была здесь самой большой, то это признавали его друзья, и можно было не сомневаться, что миссис Уэлдон позаботится о нем.

Но ночью 18 июля произошло событие, которое чуть не стоило всем им жизни.

Около трех часов пополуночи вдалеке на западе послышался какой-то приглушенный расстоянием шум. Дик, очень встревоженный, решил узнать, что производит этот шум. Пока миссис Уэлдон, Джек и кузен Бенедикт спали под навесом, он вызвал Геркулеса на нос лодки и попросил его хорошенько прислушаться.

Ночь была тихая. В воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения.

– Это шум моря! – сказал Геркулес, и глаза его засверкали от радости.

– Нет, – возразил Дик Сэнд, покачав головой.

– Что же это? – спросил Геркулес.

– Дождемся утра. А пока будем настороже.

После этого Геркулес вернулся на корму к своему веслу.

Дик Сэнд остался на носу лодки. Он напряженно прислушивался. Шум все нарастал. Вскоре он превратился в отдаленный рев.

День наступил сразу, почти без зари. На расстоянии полумили вниз по течению над рекой в воздухе висело нечто вроде облака. Но то был не туман – это сразу стало ясно, когда при первых же лучах солнца в облаке с одного берега на другой перекинулась великолепная радуга.

– К берегу! – во весь голос крикнул Дик Сэнд, так что голос его разбудил миссис Уэлдон. – Впереди водопад! Это облако – водяные брызги! К берегу, Геркулес!

Дик Сэнд не ошибался. Русло реки ниже по течению внезапно обрывалось отвесной стеной высотой в сто футов, и река низвергалась с нее стремительным, величественным водопадом. Еще полмили – и пирога была бы увлечена в пропасть.

Глава девятнадцатая

«С. В.»

Геркулес мощным ударом весла направил лодку к левому берегу. По счастью, скорость течения пока еще не увеличилась, так как русло реки почти до самого водопада сохраняло тот же пологий уклон. Лишь у самого водопада дно круто обрывалось, и усилившееся течение чувствовалось только в трехстах – четырехстах футах от него.

На левом берегу поднимался густой, девственный лес. Ни один луч света не проникал сквозь сплошную завесу его листвы. Дик Сэнд с ужасом смотрел на эту землю, где жили людоеды внутреннего Конго и которую теперь путешественникам предстояло пересечь пешком, так как плыть дальше по реке было невозможно. О том же, чтобы перетащить пирогу волоком в обход водопада, не приходилось и думать. Какой жестокий удар для измученных людей, которые надеялись не сегодня-завтра прибыть в португальские поселения, расположенные в устье реки! Но ведь до сих пор им так везло! Неужели теперь удача отвернется от них?

Пирога уже подходила к левому берегу. По мере того как она приближалась к земле, Динго проявлял все больше странных признаков нетерпения и горя.

Дик Сэнд заметил это – он был всегда настороже, ведь опасности грозили со всех сторон – и спросил себя: не скрываются ли в чаще высокого папируса на берегу дикари или хищные звери? Но вскоре он понял, что Динго охвачен вовсе не яростью.

– Смотрите, Динго как будто плачет! – воскликнул маленький Джек, обвивая ручонками шею пса.

Но Динго вырвался из объятий мальчика, прыгнул в воду, когда пирога была еще в двадцати футах от берега, выбрался на него и скрылся в высокой траве.

Ни миссис Уэлдон, ни Дик Сэнд, ни Геркулес не знали, что и подумать.

Через несколько секунд пирога мягко врезалась носом в зеленую толщу прибрежных растений. Вспугнутые приближением людей, в воздух с резкими криками взлетели несколько зимородков и снежно-белых цапель. Геркулес крепко привязал пирогу к стволу склонившегося над водой мангрового дерева, и все путешественники выбрались на берег. В лесу не было видно ни одной тропинки. Однако примятая во многих местах трава

свидетельствовала о том, что здесь недавно прошли люди или звери.

Дик Сэнд с заряженным ружьем и Геркулес с топором в руках двинулись вперед. Не прошли они и десяти шагов, как натолкнулись на Динго. Собака, опустив нос к земле, с отрывистым лаем бежала по какому-то следу и негромко выла. Какое-то непонятное предчувствие привлекло ее к берегу, а теперь другое предчувствие вело в глубь леса. Это было ясно всем.

– Внимание! – сказал Дик Сэнд. – Миссис Уэлдон, Джек, мистер Бенедикт, не отставайте, пожалуйста! Геркулес, будь наготове!

В это мгновение Динго поднял голову и нетерпеливо запрыгал, словно приглашая следовать за ним.

Через несколько секунд миссис Уэлдон и ее спутники подошли к подножию старой смоковницы в самой гуще леса.

Под смоковницей виднелась ветхая, покосившаяся набок лачуга. Динго остановился перед ней и жалобно завыл.

– Эй, кто здесь есть? – крикнул Дик Сэнд.

Он вошел внутрь хижины.

Миссис Уэлдон и все остальные последовали за ним. На земляном полу были разбросаны кости, уже побелевшие под воздействием сырого воздуха.

– В этой хижине умер человек, – сказала миссис Уэлдон.

– И Динго знал этого человека! – подхватил Дик Сэнд. – Наверное, это был его хозяин. Смотрите, смотрите!

Дик Сэнд указал пальцем на ствол смоковницы в глубине лачуги, с которого была счищена кора.

Там виднелись две большие красные буквы, уже почти стершиеся, но все еще различимые.

Динго уперся правой лапой в дерево и как будто указывал на эти буквы путешественникам.

– «С» и «В»! – воскликнул Дик Сэнд. – Две буквы, которые Динго узнает среди всех букв алфавита. Те самые буквы, какие выгравированы на его ошейнике!

Он вдруг умолк и, нагнувшись, поднял лежавшую в углу небольшую, всю позеленевшую медную коробку.

Когда он открыл коробку, из нее выпал клочок бумаги. Дик Сэнд прочел следующее:

Здесь... в 120 милях от берега океана... 3 декабря 1871 года... смертельно ранен... ограблен моим проводником Негоро...

Динго!.. ко мне...

С. Вернон.

Эта записка объясняла все. Французский путешественник Самюэль Вернон, отправившийся исследовать Центральную Африку, взял в проводники Негоро. Деньги, которые были у путешественника, возбудили алчность негодяя португальца, и он решил завладеть ими. Самюэль Вернон, добравшись до берега Конго, остановился в этой хижине. Здесь Негоро смертельно ранил его, ограбил и бросил... Совершив убийство, Негоро, несомненно, бежал в португальские владения. Но там Негоро арестовали как агента работоторговца Алвиша; в Сан-Паулу-ди-Луанда его судили и приговорили к пожизненному заключению в одной из каторжных тюрем колонии. Мы знаем, что он ухитрился бежать с каторги, пробрался в Новую Зеландию и там поступил коком на «Пилигрим», к несчастью тех, кто плыл на этом корабле. Но что произошло в хижине после преступления? Это нетрудно было угадать. Несчастный Вернон перед смертью успел написать записку, где указывал время, и причину убийства, и имя убийцы. Он спрятал ее в коробку, где, несомненно, раньше хранил деньги, украденные Негоро, и последним усилием начертал кровью, словно эпитафию, свои инициалы на дереве. Динго, вероятно, немало дней просидел перед этими двумя буквами! Он научился распознавать их среди всех других букв алфавита. И уж не забыл! Потом Динго ушел на берег океана, где его и подобрал капитан «Вальдека», и, наконец, попал на «Пилигрим», где он снова встретился с Негоро. А прах путешественника тем временем истлевал в дебрях Центральной Африки, и все забыли о погибшем, кроме его верной собаки. Да, несомненно, события происходили именно так. Дик Сэнд и Геркулес уже собрались было предать погребению останки несчастного Самюэля Вернона, как вдруг Динго с неистовым лаем выбежал из хижины.

Тотчас же вслед за этим снаружи донесся ужасный крик. Очевидно, Динго на кого-то напал.

Геркулес бросился за ним. Когда Дик Сэнд, миссис Уэлдон, Джек и Бенедикт тоже выбежали из хижины, они увидели, что он кинулся на какого-то человека, который катался по земле, отбиваясь от вцепившейся ему в горло собаки.

Это был Негоро.

Приближаясь к устью Конго, где он собирался сесть на отправляющийся в Америку пароход, португалец оставил свой эскорт и

один пошел к месту, где он убил доверившегося ему Вернона.

У него были свои причины вернуться сюда, и все поняли какие, увидев в свежевырытой яме у подножия смоковницы несколько горстей французских золотых монет. Очевидно, после убийства Самюэля Вернона, но до того, как он попал в руки португальцев, Негоро закопал в землю украденные деньги, чтобы когда-нибудь вернуться за ними. Но как раз в тот момент, когда он собрался воспользоваться плодами своего преступления, выследивший его Динго вцепился ему в горло. Захваченный врасплох негодяй все же сумел вытащить из-за пояса нож, и он с силой всадил его в грудь собаки, когда Геркулес подбежал к нему с возгласом:

– Ах, гадина! Я тебя придушу!..

Однако вмешательство Геркулеса не понадобилось. Португалец не подавал больше признаков жизни: можно сказать, что судьба покарала преступника в том месте, где он совершил свое злодеяние. Но верный пес тоже получил смертельный удар – он ползком добрался до того места в хижине, где был убит Самюэль Вернон, и там умер.

Геркулес закопал глубоко в землю останки путешественника, и оплакиваемый всеми Динго был положен в ту же могилу.

Негоро не было больше в живых, но туземцы, сопровождавшие его из Казонде, должны были находиться где-то неподалеку. Видя, что португалец не возвращается, они, несомненно, отправятся искать его на берегу реки. Это была серьезная опасность для путешественников.

Дик Сэнд и миссис Уэлдон посоветовались о том, что делать дальше. Действовать приходилось немедленно, не теряя ни минуты.

Было уже совершенно ясно, что большая река, по которой они плыли, – это именно Конго, которую туземцы называют Кванго или Икутуя-Коного; под одной широтой ее именуют также Заиром, под другой – Луалабой. Это была та самая великая артерия Центральной Африки, которой героический Стэнли присвоил славное имя «Ливингстон», но географам, быть может, следовало бы заменить это имя именем самого Стэнли.

Однако если не оставалось никаких сомнений в том, что это – Конго, то в записке, оставленной Самюэлем Верноном, было указано, что устье реки находится на расстоянии ста двадцати миль от этого места, и, к несчастью, здесь река была непроходима. Никакая лодка не прошла бы через могучий водопад, – вероятно, это были водопады Нтама.

Надо было пройти пешком по берегу милью или две и, миновав водопад, построить плот и снова пуститься вниз по течению.

– Остается решить, – сказал Дик Сэнд, – по какому берегу мы пойдем:

по левому, где мы сейчас находимся, или по правому. И тот и другой небезопасны, миссис Уэлдон, приходится остерегаться туземцев. Но все-таки мне кажется, что на этом берегу риск больше, так как тут мы можем опасаться встречи с эскортом Негоро.

– Переправимся на другой берег, – сказала миссис Уэлдон.

– Но можно ли там пройти? – продолжал рассуждать вслух Дик Сэнд. – Дорога к устью Конго скорее лежит на левом берегу – недаром же Негоро шел по нему. Ну не важно! Колебаться тут не приходится. Но прежде чем мы переправимся на правый берег все вместе, я один проверю, можно ли спуститься по реке ниже водопада.

Это действительно было благоразумнее, и Дик Сэнд сразу же начал приводить свой план в исполнение.

Ширина реки в том месте, где стояла хижина француза-исследователя, не превышала четырехсот футов, и молодому моряку, отлично умевшему править кормовым веслом, нетрудно было ее пересечь. Миссис Уэлдон, Джек и кузен Бенедикт до возвращения Дика Сэнда должны были остаться на левом берегу под охраной Геркулеса.

Отдав все распоряжения, Дик уже сел в пирогу и собирался оттолкнуться от берега, когда миссис Уэлдон сказала ему:

– Ты не боишься, Дик, что течение затянет тебя в водопад?

– Нет, миссис Уэлдон. Я пройду футов за четыреста от него.

– А на том берегу?

– Я не буду высаживаться, если замечу хоть какую-нибудь опасность.

– Возьми с собой ружье.

– Хорошо. Но пожалуйста, не беспокойтесь обо мне.

– А может быть, нам все-таки лучше не разлучаться, Дик? – добавила миссис Уэлдон, как будто ее томило предчувствие беды.

– Нет, миссис Уэлдон... Я должен поехать один, – ответил Дик Сэнд. – Это необходимо для общей безопасности. Я вернусь меньше чем через час. Смотри в оба, Геркулес!

С этими словами Дик отчалил и направил лодку к другому берегу.

Миссис Уэлдон и Геркулес, притаившись среди зарослей папируса, не спускали с него глаз.

Дик Сэнд скоро достиг середины реки. Течение здесь было не очень сильное, но все-таки чувствовалось. Зато в четырехстах футах от этого места вода с диким ревом низвергалась со скалы, и водяные брызги, подхваченные западным ветром, долетали до пироги, где сидел Дик Сэнд. Юноша содрогнулся при мысли, что если бы они были менее внимательны прошлой ночью, пирога неминуемо попала бы в водопад, который

выбросил бы на прибрежные камни лишь пять изуродованных трупов. Но сейчас такой опасности не было: пирога пересекала реку почти по прямой, для этого достаточно было искусно править кормовым веслом.

Через четверть часа Дик добрался до правого берега реки и уже готовился на него выпрыгнуть...

Но в это мгновение раздались громкие крики, и человек десять дикарей бросились к груде травы, которая еще скрывала пирогу.

Это были дикари-людоеды из свайной деревни. В продолжение восьми дней они крались следом за путешественниками по правому берегу реки. Когда лодка проплывала под сваями и с нее сорвало травяной покров, они увидели, что на мнимом плавучем островке скрываются люди, и пустились в погоню. Они были уверены, что добыча не уйдет от них, так как водопад преграждал течение реки и беглецам рано или поздно пришлось бы высадиться на берег.

Дик Сэнд понял, что для него нет спасения. Но он спрашивал себя: не может ли он, пожертвовав своей жизнью, спасти спутников? Не теряя самообладания, юноша стоял на носу пироги и, наведя на дикарей ружье, не давал им подойти.

Между тем дикари уже успели содрать с пироги защитный навес, рассчитывая найти там еще несколько жертв. Увидев, что в их руки попал лишь один человек, они яростно завывали. Пятнадцатилетний мальчик на десятерых!

Но тут один из туземцев поднялся, протянул руку к левому берегу и указал на миссис Уэлдон и ее спутников, которые все видели и, не зная, что предпринять, вышли из-под прикрытия зарослей папируса.

Оставив всякую заботу о себе, Дик молил небо подсказать ему, как спасти его сотоварищей.

Дикари бросились на корму пироги и оттолкнули ее от берега. Они намеревались переплыть реку. Ружье в руках Дика все еще удерживало их от нападения на него – очевидно, они знали, чем грозит огнестрельное оружие. Но один из них, взяв кормовое весло, умело направил пирогу поперек течения. Вскоре она уже была не далее как в ста футах от левого берега.

– Бегите! – крикнул Дик Сэнд миссис Уэлдон. – Бегите!

Ни миссис Уэлдон, ни Геркулес не пошевелились, словно у них отнялись ноги.

Бежать? Зачем? Не пройдет и часа, как их все равно догонят и они попадут в руки людоедов.

Дик Сэнд понял это. И в эту минуту его осенила та мысль, о которой

он просил небо: он нашел способ спасти тех, кого любил, спасти ценою собственной жизни! И он без колебаний сделал это.

– Господи, защити их! – прошептал он.

В то же мгновение он перевел ружье на того дикаря, который правил пирогой, и выстрелил. Кормовое весло, расщепленное пулей, переломилось пополам.

У людоедов вырвался крик ужаса.

Пирога, уже никем не управляемая, повернула по течению прямо к водопаду. Она неслась все быстрее, и через несколько мгновений уже не более ста футов отделяло ее от ревущей и грохочущей бездны.

Миссис Уэлдон и Геркулес все поняли. Дик Сэнд, пытаясь спасти своих спутников, решил увлечь лодку в пучину водопада: дикари погибнут, но и он погибнет с ними. Маленький Джек, его мать, стоя на коленях, посылали Дику Сэнду последнее прости. Геркулес в бессильном отчаянии простирал к нему руки.

В эту минуту дикари, решив добираться до левого берега вплавь, бросились за борт, и лодка от толчка перевернулась.

Дик Сэнд и перед лицом угрожающей ему смерти ни на йоту не потерял хладнокровия. Последней его мыслью было, что лодка, именно потому, что она плышет килем вверх, может оказаться для него средством спасения.

И действительно, в те мгновения, когда Дик Сэнд будет захвачен водопадом, ему могли угрожать две опасности: захлебнуться в воде или задохнуться в вихре водяной пыли. А перевернутый корпус лодки был как бы ящиком, под которым ему, может быть, удастся удерживать голову над водой и в то же время укрыться от воздушного вихря, в котором он, несомненно, задохнулся бы при быстром падении. При таком заслоне у него, пожалуй, был бы некоторый шанс спастись от двойной опасности задохнуться, даже если бы он спускался по водопаду Ниагаре!

Все это молнией мелькнуло в голове Дика Сэнда. Последним инстинктивным движением он уцепился за скамью, которая соединяла оба борта лодки, и, держа голову над уровнем воды под опрокинутым корпусом лодки, почувствовал, как поток с непреодолимой силой уносит его и он почти вертикально падает вниз...

Пирога глубоко ушла в яму, вырытую падающей водой у подножия водопада, завертелась в глубине и затем снова всплыла на поверхность реки. Дик Сэнд, отличный пловец, понял, что спасение теперь зависит только от силы его рук...

Через четверть часа борьбы с течением он выбрался на левый берег и

увидел там миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта, которых поспешно привел туда Геркулес.

Но дикари погибли в бурлящем водовороте. Не защищенные во время падения перевернутой пирогой, они задохнулись еще прежде, чем достигли дна пропасти, и их трупы разбились об острые скалы, на которых пенилась вода ниже по течению.

Глава двадцатая

Заключение

Через два дня, 20 июля, миссис Уэлдон и ее спутники встретили караван, направлявшийся в Эмбому, в устье Конго. Это были не работоторговцы, а честные португальские купцы, которые везли в Европу слоновую кость. Беглецам был оказан превосходный прием, и последний участок пути не доставил им особых тягот.

Встреча с этим караваном поистине была великой удачей. Дик Сэнд напрасно надеялся спуститься на плоту к устью реки. От Нтамы до Еллалы вся река представляет собой чередование стремнин и водопадов. Стэнли насчитал их здесь семьдесят два, и никакая лодка не смогла бы здесь пройти. Именно в устье Конго неустрашимому путешественнику четыре года спустя пришлось выдержать последний из тридцати двух боев, которые он вел с туземцами. А ниже он попал в водопад Мбело и только чудом спасся от смерти.

Одиннадцатого августа миссис Уэлдон, Джек, Дик Сэнд, Геркулес и кузен Бенедикт прибыли в Эмбому, где господа Мотта-Вьегга и Гаррисон встретили их с самым сердечным гостеприимством. Здесь они застали американский пароход, отправлявшийся к Панамскому перешейку. Миссис Уэлдон и ее спутники сели на него и благополучно прибыли в Америку.

Телеграмма, отправленная в тот же день в Сан-Франциско, уведомила Джемса Уэлдона о неожиданном возвращении на родину его жены и ребенка, следы которых он тщетно разыскивал повсюду, где, по его предположениям, мог быть выброшен на берег «Пилигрим».

Наконец 25 августа путешественники приехали по железной дороге в главный город Калифорнии. О, если бы старый Том и его товарищи были с ними!..

Что сказать о дальнейшей судьбе Дика Сэнда и Геркулеса? Первый стал сыном, второй – другом семейства Уэлдон. Джемс Уэлдон сознавал, чем он обязан юному капитану и отважному негру. Хорошо, что Негоро не успел побывать в Сан-Франциско, ибо мистер Уэлдон, разумеется, не пожалел бы всего своего состояния, чтобы выкупить из плена жену и сына. Он помчался бы к берегам Африки, и кто знает, каким опасностям он подвергся бы там, жертвой какого коварства стал бы!

Несколько слов о кузене Бенедикте. В день приезда в Сан-Франциско, наспех пожав руку Джемсу Уэлдону, достойный ученый заперся в своем

кабинете и тут же принялся за работу, словно доканчивая фразу, недописанную накануне. Он мечтал о гигантском труде «Шестиног Бенедикта» – труде, который должен был совершить переворот в энтомологической науке.

В своем кабинете, загроможденном коллекциями насекомых, он первым делом разыскал очки и лупу... О Боже! Какой вопль отчаяния вырвался из груди ученого, когда он, вооружившись этими оптическими приборами, впервые хорошенько рассмотрел единственного представителя африканских насекомых, вывезенного им из путешествия!

«Шестиног Бенедикта» оказался совсем не шестиногим! Это был обыкновенный паук! И если у него было шесть ног вместо восьми, это объяснялось только тем, что двух передних ног у него не доставало. А не доставало их потому, что Геркулес неосторожно оборвал их, когда ловил паука. Таким образом, мнимый «шестиног Бенедикта» не представлял никакой ценности с научной точки зрения. Это был обыкновенный паучок, каких много, да к тому же еще инвалид! И только близорукость кузена Бенедикта помешала ему заметить это раньше. От такого удара он серьезно заболел, но, к счастью, его удалось вылечить.

Через три года, когда маленькому Джеку исполнилось восемь лет, Дик Сэнд помогал ему готовить уроки, не прекращая собственных напряженных занятий. Тотчас же по возвращении в Сан-Франциско он принялся за учение с рвением человека, которого терзают угрызения совести: он не мог себе простить, что по недостатку знаний не смог как следует справиться со своими обязанностями на корабле.

«Да, – повторял он себе, – если бы на борту „Пилигрима“ я знал все то, что должен знать настоящий моряк, скольких несчастий можно было бы избежать!»

Так говорил Дик Сэнд. В восемнадцать лет он уже с отличием окончил гидрографические курсы и, получив по специальному разрешению диплом, готовился вступить в командование одним из кораблей Джемса Уэлдона.

Вот чего достиг благодаря своему поведению, благодаря своему труду маленький сирота, подобранный на песчаной косе Сэнди-Хук. Несмотря на свою молодость, он пользовался всеобщим уважением, можно даже сказать, почетом, но был по характеру так прост и скромн, что и не подозревал этого. Ему и в голову не приходило, что решительность, мужество, твердость, проявленные им во всех испытаниях, сделали из него своего рода героя, хотя он и не совершил ничего такого, что принято называть блестящими подвигами.

И все же одна горькая мысль преследовала его. В те редкие минуты

досуга, которые оставляли ему занятия, он всегда думал о старом Томе, Бате, Актеоне и Остине. Он считал себя ответственным за их несчастья. Миссис Уэлдон также не могла без грусти вспоминать о бедственном положении своих бывших спутников. Джемс Уэлдон, Дик Сэнд и Геркулес готовы были перевернуть небо и землю, чтобы разыскать их. И наконец, благодаря широким связям Джемса Уэлдона в коммерческом мире, им удалось разыскать их следы: оказалось, что Тома и его спутников продали на Мадагаскар, где, кстати сказать, рабство в скором времени было уничтожено. Дик Сэнд хотел отдать все свои небольшие сбережения, чтобы выкупить их, но Джемс Уэлдон и слышать об этом не хотел. Один из его агентов совершил эту сделку, и 15 ноября 1877 года четыре негра постучались в двери дома Джемса Уэлдона.

То были Том, Бат, Остин и Актеон. Эти славные люди, избежавшие стольких смертельных опасностей, едва не были задушены в объятиях своих друзей.

Из тех, кого «Пилигрим» забросил на гибельный берег Африки, недоставало теперь только бедной Нэн. Но старую служанку нельзя было вернуть к жизни, так же как и Динго. И конечно же, было просто чудо, что лишь они двое погибли при таких жестоких испытаниях.

Само собой разумеется, что в день приезда четырех негров в доме калифорнийского купца Джемса Уэлдона был устроен праздник, и лучший тост, встреченный всеобщим одобрением, провозгласила миссис Уэлдон – тост в честь Дика Сэнда, «пятнадцатилетнего капитана».

notes

Примечания

1

Настоящие киты дают охотникам ворвань (китовый жир) – ценное промышленное сырье – и китовый ус. Китовый ус – роговые пластины – употребляется для изготовления разных изделий. Полосатики дают только ворвань; пластинки китового уса у них развиты слабо.

2

Лье – французская мера расстояния, равная на море 5,555 метра.

Кювье, Жорж (1769–1832) – известный французский натуралист, прославившийся исследованиями ископаемых животных; предложил классификацию животного мира, разделив его на четыре основных типа; эта классификация, которой пользуется здесь Жюль Верн, теперь устарела.

Слово «энтомология» составлено из греческих слов: «энтомос» – «разделенный, рассеченный» и «логос» – «наука».

Теперь известно более миллиона видов насекомых, разделяемых более чем на 30 отрядов, из них свыше двухсот тысяч разновидностей жуков.

Маори – коренное население Новой Зеландии.

7

Пакетбот – устарелое название почтово-пассажирского судна.

Грот-марс – площадка на задней мачте; фор-брам-стенга – третья часть составной передней мачты.

9

Салинг – горизонтальные брусья, соединяющие части мачты.

10

Штирборт – правая сторона (борт) судна.

11

Кабельтов – морская мера длины, равная 0,1 морской мили, или 185,2 метра.

Бейдевинд – курс под острым углом к встречному ветру.

13

Обрасопить – поставить паруса в другое положение, поворачивая реи при помощи брасов (прикрепленных к ним снастей).

Крамбол – балка, с помощью которой поднимают якорь.

15

Ют – кормовая часть палубы судна.

Кубрик – жилое помещение для команды.

Речь идет о Гражданской войне 1861–1865 годов в Северной Америке между северными и южными штатами. Северяне официально отменили рабство негров.

Новая Голландия – старинное название Австралии.

Бак – носовая часть верхней палубы.

Судно идет левым или правым галсом в зависимости от того, с какого борта (левого или правого) дует ветер.

Нельсон (1758–1805) – английский адмирал.

Франклин, Джон (1786–1847) – английский мореплаватель, исследователь полярных стран.

Дядюшка Тоби – один из персонажей романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» английского писателя Лоренса Стерна (1713–1768).

В самых малых – величайший Бог (лат.).

Вест-Пойнт – военная школа в штате Нью-Йорк.

Линь – трос меньше двух с половиной сантиметров в окружности.

Бухта – канат, свернутый кругами.

При перетапливании китовый жир теряет около трети своего веса. –
Примеч. авт.

Вымбовка – деревянный рычаг для вращения ручного ворота, при помощи которого поднимается якорь.

Лаг – прибор для измерения скорости хода судна и пройденного расстояния.

Каботаж – плавание вдоль берегов и между портами своего государства, без захода в заграничные порты.

Бакштаг – курс, когда ветер дует в корму корабля немного сбоку. Быстрее всего парусные суда ходят в бакштаг.

Счисление – вычисление места корабля по его курсу и скорости.

Рифы (точнее – риф-сезни) – ряды продетых сквозь парус завязок, посредством которых можно уменьшить его площадь.

Гитовы – снасти, служащие для подтягивания парусов; фал – снасть для подъема парусов; галс – снасть для закрепления нижнего наветренного угла нижних парусов; выбирать – тянуть, подтягивать.

Бом-брам-рей – четвертый снизу рей на мачте.

Фордуны – снасти, оттягивающие верхние части мачт и стеньги к борту судна.

Ноки – оконечности реев.

Нактоуз – деревянный шкафчик, в котором устанавливается судовой компас; сверху он закрывается медным колпаком, под которым укреплены лампы.

Румб – $1/32$ доля окружности, то есть $11^{\circ}15'$.

Извлечено из «Иллюстрированного словаря» Ворпьера. – Примеч. авт.

Наоборот (лат.).

То есть 57,5 километра. – Примеч. авт.

Шкала английских и американских барометров поделена на дюймы и линии; 28,7 дюйма равняются 728 миллиметрам. – Примеч. авт.

Бом-утлегарь – третья часть составного бушприта (наклонной мачты на носу парусного судна).

46

Линия – 1/10 дюйма, 2,5 миллиметра.

Ярд – английская мера длины. Равен 3 футам, или 91,4 сантиметра.

716 миллиметров.

709 миллиметров.

Около 166 километров.

Битенг – стойка или тумба, предназначенные для крепления якорного каната, когда судно стоит на якорю.

Траверз – направление, перпендикулярное к курсу судна.

Ростры – настил над верхней палубой, на котором хранятся запасные части мачт, реи и установлены шлюпки.

Рангоут – совокупность круглых деревянных брусьев (а позднее трубчатых стальных частей), предназначенных для несения парусов на судах (мачты, стеньги, реи, бушприт и т. д.).

В войне против Чили (1879–1883) Боливия лишилась выхода к Тихому океану.

Новая Англия – северо-восточная часть США.

Индиго – растение, содержащее красящее вещество, из которого приготавлилась синяя краска.

В прежние времена медицина довольствовалась растертой в порошок корой хинного дерева. Такой порошок назывался «иезуитским», потому что в 1649 году римские иезуиты получили большой транспорт хинной коры от своих американских миссионеров. – Примеч. авт.

Муха цеце, по современным данным, опасна и для людей: она переносит трипаносом – возбудителей страшной сонной болезни, опасной для людей и смертельной для скота. Во многих местах Восточной и Южной Африки муха цеце до сих пор является бичом скотоводства.

Сто дней – вторичное правление Наполеона I во Франции (с 1 марта по 22 июня 1815 года); оно кончилось отречением Наполеона от власти, после того как армия его была разбита под Ватерлоо.

61

4650 километров.

По современной классификации термиты составляют самостоятельный отряд, включающий около 2500 видов.

Каури – раковины, которые служат в этих краях монетой.

Вот что говорит об этом Камерон в своей книге «Вокруг света»: «Чтобы захватить пятьдесят женщин, которых Алвиш объявил своей собственностью, были уничтожены десять селений... Десять селений, и в каждом из них было от ста до двухсот жителей, – всего около полутора тысяч человек! Кое-кому удалось спастись, но почти все погибли в пламени пожара, были убиты, когда они пытались защитить свои семьи, или умерли от голода в джунглях, если только хищные звери не избавили их от долгих страданий...

Эти преступления, совершенные в центре Африки людьми, которые кичатся именем христиан и считают себя португальцами, покажутся невероятными жителям цивилизованных стран. Не может быть, чтобы лиссабонское правительство знало, какие чудовищные вещи творят люди, прикрывающиеся флагом Португалии и называющие себя ее подданными».

Эти утверждения Камерона вызвали протесты в Португалии. – Примеч. авт.

Маниока – тропическое растение, из мучнистых клубней которого изготавливается крупа, один из главных пищевых продуктов в Экваториальной Африке.

Бататы – сладкий картофель, распространенный по всей тропической Африке.

Одна фабрика ножей в Шеффилде (Англия) потребляет ежегодно 170 тысяч килограммов слоновой кости. – Примеч. авт.

То есть в Южную Америку. Инки – коренное население Южной Америки, господствовавшее в стране до ее завоевания испанцами.

Либой в ту эпоху называли верхнее течение р. Замбези.

Сипаи – колониальные войска из местного населения Индии, находящиеся на службе у англичан.

Камерон часто упоминает об этих плавучих островах. – Примеч. авт.

«Шестиног Бенедикта» (лат.).